РХ
ГА

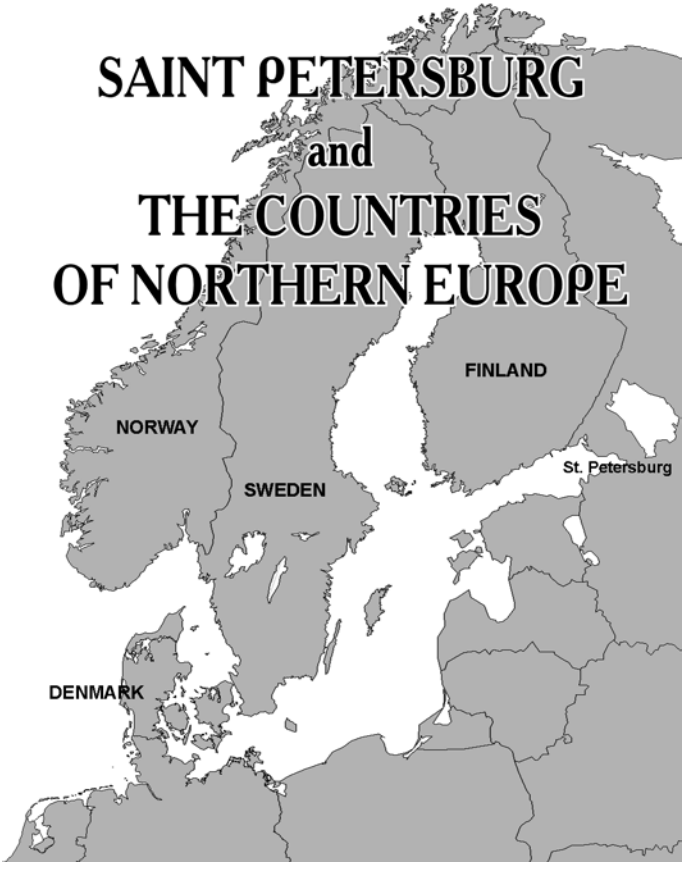
Санкт-Петербургский центр по исследованию
истории и культуры Скандинавских стран и Финляндии
Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ и СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

19 (1)
ISSN 2411–8796
Санкт-Петербург
2018

St. Petersburg Scandinavian Center
Saint Petersburg State University,
Department of History
The Russian Christian Academy for the Humanities

SAINT PETERSBURG and THE COUNTRIES OF NORTHERN EUROPE



19 (1)
ISSN 2411–8796
Saint-Petersburg
2018

Редакционная коллегия:
д-р ист. наук, профессор В. Н. Барышников
(*ответственный редактор*),
В.-Т. Васара,
д-р ист. наук, профессор В. Е. Возгрин,
д-р ист. наук, профессор П. А. Кротов
(*зам. ответственного редактора*),
Д. Р. Лобанова, д-р филос. наук, профессор Д. В. Шмонин

Рецензенты:
канд. ист. наук, доцент А. В. Лихоманов
(Российская национальная библиотека);
канд. ист. наук А. И. Терюков
(Музей антропологии и этнографии РАН)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-14032

Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятнадцатой ежегодной научной конференции (25–26 апреля 2017 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. — СПб.: РХГА, 2018. — 357 с.

ISSN 2411–8796

Журнал рассчитан на всех тех, кто интересуется проблемами отношений Санкт-Петербурга со странами Северной Европы.

Выпуск содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов Девятнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

© Авторы выпуска, 2018
© В. Н. Барышников, П. А. Кротов, сост., 2018
© Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2018

The Editorial Board:
PhD in History, professor *V. N. Baryshnikov*
(managing editor),
Vasara V.-T.,
PhD in History, professor *V. E. Vozgrin,*
PhD in History, professor *P. A. Krotov* (assistant editor),
D. R. Lobanova, PhDoctor in Philosophy, professor *D. V. Shmonin*

Reviewers:
Candidate of Historical science *A. V. Likhomanov*
(The Russian National library);
Candidate of Historical science *A. I. Teryukov*
(The Museum of anthropology and ethnography
of Russian Academy of Science)

Saint-Petersburg and Northern European countries: Materials of the nineteenth annual scientific conference / Edited by V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov. SPb. RCHGA, 2018.

ISSN 2411–8796

The journal is intended for those who are interested in problems of relations between Saint-Petersburg and North European countries.

The issue consists of scientific articles based on the materials of the reports of the nineteenth annual international scientific conference "Saint-Petersburg and North European countries".

© Authors, 2018
© V. N. Baryshnikov, P. A. Krotov, edited 2018
© Russian Christian academy for humanities
publishing house, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Журнал содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов восемнадцатой международной научной конференции «Санкт-Петербург и страны Северной Европы». Конференция была организованна под эгидой Санкт-Петербургского научно-культурного центра по исследованию и культуре Скандинавских стран и Финляндии, кафедрой Истории нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), Русской христианской гуманитарной академией (РХГА), а также Историко-этнографическим музеем-заповедником «Ялкала»*.

Конференция проходила 25–26 апреля 2017 г. с участием историков, филологов, этнографов, искусствоведов, музееведов и культурологов, которые ведут исследования в рамках изучения истории Санкт-Петербурга и Северо-Западного региона. Традиционно на конференции принимали активное участие ученые Института истории СПбГУ, РХГА, а также исследователи Российской академии наук, ряда музеев и архивов.

Как в ходе работы конференции, так и в подготовке к изданию сборника большое внимание уделялось вопросам, связанным с юбилейными датами, характеризующими в 2017 г. отношения Санкт-Петербурга и России со Скан-

---

* См: *Барышников В. Н., Кротов П. А.* XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 1917 г.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 166–169.

динавскими странами и Финляндией. Также часть выступлений, включенных в сборник, было выполнено в рамках VI Международной научной конференции «Россия и страны Северной Европы: Революции и войны в истории России и Северной Европы. К столетию провозглашения независимости Финляндии», которая прошла 3–5 апреля 2017 г. в Российском центре науки и культуры в Хельсинки.

Материалы более ранних конференций были опубликованы в сборнике «Петербургские чтения 98–99», а также в последующих сборниках «Санкт-Петербург и страны Северной Европы»*. Все материалы конференций размещены на сайте — http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html.

---

* Петербург и страны Северной Европы // Петербургские чтения 98–99: Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1999. С. 431–490; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2002; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четвертой ежегодной научной конференции. СПб., 2003; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятой ежегодной научной конференции. СПб., 2004; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестой ежегодной научной конференции. СПб., 2005; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2006; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной научной конференции. СПб., 2007; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы девятой ежегодной научной конференции. СПб., 2008; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы десятой ежегодной научной конференции. СПб., 2009; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы одиннадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2010; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы двенадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2011; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы тринадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2012; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы четырнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2013; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы пятнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2014; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. СПб., 2015; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы семнадцатой ежегодной научной конференции. 17 (1). СПб., 2016; Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы семнадцатой ежегодной научной конференции. 17 (2). Выборг, 2016; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восемнадцатой ежегодной научной конференции. 18 (1-2). СПб., 2017.

PREFACE

The collection contains scientific articles prepared on the base of reports' materials of the eighteenth annual International conference «Saint Petersburg and Northern European countries». The conference was organized by St. Petersburg Center for Research and Culture Of Scandinavia and Finland, the Modern history department of the the Institute of History of the St. Petersburg State University, Russian Christian Academy for Humanities (RCHGA) and the Historical-ethnographic museum-reserve «Yalkala» took part in organizing the conference too*.

The conference was held 25–26 of April 2017. Historians, philologists, ethnographists, researchers of art and museums, culturologists, who make their research work in studying Petersburg and North-West region, participated in it. According to tradition scientists from RCHGA, many teachers and professors from historical, international relations faculties of the State University, also research workers of the Academy of Science, some museums and archives took part in the conference.

During the conference as well as preparation for it much attention was paid to themes concerning anniversaries characterizing relations between Saint-Petersburg and

---

Выборг, 2016; Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции. 18 (1–2). СПб., 2017.

* See: *Барышников В. Н., Кротов П. А.* XIX Научная конференция «Санкт-Петербург и страны Северной Европы» (Санкт-Петербург, 25–26 апреля 1917 г.) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 166–169.

Scandinavian countries and Finland in 2017. Some of the reports were also made on the VI international scientific conference: «Russia and the Northern European countries: Revolution and war in the history of Russia and Northern Europe. By the centenary of the proclamation of independence of Finland», that was held on 3–5 of April 2017 in Russian center of science and culture in Helsinki.

The materials of previous conferences were published in volume «Petersburg readings 98–99» and further editions called «Saint Petersburg and Northern European countries»*. All the materials can be found on site: http://novist.history.spbu.ru/sborniki.html.

---

* Petersburg and North European countries// Petersburg readings 98–99. The materials of Encyclopedia's library "Saint Petersburg 2003". SPb., 1999. Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2001; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the annual Scientific Conference. SPb., 2002; Saint Petersburg and North European countries. The materials on the fourth annual Scientific Conference. SPb., 2003; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fifth annual Scientific Conference. SPb., 2004; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixth annual Scientific Conference. SPb.., 2005; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventh annual Scientific Conference. SPb., 2006; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighth annual Scientific Conference. SPb, 2007; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the ninths annual Scientific Conference. SPb., 2008; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the tenth annual Scientific Conference. SPb., 2009; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eleventh annual Scientific Conference. SPb., 2010; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the twelfth annual Scientific Conference. SPb., 2011; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the thirteenth annual Scientific Conference. SPb., 2012; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2013; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the fourteenth annual Scientific Conference. SPb., 2014; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the sixteenth annual Scientific Conference. SPb., 2015; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventeenth annual Scientific Conference. 17 (1). SPb., 2016; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the seventeenth annual Scientific Conference. 17 (2). Vyborg, 2016; Saint Petersburg and North European countries. The materials of the eighteenth annual Scientific Conference. 18 (1–2). SPb., 2017.

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

А. В. Мельнов

ЛОРЕНЦ КРИСТОФЕР СТОБЕУС — НАЧАЛЬНИК ВЫБОРГСКОЙ ФОРТИФИКАЦИОННОЙ КОМАНДЫ 1702–1710 гг.

Лоренц Кристофер Стобеус родился 9 мая 1676 г. в Лунде. Его отец Андреас Стобеус был известным поэтом и историком[1]. Юноша поступил в Лундский университет, где изучал теологию, философию, математику, химию и латынь. В 1696 г. Лоренц Кристофер выдержал экзамен на землемера, что открывало перед ним большие перспективы[2]. В последней четверти XVII в. в Шведском королевстве были проведены редукция земель и военная реформа, поэтому землемеры были крайне востребованы в государстве.

Профессиональный путь Стобеуса начался в комиссии Индельты в Сконе[3]. Амбициозный Стобеус пробовал устроиться на работу в землемерные учреждения Бремена и в конечном итоге получил должность инженера в землемерной конторе Швеции. Накопленные в университете теоретические знания помогли молодому землемеру выработать метод измерения земли без использования инструментов. Однако инновация не вызвала отклика у начальства, напротив, начальник землемеров Трансшельд сделал выговор изобретателю[4].

Работая землемером в военном ведомстве, Стобеус заслужил репутацию талантливого картографа и в 1699 г. получил назначение в фортификационную контору, а также чин лейтенанта. Молодой фортификатор отправился с начальником фортификации генерал-квартирмейстером К. М. Стюартом в инспекцию

по финляндским и прибалтийским крепостям. Впервые годы Великой Северной войны Стобеус отвечал за вопросы образования в фортификационной конторе и одновременно принимал участие в строительстве крепости Ваксхольм, запиравшей морской проход к столице Швеции[5]. В 1702 г. по поручению Э. Дальберга капитан от фортификации Л. К. Стобеус был направлен в Выборг для руководства работами по перестройке крепости[6]. После взятия русскими войсками шведских крепостей в Ингерманландии Выборг вновь стал играть роль приграничного форпоста, однако к тому времени крепость уже не отвечала требованиям фортификации[7].

По приезде в Выборг Стобеус возглавил штат Выборгской фортификационной команды. На первых чертежах выборгских инженеров, датируемых мартом 1703 г., достаточно точно и подробно зафиксированы сооружения крепости[8]. Коллекция планов и чертежей, составленных в 1703–1710 гг., является ценнейшим источником для исследования облика Выборгской крепости на начальном этапе Северной войны. Кроме того, документальное наследие Стобеуса является ключевым источником для реконструкции облика средневекового замка и городской стены[9]. Практически на всех чертежах и планах Выборгской фортификационной команды, помимо автографа Л. К. Стобеуса, можно обнаружить имена других исполнителей. Чертежные работы производили офицеры выборгской фортификационной команды: Филипп Шульц, Петер Бруннман (Риддеркруна) и Карл Никлас Хольм[10]. Непосредственно эти люди производили обмеры замковых и городских укреплений, а также составляли карты и планы. Летом 1703 г. Петер Бруннман был откомандирован с армией к Петербургу, вероятно, его руке принадлежит план местности при Сюстербеке, где 8 июля состоялось сражение русской и шведской армий[11].

Для обеспечения обороноспособности крепости Л. К. Стобеус предлагал применить самые современные приемы фортификационной теории, как классические, так и достаточно неординарные[12]. Командующий финляндской армией генерал-лейтенант Г. Майдель отзывался о Стобеусе как о человеке весьма грамотном в теории, но недостаточно опытном руководителе[13]. Запланированная реконструкция крепости началась только в 1704 г.[14] Крепостные работы продвигались крайне медленно

из-за конфликта начальника фортификационной команды с командующим армией. В своих письмах в Оборонительную комиссию Г. Майдель жаловался, что воплощение разработанного Стобеусом плана займет слишком много времени. По мнению генерала, лучше было бы быстро восстановить обветшавшие укрепления и построить так называемые «быстрые верки». Генерал неоднократно отказывался предоставлять солдат для ведения крепостных работ. Со временем Г. Майдель получил от Оборонительной комиссии приказ направить из армии солдат для фортификационных работ, если они проводились в том же квартале, где жили солдаты. Кроме того, генералу рекомендовали задействовать на строительстве русских военнопленных[15]. Случалось, что Г. Майдель отменял распоряжения Стобеуса и даже заставлял уничтожать либо изменять уже возведенные укрепления[16].

Переломным моментом в карьере начальника Выборгской фортификационной команды стала осада Выборга в 1706 г. Незаконченность реконструкции крепости, а также бесполезность «быстрых верков» наглядно продемонстрировали шведскому командованию, что новую осаду город может не пережить. Еще до осады генерал-губернатор Выборгского лена Г. Любекер заступался за Стобуеса, считая его «бравым малым». В своем рапорте в Стокгольм чиновник обращал внимание на то, что фортификационный бюджет был вполне достаточным для успешного проведения работ по реконструкции Выборгской крепости[17]. Уже после осады города генерал-губернатор вступил в открытый конфликт с командующим армией. По мнению ряда исследователей, Г. Любекер стремился получить пост командующего финляндской армией, что и произошло в марте 1707 г.[18]. Вступив в новую должность, Г. Любекер, нарушив табель о рангах, повысил Стобеуса в чине до генерал-квартирмейстер-лейтенанта[19]. В свою очередь, генерал-квартирмейстер Палмквист доложил об этом инциденте лично Карлу XII, при этом отметив, что Стобеус, несмотря на свою молодость, был способным фортификатором. Военный чин все же остался при Лоренце Кристофере, кроме того, он получил дворянство, взяв себе фамилию Стобее[20]. Вероятно, к этому же времени относится дошедший до наших дней автопортрет Стобеуса.

Повышение социального статуса начальника выборгской фортификации не могло не отразиться на ходе работ по реконструкции Выборгской крепости. В 1707 г. бюджет выборгской фортификационной команды составлял 26000 далеров серебром, как и в предыдущем году. Теперь в распоряжении выборгской фортификационной команды оказались 2000–2500 солдат. Работы на укреплениях велись днем и ночью[21]. Шведские драгуны из гарнизона Выборга, попавшие в русский плен летом 1709 г., сообщили на допросе, что «солдаты непрестанно на городовой работе»[22]. Таким образом, основной фронт запланированных в 1703 г. работ был выполнен между первой и второй осадой Выборга. Однако шведы не успели закончить реконструкцию крепости перед второй осадой города. Некоторые работы продолжались прямо под обстрелом русской артиллерии[23].

Во время осады Выборга в 1710 г. в штате Выборгской фортификационной команды числились: подполковник, полковой адъютант, писарь, поручик, два прапорщика, кассир и рядовых двадцать два человека, среди которых к концу осады трое числились ранеными[24]. Вечером 9 июня Стобеусу выпал жребий идти в русский лагерь для ведения переговоров о выпуске гарнизона на «аккорд»[25]. Вопреки договоренности, после сдачи Выборга шведский гарнизон был арестован[26]. Среди арестованных оказался подполковник Л. К. Стобеус вместе с женой Кристиной и дочерью Урсулой[27]. Примечательно, что у фортификатора был годовалый сын Самуэль Андерс, однако его нет в списке пленников. Вероятно, сына сразу после сдачи города отправили в Швецию, туда же вскоре уехали жена и дочь Лоренца Кристофера[28]. В шведской историографии встречается упоминание о том, что в Петербурге на шведского фортификатора обратил внимание Петр I и использовал его «при создании роскошных садов и других подобных гражданских работах». Царь даже предложил пленнику должность генерал-майора русской армии, однако тот отказался от предложения, оставшись верным присяге, за что и был сослан в Архангельск[29].

При помощи пленных шведских офицеров Стобеус смог бежать в Швецию в 1715 г. Данный побег часто описывается в шведской историографии как один из самых необычных и фантастических. Якобы пленные офицеры украли ручного медведя у архангельского губернатора, напоили его пивом

и водкой, а затем убили и положили в кровать под видом тела Стобеуса. Медведя похоронили с почестями, а одетый как коробейник офицер-авантюрист отправился в Петербург, где под видом кормилицы ребенка шведского фендрика Хенрика Харлинга смог отбыть на Родину через Финляндию. На Родине в Вестергетланде Стобеус обнаружил, что его товарищ Андрес Гюленрот, который должен был помогать жене пленника вести хозяйство, обманным путем убедил ее в смерти мужа и склонил к браку[30]. После этого Стобеус был женат дважды.

Карьера Лоренца Кристофера после возвращения в Швецию складывалась как нельзя лучше. Так, в 1739 г. он дослужился до чина генерал-квартирмейстера на посту директора фортификации, а также стал членом Академии наук. Через два года он занял пост генерал-губернатора Гетеборга и Бохуслена. Умер Л. К. Стобеус 31 мая 1756 г. и был похоронен в церкви Роде в окрестностях Лидчепинга, где и по сей день на стене висит герб рыцаря Стобее.

---

[1] Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Vol. 26. Slöke — Stockholm. Stockholm, 1917. S. 1450.

[2] Ulff C. Lorens Christopher Stobée och Johan Kock — två karolinerofficerares öden // Föreningen Bergslagsarkiv. Vol. 5. Uppsala, 1993. S. 12.

[3] Индельта — система комплектования и содержания армии и флота, существовавшая в Швеции в XVII–XX вв. См.: *Беспалов А. В.* Основные формы и методы комплектования шведской армии в 1700–1709 гг. // Северная Европа: Проблемы истории. М., 2003. С. 211–229.

[4] *Norberg E.* Lorenz Christofer Stobée. En fortifikatör och hans arkiv // Karolinska förbundets årsbok. Stockholm, 1988. S. 77.

[5] Ibid. S. 78.

[6] Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Vol. 26. Slöke Stockholm. Stockholm, 1917. S.1447; *Ulff C.* Lorens Christopher Stobée och Johan Kock... S. 13.

[7] Еще в 1681 г. Э. Дальберг предостерегал короля от возможных катастрофических последствиях для Швеции и настаивал на реконструкции приграничных крепостей. См.: *Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н.* Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин, 1975. С. 69.

[8] Krigsarkivet. Utländska stads- och fästningsplaner 1550–1989, Finland, Viiborg/ Viipuri, Planta öfwer Wiborg aftagen den 18 Martj 1703 af L. Ch. Stobaeus; Uppsala universitetsbibliotek. Topografiska planscher Finland, Viborg Tabula 2–14.

[9] *Parland H.* Graphical documentation of the castle of Viborg and its surroundings // Papers of the Nordenskiold Seminar on the History of Cartography and the Maintenance of Cartographic Archives. Helsinki, 1981. S. 166–167.

[10] Филипп Шульц (1682–1742) — служил в Выборгской фортификационной команде с 1699 г. вплоть до капитуляции крепости в 1710 г. В 1711 г. смог бежать из русского плена, автор-составитель планов осады Выборга 1710 г. Svenskt biografiskt lexikon. Vol. 27. Stockholm, 1991. S. 197; Петер Бруннман (Риддеркруна) (1682–1721) — лейтенант Выборгской фортификационной команды с 10 ноября 1702 г. вплоть до 17 января 1707 г. Svenskt biografiskt lexikon. Vol. 30. Stockholm, 2000. S. 173.

[11] Svenskt biografiskt lexikon. Vol. 30. S. 173.

[12] См. подробнее: *Мельнов А. В.* Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 г. // Петербургские военно-исторические чтения. СПб., 2015. С. 10–11.

[13] *Norberg, E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 79.

[14] Viipurin kaupungin historia. Vol. II. Vuodet 1617–1710. Lappeenranta, 1974. S. 403.

[15] *Norberg, E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 79.

[16] *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910. С. 76–77.

[17] *Norberg E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 79.

[18] *Hjelmqvist F.* Kriget i Finland och Ingermanland 1707 och 1708. Lund, 1909. S. 100–102.

[19] *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. СПб., 2003 С. 282–283.

[20] *Norberg E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 80.

[21] *Hjelmqvist F.* Kriget i Finland och Ingermanland 1707 och 1708... S. 109–110.

[22] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3217. Л. 2.Показания прапорщика М. Караана, взятого в плен при Выборге, 9 июля 1709 г.

[23] *Мельнов А. В.* Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях... С. 12–13.

[24] РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 6. Л. 424 об. — 425. «Подлинное ведение гарнизона Выборга. Здоровых, больных и раненых сих означенных людей от генеральского штаба от фортификации, от артиллерии, також де всех полков и батальонов, обретающихся в подлинном состоянии». 1710 г.

[25] *Norberg E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 83.

[26] Книга Марсова или Воинских дел. СПб., 1766. С. 88–89.

[27] 29 декабря 1706 г. Л. К. Стобеус женился на Кристине Окерхельм (Åkerhielm), в браке у них родился сын Самуэль Андерс (род. 1709 г.) и две дочери Урсула Катрина (род. 1710 г.). См. также: Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Д. 1. Книга копий № 7. Л. 469. «Ведомость сколько обретается при Санкт-Петербурге шведских штаб и обер-офицеров, которые привезены из Выборга, так же, что при них жен и детей и хлопцев», 8 июля 1710 г.

[28] *Ulff C.* Lorens Christopher Stobée och Johan Kock... S. 13–14;

[29] *Norberg E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 83.

[30] Nordisk familjebok: Konversationslexikon och Realencyklopedi. Vol. 26. Slöke — Stockholm. Stockholm, 1917. S. 1450; *Ulff C.* Lorens Christopher Stobée och

Johan Kock... S. 13–14; *Norberg, E.* Lorenz Christofer Stobée... S. 80; *Шебалдина Г.* Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М., 2014. С. 80.

Литература

Беспалов А. В. Основные формы и методы комплектования шведской армии в 1700–1709 гг. // Северная Европа: Проблемы истории. М.: Наука, 2003. С. 211–229.

Бородкин М. М. История Финляндии. Время Петра Великого. СПб.: Гос. тип., 1910. 337 с.

Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб.: Лига Плюс, 2003. 471 с.

Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. По донесению Эрика Дальберга правительству Швеции // Скандинавский сборник. Вып. XX. Таллин: Ээсти Раамат, 1975. С. 68–81.

Книга Марсова или Воинских дел. СПб.: При Мор. шляхет. кад. корпусе, 1766. 193 с.

Мельнов А. В. Фортификационные работы в Выборгской и Кексгольмской крепостях в 1700–1709 гг. и их значение при осадных действиях в 1710 г. // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. С.-Петербург, 21 марта 2014 г.: Сб. научн. ст. СПб., 2015. С. 7–14.

Славницкий Н. Р. Укрепления Санкт-Петербурга и Кронштадта в донесениях иностранных дипломатов в годы Северной войны // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (2). С. 154–162.

Шаменков С. И. Мундир шведских офицеров периода Великой Северной войны [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. Т. VI. 2015. С. 139–280. <http://www.milhist.info/2015/02/19/shamenkov_8> (19.02.2015)

Шебалдина Г. Заложники Петра I и Карла XII: повседневный быт пленных во время Северной войны. М.: Ломоносовъ, 2014. 186 с.

Hjelmqvist F. Kriget i Finland och Ingermanland 1707 och 1708. Lund, 1909. 236 s.

Hornborg E. Gränsfästet Viborg: från korstågstiden till våra dagar. Helsingfors: Holger Schildts förlag, 1942. 231 s.

Norberg, E. Lorenz Christofer Stobée. En fortifikatör och hans arkiv // Karolinska förbundets årsbok. Stockholm: Karolinska förbundet, 1988. S. 77–91.

Parland H. Graphical documentation of the castle of Viborg and its surroundings // Papers of the Nordenskiold Seminar on the History of Cartography and the Maintenance of Cartographic Archives, Espoo (Finland), September 12–15, 1979 / Ed. by K. Hakulinen and A. Peltonen. Helsinki, 1981. S. 157–174.

Ruuth, J. W. Viborgs Stads Historia. Vol. I. Helsingfors: Helsingfors centraltryckeri och bokbinderi, 1906. 1089 s.

Viipurin kaupungin historia. Vol. II. Vuodet 1617–1710. Lappeenranta: Torkkelin säätiö, 1974. 505 s.

Ulff C. Lorens Christopher Stobée och Johan Kock — två karolineroffi-cerares öden // Föreningen Bergslagsarkiv. Vol. 5. Uppsala, 1993. S. 12–16.

О. А. Кривдина

УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ: БЕРТЕЛЬ ТОРВАЛЬДСЕН И БОРИС ОРЛОВСКИЙ

Тема «Бертель Торвальдсен и его ученики» включает в себя как изучение творчества датских скульпторов, обучавшихся у Торвальдсена, так и российских мастеров, живших в Италии в период пребывания в Риме знаменитого датчанина. Бертель Торвальдсен жил в Италии с 1797 по 1838 гг. и предпочитал называть себя именем Альберт. Почти одновременно у Торвальдсена совершенствуют свое мастерство два русских скульптора — С. И. Гальберг и Б. И. Орловский. Время обучения Бориса Ивановича Орловского у выдающегося датского скульптора приходится на 1823–1828 гг. «В декабре 1822 года отправлен в Рим к представителю, главе всех нынешних Ваятелей, знаменитому Торвальдсену, которому и был поручен в особенное внимание и руководство», — сообщалось в «Художественной газете»[1].

18 марта 1823 г. Орловский прибыл в Рим. Обратим внимание, что в период обучения Орловского у Торвальдсена было сорок учеников из разных стран — факт, свидетельствующий о его исключительной популярности. «Торвальдсен хорошо встретил русского ученика и даже поселил его в своем доме. Он принял живейшее участие в судьбе Орловского, чему способствовало... не только рекомендательное письмо президента Российской Академии художеств А. Н. Оленина», — указывал автор монографии об Орловском Я. И. Шурыгин[2]. Что имел в виду исследователь, можно понять, зная, как трудолюбив и талантлив был ученик из Санкт-Петербурга. Орловский пробыл в мастерской Торвальдсена шесть лет[3], что соответствует времени, предоставляемому Императорской Академией художеств на пенсионерскую поездку ученикам, удостоенным золотых медалей.

Орловский был горд тем, что стал учеником Торвальдсена, о чем сообщал в 1824 г. в письме П. П. Свиньину: «...Небезъизвестно вам, что я занимаюсь под благосклонным руководством Г. Торвальдсена и живу даже в его доме. По приезде моем сюда, я копировал с антиков, а потом вылепил несколько портретов с натуры; сегодня же, благодаря Бога и моего знаменитого наставника, я кончил фигуру, немного менее натуры — моего слабого сочинения, представляющую суд Париса. Фигура обнаженная и уже сформирована из гипса; с будущею оказиею доставлю вам с нее рисуночек»[4]. П. П. Свиньин опубликовал это письмо в декабре того же года в «Отечественных записках».

Далее в этом же письме сообщалось: «Вы предписываете мне сделать для вас мраморный бюст Государя Императора на манер Торвальдсенова. Жалею сердечно, что не могу выполнить поручения вашего, но уверен, что вы на меня не посетуете; будьте моим судьею: если Г. Торвальдсен и согласится позволить мне скопировать его бесподобное произведение, то не будет ли это дерзостию — просить у него ту вещь, которая касается до его интересов: ибо он не успевает удовлетворять требований, насылаемых ему изо всех краев света, о бюсте нашего Монарха. Если ж бы я стал сам лепить по тем замечаниям, которые вы делаете в письме вашем о недостатках Торвальдсенова произведения – то не показалось ли бы сие излишнею надменностию и неблагодарностию с моей стороны! Ибо не имею сил к выражению чувств признательности за благодеяния, изливаемые на меня Г. Торвальдсеном, не имею слов для изъяснения моего удивления к его великим талантам! И так могу служить вам единственно предложением доставить из мастерской Г. Торвальдсена и за его именем прекраснейший бюст Государя Императора, за 200 червонных и весьма скоро...»[5]

В завершении письма Орловский перечислил признанные тогда лучшими произведения Торвальдсена: 1) *Венера* с яблоком в руке, 2) *Геба*, 3) *Меркурий*, 4) *Ганимед*, 5) *Пастушок*. Завершил он свой список словами: «Желательно, чтоб какое-нибудь произведение такого художника появилось у нас в России»[6].

Торвальдсен был исключительно доволен своим учеником. В письме Оленину 22 января 1826 г. он сообщал: «Я довожу до сведения вашего превосходительства о таланте и огромных успехах, которые г. Орловский проявил в двух учебных

скульптурах: одной Парис и одной Фавн, которые он великолепно выполнил некоторое время тому назад и которые, в особенности Фавна, я рекомендую вниманию вашего превосходительства»[7]. Цитируемое письмо Торвальдсена президенту Императорской Академии художеств А. Н. Оленину из Рима 22 января 1826 г. представляет особый интерес.

Торвальдсен писал Оленину: «Я в восторге, Ваше превосходительство, что мне представляется случай, дающий возможность напомнить о себе. Я еще в большем восторге, что этот случай мне дает возможность сообщить вашему превосходительству, господин президент, о великолепных успехах, которые делают ученики Академии, в которой ваше превосходительство так славно председательствует. С чувством удовлетворения и удовольствия видя, что из института, которым вы управляете, рождаются артисты, художники, которые, делая честь своей родине, превозносят и вас, ваше превосходительство»[8]. Далее он сообщает сведения об учащемся у него Орловском: «Художник, о котором я говорю, — это Борис Орловский, по поводу которого князь Гагарин, советник русского посольства в Риме, просит написать вам несколько слов. Этот молодой художник провел несколько лет в Риме с пенсией, назначенной ему его императорским величеством Александром. Милость покойного, само собой разумеется, через ваше посредство и по вашему совету, соизволила увеличить эту пенсию и сделать ее одинаковой с пенсией, оплачиваемой всем своим пенсионерам заграницей. Воля покойного императора была сообщена в посольство в Риме письмом господина князя Нессельроде, если я не ошибаюсь, но до настоящего времени выплата вышеуказанной увеличенной пенсии не прибыла и годовая сумма выплачивалась господину Орловскому как обычно. Это запоздание может быть вызвано смертью его императорского величества Александра и могло бы продолжать еще некоторое время мешать молодому художнику в ходе его занятий, так хорошо начатых, пока ваше превосходительство не взяло бы на себя приказать, чтобы милость, оказанная покойным императором, была приведена в исполнение.

Поскольку все эти дела зависят только от вашего превосходительства, князь Гагарин просил меня написать вам эти строки, чтобы удостоверить, что заслуги этого молодого художника делают его достойным этого преимущества и этому долгу я под-

чиняюсь с огромным удовольствием... Доброта и действительная привязанность к искусству, которые так отличают вас, заставляют меня ожидать, что вы сделаете все для Орловского. Я еще раз повторяю вашему превосходительству мои чувства самого глубокого уважения и почтения, с которыми я имею честь, господин президент, вашего превосходительства покорнейший слуга Альберт Торвальдсен»[9].

Торвальдсен проявлял отеческую заботу об Орловском, который обладал исключительными способностями. «Орловский... работает бесподобно, сочиняет как Торвальдсен, отделывает мрамор, как Канова, это сведение обоих преимуществ», — писал А. Н. Оленину русский посланник в Риме Г. И. Гагарин[10]. Из процитированных документов, главным образом писем, видно, сколь тесными и дружескими были связи Торвальдсена и Орловского.

Приводим цитату из «Художественной газеты», сообщавшей читателям о произведениях, созданных Орловским в Риме: «В Риме Орловский начал новое поприще копией с Фауна Барберинского. Это была первая его попытка в рубке цельных статуй. Потом сделал копию с колоссального бюста императора Александра I, вылепленного Торвальдсеном, впоследствии он исполнил его из мрамора; это произведение находилось на выставке 1830 года в Академии; ныне украшает одну из зал Сената; в Риме Орловский изготовил еще модели статуи Париса, с яблоком в руке (величина немного меньше натуры) и статуи Фауна, играющего на сиренке или кувычке; также модель группы Вакханта с Вакханткою. В январе 1829 г. Орловский возвратился в Санкт-Петербург»[11].

Вернувшийся в российскую столицу Орловский вел с Торвальдсеном переписку. В мастерской Орловского находились гипсовые отливы ряда произведений Торвальдсена. Из «Описи художественных произведений, найденных в мастерской г. профессора Орловского», можно установить, какие работы Торвальдсена были в мастерской его ученика в Санкт-Петербурге в 1837 г.[12]

В 1838 г. «Художественная газета» информировала своих читателей о приобретении Музеем Академии художеств за тысячу сто рублей «у наследников покойного профессора скульптуры Орловского... несколько вещей из гипса, а именно: Торвальдсена,

колоссальная голова Спасителя и барельеф, изображающий Приама, испрашивающего у Ахиллеса тело Гектора; самого Орловского: группа Фауна с Вакханткою, статуи: Париса и Фауна, играющего на сиринге и эскиз Богатыря, останавливающего разъяренного быка; древние греческие статуи двух собак и в небольшом виде орла, голову Изиды, и проч...»[13]. Эта публикация дополняет сведения о судьбах произведений из мастерской Орловского.

Итальянский историк искусства Р. Джулиани в статье «Торвальдсен и римская колония русских художников» отмечала: «После нескольких лет работы в мастерской учителя стиль Орловского приобрел элегантность и изысканность, но вместе с тем он находился еще всецело под влиянием работ Торвальдсена»[14]. Продолжая свою мысль, Р. Джулиани анализирует скульптурную группу Орловского «Сатир и вакханка» (ГРМ): «Фронтальное построение композиции, линеарность и текучесть контуров и, особенно, повторение рукой вакханки движения, заимствованного у статуи Торвальдсена «Ганимед, наполняющий кубок», а также деталей кубка и кувшина, расположенного на вершине параболоиды, образуемой линиями руки и воображаемой льющейся жидкости, — все это свидетельствует о превосходном усвоении учеником торвальдсеновских уроков»[15]. Высказанные наблюдения вполне справедливы.

Очевидно несомненное ориентирование Орловского на группу Торвальдсена «Амур и Психея», изменившего размещение мужской и женской фигур и повторившего положение руки с чашей Психеи на руку Сатира в своей композиции «Сатир и вакханка». Своеобразная драпировка фигуры Гебы Торвальдсена перешла к Вакханке Орловского. Проработка кудрей и фригийский колпак Ганимеда статуи Торвальдсена использованы Орловским при создании статуи Парис.

В Риме знаменитый скульптор и великолепный педагог Бертель Торвальдсен передал своему русскому ученику и соратнику Борису Орловскому и профессиональные знания, и стилистические принципы, научил основам построения человеческой фигуры, особенностям композиционных построений. В Риме Орловский приобрел навыки работы с мрамором, научился в совершенстве его обрабатывать. Как отмечалось в «Художественной газете», «...деятельность и трудолюбие его

были необыкновенны... Орловский страстно любил художество, и оно, благодарное, доставило ему почетное место на страницах Истории Русских художеств»[16].

---

[1] Художественная газета. СПб., 1838, № 1, январь. С. 8.

[2] *Шурыгин Я. И.* Борис Иванович Орловский. 1792–1837. Л.; М., 1962. С. 16.

[3] Там же. С. 16.

[4] Отечественные записки. СПб., 1824. № 56. Ч. XX. С. 507–510.

[5] Там же. С. 507–510.

[6] Там же. С. 507–510.

[7] РГИА. Ф. 789. Оп. 20, 1822 г., Д. 15. Л. 24. Опубликовано: *Шурыгин Я. И.* Борис Иванович Орловский. 1792–1837. С. 17.

[8] Там же. Л. 23–24. Опубликовано: *Шурыгин Я. И.* Борис Иванович Орловский. 1792–1837. С. 82–83.

[9] Там же. Л. 23–24.

[10] РГИА. Ф. 789. Оп. 20, 1827 г. Д. 32. Л. 7. Опубликовано: *Шурыгин Я. И.* Борис Иванович Орловский. 1792–1837. С. 27; *Петров В. Н.* Очерки и исследования. Избранные статьи о русском искусстве XVIII—XX веков. М., 1978. С. 124.

[11] Художественная газета. СПб., 1838, № 1, январь. С. 9–10.

[12] «цена приблизит.

9. Две головы Колосаль: спаситель раб. Торвальдсена (с пересылкою) 200 руб.
27. Два медальона малых, день и ночь, копия с Торвальдсена 5
28. Барельеф Торвальдсена — Приам, выкупающий тело Гектора С пересылкою 250
29. Два эскиза Торвальдсена небольших венских статуй 10
36. Бюст венский — Торвальдсена 2
49. Форма головы спасителя Торвальдсена 35
(В разделе) Вещи мраморные
Апостолы Торвальдсена и один рисунок 100»

Опубликовано: *Шурыгин Я. И.* Борис Иванович Орловский. 1792–1837. С. 91–92.

[13] Художественная газета. СПб., 1838, № 18. С. 569.

[14] *Джулиани Р.* Торвальдсен и римская колония русских художников. Перевод В. П. Мартыненко // Краеведческие записки. СПб., 2000. Вып. 7. С. 118.

[15] Там же.

[16] Художественная газета. СПб., 1838, № 1, январь. С. 12.

Литература

Борис Иванович Орловский // Художественная газета. СПб., 1838, № 1, январь. С. 8–12.

Джулиани Р. Торвальдсен и римская колония русских художников // Краеведческие записки. СПб.: Акрополь, 2000. Вып. 7. С. 15–23.

История Дании с древнейших времен до начала XX в. М.: Наука, 1996. 505 с.

Кривдина О. А., Тычинин Б. Б. Размышления о скульптуре. СПб.: Северная звезда, 2010. 608 с.

Рамазанов Н. А. Материалы для истории художеств в России: Статьи и воспоминания. СПб.: БАН, 2014. 784 с.

Шурыгин Я. И. Борис Иванович Орловский. 1792–1837. Л.; М.: Искусство, 1962. 96 с.

А. Б. Гехт, И. А. Цверианашвили

ХАНС КРИСТИАН ЭРСТЕД: ВЕХИ БИОГРАФИИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

История малых европейских стран не часто пестрит яркими именами, оставившими за собой в науке наследие, актуальное и изучаемое через много лет. За долгое время Дания превратилась из средневековой империи в европейское государство второстепенного исторического и политического значения. Однако имена многих датчан известны и по сей день, а их вклад в развитие той или иной сферы знаний не подвергается сомнению. Имя Ханса Кристиана Эрстеда (1777–1851) можно смело причислить к подобным. Открытое им явление электромагнетизма положило начало серии открытий в физике, которые привели к пониманию природы электромагнитных взаимодействий и началу использования электросвязи, становлению сферы телекоммуникаций и современной технологической картины мира. Не ограничиваясь физикой, он совершил ряд открытий в химии, принимал активное участие в общественной и политической жизни Дании, был талантливым педагогом.

В зарубежных исследованиях научное наследие и жизнь датского физика представлены достаточно полно, в виде ряда статей и монографий[1]. Но значение опытов и исследований Эрстеда также, несомненно, важна и в контексте расширения отечественной историографии, поскольку в ней отсутствуют профильные научные работы, посвященные этому датскому ученому и его научным достижениям. Краткая биографическая информация о его деятельности представлена в России лишь в ряде справочных изданий.

Ханс Кристиан Эрстед родился в деревне Рудкёбинг на острове Лангеланн 14 августа 1777 г. в семье местного аптекаря Сёрена Кристиана Эрстеда и его супруги, урожденной Карин Хермансен. Вместе со своим братом Андерсом (будущим премьер-министром Дании в 1853–1854 гг.) он использовал любую возможность для приобретения новых знаний — учился наукам и интересовался самыми разными вещами у местных священников, ремесленников, заезжих студентов и многое изучал самостоятельно. Отданные на воспитание в семью немецкого цирюльника, братья быстро заговорили и на немецком языке, который занимал лидирующее положение в стране после датского. С 11 лет Ханс помогал отцу в аптечной лавке, получая базовые знания по химии.

В 1793 г. они поехали в Копенгаген, где блестяще сдали вступительные экзамены в столичный университет. Интересно отметить, что, не получив должного школьного образования, Хансу Эрстеду удалось поступить в высшее учебное заведение без особых проблем, что, помимо высокого уровня подготовки будущего ученого, свидетельствовало и о довольно низком общем уровне преподавания в университете, где приоритеты были отданы кафедре богословия. Эрстед занимался химией и фармацевтикой, однако по-прежнему проявлял живейший интерес к другим наукам — философии, истории, астрономии, литературе и пр. Получив звание фармацевта, в 1798 г. Эрстеду также было присуждено звание доктора философии за свою работу «Метафизические основы естествознания Канта» (датск. «Grundtrækkene af Naturmetafysikken»)[2]. Интерес к философии Э. Канта, приобретенный Эрстедом в юности, он пронес через всю жизнь, оставшись последователем взглядом кёнигсбергского мыслителя.

Получить постоянную работу в университете у недавнего выпускника удалось не сразу — ему предложили лишь неоплачиваемую должность адъюнкта. Вынужденный совмещать работу в аптеке с преподавательской деятельностью, Эрстед стал использовать доступное ему оборудование аптеки в качестве личного исследовательского полигона. В 1801 г. руководство Копенгагенского университета решает отправить перспективного молодого исследователя на стажировку в Европу. Во время трехлетнего пребывания в Париже и Берлине Эрстед всерьез

заинтересовался явлениями электричества, магнетизма и гальваническими процессами, будучи уже знакомым с результатами опытов итальянца Алессандро Вольты (1745–1827). Ко времени начала XIX в. относятся и собственные опыты Эрстеда в области электричества. В Йенском университете Эрстед познакомился с известным химиком, физиком и философ Иоганном Вильгельмом Риттером (1776–1810), чьи исследования, особенно в области электромагнитного спектра, и нестандартный подход к работе сильно повлияли на молодого датского ученого[3]. Эрстед также сблизился с Риттером на фоне большого взаимного интереса к философским идеям Фридриха Шиллинга (1775–1854). В Берлине Эрстеду посчастливилось слушать лекции немецких ученых, мыслителя Франца фон Баадера (1765–1841) и натурфилософа Хенрика Стеффенса (1773–1845). Вернувшись в 1804 г. в Данию, Эрстед продолжил карьеру университетского преподавателя и исследователя. В 1806 г. ученый был удостоен звания экстраординарного профессора Копенгагенского университета. В 1815 г. ученый стал секретарем Датской королевской академии наук, активно принимая участие в работе этой организации[4].

Многолетний упорный труд принес свои плоды, и зимой 1820 г. произошло событие, прославившее Эрстеда. Подобно многим великим научным открытиям, оно произошло в определенной степени случайно, во время демонстрации студентам очередного физического опыта. В опыте была использована металлическая проволока, натянутая между двух стоек. Под проволокой располагалась магнитная стрелка таким образом, что она выравнивалась по магнитному полю земли, т. е. она смотрела с севера на юг. Через ключ к проволоке был подключен источник тока, и изначально ток в цепи отсутствовал, а проволока располагалась параллельно стрелке. Опыт заключался в том, что при включении тока в цепи магнитная стрелка поворачивалась на угол 90 градусов, то есть перпендикулярно проволоке. При этом она совершала несколько колебаний и успокаивалась в таком положении. При отключении тока магнитная стрелка вновь возвращалась в исходное положение, т. е. выравнивалась вдоль поля планеты. Эрстед повторял эксперимент вновь и вновь, пока не пришел к выводам, которые он в июне того же года изложил в работе «Опыты, относящиеся к действию электрического

конфликта на магнитную стрелку» (лат. «Experimenta circa effectum conflictus electrici in acum magneticam»)[5].

Разосланная в ведущие научные центры и переведенная на многие европейские языки, его работа сподвигла многих исследователей на дальнейшие опыты и эксперименты в области электромагнетизма. Опытом Эрстеда вдохновились Андре-Мари Ампер (1775–1836), Майкл Фарадей (1791–1867), Джеймс Максвелл (1831–1879), Генрих Герц (1857–1894) и многие другие. Именно исследования Максвелла и Герца внесли решающий вклад в становление радиовещания, они вдохновили Александра Степановича Попова, Гульельмо Маркони и целую плеяду исследователей на дальнейшую работу. Вклад в развитие науки принес Эрстеду общеевропейское признание — он был избран членом многих наиболее авторитетных научных обществ: Лондонского Королевского общества и Парижской академии, а также Петербургской академии наук.

Несмотря на достигнутые результаты и славу, Ханс Кристиан Эрстед продолжал занятия наукой и общественной деятельностью: так, в 1824 г. он одним из первых в Европе выделил чистый алюминий, позднее приобретший важное значение в различных отраслях промышленности[6]. Эрстед впервые получил металлический алюминий из его оксида. Он смешал уголь с глиноземом, разогрел эту смесь и пропустил через нее хлор. Полученный в результате хлористый алюминий физик подогрел с амальгамой калия (калий, растворенный в ртути) и получил амальгаму алюминия. Продистиллировав раствор Эрстед получил несколько небольших слитков алюминия, хотя, скорее всего, металл был с примесями. Кроме этого, он занимался изучением физических свойств жидкостей и газов и явлением диамагнетизма.

Активная переписка датского ученого со своими коллегами из других стран подтверждает теорию о том, что наука XIX столетия создавалась скорее не в лабораториях, а в сетях эпистолярной коммуникации[7]. Из опубликованной корреспонденции Эрстеда видно, насколько активно ученые обменивались результатами своих экспериментов и научных изысканий, что помогало развивать науку не только в границах национальных государств, но по всему миру. Эрстед вел активную переписку с Якобом Берцелиусом (1779–1848), Жозефом Луи Гей-Люссаком

(1778–1850), Майклом Фарадеем, Карлом Фридрихом Гауссом (1777–1855) и другими выдающимися учеными своего времени[8].

Необходимо отметить, что Ханс Эрстед обладал не только научным, но и педагогическим талантом и помимо университетской работы также вел и просветительскую деятельность: в 1824 г. он создал Общество по распространению естествознания, а 1829 г. он основал Политехническую школу в Копенгагене (в наши дни — Датский технический университет)[9]. В последние годы Эрстед вернулся к своей научной любви — философии, опубликовав сборник трудов «Aanden i Naturen»[10], посвященный вопросам веры и науки. Увы, труд остался незаконченным, но был вскоре издан в Лондоне.

Умер Эрстед в Копенгагене 9 марта 1851 г. Не будет преувеличением сказать, что кончина ученого стала поводом для общенациональной скорби, поскольку именно Ханс Кристиан Эрстед стал одним из самых выдающихся сынов небольшой скандинавской страны.

---

[1] См. например: *Dibner B.* Oersted and the discovery of electromagnetism. New York, 1963. 85 pp.

[2] Nordisk familjebok. Stockholm, 1922. 960 p.

[3] *Храмов Ю. А.* Физики: Биографический справочник. М., 1983. 400 с.

[4] *Pedersen O.* Lovers of Learning — A History of the Royal Danish Academy of Sciences and Letters 1742–1992. Munksgaard, 1992. 348 p.

[5] *Ørsted H. C.* Experimenta circa effectum conflictus electrici in acum magneticam // Journal für Chemie und Physik. Vol. 29 (1820). P. 1–4.

[6] Salmonsens konversationsleksikon. København, 1928. 943 p.

[7] Price D. J. and Deaver D. de B. Collaboration in an Invisible College // American Psycologist. Vol. XXI, 1966. P. 1011–1018.

[8] *Ørsted H. C.* Correspondance de H.C. Ørsted avec divers savants. Vol. 1., 1920. P. 1–75. *Ørsted H. C.* Correspondance de H.C. Ørsted avec divers savants. Vol. 2., 1920. P. 263–631.

[9] Den Polytekniske Læreanstalt. [Электронный ресурс] // URL: http://denstoredanske.dk/It,_teknik_og_naturvidenskab/Teknologi/Tekniske_uddannelser_og_institutioner/Den_Polytekniske_L%C3%A6reanstalt (дата обращения: 12.02.2017).

[10] *Ørsted H. C.* Aanden I Naturen. Kjobenhavn, 1850. 190 p.

Литература

Мелин Я., Юханссон А., Хеденборг С. История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 400 с.

История Дании с древнейших времен до начала XX в. М.: Наука, 1996. 505 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 727 с.

Bartal D. The Empire. Stockholm: Dagens Industry, 1996. 263 s.

Nordisk familjebok. Malmö: Norden, 1955. 1066 s.

Ollson O. A Prince of Finance. K A Wallenberg 1853–1938. Stockholm: Atlantis, 2007. 504 s.

Jacobson M. Almqvist. Diktaren och hans tid. Lund: Historiska media, 2002. 467 s.

Bunte R., Jorberg L. Historia i siffror. Lund, 1968. 136 s.

Fritz M. Svensk jarnmalmsexport 1883—1913. Stockholm: Norstedts, 1967. 432 s.

Jorberg L. Structural Change and Economic Growth: Sweden in the 19th Century // Economy and History. Vol. VIII. 1965. 199 s.

Nilsson G. B. The Founder: André Oscar Wallenberg (1816–1886): Swedish Banker, Politician and Journalist. Stockholm: Almquiest & Wiksell Intl, 2005. 436 s.

С. Е. Ивлева

ГРАВЕР-ИЛЛЮСТРАТОР ЛАВРЕНТИЙ СЕРЯКОВ (1824–1881) И КОНСТАНТИН КЛОДТ. УЧЕНИК И УЧИТЕЛЬ

Из всех русских граверов-ксилографов Лаврентий Авксентьевич Серяков (1824–1881) был наиболее известен и специалистам и любителям искусств. Как верно заметил знаток книги и графики А. А. Сидоров, его имя «упоминали гораздо чаще прочих скромных героев — ранних русских граверов на дереве: Дерикера, Бернардского и даже самого Константина Клодта»[1]. Воспоминания Серякова (единственного из дореволюционных граверов) — «Моя трудовая жизнь» удостоились публикации в знаменитом журнале «Русская старина»[2]. Уже в советское время Серяков стал героем популярной детской книги Владислава Глинки[3]. Такой интерес к его личности объяснялся прежде всего тем, что он смог, преодолев пренебрежение Академии художеств к деревянной гравюре, стать первым академиком-ксилографом. Кроме того, примером своей жизни Серяков показал начинающим художникам и любителям искусств возможность достижения мечты. Ведь не смотря на жизнь, полную драматических коллизий, он смог «пробиться на поприще <...> данного судьбой дарования»[4], всецело посвятить себя любимому искусству и стать известным художником — гравером Его Императорского Величества.

В творческой судьбе Лаврентия Серякова, как и большинства русских ксилографов середины XIX в., огромную роль сыграл Константин Карлович Клодт фон Юргенсбург (1807–1879), которого было принято тогда называть в художественных кругах Петербурга «деревянным бароном». этого потомка древнего

скандинавского рода, не только вернул в иллюстрированную книгу, позабытую уже гравюру на дереве. Он первым из русских мастеров изучил секреты ксилографии в ведущих граверных мастерских Европы и, по возвращении в Россию, «принял на себя нелегкий <...> труд образовывать по этой части молодых людей»[5], стремящихся к совершенству в данной области искусства». Лаврентий Серяков был одним из самых талантливых и преданных учеников Клодта. Он до конца жизни был признателен учителю и за открытые ему секреты граверного мастерства, и за человеческое участие в своей судьбе.

Жизнь с детства не баловала Лаврентия Серякова. Сын солдата, он вместе с полком его отца побывал во многих местах Калужской и Новгородской губерний. Семилетним мальчиком наблюдал весь ужас восстания военных поселений. В восемь лет был отдан в полковые певчие, через несколько лет определен в батальон кантонистов в Пскове. Далее, благодаря отличному почерку ему удалось стать писарем Департамента Военных поселений. В 1843 г. его перевели в Санкт-Петербург, где, как писал он в воспоминаниях, «в свободное от канцелярских занятий время занимался чтением и рисованием»[6]. Его рисунки привлекли внимание начальства, и после обучения и сдачи экзамена Серяков был определен в топографы. Тогда же, совершенно случайно, произошло его первое знакомство с ксилографией. Листок из французского иллюстрированного издания «Тысяча и одна ночь» заинтересовал его рисунком, отпечатанным вместе с типографским текстом. «Я, — писал Серяков, — догадался, что каждая линия рисунка сделана на доске рельефом, как типографская буква и захотел попробовать. Для себя я начал резать „картинки“»[7]. В 1846 г. он как гравер получил первый заказ. Простым перочинным ножом, не имея специальных граверных инструментов, Серяков нарезал первые гравюры — иллюстрации (15 штук) для популярной детской книги «Путешествие вокруг света» Федора Студицкого[8]. Юные читатели познакомились с самыми знаменитыми местами Европы: «Площадью в Риме», «Собором св. Петра», «Пантеоном в Париже». Иллюстрации выполнены были настолько тонко и изящно, что, как писал в воспоминаниях художник, «заказчик оказался очень доволен, и я получил некоторую известность в издательской среде»[9].

В том же году счастливый случай привел Серякова в дом князя В. Ф. Одоевского; он как топограф выполнил план имения князя в Нарве. Одоевский познакомил Серякова с Нестором Васильевичем Кукольником. Опытный издатель Кукольник оценил первые граверные опыты Серякова для книги Студицкого и «рискнул» предложить талантливому топографу-самоучке работу в его новом энциклопедическом журнале, где возрождаемая ксилография стала главной иллюстрационной техникой. Так Серяков стал одним из художников «Иллюстрации», где основную часть граверных работ выполнял Константин Клодт.

Кукольник выписал для Серякова специальные граверные инструменты и сразу поручил гравировать иллюстрации к статьям одного из главных разделов журнала «Путешествие по всей России» и даже портреты исторических деятелей, где начинающий мастер демонстрировал редкое умение показать характер предложенного для гравюры персонажа. Кроме того, Кукольник смог, несмотря на противодействие директора Департамента военных поселений барона Корфа, получить для Серякова высочайшее разрешение на занятия в Академии художеств. В марте 1847 г. «волею государя Николая Павловича» он был определен «в Академию художеств»[10]. Занятия в Академии Серяков совмещал с работой в «Иллюстрации», где его гравюры, в особенности для раздела «Путешествие по всей России», пользовались большой популярностью и удостоились благожелательных оценок в прессе.

Познакомиться с Клодтом Серякову удалось не сразу, сказалась робость нижнего чина перед офицером в высоком звании. Настоящее знакомство случилось в середине 1847 г. К этому времени новым редактором «Иллюстрации» сделался Александр Башуцкий[11]. Он завел при редакции специальную граверную мастерскую, где граверы-ксилографы под руководством Клодта выполняли работу для журнала. С этого времени Серяков под непосредственным началом Клодта стал совершенствовать свое мастерство ксилографа.

Для «Иллюстрации» Серяков выполнил около 50 гравюр: пейзажи, жанровые сцены, портреты, которые демонстрировали приобретенное им под руководством Клодта, умение работать и штрихом и тоном. Серяков сблизился с семьей Константина Клодта, особенно с его сыном Михаилом, впоследствии из-

вестным пейзажистом, под его влиянием увлекся пейзажем, чем увеличил число пейзажных гравюр для «Иллюстрации».

В начале 1849 г. «Иллюстрация» была закрыта из-за финансовых проблем. Команда Клодта распалась, граверы занялись частными заказами. Серяков продолжил занятия в Академии и сосредоточился на совершенствование в рисунке и живописи. В этом ему помогали академические товарищами — сын Клодта и его племянник, сын скульптора Петра Клодта, оба будущие живописцы.

Сам Константин Карлович не переставал помогать своему ученику и профессиональными и житейскими советами. Один из них, данный «деревянным бароном», стал для Серякова судьбоносным и, можно сказать, сохранил для истории искусства гравера Лаврентия Серякова. Лето 1852 г. вместе с семьей Клодтов Серяков провел на их даче в Мурино, писал пейзажные этюды и окончательно решил оставить гравюру ради пейзажа. Но Клодт убедил своего подопечного не прекращать занятия ксилографией, объяснив, что «граверов на дереве, в отличие от живописцев, у нас мало, <...> между тем, гравюру как искусство можно поставить на высшую степень совершенства. <...> Я бросил живопись, — писал в воспоминаниях Серяков, — и снова принялся за гравирование»[12].

В сентябре 1853 г. Серяков, первый из русских ксилографов, получил звание свободного художника за гравюру с этюда Рембрандта «Голова старика в профиль». На декабрьской выставке в Академии эта работа получила монаршее одобрение, восторженные отзывы посетителей и критиков. Ксилография в глазах академического начальства наконец-то удостоилась признания, подтвердив справедливость слов Клодта о ее большом будущем.

Впереди у Лаврентия Серякова было получение звания академика (1864), опять первого среди ксилографов[13], российское и европейское признание как иллюстратора и мастера граверного портрета. Но даже в самом зените славы он называл себя «благодарным учеником Константина Клодта».

---

[1] *Сидоров А. А.* Искусство русской книги XIX–XX веков / Книга в России. Ч. 2. М., 1925. С. 99

[2] *Серяков Л. А.* Моя трудовая жизнь. Рассказ гравера академика Л. А. Серякова // Русская старина. 1875. № 9–11.

[3] *Глинка В. Г.* Жизнь Лаврентия Серякова. Л., 1959.

[4] *Собко Н. П.* Предисловие // *Серяков Л. А.* Моя трудовая жизнь. № 9.

[5] Отчет Комитета с 28 апреля 1840 по 28 апреля 1841. СПб., 1841. С. 16.

[6] *Серяков Л. А.* Моя трудовая жизнь. № 10. С. 342.

[7] Там же. С. 342.

[8] *Студицкий Ф. Д.* Путешествие вокруг света. Южная Европа. СПб., 1846. (Студицкий Федор Дмитриевич (1814–1893) — автор пособий по различным курсам школьного обучения).

[9] *Серяков Л. А.* Моя трудовая жизнь. № 10. С. 344.

[10] Там же. С. 350

[11] Башуцкий Александр Павлович (1803–1876) — прозаик, журналист, издатель. Возглавил редакцию «Иллюстрации» с апреля 1847 г.

[12] *Серяков Л. А.* Моя трудовая жизнь. № 10. С. 356.

[13] Там же. № 11. С. 514.

Литература

Глинка В. Г. Жизнь Лаврентия Серякова. Л.: Детгиз, 1959. 319 с.

Кривдина О. А. Ваятели и их судьбы: научная реконструкция творческих биографий российских скульпторов середины и второй половины XIX века. СПб.: Сударыня, 2006. 655. с.

Кривдина О. А. Скульптор Петр Карлович Клодт: Новые материалы. 200-летию со дня рождения Знаменитого русского скульптора посвящается. СПб.: Сударыня, 2005. 268 с.

Серяков Л. А. Моя трудовая жизнь. Рассказ гравера академика Л. А. Серякова // Русская старина. Т. XIV. 1875. № 9–11. С. 161–184, 339–365, 506–516.

Сидоров А. А. Искусство русской книги XIX–XX веков // Книга в России. Часть 2. М.: Государственное издательство, 1925. С. 139–347.

В. И. Мусаев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ В 1920–1930-е гг.

В Финляндии нашли свое отражение все те политические процессы, которые имели место в среде русской эмиграции. Условия для политической активности русской эмиграции в этой стране по-прежнему были не слишком благоприятными, прежде всего в силу недоверия финских властей по отношению к эмигрантам и тех правовых ограничений, которые их касались. К тому же в 1920-е гг., во время президентства К. Й. Стольберга и Л. Реландера, официальный Хельсинки стремился к сохранению нормальных отношений с Советским Союзом и старался избегать открытой поддержки антисоветской деятельности. Сложности в двусторонних отношениях и так возникали: советская сторона неоднократно обращалась с протестами в МИД Финляндии в связи с нахождением на финской территории лиц и организаций, деятельность которой она считала враждебной по отношению к СССР.

Тем не менее известная политическая активность среди русской диаспоры в Финляндии на протяжении всего рассматриваемого периода постоянно имела место. Среди беженцев было немало бывших офицеров, участников Гражданской войны, которые стремились к приложению своих сил «на благо потерянной родины». Для политических лидеров русской эмиграции большое значение имело географическое положение Финляндии как страны, граничившей с Россией и имевшей к тому же наиболее протяженную границу с СССР из всех его европейских соседей. Их не могла не соблазнять перспектива использования финской территории как базы для разведывательной, пропагандистской

и диверсионной работы против Советского Союза. Многочисленные «окна» на советско-финляндской границе использовались не только для провоза контрабанды, но и для получения информации о внутреннем положении в СССР, переброски шпионов, диверсантов, оружия, пропагандистских материалов.

Некоторую заинтересованность в сотрудничестве с эмигрантскими политическими организациями проявляли финские спецслужбы, занимавшиеся разведкой и контрразведкой против восточного соседа. Прошлый опыт эмигрантов, знание ими российских реалий могли оказаться для них полезными. Наиболее широкие связи с эмигрантами имелись у офицеров-разведчиков 2-й дивизии, размещенной вблизи границы на Карельском перешейке[1]. Свой интерес в Финляндии имела разведка западных держав, прежде всего Великобритании. Англичане начали пользоваться «финляндскими каналами» еще во время Гражданской войны: именно через Финляндию поддерживал связь с Центром резидент британской разведки П. Дьюкс, находившийся в Петрограде до осени 1919 г. Старые связи не были забыты и позднее.

В работе «Особого комитета по делам русских в Финляндии», существовавшего с 1918 г., постоянно просматривалась политическая составляющая. С начала 1920-х гг. у него появилась более тесная связь с эмигрантскими центрами, когда в Париже был образован Совет послов. Инспектором в Финляндии от Совета послов был назначен профессор Д. Д. Гримм, который также был представителем Национального комитета (его назначение отчасти было связано с тем, что председатель Особого комитета полковник А. Н. Фену, по мнению эмигрантских лидеров, слишком симпатизировал финнам).

В Хельсинки Гримм с группой своих товарищей по кадетской партии издавал газету «Новая русская жизнь», финансируемую Советом послов и Национальным комитетом. На средства Национального комитета издавалась также газета «Новые русские вести». У Гримма и его группы имелись контакты с финскими военными, в частности с начальником штаба финской армии генералом Оскаром Энкелем.

В эмигрантских кругах у Гримма было, однако, немало недоброжелателей, считавших его слишком правым. Полковник Н. Н. Пораделов по поводу деятельности Гримма писал в «Центр

действия» в середине марта 1921 г.: «Приезд в Гельсингфорс профессора Гримма, объявившего себя представителем Врангелевского правительства, среди русских эмигрантов в Гельсингфорсе и Выборге не встретил сочувствия. Русские политические группы все без исключения (кроме группы „Новая русская жизнь“) отнеслись к этому факту отрицательно, имея каждая на то свои соображения. Взять в свои руки все беженские дела и возглавить финляндскую эмиграцию профессору Гримму поэтому не удалось, и в настоящее время его деятельность ограничивается руководством газетой „Новая русская жизнь“, продолжающей оставаться органом пропаганды военных интервенций и возрождения белых армий»[2]. Работа представителей Национального комитета была свернута в Финляндии к 1926 г., что было связано с конфликтами в церковной сфере. Последний представитель комитета в Финляндии инженер Нехорошев был выслан из страны за то, что в прессе призывал православных верующих выступать против нового летоисчисления[3].

Одним из тех, с кем активно контактировал Д. Д. Гримм, был бывший командир ингерманландских добровольцев полковник Г. Эльвенгрен. Последний после отставки с постов командира ингерманландского полка и председателя комитета Северной Ингерманландии оставался в Финляндии и вел «свою игру». С начала 1920-х гг. наметилось его сближение с Б. В. Савинковым и его организацией. 8 января 1921 г. было подписано соглашение между Русским политическим комитетом в лице его председателя Б. В. Савинкова и Г. Эльвенгреном, именованным в соглашении громким титулом «командующего всеми противобольшевистскими силами Севера». Обе стороны договаривались о соединении своих сил в борьбе с большевиками[4]. Позднее Эльвенгрен вошел в состав руководства созданного Савинковым «Союза защиты родины и свободы»[5]. Тогда же Эльвенгрен связался с группой профессора В. Н. Таганцева в Петрограде. В марте 1921 г. один из руководителей таганцевской организации Ю. П. Герман виделся с Эльвенгреном и передал ему приказ от имени «Петроградской боевой организации» поддержать своими отрядами готовившееся вооруженное выступление в Петрограде. Таганцев и его сподвижники, видимо, не знали о том, что никаких отрядов в распоряжении Эльвенгрена тогда уже не было[6].

В дальнейшем Эльвенгрен оставался одним из наиболее последовательных сторонников активной борьбы против советского режима. Его связи были весьма разнообразны: он контактировал с Сиднеем Рейли, лидерами Кронштадтского восстания, польской разведкой, генералом С. Ц. Добровольским, бывшим председателем Северо-Западного правительства С. Г. Лианозовым, который теперь стал одним из руководителей «Российского торгово-промышленного и финансового союза». Как утверждалось в обвинительном заключении по делу Эльвенгрена, он принимал участие в подготовке ряда покушений на советских дипломатических и торговых представителей в Европе, в частности на советских участников Генуэзской конференции и на Г. В. Чичерина в Берлине в 1922 г. (последнее покушение было предотвращено чекистами благодаря их агенту, который находился в окружении Эльвенгрена)[7].

Собственные каналы связей с эмигрантскими кругами в Финляндии, а через них — с Советской Россией — пытался установить «Центр действия» — тайная организация, образованная в Париже ноябре 1920 г. под руководством бывшего главы архангельского «Временного правительства Северной области» Н. В. Чайковского. «Центр действия» не имел явно выраженной партийной направленности. В его состав вошли члены партий народных социалистов и кадетов (в частности, А. В. Карташев), а также беспартийные[8]. Для установления связей с Петроградом и устройства в Финляндии вспомогательного центра агентуры в Хельсинки в начале 1921 г. был командирован член «Центра» бывший полковник Генерального штаба Н. Н. Пораделов. Прибыв в Финляндию, Н. Н. Пораделов вошел в связь с организациями ингерманландских и карельских беженцев и с Г. Эльвенгреном, с которым, однако, наладить сотрудничество не удалось (не в последнюю очередь вследствие близости Эльвенгрена к Б. В. Савинкову, с которым у «Центра действия» наметились серьезные разногласия).

Не удалось Н. Н. Пораделову достичь взаимопонимания и с Д. Д. Гриммом и его секретарем Г. И. Новицким, которого Пораделов считал интриганом и действия которого сурово критиковал[9]. Не слишком продуктивными оказались и контакты Пораделова с лидерами «кронштадтских мятежников». Миссия Пораделова оказалась неудачной.

В качестве нового эмиссара «Центра действия» в Финляндию прибыл П. Ю. Зубов. Последний вошел в контакт с генералом С. Ц. Добровольским — участником Гражданской войны в составе Северной армии генерала Е. К. Миллера, который после поражения белых перебрался в Финляндию и обосновался в Выборге. В результате переговоров с Зубовым Добровольский основал и возглавил отделение «Центра действия» в Финляндии — «Северный центр действия», установил связи с интернированными в Финляндии «кронштадтскими повстанцами», с национальными организациями ингерманландцев и карелов и с некоторыми подпольными группами в Петрограде. Связь «Северного центра действия» с Россией, однако, не шла дальше Петрограда, а к 1923 г. выяснилось, что и в Петрограде не удалось создать сколько-нибудь постоянной и прочной организации[10]. Деятельность «Центра действия» на «северо-западном направлении» вскоре прекратилась, а в 1926 г. и сама эта организация прекратила существование.

Разделение политически активных эмигрантов на «николаевцев» и «кирилловцев» или «легитимистов» проявлялось и в Финляндии. Представителем Высшего монархического совета, поддерживавшего Николая Николаевича, в Финляндии был полковник А. Ф. Григорьев, находившийся в Сортавале. К 1927 г. в Хельсинки, на Карельском перешейке и в Приграничной Карелии было основано 12 отделений совета. Число их членов, по их собственным данным, доходило до тысячи человек, хотя, по сведениям сыскной полиции, их было не более 280[11]. Самым крупным и деятельным было отделение в Выборге, которое возглавлял полковник А. Евреинов. Другие значительные отделения находились также в Хельсинки, Сортавале, Уусикиркко и Терийоки. Работу всех отделений координировал краевой совет, который собирался в Выборге раз в два месяца. Его председателем был князь Салтыков, проживавший в Перкъярви, секретарем — капитан Владимир Гранберг[12].

Русский общевоинский союз также пытался распространить свою деятельность на Финляндию. Еще до его образования, в 1921 г., бывший командир Северной армии генерал Е. К. Миллер назначил генерала Н. Клюева представителем П. Н. Врангеля в Финляндии. Клюев, однако, умер в том же году[13].

В 1924 г. в Финляндию прибыл эмиссар Врангеля генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович, с целью открыть отделение РОВСа. Распоряжением генерала Врангеля от 8 февраля 1924 г. Я. Д. Юзефовичу было предписано «объединить руководство работой офицерских обществ и союзов в Финляндии, Эстонии, Литве и Латвии»[14]. Финское правительство отрицательно отнеслось к этой инициативе. Военный министр Б. Яландер еще раньше заявлял, что существует зарегистрированное общество Русская колония в Финляндии, которое должно объединить и офицеров. В результате в Финляндии возник лишь неофициальный отдел РОВСа, которым руководил генерал Ф. А. Чижиков[15]. В финских источниках также упоминаются офицерские объединения в Выборге (руководитель — генерал Данилов) и Хамине (руководитель — полковник Архипов)[16]. В августе 1925 г. сообщалось об основанном в Хельсинки «Флотском клубе», председателем которого был Б. Бьёрклунд[17].

В середине 1920-х гг. во Франции был образован «Союз объединенных монархистов» под председательством герцога Г. Н. Лейхтенбергского, имевший целью «объединение всех русских монархистов для борьбы за освобождение России от ига... 3-го Интернационала». Участником учредительного съезда, на котором было принято решение об образовании союза, был бывший купец, житель Выборга М. В. Максимов[18]. Союз назначил в разные страны своих уполномоченных, «передав им часть прав и обязанностей центрального комитета». Таким уполномоченным Союза в Финляндии был назначен лейтенант А. Н. Толь[19].

Позиции Кирилла Владимировича в Финляндии были довольно сильны. Великий князь в 1917–1920 гг. сам находился в Финляндии, у него имелись обширные связи как в эмигрантских кругах, так и среди финских военных. 6 сентября 1925 г. Кирилл Владимирович, резиденция которого находилась в Кобурге в Германии, назначил своих представителей в различные страны. Представителем «Его Императорского Величества» в Финляндии был назначен генерал-майор Ю. А. Явид, его помощником по гражданской части и «уполномоченным по Выборгскому району» — архитектор В. Н. Крестьянов, «уполномоченным по Гельсингфорскому району» — генерал-майор А. Тавастшерна (бывший офицер русской армии финско-шведского происхождения)[20]. В Выборге упомянутый генерал Ю. А. Явид

и генерал К. Голтгоер возглавили «Союз Ивана Сусанина», который выступал в поддержку великого князя[21]. Генерал Юлиан Явид пользовался у финской полиции репутацией «диктатора и мастера интриг всей диаспоры» [22].

Поскольку Кирилл Владимирович ранее служил в военно-морском флоте, среди его сторонников было немало морских офицеров. В Финляндии его поддерживали «Объединение бывших русских морских офицеров» [23], которым руководил капитан Хёкерт, и «Объединение педагогов бывших русских военных училищ»[24] во главе с упоминавшимся ранее капитаном П. В. Вилькеном. Среди активных сторонников Кирилла Владимировича упоминались также генералы Т. Шарпантье и Бескорнилович и архитектор Хинтце в Хельсинки, полковник Нэбо в Выборге и генерал В. Бойсман в Терийоки. Шарпантье и Бойсман отвечали за связь финляндских сторонников великого князя с его ставкой в Кобурге[25].

Важную роль среди сторонников Кирилла Владимировича играл П. П. Соколов, бывший спортсмен (член футбольной сборной России на Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 г.), активный деятель антибольшевистского подполья в Петрограде во время Гражданской войны, тесно связанный с английским разведчиком П. Дьюксом. Соколов с помощью курьера британского посольства полковника Н. Бунакова руководил секретной службой великого князя в Финляндии. В частности, он отвечал за работу нелегальных «окон» на финляндско-советской границе. С 1931 г. Соколов фактически руководил деятельностью «Союза Ивана Сусанина» [26].

В докладе финской Центральной сыскной полиции упоминаются также другие эмигрантские политические течения. В частности, в Финляндии имелись члены националистической партии, в состав которой входили главным образом бывшие кадеты, а также некоторое число октябристов и правых социалистов-революционеров. Более того, эсеры еще с начала XX в. имели обширные связи с финской антицарской оппозицией. Однако в независимой Финляндии их позиции были уже не так сильны. Своих сторонников они имели главным образом среди ингерманландских беженцев[27], для которых были характерны республиканские настроения. Делались также попытки сближения с руководством беженцев из Восточной Карелии[28]. Тем не

менее среди собственно русских эмигрантов членов эсеровской партии было немного. Большинство их работали в отделении Земгора в Выборге[29].

С середины 1920-х гг., однако, деятельность эмигрантских монархических организаций в Финляндии заметно оживилась, что было связано с решением эмигрантских центров в Париже активизировать разведывательную и диверсионную деятельность в Советском Союзе, используя для этого финскую территорию. В 1926 г. в Финляндии был образован «Тайный союз русской монархической молодежи». Его возглавил упоминавшийся выше капитан В. Гранберг, связанный также с Б. В. Савинковым и Г. Эльвенгреном. Члены союза, которых насчитывалось около 30–40 человек, готовились к осуществлению террористических актов на советской территории. Гранберг, кроме того, тщетно пытался сформировать на Карельском перешейке диверсионные группы из ингерманландских беженцев.

Тогда же представитель Высшего монархического совета полковник А. Ф. Григорьев предпринимал попытки собрать боевые отряды из русских и олонецких беженцев. На Финляндию распространило свою деятельность «Братство русской правды» — организация, созданная в 1921 г. с целью ведения террористической и пропагандистской работы против Советской России. Основателями «Братства русской правды» выступили поэт С. А. Соколов-Кречетов (его председатель в 1921–1932 гг.), герцог Г. Н. Лейхтенбергский, генерал П. Н. Краснов, князь А. П. Ливен (председатель в 1932–1934 гг.).

«Братство» действовало с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения митрополита Антония (Храповицкого). Оно просуществовало до 1934 г.[30] В Финляндии отделением «Братства» руководил уполномоченный Союза объединенных монархистов лейтенант А. Н. Толь (Антонов), бывший разведчик в армии генерала Н. Н. Юденича. Организация имела своих представителей в Хельсинки, Суоярви, Салми, Выборге и при помощи своих курьеров занималась переправкой людей и литературы в Советский Союз. Деятельное участие в ее работе принимал П. П. Соколов, который неоднократно проникал на советскую территорию и доставлял туда печатную продукцию «Братства» [31].

Для переправки через границу агентуры и пропагандистских материалов активно использовались контрабандистские каналы. Профессиональные контрабандисты, как правило, не интересовались политикой, однако за определенную мзду с готовностью брались за выполнение заданий, связанных с политической пропагандой и шпионажем. В заключительном акте «рабочей комиссии по обследованию борьбы с контрабандой в Ленинградском округе» от 6 апреля 1925 г. отмечалось, что контрабанда в Сестрорецком районе является «по существу чисто подсобной отраслью и маскировкой шпионской работы и самостоятельного значения... не имеет» [32].

Глава РОВСа генерал А. П. Кутепов при содействии финского Генерального штаба сумел получить визу на въезд в Финляндию[33]. 25–28 марта 1927 г. он провел в Терийоки конспиративное совещание, на котором было принято решение об отправке групп добровольцев-боевиков в СССР для организации террористических актов против представителей партийно-чекистской номенклатуры[34].

В конце мая через границу на Карельском перешейке на советскую территорию были переброшены две террористические группы. Месяц спустя границу перешла еще одна группа[35]. Всего же по инициативе Кутепова в Советский Союз через Финляндию было заслано шесть террористических групп[36]. Финская разведка не только поддерживала связь с террористами из парижского Центра, но и оказывала им помощь. Один из террористов, А. Б. Болмасов, долгое время сотрудничал с финской разведкой. Начальник Выборгского разведывательного отделения Г. Э. Розенстрём (Раутсуо) также принимал участие в оказании помощи двум группам диверсантов, предоставив им в пользование дачу Фролова близ Терийоки и лично сопроводив их до границы[37].

Разведывательно-террористическая деятельность русской эмиграции была, однако, заметно скомпрометирована в результате осуществления советской контрразведкой операции «Трест». Якобы крупная контрреволюционная организация, действовавшая в Советском Союзе, на деле оказалась провокацией советских спецслужб. Прежде чем это выяснилось, эмигрантская разведывательная и диверсионная сеть потерпела ряд крупных провалов[38].

Наиболее катастрофичным оказался 1927 г. Несколько групп, засланных в СССР, были накрыты в полном составе. Из шести диверсионных групп лишь одной удалось устроить взрыв (в центральном партийном клубе в Ленинграде). Исполнители этого взрыва, Сергей Соловьев, Дмитрий Мономахов и Виктор Ларионов, сумели бежать в Финляндию. Соловьев погиб позднее в прионежских лесах во время очередной «ходки» через границу. Мономахов и Ларионов были высланы из Финляндии и описали свои деяния в книге, изданной в Париже[39]. В руках чекистов оказался знаменитый шпион Сидней Рейли. Курьер «Братства русской правды» Георгий Петерс погиб, отправившись через границу с одной из групп диверсантов[40]. Г. Эльвенгрен, тайно приехавший в Советский Союз в 1926 г., был арестован и в июне 1927 г. приговорен к расстрелу по обвинению в подготовке диверсионно-террористических актов на советской территории (не забыли ему при этом и старые грехи: «контрреволюционную» деятельность во время и после Гражданской войны)[41]. Еще раньше закончил свои дни в советской тюрьме друг и соратник Эльвенгрена Б. В. Савинков. Одновременно с операцией «Трест» внешняя разведка ВЧК–ГПУ проводила операцию против «Братства русской правды», в ряды которого был внедрен ее сотрудник[42].

25 августа 1927 г. советское правительство направило Финляндии ноту протеста по поводу поддержки последней террористической деятельности[43]. Скандал, вызванный «трестовским делом», и опасения относительно того, что в эмигрантские организации в Финляндии могли внедриться агенты ГПУ, заставили финские власти пресечь нелегальную деятельность русских эмигрантов на территории страны. Полковник А. Григорьев получил предписание финского министра внутренних дел в срок до 15 декабря 1927 г. покинуть Финляндию. Из страны были высланы и некоторые другие эмигрантские деятели[44].

«Тайный союз русской монархической молодежи» был запрещен, а В. Гранберг хотя и остался в стране, но политикой более не занимался, направив свою энергию на организацию скаутского движения[45]. А. Толь также был вынужден в Финляндии распустить организацию «Братства русской правды» и в 1930-е гг. лишь частным порядком сотрудничал с финскими спецслужбами[46].

Попытки русских эмигрантов продолжать политическую деятельность в Финляндии, однако, не прекращались. Генерал Е. К. Миллер, возглавивший РОВС в 1930 г. после гибели генерала А. П. Кутепова, в 1934 г. создал в рамках союза организацию «Белая идея» для подготовки диверсантов и террористов, которых пытались засылать и по «финляндским каналам». В начале 1930-х гг. сторонники Кирилла Владимировича, влияние которых во второй половине 1920-х гг. сошло почти на нет, вновь активизировались. В значительной степени это было связано с деятельностью поддерживавших великого князя Кирилла младороссов, отделение которых в 1932 г. было образовано в Финляндии. Лидер младороссов Александр Казем-Бек был связан с Финляндией через семью Голтгоеров. Представителем организации в Финляндии был сын генерала К. Голтгоера Александр Голтгоер, который ранее служил в Красной армии, а с 1922 г. находился в эмиграции в Финляндии. Позднее он, однако, каким-то образом себя скомпрометировал и был отправлен в «резерв», а на его место был назначен гражданин Финляндии Э. Фриск. При финляндском представительстве младороссов действовал совет, в который входили известные сторонники Кирилла Владимировича В. Н. Крестьянов и П. В. Вилькен, ставшие почетными членами организации младороссов, и ее давний член Ю. А. Нарбут[47].

Особенно активно младороссы действовали в Суоярви, где была создана отдельная группа, насчитывавшая до 50 человек, из которых 30 были постоянными членами организации, остальные — кандидатами. Здесь проводились еженедельные собрания, организовывались праздники. В Финляндии распространялся печатный орган младороссов «Искра».

Финские власти, однако, с самого начала с подозрением относились к младороссам из-за их увлечения успехами советской системы и опасались, что советская агентура может действовать через них. К тому же их ряды раскалывали внутренние противоречия. В итоге организация младороссов в Финляндии была запрещена, хотя их издания тайно распространялись в стране еще в конце 1930-х гг.[48] . После смерти великого князя Кирилла Владимировича для сторонников его сына и наследника Владимира Кирилловича Финляндия уже не представляла большого интереса.

Приход нацистов к власти в Германии и установление диктатур фашистского типа в ряде стран Европы в 1930-х гг. повлек за собой рост популярности фашистской и вообще крайне правой идеологии и среди русской эмиграции. Еще с 1924 г. существовала созданная в Югославии «Национальная организация русских фашистов», идеологически ориентированная на итальянский фашизм. Организация имела отделения в Югославии, Китае и Финляндии и оказала существенное влияние на формирование русских фашистских организаций в Германии и Манчжурии[49].

На Балканах позднее возник «Национальный трудовой союз нового поколения» (НТСНП, его членов называли также «нацмальчиками»): профашистская организация, ориентированная на продолжение активной борьбы против большевизма и установление диктатуры в России. В значительной мере она была призвана составить противовес младороссам[50]. Пропагандистская деятельность членов НТСНП распространялась и на Финляндию, где они пытались вербовать себе сторонников среди эмигрантской молодежи.

Деятельность крайне правых течений русской эмиграции в Финляндии связана в первую очередь с именем генерала С. Ц. Добровольского. В среде русской эмиграции в Финляндии Северин Добровольский был заметной фигурой: он состоял членом правления «Выборгского союза трудовой интеллигенции», «Культурно-просветительского общества», выступал с лекциями в Выборге и Хельсинки.

Основное содержание деятельности генерала составляла, однако, политическая борьба. Добровольский имел контакты с финской разведкой и русскими эмигрантскими организациями. Поначалу это были организации более умеренного толка: помимо упоминавшегося «Центра действия», Добровольский был связан с «Республиканско-демократическим объединением» П. Н. Милюкова. Позднее он установил связь с более правыми организациями: Братством русской правды и Русским общевоинским союзом. Членом и тем более представителем РОВСа в Финляндии, вопреки утверждениям, встречающимся в историографии, Добровольский не был. Но его связывали дружеские отношения с возглавлявшим РОВС генералом Е. К. Миллером.

Главным делом С. Ц. Добровольского было издание в Выборге журнала «Клич», которое было начато в 1933 г.[51]. Его

формальным редактором был участник Кронштадтского восстания М. Ф. Романов, имевший финляндское гражданство, однако фактически за этим изданием стоял генерал Добровольский. «Клич» имел подзаголовок «орган национального освобождения» и призывал «к единению для активной борьбы с коммунизмом». Тираж журнала составлял от 1500 до 2000 экземпляров.

«Клич» был изданием крайне правого характера, его содержание было открыто фашистским, хотя и менее антисемитским по сравнению с другими подобными изданиями. Добровольский в эти годы поддерживал связи с лидером русских фашистов в Маньчжурии Родзаевским. В одном из номеров журнала указывалось, впрочем, что он не призывает к «слепому подражанию фашизму», а лишь к «серьезному его изучению»[52]. Журнал приобрел скандальную славу, и вследствие неоднократных протестов советской стороны финские власти вынуждены были в 1935 г. запретить его издание на территории страны. Со следующего года «Клич» печатался в Брюсселе. В 1939 г., с началом Второй мировой войны, издание было перенесено в Белград[53].

Добровольский оставался в Финляндии. Во время «зимней войны» он, как и П. П. Соколов, работал в отделе пропаганды главной квартиры финской армии, а с началом «войны-продолжения» 1941–1944 гг. поступил на службу в русский отдел пропаганды при Государственном совете[54].

В эмигрантских общественных и политических организациях, наряду с этническими русскими, участие принимали и некоторые бывшие российские подданные иного происхождения: немецкого, польского, эстонского, финско-шведского и др.

Отдельные организации пытались создавать сепаратистски настроенные украинские эмигранты. Попытки сорганизоваться на территории Финляндии предпринимались ими еще с начала 1920-х гг. В середине 1930-х гг. ОУН распространил свое влияние на Финляндию. В 1936 г. была основана «Украинская громада в Финляндии» [55]. В Хельсинки, Выборге и Лаппеенранте были организованы украинские «учебные клубы», в которых занимались изучением украинского языка, литературы, этнографии, причем делалось это в антирусском духе. Предпринимались попытки наладить сотрудничество на антирусской основе с финскими националистическими и «соплеменными» организациями, а также установить линию связи с Советской

Украиной. Деятельностью украинских националистов в Финляндии руководил учитель Кондрат Полуведько, подчинявшийся «вождю» ОУН полковнику Е. Коновальцу.

В общем и целом достижения политически активного крыла российской эмиграции в Финляндии были более чем скромными. Это было обусловлено рядом объективных и субъективных причин, прежде всего отсутствием единства среди эмигрантов и гармонии в отношениях с финскими властями. Надежды, возлагавшиеся на Финляндию эмигрантскими центрами, едва ли оправдались.

К началу Второй мировой войны политическая активность эмиграции в Финляндии была мизерной. В начале 1945 г., после окончания «войны-продолжения», почти все русские организации в Финляндии (в том числе Русская колония, не имевшая политического характера), под давлением Советского Союза были распущены. Продолжали действовать только Особый комитет и Русское купеческое общество (последнее существует до сих пор).

Некоторые из остававшихся в Финляндии «белоэмигрантов», по требованию Союзной контрольной комиссии, были переданы советской стороне (число выданных называется различное: от 19 до 200 человек). Их иногда называли «узниками Лейно» («Leinon vangit»), так как их выдачей руководил министр внутренних дел Финляндии, коммунист Ю. Лейно. Среди выданных наиболее известными были С. М. Петриченко и С. Ц. Добровольский[56]. Другие оказались более предусмотрительными и вовремя покинули Финляндию (к примеру, П. П. Соколов по поддельным документам выехал в Швецию). В результате к послевоенному периоду говорить о какой-либо политической деятельности эмигрантов в Финляндии уже нельзя.

---

[1] *Невалайнен П.* Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб., 2003. С. 231.

[2] Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

[3] Kansallisarkisto (далее: KA). EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. «Venäläiset emigrantit meillä ja muualla». EK:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927.

[4] Ibid. IA. Kansio XXI.

[5] *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М., 1975. С. 477.

[6] *Черняев В. Ю.* Финляндский след в «деле Таганцева» // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 189.

[7] Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 143, 770.

[8] ГАРФ. Ф. Р-5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3.

[9] Там же. Д. 100. Л. 1.

[10] Там же. Д. 1. Л. 7–8.

[11] *Невалайнен П.* Изгои. С. 223.

[12] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. «Venäläiset emigrantit meillä ja muualla». EK:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927.

[13] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 179.

[14] ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 10. Л. 167.

[15] *Еленевская И.* Воспоминания. Стокгольм, 1968. С. 157–158, 161.

[16] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. «Venäläiset emigrantit meillä ja muualla». EK:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927.

[17] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 435. Ilmoitus N:o 275 10.8.1925.

[18] Ibid. Ryhmä XXIII. Kansio 488. EK:n Terijoen alaosasto. Tilannekatsaus N:o 5 15.3.1926.

[19] Ibid. Ryhmä XXI. Kansio 435.Союз объединенных монархистов — в МВД Финляндии.

[20] Ibidem. Приказ ЕИВ № 17 24 августа / 6 сентября 1925 г.

[21] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. S. 179.

[22] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440.

[23] В финских источниках — «Entisten venäläisten meriupseerien liitto».

[24] В финских источниках — «Entisten venäläisten sotaoppilaitosten kasvattajien liitto».

[25] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. «Venäläiset emigrantit meillä ja muualla». EK:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927.

[26] Известия. 1927. 4 октября; *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. S. 180.

[27] См.: Кронштадтский мятеж: Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1931. С. 174,175–176.

[28] Там же.

[29] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. «Venäläiset emigrantit meillä ja muualla». EK:n tiedonanto N:o 127 4.11.1927.

[30] *Базанов П. Н.* Северин Добровольский и его журнал «Клич» // Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами: Сборник научных трудов. СПб., 2004. С. 93.

[31] *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск, 2004. С. 185; *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. S. 180–181.

[32] *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница 1918–1939 гг. СПб., 2000. С. 132–133.

[33] *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Helsinki, 1966. S. 167.

[34] *Александров К. М.* Белая военная эмиграция в Европе 1930–1945 гг. Новые документы, материалы, суждения // Зарубежная Россия 1917–1945. Книга 3. СПб., 2004. С. 39.

[35] *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. S. 167.

[36] Известия. 1927. 4 октября.

[37] *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. С. 181.

[38] См.: *Голубев С. М.* Операция «Трест» // Очерки истории советской внешней разведки. Т. 2. М., 1983. С. 111–129.

[39] *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 122–123.

[40] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. S. 180–181; *Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. P. 121.

[41] Известия. 1927. 10 июня.

[42] *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. С. 185–186.

[43] *Korhonen K.* Naapurit vastoin tahtoaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. S. 168.

[44] ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 174. Л. 12; KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440. P. m. "Venäläinen emigratio Suomessa". 11.1937 // KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 440.

[45] *Leinonen M.* Helsinki: Die russische Emigration in Finnland. S. 181.

[46] Ibidem.

[47] KA. EK-Valpo. Ryhmä XXI. Kansio 437. «Venäläinen emigratio Suomessa»; EK:n pääosasto. Pöytäkirja 13–16.11.1934. Ptk. N:o 178/34.

[48] Ibid. EK:n Sortavalan alaosasto — EK:n pääosastolle. 30.6.1934; Kansio 436. A 2/ Venäläisten emigranttien järjestötoiminta Suomessa; *Невалайнен П.* Изгои. С. 223.

[49] *Базанов П. Н.* Северин Добровольский и его журнал «Клич». С. 87.

[50] *Glad J.* Russia Abroad: Writers, History, Politics. Tenafly (N. J.), 1999. P. 131.

[51] В литературе «Клич», как правило, именуется газетой (*Baschmakoff N., Leinonen M.* Russian Life in Finland. P. 121; *Невалайнен П.* Изгои. С. 223). П. Н. Базанов, однако, утверждает, что правильнее называть «Клич» журналом (*Базанов П. Н.* Северин Добровольский и его журнал «Клич». С. 88).

[52] *Базанов П. Н.* Северин Добровольский и его журнал «Клич». С. 88.

[53] Там же. С. 90.

[54] Там же. С. 92.

[55] *Невалайнен П.* Изгои. С. 224.

[56] *Базанов П. Н.* Северин Добровольский и его журнал «Клич». С. 92.

Литература

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925 гг.). М.: Политиздат, 1975. 399 с.

Еленевская И. Воспоминания. Стокгольм, 1968.

Зарубежная Россия 1917–1945. Книга 3. СПб.: Лики России, 2004. 437 с.

Кронштадтский мятеж: Сборник статей, воспоминаний и документов. Л.: Лен. обл. изд-во, 1931. 264 с.

Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Петрозаводск: Verso, 2004. 295 с.

Невалайнен П. Изгои. Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). СПб.: Журнал «Нева», 2003. 366 с.

Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М.: ВЛАДОС, 1999. 774 с.

Российское Зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами: Сборник научных трудов. СПб.: СПб гос. ун-т культуры и искусств, 2004. 186 с.

Смолин А. В. Русское дипломатическое представительство в Швеции белые правительства России // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2006. № 7. С. 29–35.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2012. № 9. С. 80–93.

Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб.: Европейский Дом, 1997. 335 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница 1918–1939 гг. СПб.: Европейский Дом, 2000. 163 с.

Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland: A Local and Oral History. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2001. 485 p.

Glad J. Russia Abroad: Writers, History, Politics. Tenafly (N. J.): Hermitage; Washington: Birchbark Press, 1999. 736 p.

Korhonen K. Naapurit vastoin tahtoaan: Suomi neuvostodiplomatiassa. Tartosta talvisotaan. I. 1920–1933. Helsinki: Tammi, 1966. 387 s.

Leinonen M. Helsinki: Die russische Emigration in Finnland // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München: Beck, cop, 1994. 448 s.

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Н. Р. Славнитский

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБОРОНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ В 1713 г.

В отечественной историографии проблема обеспечения тыла и одновременно безопасности столицы во время боевых действий в Финляндии в период Северной войны практически не рассматривалась, а документы, сохранившиеся в РГА ВМФ (некоторые из них были опубликованы А. З. Мышлаевским), позволяют установить, какие меры принимало российское командование в той ситуации.

В 1712 г., когда основные силы корпуса Ф. М. Апраксина отправились в финляндский поход, защита Санкт-Петербурга была возложена на генерал-майора И. И. Бутурлина. Тот выступил из Москвы 9 июня с тремя полками (Гренадерским, Московским и Вологодским), причем Федор Матвеевич просил «к нам отпустить полки, которые есть с тобою наперед, а имянно Гранодерский, и Московский и Вологодский без умедления, а сам изволь дожидатца Нижегороцкого»[1], однако И. И. Бутурлин не сделал этого, более того, сильно задержался в дороге.

11 июля адмирал писал генералу, что у него нет возможности ждать его прихода и он выступает 15-го числа, и требовал выслать к нему хотя бы два полка («а имянно Гранодерский и при нем один который справнее»). Тут же он пояснял, что вызывает у него основное беспокойство: «...при Санкт-Питербурхе никакова командира не осталось, понеже здесь остаютца великая царевна и великая княжна Наталия Алексеевна и благородные

государыни царевны и великие княжны Анна Петровна и Елизавета Петровна.

Такожде крепость и магазейны безлюдны и ежели какой случай позоветца от неприятеля, то может учинить без людей великих диверзию и привесть всех в конфузию»[2]. Диверсии «кивиков», по всей видимости, были еще свежи в памяти, и этого опасались больше всего.

Надо сказать, что еще осенью и зимой 1710 г. действия шведского партизана Кивика (до российских постов он добирался лесами и болотами) являлись постоянной головной болью для выборгского коменданта Г. П. Чернышева[3], да и позже шведские партии регулярно совершали набеги. В январе 1712 г. английский посланник Ч. Уитворт в донесении своему руководству отмечал, что в «последнее время окрестности Петербурга беспокоят шведские партизаны из Карелии», и «дней десять тому назад они появлялись приблизительно в десяти английских милях отсюда»[4]. Именно по этой причине к Санкт-Петербургу и требовалось стянуть дополнительные силы.

Из-за того, что полки И. И. Бутурлина задерживались, командир батальона Вейнерс получил указание: «По получении сего изволь с порученным вам батальоном быть при доме царского величества, где ныне обретаютца благородные государыни цесаревны и великие княгини Наталия Алексеевна, Анна и Елизавета Петровны, и иметь всегда опасный караул и держать пекет, сколко пристойно. Из оного же батальона развесть караулы в доме царского величества зимний и в Сарскую мызу великий дворик царевны и великой княгини Екатерины Алексеевны. И быть тебе всегда при доме царского величества неотлучно. И смотреть в караулех, чтоб как надлежит честному и поверенному командиру. И кругом дому царского величества велеть всегда быть патрули»[5]. Очевидно, что силы батальона приходилось распылять, обеспечивая одновременно и охрану дворцов в городе, и охрану Царского Села, но других вариантов в тот момент, по-видимому, не было.

15 июля Ф. М. Апраксин еще раз поторопил И. И. Бутурлина, подтвердив, что он является главнокомандующим в столичном городе[6], а на следующий день предупредил, что ландрихтеру необходимо будет произвести опись земель на Выборгской стороне (видимо, в окрестностях Санкт-Петербурга) и ему необходимо

будет выделить 300 солдат с надлежащим числом офицеров и унтер-офицеров под командой майора[7]. Столь внушительные силы, необходимые для охраны, также наводят на мысль, что опасения у российского командования были очень серьезными.

Сил, видимо, не хватало и у самого Федора Матвеевича, поскольку он в то время распорядился снять с караула у кирпичных заводов 30 человек (И. И. Бутурлин должен был пополнить этот караул)[8]. Между тем генерал-майор по-прежнему задерживался.

17 июля он получил от генерал-адмирала письменную инструкцию, в которой было подробно изложено, как ему надлежит организовать оборону Санкт-Петербурга и окрестностей. Этот документ уже опубликован А. З. Мышлаевским[9], тем не менее он весьма примечательный, поэтому процитируем его полностью:

«1) Иметь тебе над всеми здесь оставшими на сухом пути военными команды первую команду.

2) Которые полки отправлены с тобою из Москвы и из оных, изволь прислать к нам два полка, которые справнее.

3) С полками, которые при тебе будут обретатца, изволь стать, перешед реку Неву, где стояли при нас обретающиеся полки.

4) По Неве-реке поставить в четырех местах или и болши для караулу порог салдат, а имянно... и поручить над оными команду подполковнику или маеору, дав инструкцию, чтобы имел...

5) Ежели неприятель, похотя учинить нам диверзию, приступит своим флотом к Котлину острову или пожелает где с оного высадить своих людей в Ингрию, тогда изволь оному весма препятие чинить и конечно не допускать до исполнения его намерения.

6) Ежели будет здесь в бытность вашу обретатца при Кронштадте или при Санкт-Питербурхе благородный господин вице-адмирал Крюйс, а от неприятеля будет показыватца какие действа, тогда изволь к нему писать и чинить с ним с общаго совета, а от меня о сем к нему писано.

7) Когда надлежит вам о чем писать ко мне, тогда изволь оные писма посылать морем или сухим путем смотря по состоянию времени, которым путем будет безопаснее.

8) В протчих делех изволишь исполнять как надлежит честному и военному и поверенному командиру к лутчей его царского величества службе».

Первые пункты лишь подтверждают более ранние указания отправить два полка в действующий в Финляндии корпус,

а вот 4-й и 5-й очень интересны. То, что И. И. Бутурлину надлежало расставить караулы по реке Неве возле порогов, говорит о том, что Федор Матвеевич должным образом запомнил урок, полученный при обороне Санкт-Петербурга в 1708 г., когда Г. Ю. Любеккер переправился возле Ивановских порогов, и сделал соответствующие выводы. Особое внимание уделялось налаживанию взаимодействия с вице-адмиралом К. И. Крюйсом, который отвечал за оборону Котлина, и это тоже было не случайным, адмирал хорошо помнил о проблемах его взаимоотношений с Р. В. Брюсом.

Однако И. И. Бутурлин 21 июля находился еще в Великом Новгороде, и его медлительность очень сильно тревожила Ф. М. Апраксина, который в тот день уже вынес генерал-майору строгое предупреждение: «...ежели за неприбытием от вас полков в повеленом нам деле учинится какое помешательство, то изволте ведать, что причтется вам и оное замедление взыщется на вас»[10].

В то же время в Санкт-Петербурге оставался полковник М. О. Чемесов, назначенный незадолго до того комендантом крепости. В его распоряжении, скорее всего, оставался один полк, который прикрывал именно крепость. Тем не менее 21 июля полковнику было направлено указание поставить заставы на Неве, поскольку из Финляндского корпуса многие бежали. И тогда же были получены сведения, что шведы направили к Выборгу диверсионную партию в 200 человек, поэтому М. О. Чемесов должен был находиться в состоянии полной боевой готовности[11] (перехватывать эту партию, естественно, было поручено выборгскому коменданту Г. П. Чернышеву[12]). Здесь отметим важный момент — упоминавшаяся выше охрана родственников царя была поручена не коменданту крепости, а отдельному подразделению, которое ему не подчинялось, действовало автономно.

Адмиралтейскую крепость первоначально должен был охранять майор Озеров с Казанским полком[13], находившийся в тот момент тоже в Великом Новгороде и опередивший И. И. Бутурлина (собственно, именно от него Ф. М. Апраксин получил сведения о том, где находится генерал с тремя полками). Однако затем было принято решение включить это подразделение в состав корпуса, вступившего в Финляндию[14]. По всей видимости, побеги серьезно ослабили войска.

И. И. Бутурлин, к слову, должен был заняться и отправкою провианта на остров Котлин (а оттуда — в корпус Ф. М. Апраксина), и 27 июля он получил указание «когда вы со врученными полками изволите прибыть к Санкт-Питербурху, тогда изволь приказать полковнику и каменданту Чемесову отправить на Котлин остров правианту 15 000 четвертей на карбусах взяв от обер-камиссара Синявина, а от нас к нему о том писано...»[15].

Здесь отметим и то, что прошла почти неделя с момента, когда И. И. Бутурлин получил строгое предупреждение, но в Санкт-Петербурге его по-прежнему не было. Более того, 31-го числа Ф. М. Апраксин писал адмиралтейскому советнику А. В. Кикину, что у него нет никаких сведений о том, где находится генерал-майор, и он просил его разузнать об этом и поторопить полки[16]. Сам Федор Матвеевич тоже не очень торопился и только в этот день прибыл в Выборг.

Наконец 4 августа Ф. М. Апраксин получил известия о том, что И. И. Бутурлин 2 числа пришел к реке Мге (один из притоков Невы) и в ближайшие дни должен прибыть в Санкт-Петербург. В связи с этим он просил Кикина проследить за тем, чтобы полковник Фливерк, находившийся при этих полках, «выбрав из оных полков лутчих солдат человек по 600 или по 700 и взяв на полк по одной пушке с принадлежащею амуницией, следовал за нами немедленно, а досталных солдат и пушки и прочие полковые тяготы велено покинуть при Санкт-Питербурхе с подполковником и другими офицеры и быть оным оставшим[ся] афицерам до прибытия генерал-маеора Бутурлина под командой полковника и каменданта Чемесова»[17].

Иными словами, генерал-майор застрял в пути совсем безнадежно, и подразделением временно командовал один из полковников. Обращает на себя внимание и то, что Ф. М. Апраксин требовал уже прислать к нему не полки, а только их части «из лучших». Видимо, переход из Москвы в Санкт-Петербург очень сильно измотал эти три полка (и их командующего).

М. О. Чемесов в тот же день получил письмо, в котором Ф. М. Апраксин сообщил, что части этих полков, остающиеся в столице, временно поступают в его команду[18].

Наконец 6 августа Бутурлин прибыл в Санкт-Петербург (о чем и доложил Апраксину)[19], и с этого момента беспокойство за состояние в тылу, прекратилось. В конце сентября Бутурлин уже

получил приказание выдвинуться с тремя полками (получается, что к Апраксину он никого не отправил) к Нарве, при этом нарвский обер-комендант К.А. Нарышкин получил письмо от генерал-адмирала, в котором он сообщал, что генерал-майор будет находиться отдельно от гарнизона: «...во врученных ваших командах одному до другого ни до чего дела нет»[20]. Опасения, что шведы могут совершить диверсию, по всей видимости, уже не было.

Тем не менее данная ситуация наглядно высвечивает проблему, с которой в то время столкнулся Петр I и его окружение. Сил на наступательную операцию и надежное обеспечение тыла явно не хватало, и приходилось подтягивать подкрепления из других местностей, что тоже оказалось не так просто сделать. Причиной недостатка сил стало, с одной стороны, увеличение территории (после блестящей кампании 1710 года), которую было необходимо охранять, а с другой стороны, существенная убыль в полках, которая произошла в ходе эпидемии чумы в том же 1710 г.[21] На это наложилась реорганизация полков, производившаяся в 1711–1712 гг., и к началу боевых действий в Финляндии навести порядок, по всей видимости, не успели.

Сложности были связаны также и с некомплектом в гарнизонных полках — в июле 1712 г. вместо положенных 26 503 в них насчитывалось всего 14 500 человек[22]. Это же подтверждал и К. А. Нарышкин, писавший в ноябре 1712 г. Ф. М. Апраксину, что «Нарвский и Ивангородский гварнизоны содержатся одним моим полком, и афицеры и урядники и салдаты стоят на карауле бессменно того ради от такой тяготы солдаты бегут, которых с прошлого октября 14 по нынешнее число сбежало 9 человек»[23].

---

[1] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 2.

[2] Там же. Л. 10–11.

[3] *Базарова Т. А.* «За кивиковою станицею лесами и болотами»... Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2015. С. 14–17.

[4] Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 125.

[5] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 12.

[6] Там же. Л. 16.

[7] Там же. Л. 28.

[8] Там же.

[9] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. Приложения. С. 9–10.

[10] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 78. Л. 35.

[11] Там же. Л. 36–37.

[12] Там же. Л. 38.

[13] Там же. Л. 36.

[14] Там же. Л. 37.

[15] Там же. Л. 41.

[16] Там же. Л. 42.

[17] Там же. Л. 46.

[18] Там же. Л. 47.

[19] Там же. Л. 50.

[20] Там же. Л. 90.

[21] Подробно о потерях: *Бабич М.В., Бабич И.В.* Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году // Война и оружие. СПб., 2012. Ч. 1. С. 54–55.

[22] *Мышлаевский А. З.* Петр Великий в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. С. 26.

[23] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 44. Л. 15.

Литература

Бабич М. В., Бабич И. В. Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году // Война и оружие: Материалы третьей международной конференции. СПб.: ВИМАИВИВС, 2012. Ч. 1. С. 45–56.

Базарова Т. А. «За кивиковою станицею лесами и болотами»... Первый русский комендант Выборга Г. П. Чернышев и борьба с «кивиками» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы шестнадцатой ежегодной научной конференции / Ред. В. Н. Барышников, П. А. Кротов. СПб.: РХГА, 2015. С. 12–19.

Мышлаевский А. З. Петр Великий в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб.: Военная типография, 1896. 668 с.

Славницкий Н. Р. Укрепления Санкт-Петербурга и Кронштадта в донесениях иностранных дипломатов в годы Северной войны // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (2). С. 154–162.

А. В. Востров

«КЛЮЧ ОТ СТОКГОЛЬМА»: АЛАНДСКИЕ ОСТРОВА В ПЕРИОД РУССКО-ШВЕДСКИХ ВОЙН 1700–1809 гг.

В течение первой половины XVII в. Швеция сделала Балтийское море внутренним «шведским озером», что вместе с обладанием рядом провинций в германских землях и военном влиянии на общеевропейскую политику принесло ей статус великой державы. В течение этого столетия Аландский архипелаг оставался всего лишь внутренней провинцией Шведского королевства, лишенный всякого стратегического значения. Помимо этого в результате реформы 1634 г. архипелаг потерял автономный статус и вошел в состав Або-Бьернеборгского лена, что, во многом, предопределило его дальнейшую судьбу.

Тем не менее, в условиях начавшейся Великой Северной войны, в 1710 г. армия Петра I начала операцию по завоеванию Финляндии и уже в 1713 г. занимает Або. Почти сразу же начинается подготовка к переходу на Аландские острова, с тем чтобы создать непосредственную угрозу уже шведским городам и портам. При этом русский флот должен был обеспечивать осуществление проведения этих десантных операций. Однако северное и южное побережье Финского залива, занятое русской армией, не помогало в борьбе в акватории залива, поскольку русский флот пока не мог еще реально противодействовать шведскому.

Тем не менее в конце мая 1714 г. русские галеры вышли из Кронштадта и через месяц транзитом через Гельсингфорс прибыли к восточной оконечности мыса Гангут, где их блокировал шведский флот, мешая пройти в Абоские шхеры Ботнического залива. 20 июля из Ревеля на галере прибыл сам Петр I — на следующий день состоялось знаменитое Гангутское сражение.

В плен сдался после кровопролитного боя весь отряд шведского контр-адмирала Н. Эреншёльда (парусно-гребной фрегат, 6 галер, два шхербота; 580 пленных; 361 павший в часы сражения). Сражение стало первой морской победой русского флота и произвело устрашающее воздействие на шведов: эскадра поспешила к Стокгольму для защиты столицы[1]. Путь на Аландские острова оказался полностью открытым, а русский флот получил свободу действий в Финском и Ботническом заливах.

3 августа русский гребной флот достигает Або, а уже через неделю — Аландского архипелага. Петр написал об этом в Петербург: «Мы в 8-ой день сего месяца в шведскую землю на остров Аланд безо всякого сопротивления вступили, и хотя люди большею частию ушли по лесам, однакож 7 шкут с людьми и с пожитками их взяли, скота превеликое довольство, также и хлеб сыскать мочно»[2].

Действительно, многие аландцы покидали свои дома и бежали к шведскому берегу или скрывались в рыбачьих хижинах в уединенных шхерах. Следствием бегства стало то, что Аланды были опустошены практически полностью — брошенные хозяйства разорялись сразу. Согласно архивным данным, в плен в 1714–1715 гг. попали 257 человек: в большинстве своем это были дети и подростки до 15 лет, а также женщины[3].

22 августа русская флотилия покинула острова: галерный флот занялся разведкой и искал возможности для нападения на шведские берега. Однако активных действий не предпринималось ввиду надвигающегося периода осенних штормов. В конце октября на Аланды было отправлено по льду подразделение в 3000 человек для запугивания шведов: русское командование хотело распустить слух об атаке шведских берегов. По возвращении русского десанта по льду в феврале — марте 1715 г. были опустошены восточные приходы и северная часть Аландов, не пострадавшие во время летней кампании. Архипелаг обезлюдел до весны 1722 г., когда основная часть беженцев вернулась из Швеции: предполагается, что почти все 8000 жителей архипелага (по данным на 1697 г.) оказались на шведском побережье (без учета немногих погибших и попавших в плен). Статистика записей в приходских книгах в целом подтверждает эту гипотезу, показывая, что обратно вернулось 355 семей беженцев[4].

В летнюю кампанию 1715 г. к Аландам неоднократно посылались небольшие разведывательные отряды, которые находили только редких местных жителей — шведский флот на островах так и не появился. Летом 1716 г. русское командование обсуждало возможность перехода через Аландское море, но без поддержки корабельного флота этого сделать не решились (да и Петр I е отдавал прямого приказа на этот счет). Поэтому действия ограничились лишь короткими вылазками на ближайшее шведское побережье, которые были безуспешными из-за курсировавшего вдоль побережья шведского флота. Вновь вернувшись на Аланды в кампанию 1717 г., галерный флот так и не предпринял попыток пересечь неширокое Аландское море.

Первым шагом к Ништадтскому миру стал Аландский мирный конгресс 1718–1719 гг., который проходил в местечке Лэвэ на острове Вордэ. Официальные переговоры открылись 10 мая 1718 г. Русскую делегацию представляли советник канцелярии Г.-И.-Ф. Остерман, генерал Я. В. Брюс и П. И. Ягужинский, шведскую — министр Г. Х. фон Гёрц и граф К. Юлленборг. Успеху переговоров мешали многие обстоятельства: нежелание шведского короля уступить все южное побережье Балтийского моря, усилия Дании, Великобритании и Голландии по срыву переговоров, интриги шведского представителя. Кроме того, Швеция рассчитывала на помощь Великобритании, которая направила в Балтийское море флот адмирала Д. Норриса.

По выражению Петра I, шведы «проволакивали время» — лишь к концу августа удалось прийти к некому обоюдному согласию. Чтобы ускорить процесс, во второй половине лета царь устроил демонстрацию силы русского флота, блокировав шведские берега и установив контроль над судоходством на Балтике. Но дальнейших действий не предпринимал, стараясь не препятствовать ходу мирного конгресса. Однако влиятельные круги Швеции во главе с сестрой короля Ульрикой-Элеонорой и ее супругом, кронпринцем Фридрихом Гессенским, выступали против соглашения с Россией, ориентируясь на союз с западными державами. 30 ноября (11 декабря) Карл XII погиб под стенами норвежской крепости Фредриксен, что в корне изменило ситуацию.

В связи с государственным переворотом (19 января 1719 г. была коронована Ульрика-Элеонора) мирные переговоры на

Аландах остановились. В это время организовывался антирусский союз Швеции с Великобританией, Австрией и Пруссией. Переговоры зашли в тупик, и в начале июля корабельный и галерный русский флот соединились близ острова Лемланд на Аландском архипелаге, так как оттуда был прямой фарватер до Стокгольмских шхер. Петр I сам руководил операцией, расположившись на корабле «Ингерманланд» у аландских берегов. Галерный флот Апраксина высадил на шведский берег 26-тысячный десант и сжег 135 деревень, 2 города, разрушил 9 металлургических заводов[5]. Некоторые отряды казаков достигли окраин шведской столицы — до Стокгольма оставалось не более 10 верст.

Операция завершилась в конце августа, когда Петр I посчитал, что демонстрация силы закончена. И предъявил шведской королеве трехнедельный ультиматум для принятия русских требований. По приказу Ульрики-Элеоноры шведские представители, не дождавшись этого срока, спешно покинули остров Вордэ. Русские уполномоченные оставили Аландские острова 15 сентября 1719 г. Петр I, считая, что в срыве мирного конгресса виновно шведское правительство, предполагал осуществлять вылазки десанта к шведским берегам зимой по льду Аландского моря — для продолжения активного давления на шведскую сторону и психологической атаки на местное население. Однако мягкая зима помешала этим планам. Тем не менее, русский царь был полон решимости в ходе новой весенне-летней кампании атаковать Стокгольм.

Ранней весной 1720 г. русский галерный флот после зимовки в Або вновь подошел к Аландам, а десант из Вазы осуществил вылазки на шведский берег и сжег город Умео. Завершая летнюю кампанию, 27 июля состоялось сражение при острове Гренгам, входящем в южную группу островов Аландского архипелага. В ходе баталии русский флот взял на абордаж 4 шведских фрегата, вынудив остальные бежать. Более 100 шведов погибли и 411 были взяты в плен, в то время как русские потеряли 82 павшими и 246 ранеными. П. А. Кротов указывает, что была выведена из строя одна русская галера[6].

Почти сразу после сражения в Стокгольм прибыл А. И. Румянцев с целью поздравить со вступлением на шведский престол в марте 1720 г. Фредерика I, мужа Ульрики-Элеоноры. Вновь

избранный король с подачи риксдага предложил вернуться к мирным переговорам, которые начались 31 марта (10 апреля) 1721 г. в финском городе Ништадте. Швеция готова была пойти на уступки, однако снова затягивала время, предлагая лишь перемирие. Поэтому в мае русские галеры снова пересекли Аландское море и высадили десант, разоряя шведские берега от Евле до Умео.

В июле вновь пришлось продемонстрировать силу перед участниками мирного конгресса: русский галерный флот в полной боевой готовности собрался около острова Брендэ на Аландском архипелаге. В конце августа английская эскадра покинула Балтийское море, и Швеция убедилась, что избежать нового вторжения можно, только заключив мирный договор. 31 августа Ништадтский мирный договор был подписан: Швеция уступила Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, острова Дагэ (Хийумаа) и Эзель (Сааремаа), а также юго-восточную часть Карелии с крепостями Выборг и Кексгольм.

Тем не менее Ништадтский договор создал в шведских политических кругах определенные тенденции к пересмотру его условий и восстановления шведского великодержавия на Балтике. В октябре 1740 г. умирает Анна Иоанновна, и в России начинается череда дворцовых переворотов, закончившаяся в конце ноября 1741 г. с восшествием на престол Елизаветы — младшей дочери Петра Великого. Пользуясь этой ситуацией, в Швеции 24 июля 1741 г. Швеция объявила войну России. Официальными причинами войны являлось нарушение артикулов Ништадтского мирного договора, а также убийство шведского посланника майора М. Синклера, отправленного для переговоров в Стамбул.

Видя пассивность шведского флота, в России со стороны генеральского и министерского собрания прозвучали призывы форсирования Аландского моря. В конечном итоге в мае 1743 г. состоялось единственное серьезное морское сражение близ острова Корпо Абоского архипелага, которое ограничилось лишь перестрелкой между двумя эскадрами. Шведские корабли получили бо́льшие повреждения и отошли в сторону Стокгольма.

Кроме того, в конце мая — начале июня намечалось противостояние близ мыса Гангут, когда шведский флот снова блокировал русские галеры. Тщательно разработанная операция по

прорыву, однако, закончилась ничем. 7 июня шведский флот неожиданно удалился. Русская галерная эскадра смогла беспрепятственно пройти к Аландскому архипелагу (к местечку Дегербю на острове Феглэ, делая остановки островах Корпо и Соттунга), где не нашла ни шведских кораблей, ни солдат. В результате через тридцать лет Аланды снова были оккупированы русскими войсками. Однако высадки десанта на шведское побережье не произошло. 18 июня уже было объявлено перемирие. Таким образом оккупация островов была кратковременной и не принесла значительного разорения.

В августе 1743 г. перемирие закончилось подписанием Абоского мирного договора, в целом выгодного Швеции, если рассматривать ход всей войны. По его условиям к России отошли лишь земли провинции Кюменегорд с крепостями Фридрихсгам и Виллманстранд, а также часть провинции Саволакс с крепостью Нейшлот.

Однако попытка сближения Швеции с Россией, которая стала наблюдаться при шведском короле Густаве III, не дала желаемого результата. Встреча русской императрицы и шведского монарха в Фридрихсгаме в 1783 г. не принесла удовлетворения обеим сторонам и лишь внешне сгладила противоречия. Екатерина II не приняла предложения о военно-политическом союзе со Швецией, чем только вызвала недовольство шведского короля. В конечном итоге разгорелась новая русско-шведская война. Но военные действия, начавшиеся в 1788 г. на суше, не принесли значительных территориальных изменений. На море ситуация также была неопределенной, хотя Гогландская битва полностью разрушила планы шведского командования о высадке десанта под Петербургом. Кроме того, русская флотилия адмирала Грейга заблокировала шведскую флотилию в Свеаборге, не давая кораблям вернуться в Стокгольм и на военно-морскую базу в Карлскроне.

Во время следующей кампании произошло крупное сражение у острова Эланд близ Карлскроны. Однако оно закончилась без особого перевеса одной из сторон. Шведские корабли ушли на базу, русские — в Финский залив. Никаких боевых действий в Або-Аландском архипелаге и на шведском побережье не происходило, а по заключенному в 1790 г. мирному договору границы оставались без изменений. В результате Аландские острова во

время этой, по своей сути, морской войны остались в стороне от основных событий. Шведы через них лишь осуществляли переброску войск и их снабжение, а русское командование только планировало занять Аланды для последующей атаки шведского побережья. Далее острова Корпо (восточная часть Або-Аландского архипелага) боевые действия не подходили.

Однако обострение военно-политической ситуации в Европе, связанное с началом Наполеоновских войн, опять обострило ситуацию на севере Европы. Пожелания Наполеона, который в письме к Александру в январе 1808 г. призывал Россию к активным действиям, чтобы принудить Швецию к английской блокаде, инициировали очередную русско-шведскую войну. В Стокгольме догадывались о намерениях Санкт-Петербурга, однако не спешили с приготовлениям, так как считали зимнюю кампанию маловероятной. Вопреки шведской уверенности, 10/22 февраля 1808 г. русские войска перешли границу. Столица Великого княжества Финляндского Або была занята русскими войсками без единого выстрела в первой половине марта. При приближении русских малочисленные шведские войска по льду залива отошли к Аландским островам. Как по этому поводу было указано, «...главное волнение отмечено на острове Аланд, куда вследствие общей экспозиции для восстановления тишины посылается отряд кавалерии, а между тем ныне же чрез нарочных велено уничтожить все телеграфы, чрез которые, в важных случаях, Финляндия сносилась с Стокгольмом. Чрез занятие города Абова совершился важнейших предмет нашей кампании...»[7].

17/29 марта небольшой отряд полковника Вуича без боя все же занял Аландские острова. Причем тогда русское командование даже рассматривало идею атаки шведского побережья, но отказалось от нее из-за непостоянства снежного покрытия.

Тем временем контрнаступление шведских войск на севере Финляндии отразилось и на ситуации на Аландских островах. Здесь началось восстание, которое позволило освободить острова от русских войск. Успеху этого восстания способствовала и Швеция, у которой появление русских на архипелаге вызвало серьезное беспокойство. Уже в начале апреля у Аландского побережья появились первые шведские корабли, а в конце месяца на главный остров архипелага Оланд высадился шведский де-

сант из ста человек, раздавая оружие местным жителям, которые тут же восстали. Майор Нейгард с 22 казаками, лишенный связи с остальными частями русского десанта, расположенных на других островах архипелага, был вынужден сдаться.

На острове Финбю восставшие окружили лагерь майора Еремеева (около 130 человек), отрезав солдат от лодок, и после продолжительной перестрелки овладели островом. Основные же действия по освобождению Аландов произошли на острове Кумлинге, где расположился отряд полковника Вуича (около 500 человек). Остров был окружен, а 8 мая к его берегам подошли два шведских баркаса и шхуна «Фрея». Вооруженные жители соседних островов (около 450 человек, сто из которых были солдатами) 10 мая начали высадку при поддержке 4 пушек «Фреи». Перестрелка продолжалась три дня, вынудив сдаться полковника Вуича. События на Кумлинге вдохновили на восстание жителей Брендэ, где находилось еще около 100 русских солдат, которые вскоре были пленены. Из-за отсутствия устойчивой связи с Або о событиях на Аландах в штабе русских войск узнали лишь после 10 мая, когда восстание практически закончилось.

Далее в начале августа шведский король Густав IV отдал приказ о начале концентрации сил на Аландских островах для разворачивания в дальнейшем уже большой наступательной операции на Южную Финляндию (около 7000 человек). В середине сентября король предпринял решающую попытку, высадив в районе деревни Гельсинге «в 80 верстах от Або» все шведские части, имевшиеся под его началом на Аландах. Ожесточенные шведские атаки в Абоских шхерах продолжались до октября, но так и не принесли шведскому королю успеха.

Перемирие, заключенное 7 ноября 1808 г., завершило военные действия в Финляндии, но не закончили войну в целом. Русским командованием были выбраны три направления для удара: Аландские острова с перспективой дальнейшей атаки Стокгольма, шведское побережье в районе Умео (по льду Ботнического залива из Васа) и северная оконечность Ботнического залива — на Торнео.

В начале января 1809 г. на восточные острова Аландского архипелага прибыл эскадрон гусар под командованием майора Лидерса. Эскадрон занял острова Брэндэ, Кумлинге, Энклинге

и Сеглинге, однако уже через неделю он был отброшен обратно к Абоским шхерам превосходящими силами шведов.

Лидерс писал с занятого им острова Брэндё: «Многие деревни, лежащие на островах, одни сожжены, другие приказано королем разобрать и имущество жителей перевезти на большой Аланд, а дабы побудить и самих их перейти на оный, отобрать у них хлеб, из которого составлялись там магазейны, и что вследствие королевского повеления многие уже из сих жителей оставляют прежние свои жилища... Неприятель после сего зажег деревни Сеглинге, Кумлинге и Энклинге. Имущество же жителей забравши на подводы, на коих приехала его пехота, отправил вместе с ними на Большой Аланд»[8].

Шведский король отдал категорический приказ защищать Аландский архипелаг, который в столице называли «караульней» или «сигнальным пунктом» Стокгольма, и готовил к отправке подкрепления из центральной Швеции. Густав IV решил применить на архипелаге тактику «выжженной земли» для препятствия продвижения русских войск: со всех окрестных островов между проливами Шифтет и Делет жители насильно эвакуировались на Оланд, а их оставленные дома разорялись и сжигались. Опустошение, произведенное шведскими солдатами, было огромным — на многих островах остались нетронутыми только местные кирхи.

Наступление на Аландском направлении началось 1 марта (ст. стиль), когда главные силы русской армии под командованием Багратиона (около 17 000 человек) вышли на лед Ботнического залива между Або и Ништадтом. Вначале войска достигли опустошенного острова Кумлинге, назначенного сборным пунктом, а передовой отряд занял остров Вордё, где у местечка Лёвё состоялась небольшая стычка со шведским пикетом. 3 марта началось основное наступление в сторону Большого Аланда, где были готовы к обороне основные силы шведов под командованием фон Дёбельна (около 5400 человек).

Однако 1 марта, перед началом русского наступления на Аланды, в результате офицерского мятежа Густав IV был низложен и заменен его дядей, престарелым герцогом Карлом — братом Густава III. Известие о дворцовом перевороте пришло в шведский лагерь, когда русские части уже были совсем близко, что еще больше снизило боевой дух шведских солдат. Вскоре из

Стокгольма пришел приказ оставить архипелаг в случае приближения неприятеля.

Началось отступление: сначала с островов Лумпараланд и Лемланд к базе снабжения в Гудбю и месту дислокации основных шведских сил в Юмала, затем — на самый западный остров архипелага Экерэ по главной Стокгольмской дороге. Оттуда шведские солдаты ретировались по льду Аландского моря в Гриссльехамн. За три дня войска генерала Багратиона вновь заняли все большие острова Аландского архипелага и были готовы к дальнейшему наступлению — уже на шведский берег.

Кавалерия под началом знаменитого Кульнева получила приказ о преследовании бегущих шведских солдат (500 человек против 6000 шведов) и выдвинулась в сторону небольшого портового городка Гриссльехамн, расположенного на противоположном берегу. Применив хитрый тактический прием, 7 марта кавалерия заняла Гриссльехамн, вызывая у местных жителей смятение и страх, дошедший даже до Стокгольма. Герцог Карл, пока еще официально не объявленный шведским королем, направил на Аланды своего представителя с целью заключения мира, на что русский главнокомандующий Кнорринг неожиданно согласился. По условиям заключенного перемирия, кавалерия Кульнева и корпус Барклая де Толли должны были оставить шведский берег, дабы «не раздражать шведов перед заключением мира».

Отряд Кульнева отошел обратно к Аландским островам и затем вместе с основными силами Багратиона вернулся в Або. В результате «аландское перемирие» сделало почти бесполезной новую операцию по атаке шведского побережья. Тем не менее только 2 августа в Фридрихсгаме начались мирные переговоры. Причем основным вопросом, который затруднял подписание договора, являлись территориальные разногласия. «Камнем преткновения» стали Аландские острова и северная граница. Русская сторона настаивала на границе по реке Каликс, шведская — по реке Торнео и Муонио. В Санкт-Петербурге считали, что архипелаг намного важнее северной границы, поэтому именно Аланды стали ключевой фигурой в этой шахматной партии. Но шведская сторона справедливо рассматривала архипелаг как «как ключ к столице и ко всей Швеции»[9]. Тем не менее наличие русских войск на архипелаге, а также слабая внешнеполитическая

позиция Швеции и отсутствие у нее поддержки со стороны иностранных держав оказались во многом определяющими. Слова французского посла в Санкт-Петербурге А.-О.-Л. де Коленкура о необходимости отдать России Аландские острова («взять Финляндию и отдать Аланд было бы все равно, что взять сундук и отдать ключ»[10]) и эрфуртсткая гарантия Наполеона Финляндии России проиллюстрировали крах надежд шведов на русско-французские противоречия в этом вопросе.

Шведскому королю оставалось лишь пытаться включить в договор пункт о демилитаризации архипелага, но и это не увенчалось успехом. Глава российской делегации в Фридрихсгаме министр иностранных дел граф Н. П. Румянцев отказывался делать уступки, заявляя, что архипелаг лишь «упрочит мир». В итоге из Стокгольма пришло требование к заключению договора, который был подписан 17 сентября 1809 г. По его итогам Россия стала владеть всеми портами в Финском заливе, на Аландских островах и в восточной части Ботнического залива до его северной оконечности.

Так Аландские острова после семисотлетнего шведского управления перешли в состав Российской империи, потеряв официальную связь с соседним побережьем, а сами Аландские острова стали маленьким, но «золотым ключиком» к открытию широкого российского окна в балтийском направлении. При этом «Аландский вопрос», впервые официально поднятый во время мирных переговоров в Фридрихсгаме, запустил «часовой механизм», который становился все более взрывоопасным по мере развития балтийских конфликтов на протяжении последующего столетия.

---

[1] *Кротов П. А.* Гангут: сражение и корабли. СПб., 2013. С. 142–146, 188–192, 206–214.

[2] *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. СПб., 2008. С. 20.

[3] *Кувая Х.* Русские идут! Поведение русских войск в отношении мирного населения во время завоевания Финляндии в 1713–1715 гг. // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 188–189.

[4] *Aminoff-Winberg J.* På flykt i eget land. Internflyktingar i Sverige under stora nordiska kriget. Åbo, 2007. S. 101, 413–414.

[5] *Шкваров А.* Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142–1809 годы. СПб., 2012. С. 244.

[6] *Кротов П. А.* Морское сражение у острова Флисё 27 июля (8 августа) 1720 г.: новые факты и перспективы исследования // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. С. 208–209; *Кротов П. А.* Триумф русских

галер — Гренгамская баталия 1720 г.: мифы и факты // Кротов П. А. Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014. С. 113–115.

[7] Из донесения Александру Первому от 16 марта 1808 года. Цит. по: *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 59.

[8] *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 72–73.

[9] Из депеши Шёдельбрандта в Стокгольм. — *Söderhjelm J. O.* Démilitarisation et neutralisation des îles d'Aland en 1856 et 1921. Helsingfors, 1928. P. 88.

[10] *Тиркельтауб С. В.* Аланды в войнах и мире. С. 82.

Литература

Балтийский регион в Новое и Новейшее время: истории и региональная политика. Калининград: Издательство Балтийский федеральный университет им. Канта, 2016. 322 с.

Казанцев Д. Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.

Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки: Отава, 1995. 176 с.

Кротов П. А. Российский флот как фактор противостояния шведской морской силе на Балтике (1703–1721 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. № 4. СПб.: РХГА, 2003. С. 184–201.

Кротов П. А. Гангут: сражение и корабли. СПб.: Галея Принт, 2013. 326 с.

Кротов П. А. Триумф русских галер — Гренгамская баталия 1720 г.: мифы и факты // Кротов П. А. Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М.: Яуза, ЭКСМО, 2014. С. 99–124.

Мусаев В. И. Аландский вопрос как военно-политическая и национальная проблема // Скандинавские чтения 2010 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 144–154.

От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XX вв. СПб., 2016. 620 с.

Тиркельтауб С. В. Аланды в войнах и мире: Або-Аланды и их «ненарушаемый» нейтралитет войнах 18–20-х столетий по документам российских архивов и историческим изданиям. СПб.: ОРЕОС, 2008. 604 с.

Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland 1808–1918. Helsinki: SHS, 1997. 486 p.

Luntinen P. The Åland Question during the Last Years of the Russian Empire // The Slavonic and East European Review. Vol. 54, No. 4. London: University Colledge London, 1976. P. 557–571.

Söderhjelm J. O. Démilitarisation et neutralisation des îles d'Aland en 1856 et 1921. Helsingfors: Söderstrom & Co., 1928. 380 p.

В. Е. Возгрин

ЗАКАТ ДАТСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ

Во второй половине XVIII в. Дании принадлежали Исландия, Гренландия, Фарёрские острова. Имелись и более южные владения: в Индии Транкебар, в Карибском море острова Св. Фомы, Св. Иана и Св. Креста, в Западной Африке территории на Золотом берегу (район современной Аккры). Колонии ей были необходимы по ряду причин.

Первое — после всех территориальных утрат в войнах XVI–XVII вв. (Эстляндия, провинция Сконе и пр.) было необходимо восстановить пошатнувшийся международный престиж.

Второе — датская экономика не могла развиваться на собственных природных ресурсах. Полезных ископаемых не существовало. Доставка же руды и угля на парусных судах себя не оправдывала. А колонии давали сырье для легкой и пищевой промышленности.

Тем не менее, уже обладая колониями, Дания в промышленном отношении пока развивалась слабо. Основная часть колониальных доходов метрополии уходила в непродуктивную сферу. Ее присваивали владельцы и акционеры торговых компаний, а также члены королевского дома. Траты на личные нужды магнатов, постройку и содержание десятков королевских дворцов лишали национальную экономику возможности успешного развития.

В этом смысле интересно сравнить датскую модель с колониальной системой Великобритании. Как известно, в XVIII в. английские предприниматели и директора колониальных компаний тесно сотрудничали друг с другом, отчего сырье, доставлявшееся из заокеанских владений, становилось основой роста эко-

номики метрополии. Именно ввоз сырья (прежде всего хлопка, а затем и других видов), его переработка и сбыт продукта стали основой английской промышленной революции. Этот экономический рывок стал возможным лишь потому, что финансовые средства не уходили на непродуктивные траты, как в Дании.

Колониальная система Дании создавалась непростым путем. Опыты XVII в. были не совсем удачны. Лишь в 1732 г. возникла основательная, третья по счету Ост-Индская компания. Ее опорным пунктом стал Транкебар на юго-востоке Индостана. А потом в сферу ее деятельности вошел Китай и южные моря, отчего она стала называться Азиатской. В середине XVIII в. акционерный капитал Азиатской компании, в общей сумме составлявший 2,4 млн рд., серебряных ригсдалеров (рд), на ¼ состоял из вкладов дворянской и чиновничьей элиты, на ¼ — иностранных торговых домов и на ½ — датского купечества и бюргерства, в основном копенгагенских[1].

И уже в 1730–1740-х гг. из Дании в Азию (главным образом, в индийские колонии) было отправлено товаров на 2 000 000 рд., а вернулись эти суда с грузом на вдвое большую сумму. Если же подсчитать оборот за более длительный срок, то с 1732 по 1772 гг. Азиатская компания ввезла в Данию товару на 40 000 000 рд., а отправила в колонии груз на ¾ этой суммы[2]. Вывоз состоял в основном из цветных металлов, норвежского железа, оружия, канатов, скобяного товара, водки, табака.

Поэтому имело смысл основывать в Индии всё новые колонии, в том числе вдали от Транкебара. Крупнейшей из них стал Фредерикснагор вблизи Калькутты. По сравнению с другими сообществами предпринимателей именно Азиатская компания приносила в те годы наибольшие доходы — как акционерам, так и королевской казне. Вообще торговля с Востоком стала для национальной экономики в упомянутый период краеугольным камнем в начавшемся процессе оборота капитала.

Большую роль сыграл при этом Договор о вооруженном нейтралитете 1780 г. Из его многочисленных участников в лучшем географическом и техническом положении оказалось Датско-норвежское королевство. Теперь датчане могли торговать в Европе собственными и иностранными колониальными товарами, устанавливая монопольно высокие цены как на них, так и на фрахт своих судов воюющими сторонами.

Большого успеха добилось в этот период вест-индское направление датских интересов. В колониальной экономике Дании важное значение приобрел тростниковый сахар. В отличие от эндемичных для Нового Света табака и кофе, сахарный тростник происходил из Южной Азии, а на островах близ Американского континента был культивирован европейцами. И уже в XVII в. именно оттуда Дания получала основную часть этого ценного продукта. В Вест-Индии датские промышленники еще в 1717 г. начали закладывать новые сахарные плантации на необитаемом французском острове Сен-Круа (ныне Санта-Крус, принадлежит США); но значительно расширить торговлю с островными колониями долго не удавалось, отчего торговая кампания и местные жители испытывали немалые трудности. Тем не менее в 1733 г. группе инициативных предпринимателей во главе с Ф. Хольмстедом удалось получить возможность выкупить остров Сен-Круа у французов за 160 000 рд. — в расчете на экономические перспективы в будущем: по размерам он превосходил совокупную площадь острова Св. Жана и Св. Фомы, обладал плодородной почвой и действительно в дальнейшем стал давать прибыль большую, чем все заокеанские колониальные владения Дании[3]. Компания получила очередную лицензию на монопольную торговлю и полную свободу действий на островах. В XVIII в. основные плантации тростника находились на о. Св. Фомы, являясь важнейшим экспортным товаром колонии. Кроме того, оттуда вывозились табак и хлопок; в обратном направлении шли продукты питания, разнообразные средства производства и другие столь же необходимые для островитян товары.

Дальнейшему развитию колониальной промышленности Вест-Индии содействовал стабильный спрос на сахар в Европе после того, как в середине XVIII в. произошел скачкообразный рост цен на этот колониальный товар. Его впервые стало ежедневно потреблять умножившееся третье сословие. Поэтому плантации датской Вест-Индии ширились, как и ввоз рабов, и вывоз продукции. Так за период 1755–1764 гг. экспорт сахара с острова Св. Креста возрос более чем в 10 раз. И если до того к островам приходило 3–4 судна в год, то в 1766 г. из Копенгагена сюда было отправлено 36 судов. А после разгрузки в их трюмы было спущено 23 600 бочек сахара-сырца[4]. За этот же

девятилетний период число невольников на островах удвоилось, достигнув 17 000 человек.

И тогда же держава национализировала экономику Вест-Индии. После чего производство сахара резко увеличилось — за 11 лет стоимость продукта возросла с 100 000 рд. до 2 500 000 рд. и практически сравнялась с азиатскими доходами. Лишь теперь это обильное поступление сырья из островной колонии сказалось на экономике метрополии. В Дании создаются один за другим сахарные заводы, где сырец рафинируют, отправляя за рубеж. Появляются крупные предприниматели, как скупающие плантации в Вест-Индии, так и строящие сахарные заводы в Дании.

В 1784 г. образуется новое Королевское Датское Балтийское и Гвинейское торговое общество. Эта компания, используя улучшившиеся экономические конъюнктуры, выстраивает «треугольную» торговую схему. Смысл ее был в следующем: из Копенгагена в Гвинею отправляли ружья устаревших моделей, пестрые ткани, спиртное и скобяные товары; здесь на те же суда грузили рабов, предназначенных для вест-индских плантаций. А оттуда в Данию везли сахар-сырец и ром, затем суда снова отправляясь в Гвинею. И Копенгагенский порт становится вторым в мире после Лондонского — территориально он доныне больше не расширялся.

Однако война в 1783 г. закончилась, и теперь перед странами континента вновь открылись моря и океаны. Европейский спрос на колониальные товары, ранее удовлетворявшийся прежде всего датчанами, сразу упал. В результате уже в сентябре 1783 г. снизился курс акций Азиатской, а затем и остальных датских колониальных и торговых компаний.

К тому же в 1803 г. вступает в силу положение о запрете работорговли — впервые в мировой истории его приняло Датское королевство. Тем не менее эхо протеста африканцев Гвинеи против торговли людьми угасло не скоро. В 1811 г. датские плантации подверглись разорению береговыми аборигенами в ответ на отказ администрации Кристиансборга защитить их от нападений враждебного им племени ашанти[5]. Возможно, этот инцидент стал причиной первой попытки Дании продать территории Золотого берега США (1818), впрочем неудачной.

Почти одновременно последовал очередной удар по колониальной экономике — с 1809 г. в Европе начинают делать сахар из

свёклы. Цена на него обрушилась, и в дальнейшем доходность карибской и гвинейской колоний неуклонно падает. Причиной этому стал еще и распад «треугольной» схемы, одна из сторон которой (рейсы невольничьих кораблей на постоянной линии Гвинея — Вест-Индия) была ликвидирована самой империей.

Датское королевство вышло из войн конца XVIII — начала XIX вв. политически ослабленным, разорвав связи с великими морскими державами и утратив в 1814 г. Норвегию. Огромным был и экономический упадок. В этот период континентальная блокада оказалась в состоянии полностью подорвать внешнюю торговлю Дании. Азиатская же компания была практически разорена. Она просуществовала еще некоторое время, но от этого удара так и не смогла оправиться.

Очередной удар по экономике Азиатской компании был нанесен в 1838 г., когда ее лишили монопольного права на скупку индийских товаров в Транкебаре. Наконец, в 1843 г. Азиатская компания прекращает свое существование, а ее имущество идет с торгов по аукционным ценам. В том же году губернатор Транкебара начинает переговоры с английской Ост-Индской компанией о продаже датских колоний в этой части света. Через год Транкебар и другие датские владения в Индии были проданы Англии[6].

Дания полностью утратила надежду на возобновление прибылей от африканских владений и в 1850 г. предложила Англии свои гвинейские форты и всю прилегавшую к ним территорию. При этом Копенгагеном была установлена стоимость будущей сделки — 285 000 фунтов стерлингов. Англичане сочли эту цену завышенной. Торг продлился некоторое время, пока датское правительство не согласилось продать свои африканские колонии всего за 10 000 фунтов стерлингов[7]. Цена совершенно бросовая, но, повторяем, экономически эти земли давно были уже невыгодны и приносили сплошные убытки.

Между тем в Вест-Индии проводились гуманитарные реформы. В 1840-х гг. копенгагенское правительство издает указ, согласно которому на всех трех датских островах учреждаются начальные школы для негритят. В 1847 г. король издает указ, по которому все дети рабов, родившиеся после его опубликования, объявляются свободными и равноправными подданными датской короны. Через 12 лет рабство как таковое должно быть

запрещено вообще. А в начале 1820-х гг. колонисты получили право сбывать сахар в Северную Америку без каких-либо налогов. К этому времени Дания получала ежегодно из этой колонии около 10 000 т сахара и множество иных колониальных товаров[8].

Тем не менее социальное и экономическое положение несвободных цветных оставалось крайне тяжёлым — об этом говорят волнения 1848 и 1878 гг. Первое из них началось на острове Св. Креста и быстро переросло в открытый мятеж. Утром 3 июля 1848 г. тысячи рабов стеклись к стенам Фредериксстеда с требованием немедленного и полного их освобождения. Они захватили главное здание полиции и буквально снесли его. Восставшие рабы блокировали город. После этого к ним вышел губернатор и, опасаясь разгрома столицы острова, объявил всем свободу[9].

Таким образом, мятеж был подавлен и в ближайшие 30 лет не повторялся. Однако это не означало, что были потушены все его искры. Формально отношение «раб — рабовладелец» сменились иным, «рабочий — работодатель». В реальности это означало, что если раньше всю заботу о рабочей силе брал на себя рабовладелец, то теперь от нее освободились наниматели. Они платили бывшим рабам нищенское содержание и снимали с себя ответственность за все остальное, включая медицину. И даже внешне новая ситуация напоминала старую. Среди рубщиков тростника постоянно расхаживали надсмотрщики с палками. Использовался детский труд.

В последующие годы еще более очевидным стал бесспорный факт: датская администрация островов не была в состоянии решить ни социальные, ни экономические проблемы населения. В 1878 г. на острове Св. Креста вспыхивает очередное восстание. Мятежников немилосердно преследовали, многие вооруженные группы были ликвидированы до последнего человека[10].

За полвека численность островного населения упала с 40 000 до 30 000 чел., из которых европейцы составляли 2%, а доля датчан среди последних по-прежнему стала вообще ничтожной[11]. Экономику островов брал в свои руки пришлый элемент. И даже язык общения уже стал английским[12].

И датское правительство начало в 1902 г. новые переговоры с американцами о продаже колонии — пока безуспешные.

Но с началом Первой мировой войны возросло стратегическое значение островов. США не без оснований опасались, что кайзер, так или иначе, попытается овладеть датской Вест-Индией. Вашингтон, конечно, не мог допустить и не допустил бы появления близ американских берегов и Панамского канала опорных пунктов Германии[13].

Начались новые переговоры с Данией. На них американцы выдвинули совершенно неожиданное предложение. Поскольку Гренландия географически относится к Американскому континенту, то американцы требовали передачи ее Соединенным Штатам. Датчане предпочли сохранить Гренландию, пойдя на уступки в отношении Вест-Индии. И в январе 1916 г. уже был готов предварительный договор, согласно которому американцы должны были в обмен на владение островами признать право Дании на Гренландию. Кроме того, датчанам было гарантировано солидное возмещение за утрату островов — теперь уже 25 млн долларов. Официальная передача датской колонии США состоялась 1 апреля 1917 г. В этот день в истории Дании завершилась колониальная эра, длившаяся 250 лет. Но это еще не был полный закат Дании как империи.

У короны оставалось еще одно заокеанское владение, Гренландия. Некогда открытый викингами датской колонии Исландии[14], самый большой остров в мире именно поэтому был признан датским владением, формально — колонией Дании. Однако его вряд ли можно было отнести к колониям «классического» типа, сложившегося в Америке, Азии и Африке. По ряду причин государи Датско-Норвежского королевства не воспринимали аборигенов острова как объект эксплуатации[15]. Хоть они и не отказывались от прибыли, облавливая прибрежные воды Гренландии. Поэтому и отношение к эскимосам со стороны датско-норвежских колонистов было иным, чем в других колониях. Причем заметным это стало с самого начала новой (т. е. после викингов) колонизации острова (1730-е гг.). Проявлялась забота и о культуре аборигенов, вызванная, прежде всего, опытом восстаний на островах Вест-Индии.

Такая опасность считалась вполне реальной даже при незначительности датского населения по сравнению с общей численностью эскимосов — никогда не выше 10 %. Колониальных войск на острове тоже никогда не было, а число служащих

датских компаний и в начале XIX в. не превышало 200 человек на 6 000 местных. Тем не менее датчанам запрещалось вообще входить в эскимосские хижины. А также нанимать служанок, кроме как из числа пожилых эскимосок и т.д. А постепенно всё больший процент служащих компании стал приходиться на долю местного населения. Рост такого рода занятости коренного населения продолжался и в XX в. Таким образом, с первой половины XIX в. шла «коренизация» Гренландии, закончившаяся едва ли не впервые в мире полным успехом. Так, в 1970 г. 92 % трудового персонала предприятий и служащих контор приходилось на долю эскимосов.

Тогда же, в 1970-х гг., началась передача управления островом новообразованным при согласии и помощи Дании гренландским парламенту и правительству. Смешанными датско-эскимосскими оставались считаные отрасли экономики, например, горная, а также система здравоохранения, оплачиваемая из общегосударственного бюджета. Все остальное перешло в руки коренного народа.

Конституционно Гренландия оставалась датской административной единицей. Гренландские депутаты участвовали в работе датского парламента, остров подчинялся его решениям в вопросах внешней политики, государственной безопасности, здравоохранения и выполнения внешнеполитических обязательств. Пока Гренландия не могла полностью выйти из состава королевства по чисто экономической причине. В те годы отказ от безвозмездных датских субсидий (2,5 млн крон плюс 1 млн ежегодных вложений в инфраструктуру острова) был бы равнозначен развалу гренландских экономики, здравоохранения, просвещения, социального обеспечения.

Но в 2009 г. парламент Дании принял закон о расширенной автономии Гренландии, а три года тому назад она стала полностью независимой. С одной оговоркой — Дания продолжает выплачивать эскимосам субсидии в прежнем размере — до тех пор, пока гренландская экономика не станет давать такой же доход[16]. Что сохраняет благосостояние коренного народа на вполне европейском уровне.

Объяснить это уникальное в истории колониализма явление трудно. Может быть, нестареющей максимой Антуана де Сент-Экзюпери: «Ты навсегда в ответе за тех, кого ты приручил».

[1] *Cedergreen Bech S.* Oplysningen og Tolerance, 1721 — 1784. // Danmarks Historie. Bd. IX. København: Politikens forlag, 1965. S. 370–371.

[2] *Cedergreen Bech S.* Oplysningen og Tolerance. S. 263.

[3] Высокие прибыли на Вест-Индских островах Дании объяснялись еще и условиями жизни, гораздо лучшими, чем в индийских или африканских колониях. Здесь был сухой, более здоровый климат, а особенность сырья позволила наладить безотходное производство сахара. Сок из тростника давили на прессовальных мельницах, затем его сушили и использовали для выпаривания патоки, причем в качестве топлива использовались сухие стебли отжатого тростника. Получался рыхлый, коричневатый сахар-сырец, рафинировали который в Копенгагене. Кроме того, из патоки на Сен-Круа гнали ром, который сбывали в соседние США или отправляли в Гвинею в обмен на рабов.

[4] *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte // Unter Mitarbeit von Dr. E. Arup, O.H. Larsen und Dr. A. Olsen. Jena, 1933. S. 297.

[5] *Petersen K.* Danmarkshistoriens hvornår skete det. København 1969. S. 263.

[6] *Skovmand R.* Folkestyrets fødsel. 1830–1870. København, 1964. S. 526; *Petersen K.* Danmarkshistoriens hvornår skete det. S. 373.

[7] *Skovmand R.* Folkestyrets fødsel. S. 526; *Petersen K.* Danmarkshistoriens hvornår skete det. S. 277.

[8] *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte. S. 364.

[9] *Skovmand R.* Folkestyrets fødsel. S. 526.

[10] *Petersen K.* Danmarkshistoriens hvornår skete det. S. 295–296.

[11] *Dybdahl V.* De nye klasser 1870–1913. København, 1965. S. 503–504.

[12] *Skovmand R.* Folkestyrets fødsel. S. 527.

[13] *Rasmussen E.* Velfærdsstaten på vej. 1913–1939. København, 1965. S. 112.

[14] *Возгрин В. Е.* Гренландские норманны // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 186–187.

[15] Подр. см. в: *Возгрин В.Е.* Гренландия // История Дании с древнейших времен до начала XX в. М.: Наука, 1996. С. 340

[16] *Michelsen D.* Greenland in Figures. Nuuk, 2012. P. 7.

Литература

Возгрин В. Е. Гренландские норманны // Вопросы истории. 1987. № 2. С. 186–187.

Возгрин В. Е. История Шведской и Датской колониальных империи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 262 с.

Возгрин В. Е. Датский путь к деколонизации Гренландии: Вызовы современной колониальной идеологии и практике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2010. № 11. С. 259–275.

Возгрин В. Е. Современная датская историография холодной войны // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. С. 299–308.

История Дании с древнейших времен до начала XX в. М.: Наука, 1996. 505 с.

От национальных государств к единой Европе: Проблемы интеграции в XIX–XXI вв. СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 620 с.

Cedergreen B. S. Oplysningen og Tolerance, 1721–1784 // Danmarks Historie. Bd. IX. København: Politikens forlag, 1965. 527 s.

Dybdahl V. De nye klasser 1870–1913. København: Gyldendal, 1965. 511 s.

Michelsen D. Greenland in Figures. Nuuk: Statistics Greenland, 2012. 16 s.

Nielsen A. Dänische Wirtschaftsgeschichte // Unter Mitarbeit von Dr. E. Arup, O.H. Larsen und Dr. A. Olsen. Jena: G. Fischer, 1933. 600 s.

Petersen K. Danmarkshistoriens hvornår skete det. Fra istiden til 1960 — år for år. København: Politikens forlag. 448 s.

Rasmussen E. Velfærdsstaten på vej 1913–1939. København: Politikens forlag, 1965. 512 s.

Skovmand R. Folkestyrets fødsel. 1830–1870. København, 1964. 526 s.

А. А. Михайловская

ШВЕДСКИЙ «АКТИВИЗМ» В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В начале XX в. положение Швеция на мировой арене было достаточно неустойчивым. С одной стороны, как крупный поставщик отличной по качеству железной руды, Швеция имела влияние на экономическое положение европейских стран. С другой стороны, после Карлстадского соглашения в 1905 г. Швеция пребывала в стрессовом состоянии. В парламенте зажиточные фермеры обладали значительным влиянием и стремились не к урегулированию внешнеполитического статуса своего государства, а к максимальному сбережению бюджета страны[1]. В данном случае, в рамках Первой мировой войны, принцип нейтралитета помогал не только по максимуму сократить бюджет на военные расходы, но также и получить выгоду в результате развития экономических отношений с обеими сторонами. Но главной причиной выбора подобной внешнеполитической линии поведения являлись попытки обеспечить национальную безопасность Швеции. Однако принцип нейтралитета в Швеции являлся скорее результатом ухудшения положения государства на международной арене, нежели хорошо продуманной стратегией.

В результате 3 августа 1914 г. в Стокгольме был провозглашен принцип нейтралитета[2]. Но, поскольку шведский принцип нейтралитета не имел правовой основы и не существовало никаких международных обязательств, то, следовательно, у шведов были развязаны руки в принятии внешнеполитических решений[3]. Поэтому и Тройственный союз, с одной стороны, и Антанта — с другой, имели собственные виды на сильнейшее государство Скандинавского полуострова.

Однако внутреннее положение Швеции, рввно как и внешнее, находилось в кризисном состоянии. Общество разделилось на два больших лагеря: пацифистов — приверженцев принципа нейтралитета и противников войны, а также активистов — сторонников вступления в войну на стороне Германии. По мнению активистов именно Германия являлась гарантом национальной безопасности Швеции, угрозой для которой являлась Российская империя[4]. Активисты свято верили в то, что война Германии есть одновременно и война за Швецию. Этот лозунг красной нитью проходил через шведскую периодическую печать. Читателей завлекали устрашающими заголовками, такими как, например, «рука России занесена над Скандинавией». Таким образом «русская опасность» стала главной темой разговоров в обществе. Причем сам пик убежденности в «русской опасности» пришелся на период конца 1914 г. — начала 1916 г.

Социальной основой шведского «активизма» являлось по большей степени консервативное общество, которое было крайне недовольно выбором либералов во внешнеполитическом курсе. Также данное движение было распространено среди офицерского корпуса, высшей школы и лютеранского духовенства. Среди участников движения можно было встретить не только консерваторов, но и представителей социал-демократической партии, таких как Г. Стеффена, И. Ларссона, О. Ярте и т. д.[5] Тем не менее идеи активистов оставались лишь романтическими мыслями «на бумаге». Участники движения так и не смогли образовать единой партии.

Одной из причин политической неудачи активистов было полное разногласие членов данного движения в планах на будущее[6]. Поэтому вся деятельность активистов строилась исключительно на пропаганде, поскольку считалось, что прежде всего нужно настроить шведское население против нейтралитета. Но убеждения в пользе вступления в войну на стороне Тройственного союза все же были недостаточными. К тому же явно требовалось еще провести ряд пропагандистских мер в пользу германо-шведского союза в Германии.

По мнению активистов, Швеция должна была бороться не только с территориальными притязаниями России, но также и с «варварской» культурой царизма. В целях пропаганды выпускалось большое количество брошюр, газет, журналов, в ко-

торых описывалась «мрачная» и «необразованная» Россия. При этом особо обращалось внимание на скудность финансирования образования в России и указывалось на существующие данные статистики в отношении наблюдавшейся тогда русской безграмотности. Акцент же данной агитации делался на возможностях, которые Россия получит при победе в войне, подчеркивая, что «великое русское царство в случае победы не сможет дать центрально-европейским державам никакого света». В противовес же «ночи на востоке» ставится цивилизованная и образованная Германия, «родина великих мыслителей и политиков». В подобных работах нередко прослеживались националистические идеи, такие как «борьба против низшей расы», т. е. необразованной Российской империи[7]. Практически в каждой статье, изданной в те годы, поднимался вопрос о Финляндии. Швеция представлялась в роли героя, который сочувствует соседу и обязан помочь «угнетенному» народу Финляндии выбраться «из рук царизма». Вывод же из подобных утверждений делался достаточно однозначный — Швеции необходимо вступить в войну на стороне германского блока и «обнажить меч за правое дело Финляндии»[8].

В этом отношении считается, что огромную роль в активистской пропаганде сыграла брошюра «Внешняя политика Швеции в свете мировой войны», вышедшая в июне 1915 г. В ней четко содержался призыв, обращенный к шведскому обществу, о необходимости «мужественной приверженности немецкой стороне», а также раскрыты цели предстоящей борьбы с «варварской Россией». В этом отношении в брошюре была предпринята попытка обратить внимание на предполагаемые рычаги влияния, которые Швеция могла использовать в отношении России, и показаны возможные еще способы борьбы с ней. Кроме того, в работе большое место занимал вопрос о Финляндии и Аландских островах. В частности, утверждалось, что Финляндия должна в результате победы над Россией приобрести реальную автономию, а Аландские острова просто отойти к Швеции. Что же касается самой Швеция, то по итогам ее противостояния с Россией это государство, как утверждалось, должно было опять стать ведущей державой в североевропейском регионе[9].

Сам эта работа была опубликована анонимно. Однако ее авторами являлись достаточно заметные шведские политические деятели — О. Ярте, Й. Челлен, И. Ларссон, А. Молин[10]. Тем не

менее выход данного произведения был встречен в шведском обществе весьма критически. Против него, в частности, выступили крупные шведские политические деятели, такие как К. Хёглунд и К. Брантинг[11]. После же того, как в октябре 1915 г. стало известно, что среди авторов этой скандальной работы оказались еще и социал-демократы (О. Ярте и И. Ларссон), их сразу же исключили из партии[12].

Тем не менее в далеко идущих планах активистов проблема дальнейшей судьбы Финляндии продолжала активно обсуждаться. В частности, предполагалось создать либо протекторат над Финляндией (идея Эрнста Лильедаля) либо оформить с ней союз (идея Миттаг-Леффлера). В любом случае, по мнению активистов, Финляндия должна была «на основе национального недовольства» и отделения от России присоединиться к т. н. Северному Союзу, в котором Швеция, соответственно, должна была стать несомненным лидером. К этому Союзу впоследствии должны были присоединиться еще Норвегия, а затем и Дания[13]. Аландские же острова безусловно должны были вообще отойти к Швеции «по национальным соображениям».

В целом пропаганда против России доходила до абсурда, поскольку абсолютно вся деятельность России рассматривалась сугубо в рамках «захватнических намерений царизма», где даже строительство железных дорог в Финляндии было направлено, по мнению активистов, исключительно против Швеции[14].

Тем не менее с течением времени шведское общество убеждалось в ошибочности всевозможных пророческих идей активистов. Экономические отношения Швеции с Россией развивались, а в деятельности «активизма» происходил спад. В результате этого, если в начале войны «активизм» возник и развивался сугубо в русофобском ключе, то в конце 1915 г. — начале 1916 г. движение стало приобретать уже антианглийский характер. Однако стоит сказать, что идея «русской опасности» продолжила существовать практически до окончания войны.

---

[1] *Новикова И. Н.* Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны / И. Н. Новикова // Науковий вісник Дипломатичної академії України. 2014. Вип. 21(1). С. 177.

[2] *Franklin D. S.* Sweden: The Nation's History. Minneapolis, 1977. P. 468.

[3] *Lindberg F.* Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Eine Bilanz nach 100 Jahren. Köln, 1970. S. 161.

[4] *Новикова И. Н.* Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны. С. 180.

[5] *Sidenbladh G. G R Yngve Larsson. Stockholm, 1978. S. 333–337.*

[6] *Schubert I.* Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981. P. 32.

[7] *Новикова И. Н.* Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны. С. 181.

[8] Sveriges utrikespolitik I världskrigets belysning. Uppsala, 1915.

[9] *Järte O., Kjellén R., Larsson Y., Molin A.* Sveriges utrikespolitik i världskrigets belysning (utgiven anonymt). Stockholm,1915.

[10] Ibidem.

[11] *Palmstierna E.* Orostid: politiska dagboksanteckningar. 1, 1914–1916. Stockholm, 1952. S. 177.

[12] Ibid. S. 122, 137.

[13] *Новикова И. Н.* Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны. С. 180.

[14] Там же.

Литература

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.

Новикова И. Н. Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны // Науковий вісник Дипломатичної академії України. 2014. Вип. 21(1). С. 176–192.

Franklin D. S. Sweden: The Nation's History. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1977. S. 744.

Järte O. Kjellén R., Larsson Y. Molin A. Sveriges utrikespolitik i världskrigets belysning (utgiven anonymt). Stockholm: Nordiska Bokhandeln, 1915. S. 22.

Lindberg F. Skandinavien und das Deutsche Reich // Europa und die Einheit Deutschlands. Eine Bilanz nach 100 Jahren. Hrsg. von Walter Hofer: Köln, 1970. S.161–182.

Palmstierna E. Orostid: politiska dagboksanteckningar. V. 1. 1914–1916. Stockholm: Tiden, 1952. S. 725.

Schubert I. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981. S. 193.

Sidenbladh G. "G R Yngve Larsson". Svenskt biografiskt lexikon (SBL), häfte 108. Stockholm: Statens arkivstyrelse. 1978. *S. 333–337.*

Садомцева А. Р.

ШВЕДСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ФИНСКОГО ВОПРОСА» (22.06.1941 г. — ЛЕТО 1943 г.)

Вступление Финляндии в войну против Советского Союза в июне 1941 г. повлекло новый этап отступления Швеции от провозглашенной в начале Второй мировой войны политики нейтралитета, учитывая особенно важное стратегическое положение Швеции, которая она занимала в планах Германии[1].

Уже утром 22 июня специальный уполномоченный рейха К. Шнурре вручил министру иностранных дел К. Гюнтеру меморандум с требованиями германской стороны, многие их которых, по словам министра экономики Швеции А. Йореса, являлись сомнительными и не соответствующими условиям нейтралитета[2].

В тот же день финский посол в Швеции Х. Р. Васашерна предъявил от Финляндии К. Гюнтеру восемь пунктов, некоторые из которых повторяли требования Германии, но другие призывали к шведской помощи Финляндии в начавшейся войне против СССР с расчетом на тот же «запал» шведов, который наблюдался во время «зимней войны»[3]. От Швеции требовался не только пропуск немецких военнослужащих, но и поставка оружия, боеприпасов, питания, а также предоставление необходимых ей кредитов[4].

25 июня Швеция согласилась на то, чтобы Германия могла из Южной Норвегии перебросить в Финляндию дивизию, тяжелую артиллерию, что повлекло за собой едва ли не самый острый политический кризис в Швеции за весь период Второй мировой войны[5]. Как замечает исследователь А. Левайн, в большинстве

случаев шведское правительство никогда не делало уступки охотно и чаще всего они были вызваны политической и военной необходимостью для предотвращения угрозы вторжения в их страну. Тем не менее шведская общественность утверждала, что в данный момент правительство все же слишком быстро уступило немцам[6].

Положение Швеции усложнялось, однако, не только давлением со стороны агрессоров, но и возможными ответными действиями Великобритании и США. Это, по словам шведского министра иностранных дел К. Гюнтера, тоже могло представлять для Швеции определенную угрозу[7]. Опасения шведской стороны не были напрасны, так как Соединенные Штаты не оставались в стороне от участия Финляндии в войне на стороне Германии. 23 июня 1941 г. из Вашингтона последовало предупреждение Финляндии о том, что в Вашингтоне надеются, что ее правительство сможет избежать вовлечения в войну[8]. Соответственно, США были сторонниками скорейшего заключения мира между Советским Союзом и Финляндией[9]. В частности, в августе 1941 г. американской стороной предпринимались попытки посредничества между Финляндией и Советским Союзом, что, однако, не было успешным. После неудачной попытки в августе 1941 г. осуществить посредничество американской стороной более не предпринимались аналогичные попытки.

В середине октября в беседе с первым заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским посол США в СССР Л. Штейнгардт сообщил, что Финляндия не стремится пойти навстречу уговорам Соединенных Штатов, вследствие чего правительство США оказывает давление на Швецию, с тем чтобы последняя прекратила поставки в Финляндию продуктов питания[10].

Вместе с тем в шведско-американских отношениях финский вопрос получил свое развитие лишь после непосредственного вступления в декабре 1941 г. США в войну. Конкретно, 16 декабря 1941 г. шведы, заключив очередное торговое соглашение с Великобританией, пошли на уступку западным союзникам. Стокгольм признал Финляндию воюющей страной, из чего следовало, что Швеция официально отказывалась продавать финнам военные материалы[11]. Вследствие этого объем шведско-финского сотрудничества уменьшился. Тем не менее в шведском

перечне мероприятий, касающихся помощи странам «оси» от 20 января 1942 г., военные материалы для Финляндии не значились. Но одновременно появилась уже тенденция оказать помощь в посредничестве для налаживания отношений между Финляндией и Советским Союзом. В конце 1941 г. — начале 1942 г. с этой целью шведский промышленник М. Валленберг предпринял поездку в Хельсинки для встречи с президентом Финляндии Р. Рюти. Эта инициатива, однако, пока не вызвало энтузиазма у финского правительства[12].

Стоит также отметить, что шведская сторона спустя полгода после начала военных действий Германии и Финляндии против Советского Союза старалась выяснить степень подчинения Финляндии hейху. На встрече с финнами в Стокгольме 14 декабря шведский политический деятель, социал-демократ, журналист Харальд Окерберг спросил бывшего министра иностранных дел Финляндии (в рассматриваемый период — министр торговли Финляндии) В. Таннера, были ли уже до войны подписаны какие-либо соглашения о совместных действиях Германии и Финляндии против Советского Союза. Однако В. Таннер данный факт не подтвердил. Как отмечал в своих дневниках шведский политик, журналист Р. Каспарссон, В. Таннер говорил о существовавших договоренностях военных на проведение некоторых совместных с Германией мероприятий, но не о полном подчинении Финляндии Германии[13].

Что касается шведско-американских отношений до лета 1942 г., то в рамках развития «финского вопроса» между двумя странами явно возникали некоторые недопонимания. В частности, это касалось возможного вовлечения Швеции в войну. Посол США в Швеции Х. Джонсон в своем послании государственному секретарю К. Хэллу 25 февраля рассказал, что в разговоре с секретарем шведского Министерства иностранных дел Э. Бухеманом отметил общую тенденцию, наметившуюся в шведской печати в последнее время о возможном вовлечении Швеции в войну. Э. Бухеман поспешил успокоить американского дипломата, акцентируя внимание на том, что «Швеция стала нейтральной в силу определенных обстоятельств и что невозможно заставить шведский народ воевать ни с Норвегией, ни с Финляндией, ибо это означало бы вступление Швеции в войну на стороне Германии»[14].

Кроме того, американцев волновал транзит людей и снабжения по средствам шведских железных дорог германских вооруженных сил в Норвегии и Финляндии. Показательным при этом было то, что шведская сторона не смогла дать на американские претензии однозначного ответа[15].

При этом США также сохраняла свои отношения с Финляндией, хотя уже летом 1942 г. стало известно, что по инициативе американцев произошел полный разрыв консульских связей двух стран[16]. Тем не менее в ходе обозначавшегося коренного перелома в ходе Второй мировой войны финляндское руководство теперь само стремилось через США выяснить возможность выхода страны из войны с минимальными для себя потерями[17]. Действительно, американская сторона готова была вновь взять на себя выполнение посреднических функций. Однако, выяснив 27 марта 1943 г., что для СССР первостепенным является восстановление мирного договора 1940 г., американцы решили воздержаться от передачи Хельсинки полученной информации, сообщив лишь о готовности выполнять функции посредника[18].

С другой стороны, касательно шведско-финляндских отношений, исследователь-скандинавист А. С. Кан подчеркивает, что летом 1942 г. в шведском внешнеполитическом курсе относительно Финляндии каких-либо изменений не наблюдалось. Подписанное в мае 1942 г. новое шведско-финляндское торговое соглашение предусматривало сохранение экспорта шведских товаров в Финляндию[19]. Тем не менее внешнеполитическая обстановка не могла не сказаться на отношениях двух стран. С июля 1942 г. со стороны Швеции стала проявляться определенная прохлада. Она в первую очередь была вызвана недовольством шведского правительства проводимого Финляндией внешнеполитического курса[20].

Эти изменения в какой-то степени были связаны и с позицией США. В Вашингтоне очень внимательно следили за шведско-финляндскими экономическими отношениями. Более того, в июле 1942 г. госдепартамент США вообще потребовал от Швеции прекратить или значительно сократить экспорт продовольствия в Финляндию, а также предоставить Америке подробную статистику шведского экспорта[21]. В результате Стокгольм вынужден был учитывать возможности американского экономического

давления, стремилась также показать свое благожелательное отношение к США[22].

Это еще более становилось заметным уже в условиях коренного перелома в ходе Второй мировой войны. В это время, весной 1943 г., в Лондоне прошли англо-шведско-американские переговоры, где со стороны западных союзников явные прозвучали требования, адресованные правительству Швеции. США и Великобритания считали необходимым, в частности, ввести запрет на любой транзит в Финляндию военных материалов[23]. Вместе с тем дальнейшие германские поражения заставляли и шведское правительство все чаще протестовать против нарушения шведского нейтралитета немцам и транзита материалов в Финляндию[24]. В результате, действительно, с середины августа 1943 г. шведами наконец был прекращен транзит немецких военных материалов и отпускников[25]. Кроме того, на протяжении всего 1943 г. наблюдалось снижение по сравнению с 1942 г. общего объема экспорта шведских товаров в Германию и зависимых от нее стран. Предоставление кредитов Финляндии значительно ограничено[26].

Помимо вышеуказанных действий Швеция стремилась теперь еще приложить максимум усилий для содействия выходу Финляндии из войны. При этом опасаясь на этот негативной реакции Германии, Стокгольм считал необходимым действовать крайне осторожно[27]. В данном направлении шведские дипломаты рассчитывали на помощь американцев. Неслучайно еще в феврале 1943 г. К. Гюнтер выразил Америке надежду на то, что США все же постараются активно содействовать выходу Финляндии из войны[28]. Параллельно Министерство иностранных дел Швеции также неоднократно подталкивало и финское правительство к началу переговоров с СССР.

С другой стороны, Финляндии в поисках пути выхода из проигранной войны и заключения сепаратного мира с Советским Союзом тоже необходимо было заручиться поддержкой Швеции. Но при этом здесь явно продолжали демонстрировать лояльность в отношении Германии, которая, как утверждали, спасла «Финляндию от гибели»[29]. В данных условиях, по словам референта корреспондентского пункта ТАСС в Стокгольме А. М. Александрова-Агентова, Стокгольм начал нажимать на финнов, побуждая их к выходу из войны. Тогда до советского

посланника А. М. Коллонтай стали доходить сведения (через МИД Швеции) об осторожных зондажах финнов насчет возможности переговоров о мире[30]. Конкретно, 13 ноября 1943 г. А. М. Коллонтай встретилась с секретарем шведского Министерства иностранных дел Э. Бухеманом. На этой встрече шведский дипломат прямо отметил, что Финляндия уже готова обсудить подписание мирного договора, однако прежде необходимо ознакомиться с его условиями, и подчеркнул при этом также еще и стремление Стокгольма содействовать в установлении дружеских отношений между СССР и Финляндией[31].

Действительно, К. Э. Гюнтер и Э. Бухеман настоятельно советовали финнам воспользоваться возможностью проведения переговоров с Советским Союзом. Согласно их мнению, только путем переговоров соглашение может быть достигнуто[32]. Вместе с тем Э. Бухеман признается в своих воспоминаниях, что у него не было надежды на то, что данный вопрос не может быть урегулирован в ближайшее время[33]. Это было очевидно и для советского полпреда, вследствие чего Александра Михайловна стала предпринимать попытки установления «неофициальных контактов»[34], в частности, со шведским промышленником М. Валленбергом. В результате, при содействии М. Валленберга, состоялись неофициальные встречи в феврале 1944 г. советской и финской сторон — А. М. Коллонтай и Ю. К. Паасикиви, в ходе которых были переданы условия будущего мирного договора[35], которые в основном сохранились до самого момента выхода из войны в сентябре 1944 г.[36]

Вместе с тем важно отметить, что советско-финские контакты были прерваны в апреле 1944 г. и восстановлены лишь в июне 1944 г., но опять при посредничестве шведской стороны. В июле К. Гюнтер, оказывая давление на финское правительство, обещал ему шведскую помощь в уплате репараций[37].

Наблюдая за успехами Красной армии и разгромом германских вооруженных сил, финское правительство поспешило выйти из-под влияния Германии во избежание возможной оккупации с советской стороны[38]. 24 августа 1944 г. К. Г. Маннергейм принял наконец решение установить контакт с Советским Союзом. 29 августа советское правительство дало согласие принять финскую делегацию в Москве при условии, что Финляндия порвет отношения с Германией, публично заявив об этом, и предъ-

явит ей требование о выводе своих войск с финской территории до 15 сентября[39]. Все остальные вопросы предлагалось решить во время переговоров, которые начались 14 сентября. 19 сентября в 12 дня в Москве был подписан советско-финляндский мирный договор[40].

В данном случае важно отметить, что до выхода Финляндии из войны наблюдалось «американское присутствие» в «финском вопросе» и нажим на финское правительство[41]. Это особенно заметно, когда в апреле 1944 г. финское правительство прервало переговоры с Советским Союзом. В это время, а также в момент подписания в июне 1944 г. пакта Рюти — Риббентропа финско-американские отношения вошли в состояния острого кризиса[42], закончившегося разрывом 30 июня дипломатических отношений. Когда в июне 1944 г. началось мощное советское наступление против финских войск, Финляндия оказалась на грани полной катастрофы[43].

Нажим правительства Соединенных Штатов на Финляндию незначительно отразился на отношениях между США и Швецией. Стокгольм четко стал на путь активного посредничества между Советским Союзом и Финляндией. Главным камнем преткновения для шведско-американских отношений в данный момент оставалось лишь сохраняющееся «пособничество» Швеции нацистской Германии, «финский вопрос» в их взаимоотношениях, однако, постепенно себя изживал.

---

1 *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. М., 1964. С. 176.

2 *Wahlbäck K.* Regeringen och kriget. Ur statsrådet dagböcker 1939–41. Stockholm, 1972. S. 168.

3 *Carlgren W. M.* Swedish Foreign Policy during the Second World War. London, 1977. P. 115.

4 *Boheman E.* På vakt. Stockholm, 1964. P. 162, *Wahlbäck K.* Regeringen och kriget. S. 170. *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. Война-продолжение (11 марта 1941 — 27 июня 1944) / СПб., 2004. С. 94.

5 *Nybom T.* Motstånd — anpassning — uppslutning. Linjer i svensk debatt om utrikespolitik och internationell politik 1940–1943. Stockholm, 1978. S. 187.

6 *Levine P. A.* Swedish neutrality during the Second World War: tactical success or moral compromise?//European neutrals and non-belligerents during the Second World War. Cambridge, 2002. P. 319.

7 *Wahlbäck K.* Regeringen och kriget. S. 173.

[8] *Барышников В. Н.* Американо-финляндские отношения в 1941–1944 гг. и политика СССР//Петербургская историческая школа: Альманах. Первый год выпуска. СПб., 2001. С. 275.

[9] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1942, Europe. Vol. II. Washington, 1962.P. 637.

[10] Документы внешней политики СССР. 1917–1975 гг. Т. 1. М., 1976. С. 355.

[11] *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. С. 180.

[12] *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 258.

[13] Цит. по: *Johansson A. W.* Per Albin Hansson och kriget: samlingsregeringen och utrikespolitiken under andra världskriget. Stockholm, 1984. S. 281–282.

[14] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1942, Europe. Vol. II. P. 329–330.

[15] Ibid. P. 331.

[16] *Барышников В. Н.* Американо-финляндские отношения... С. 280.

[17] Там же. С. 280; *Невакиви Ю., Хентиля С., Юссила О.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 247.

[18] *Барышников В. Н.* Американо-финляндские отношения... С. 280.

[19] *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских... С. 257.

[20] *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 201; *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. М., 1984. С. 95; *Паасикиви Ю.-К.* Дневники. С. 72; *Carlgren W. M.* Swedish foreign Policy... P. 171.

[21] Foreign Relations of the United States. P. 598–599; *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских... С. 258.

[22] Foreign Relations of the United States. P. 252.

[23] Ibid. S. 250; *Hägglöf G.* Svensk krigshandelspolitik under andra världskriget. Stockholm, 1958. S. 249; *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских... С. 313.

[24] *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. С. 184.

[25] Там же. С. 185.

[26] *Hägglöf G.* Svensk krigshandelspolitik. C. 261.

[27] *Johansson A. W.* Per Albin Hansson. S. 345.

[28] Ibid.

[29] *Gripenberg G. A.* Finland and the Great Powers: memoirs of a diplomat // Trans. from the Swedish with an introduction by A. T. Anderson. Lincoln, 1965. P. P. 263.

[30] *Александров-Агентов А. А.* От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 32.

[31] *Boheman E.* På vakt. S. 248.

[32] Ibid. S. 251.

[33] Ibid. S. 250.

[34] *Лоренсон Э. Г.* Коллонтай в Швеции // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 110.

[35] *Александров-Агентов А. М.* От Коллонтай... С. 32; Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина. М., 2014. С. 210; *Лоренсон Э. Г.* Коллонтай в Швеции. С. 110; *Синицын Е. Т.* Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 187; *Boheman E.* Pa vakt. S. 253; *Коллонтай В. М.* Воспоминание внука об Александре Михайловне Коллонтай // Северная Европа. СПб., 2015. С. 328; *Паасикиви Ю.-К.* Дневники 312–313; *Carlgren W. M.* Swedish Foreign Policy... P. 181; *Барышников Н. И., Барышников В. Н.,*

Федоров В. Г. Финляндия во Второй... С. 231; *Барышников В. Н.* К вопросу о выходе... С. 142–143.

[36] *Барышников В. Н.* К вопросу о выходе... С. 143.

[37] *Кан А. С.* Новейшая история Швеции. С. 188.

[38] *Carlgren W.* Swedish Foreign Policy... P. 192.

[39] *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй... С. 279.

[40] Там же. С. 282, 285–286.

[41] *Войнмаа В.* Дипломатическая почта. С. 160.

[42] *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй... С. 242.

[43] *Барышников В. Н.* Американо-финляндские отношения... С. 281–282.

Литература

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М.: Международные отношения, 1994. 299 с.

Барышников В. Н. Американо-финляндские отношения в 1941–1944 гг. и политика СССР // Петербургская историческая школа: Альманах. Первый год выпуска. СПб.: Нестор, 2001. 275–283 с.

Барышников В. Н. Американская историография XX в. об участии Финляндии во Второй мировой войне // Мавродинские чтения. 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. СПб., 2009.

Барышников В. Н. Возникновение и характер деятельности «мирной оппозиции» в Финляндии в период 1943–1944 гг. // Скандинавский сборник, XXIX. Таллинн: Эстонское государственное издательство, 1985. 58–67 с.

Барышников В. Н. К вопросу о выходе Финляндии из Второй мировой войны: визит финской правительственной делегации в Москву в марте 1944 года его значение (по материалам архива министерства иностранных дел Финляндии) // Труды кафедры: Сборник статей. Вып. 16. СПб., 2016. 140–156 с.

Барышников В. Н. О германских планах 1942–1945 гг. совершения государственного переворота в Финляндии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. Из истории античности и нового времени: Сборник статей к 80-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 485–502.

Барышников В. Н. О различных идеях создания финских эмигрантских правительств в конце Второй мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 7 (128). Т. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012. С. 7–14.

Барышников В. Н. Советское наступление в июне 1944 года глазами финских солдат // Война в зеркале историко-культурной традиции: От античности до Нового времени: Материалы международной российско-немецкой научной конференции. СПб.: НП-Принт, 2012. С. 133–141.

Барышников В. Н. Финляндия на пороге рождения «Второй Республики»: 1944 год: и его значение для финской истории // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2015. № 13. С. 198–218.

Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия. СПб.; Хельсинки: Ин-т Йохана Бекмана, 2002. 300 с.

Барышников Н. И. Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Л.: Наука, 1985. С. 80–95.

Барышников Н. И. Историческое значение перехода Финляндии от первой ко второй республике // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 279–283.

Барышников Н. И. Трудный путь Финляндии от войны к миру (1944 г.) // Клио. Журнал для ученых. 2004. № 4 (27). СПб.: Полторак. С. 86–95.

Барышников Н. И. Феномен фальши: «победа в противостоянии». Финская историография о завершающихся боях лета 1944 г. с советскими войсками // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 297–310.

Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб.: Наука, 2010. 416 с.

Барышников Н. И. Финская историография о завершающемся периоде войны летом 1944 года // Война. Народ. Победа. М.: Наука, 2008. С. 398–409.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л.: Лениздат, 1989. 334 с.

Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Из истории советско-финляндских отношений. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 495 с.

Барышников Н. И. Наступление советских войск в 1944 г. на Карельском перешейке и его оценка // Чтения по военной истории: Сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 25–29.

Барышников Н. И. Поворот в политике Финляндии в отношении СССР в 1944–1948 гг. // Скандинавские чтения 2004 года. СПб.: Кунсткамера, 2006. С. 172–175.

Вайну Х. М. О выходе Финляндии из Второй мировой войны // Вопросы истории № 6. М.: Правда, 1987. С. 38–50.

Ингульская Л. А. В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948). М.: АН СССР, 1972. 279 с.

Ингульская Л. А. Выход Финляндии из Второй мировой войны // Международные отношения. Политика. Дипломатия: Сборник статей к 80-литию академика И. М. Майского. М.: Наука, 1964. С. 154–173.

Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М.: Наука, 1967. 456 с.

Комаров А. А. Выход Финляндии из Второй мировой войны: (По материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа: Проблемы истории. Вып. 2. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 117–129.

Комаров А. А. Окончание Второй мировой войны и советские интересы в Финляндии и Норвегии (1944–1947) // Северная Европа и Норвегия: Проблемы истории. Вып. 3. М.: Прогресс-Академия, 1999. С. 220–232.

Невакиви Ю., Хентиля С., Юссила О. Политическая история Финляндии. 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 471 с.

От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 452 с.

Паасикиви Ю.-К. Дневники. Война-продолжение. СПб.: Европейский Дом, 2004. 424 с.

Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отчественной войны 1941–1945. СПб.; Пушкин: Пушкинское высшее училище радиоэлектроники, 1997. 329 с.

Садомцева А. Р. Секретные советско-финляндские переговоры в Стокгольме в феврале 1944 г. в свете различных источников: проблемы и достоверность //Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. Т. 2. С. 131–148.

Чернышева О. В. Швеция в годы Второй мировой войны. Экономика, политика, рабочее движение. М.: Наука, 1980. 386 с.

Boheman E. På vakt. Stockholm: Norstedt, 1964. 317 s.

Carlgren W. M. Swedish Foreign Policy during the Second World War / Transl. by Arthur Spencer. London; Tonbridge: Benn, 1977. 257 p.

Documents on American foreign relations. Vol. 4, 1942. New York: Harper&Row, 1942. 960 p.

Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1942, Europe, Volume II. Washington, D. C.: U. S. Government Printing Office, 1942. 869 p.

Gripenberg G. A. Finland and the Great Powers: memoirs of a diplomat // Trans. from the Swedish with an introduction by A. T. Anderson. Lincoln: university of Nebraska Press, 1965. 380 s.

Johansson A. W. Per Albin Hansson och kriget: samlingsregeringen och utrikespolitiken under andra varldskriget. Stockholm: Tidens, 1984. 480 s.

Levine P. A. Swedish neutrality during the Second World War: tactical success or moral compromise? // European neutrals and non-belligerents during the Second World War / Ed. by N. Wylie. Cambridge: Cambridge university press, 2002. P. 303–327.

Nybom T. Motstånd — anpassning — uppslutning. Linjer i svensk debatt om utrikespolitik och internationell politik 1940–1943. Stockholm: LiberFörlag, 1978. 402 s.

Wahlbäck K. Regeringen och kriget. Ur statsrådet dagböcker 1939–41. Stockholm: Prisma, 1972. 190 s.

Иванников Н. С.

КРИТИКА ПАРТИИ «ШВЕДСКИЕ ДЕМОКРАТЫ» ПО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ПУНКТАМ ПРОГРАММЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

«Шведские демократы» обозначили свою реальную позицию на рубеже начала XXI в., когда в партийной программе резко выступили за снижение иммиграционного потока, хлынувшего в их страну, и потребовали ужесточения правил миграции. Тем не менее, только после внезапного успеха на парламентских выборах 2014 г., более либеральные политические силы Швеции стали в действительности воспринимать эту партию как своего серьезного соперника и на них обрушилась весьма серьезная волна критики. Причем показательно, что в этой критике стал явно теряться весь комплекс партийной программы «Шведских демократов». Но, чтобы понять реальную причину достигнутого этой партией успеха, важно прежде всего разобраться не только с тем, за что критикуют «Шведских демократов», но и обратить внимание на социально-политические пункты ее программы в целом.

Для изучения этого вопроса важным источником являются разнообразные, опубликованные в шведских органах массовой информации материалы[1]. В них содержится обильная критическая оценка социально-экономического положения Швеции в период после выборов в риксдаг 2014 г. Таким образом, лишь путем подбора соответствующих публикаций, а также их последующий анализ, несомненно, позволит понять, что лежало в основе начавшейся тогда критики «Шведских демократов». Причем полученные данные из выбранного материала можно условно разбить на несколько основных направлений критики,

но одним из наиболее значимых является экономическое состояние страны и связанная с этим налоговая политика государства.

Также, приступая к данному анализу, необходимо еще выйти и за означенные хронологические рамки исследования, и заметить, что за четыре года до выборов 2014 г. министр финансов Швеции А. Борг отмечал, что результаты выполнения пунктов программы «Шведских демократов» по миграционной политике могут быть весьма неприятными для шведской экономики. Более того, он называл партию «экономически безответственной»[2].

Однако с тех пор главные замечания по экономической составляющей повестки партии остались неизменными. Причем максимально концентрированной критика была в последнем квартале 2016 г. Она была связана с явной некомпетентности представителей партии в их стремлении участвовать в формировании бюджета страны. В частности, политические оппоненты активно стремились использовать ошибки региональных руководителей партии и «Шведским демократам» критики начали приписывать «абсолютное неуважение к налогоплательщикам»[3], а также «отсутствие видения пути развития»[4]. Следует, однако, заметить, что эта критика вовсе не была беспочвенной. Такое красноречие оппонентов было основано в числе прочего на том, что ранее в одном из регионов проект бюджета от «Шведских демократов» был полностью скопирован у коллег из другой партии[5].

Во втором квартале 2017 г. обширной критике подверглись предложения партии по налоговой политике, позволившей развернуть новый, весьма болезненный виток критики этой партии. В ходе полемики их инициативы назвали «катастрофой для рабочих»[6], а саму партию — «партией для богатых»[7]. В действительности, это была гораздо более неприятная критика, нежели, к примеру, обвинение об уменьшении трат на сферу социальной защиты[8]. Причем, что наиболее печально для этой партии, большинство избирателей, голосовавших за «Шведских демократов» в 2014 г., принадлежало к рабочему классу[9]. Критика же в СМИ по таким моментам может, несомненно, негативно сказаться на результатах очередных, которые должны состояться в 2018 г.

Другое немаловажное направление в наблюдавшейся сейчас критике является внутренняя жизнь партии. К ней приковано

внимание как конкурентов, так и органов массовой информации. В оценках состояния «Шведских демократов» подчеркивается «отсутствие стабильности» в партийном составе, а также в обсуждении личностных качеств членов партии. В критических обзорах, в частности, обращалось особое внимание, что эта партия «не только расистская, но и тоталитарная», состоящая из «расистов и жадных до власти параноиков»[10]. Очевидно, такой образ в шведском общественном сознании явно создавался как малопривлекательный образ тоталитарных расистов, который явно напоминал нацистов.

Впрочем, нельзя назвать эту критику беспочвенной. Прецеденты, которые спровоцировали подобный вид критики, все же существовали. Причем большинство данных оценок было сделано на основе конкретных заявлений партийных деятелей. К этому, в частности, можно причислить выступления представителей партии на годовом съезде, которые наблюдатели тогда квалифицировали как пористо «безответственные»[11]. Внутри самой партии также существует определенное недовольство своим руководством[12] и выражаются сомнения в выбранном лидером партии курсе. При этом достаточно распространенным является утверждение, что у руководства «существует риск... отклониться от шведской модели»[13]. Вместе с тем наличие недовольных в самой партии лишь подчеркивает плюрализм мнений и наличие свободы слова, так как если бы описываемый конкурентами диктат действительно существовал, то сообщений подобного рода от членов партии ждать бы не стоило.

Последняя категория критики, которая касается деятельности партии, относится к внешней политике и международным отношениям. Эта критика не такая последовательная и не такая методичная, но основывается на достаточно резонансных заявлениях, спорность и скандальность которых не вызывала никаких сомнений. Особенно это касается отношения партии к евроинтеграции Швеции[14]. Впрочем, гораздо более популярной темой для критики является приписываемая партии связь с Россией и лично президентом Путиным. Эта связь не доказана фактически, что, однако, не мешает критиковать партию именно за это[15]. Более того, сторонников партии обвиняли даже в шпионаже в Швеции в пользу России[16] и участии в их «информационной войне Путина против Европы»[17]. В целом можно

заключить, что в период напряженности в отношениях России и Европейским союзом подобные заявления могут вести лишь к ухудшению имиджа партии в глазах электората.

Таким образом, критика программы «Шведских демократов» достаточно разноплановая. При этом она явно носит интенсивный характер, опираясь одновременно на активную поддержку определенной части шведского общественного мнения. Необходимо также отметить, что в ряде случаев критика носит ярко выраженный неконструктивный характер, является продуктом сугубых домыслов и популистских лозунгов. Однако, в то время как число публично сочувствующих партии невелико, поддержка националистов является весьма моветоном. В результате, несмотря на такую критику, рейтинг партии растет и, согласно проведенным исследованиям, в последнее время ее популярность в Швеции достигла второго — третьего места, деля эту позицию с «Умеренной коалиционной партией»[18]. Причем успех партии является не разовый «всплеск популярности», а явно за последние два года является стабильным показателем[19].

---

[1] Согласно данным google.se.

[2] Kritik mot SD:s avsaknad av budget // SVT Nyheter // URL: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sodertalje/sd-saknar-kompetens-for-budget (19.11.2017).

[3] *Hedman E.* Kritik mot SD:s uteblivna budget// NSD Nyheter // URL: http://www.nsd.se/nyheter/lulea/kritik-mot-sds-uteblivna-budget-10318813.aspx (19.11.2017).

[4] Hård kritik mot SD:s ekonomiska politik // Näringsliv // URL: https://www.svd.se/hard-kritik-mot-sds-ekonomiska-politik (19.11.2017).

[5] Ibidem.

[6] *Klepke M.* SD:s politik sänkt skatt för rika — katastrof för arbetare // Arbetet // URL:https://arbetet.se/2017/06/13/sds-politik-sankt-skatt-for-rika-katastrof-for-arbetare/ (19.11.2017)

[7] *Lindahl K. A.* Ett parti för de allra rikaste // Nyheter24// URL:https://nyheter24.se/nyheter/politik/884788-magdalena-andersson-sverigedemokraterna (19.11.2017).

[8] *Sjöstedt O.* SD spara inte på välfärden // Dagens Samhälle// URL:https://www.dagenssamhalle.se/debatt/oscar-sjoestedt-sd-sparar-inte-pa-vaelfaerden-18027 (19.11.2017).

[9] *Meyler E.* SD:s väljare är vuxna människor som gör ett medvetet val // DN.Åsikt // URL:https://asikt.dn.se/asikt/debatt/forlat-sd-valjare-jag-har-varit-dum/sds-valjare-ar-vuxna-manniskor-som-gor-ett-medvetet-val/ (19.11.2017).

[10] *Skoglund K.* Federleys kritik mot Sverigedemokraterna // Expressen// URL: http://www.expressen.se/nyheter/federley-kritik-mot-sverigedemokraterna/ (19.11.2017).

[11] *Svensson K.* Svivande kritik mot SD-ledningen // Smålands Dagblad // URL: http://www.smalandsdagblad.se/article/svidande-kritik-mot-sd-ledningen/ (19.11.2017).

[12] *Willsäter L.* Skarp intern kritik mot SD// Corren.se// URL: http://www.corren.se/nyheter/skarp-intern-kritik-mot-sd-om4550671.aspx (19.11.2017).

[13] Interna protesten mot SD:s högervridning// Aftonbladet // URL: http://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/article24029051.ab (19.11.2017).

[14] *Svensson V.* SD och möjligheten till en konservativ utrikespolitik // Samtiden // URL: https://samtiden.nu/2015/08/sd-och-mojligheten-till-en-konservativ-utrikespolitik-ii/ (19.11.2017); *Färnbo M.* Facit efter år: SD svek de EU-kritiska väljarna // Expo Idag// URL: http://expo.se/2015/facit-efter-ett-ar-sd-svek-de-eu-kritiska-valjarna_6941.html (19.11.2017); *Nordenskiöld T.* Skarp kritik mot SD // Dagens industri // URL: http://www.di.se/di/artiklar/2015/11/3/skarp-kritik-mot-sd/ (19.11.2017).

[15] *Adaktusson L.* SD:s utrikespolitik saknar all trovärdighet// Expressen// URL: http://www.expressen.se/debatt/sds-utrikespolitik-saknar-all-trovardighet/ (19.11.2017); *Lönnaeus O.* Så utnyttjar Putin SD i sitt informationskrig mot Europa// Sydsvenskan // URL: http://www.sydsvenskan.se/2016–10–02/putin-utnyttjar-sd-i-sitt-informationskrig-mot-europa (19.11.2017).

[16] *Adaktusson L.* SD:s utrikespolitik saknar all trovärdighet.

[17] Kritik mot Sverigedemokraterna // 8 sidor // URL: http://8sidor.se/inrikes/2016/09/kritik-mot-sverigedemokraterna/ (19.11.2017).

[18] Шв. Moderata samlingspartiet.

[19] M näst störst — SD tappar mest // Svenska Dagbladet // URL: https://www.svd.se/m-nast-storst--sd-tappar-mest (19.11.2017); *Karlsson P.* Rekordsiffrar för Annie Lööf // Aftonbladet // URL: https://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/a/lRr57/rekordsiffra-for-annie-loof (19.11.2017).

Литература

М=Ж, или равноправие по-шведски // Швеция // URL: https://sweden.ru/ljudi/m-zh-ili-ravnopravie-po-shvedski/ (19.11.2017).

Ограниченные возможности — безграничная поддержка // Швеция // URL: https://sweden.ru/ljudi/ogranichennye-vozmozhnosti-bezgranichnaya-podderzhka/ (19.11.2017).

Свобода слова в Швеции: 9 вещей, которые нужно знать // Швеция // URL: https://sweden.ru/ljudi/svoboda-slova-v-shvecii-9-veshej-kotorye-nuzhno-znat/ (19.11.2017).

Шведская модель демократии // Швеция // URL: https://sweden.ru/ljudi/shvedskaya-model-demokratii/ (19.11.2017).

Швеция и миграция // Швеция // URL: https://sweden.ru/migration/ (19.11.2017).

Adaktusson L., SD:s utrikespolitik saknar all trovärdighet// Expressen// URL: http://www.expressen.se/debatt/sds-utrikespolitik-saknar-all-trovardighet/ (19.11.2017).

Färnbo M., Facit efter år: SD svek de EU-kritiska väljarna // Expo Idag// URL: http://expo.se/2015/facit-efter-ett-ar-sd-svek-de-eu-kritiska-valjarna_6941.html (19.11.2017).

Fogelklou J., SD är djupt kritiskt till Putins Ryssland// Göteborgs-Posten// URL: http://www.gp.se/nyheter/debatt/sd-%C3%A4r-djupt-kritiskt-till-putins-ryssland-1.3827165 (19.11.2017).

Hedman E., Kritik mot SD:s uteblivna budget// NSD Nyheter // URL: http://www.nsd.se/nyheter/lulea/kritik-mot-sds-uteblivna-budget-10318813.aspx (19.11.2017)

Hård kritik mot SD:s ekonomiska politik // Näringsliv // URL: https://www.svd.se/hard-kritik-mot-sds-ekonomiska-politik (19.11.2017).

Interna protesten mot SD:s högervridning// Aftonbladet // URL: http://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/article24029051.ab (19.11.2017).

Karlsson P., Rekordsiffrar för Annie Lööf // Aftonbladet // URL:https://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/a/lRr57/rekordsiffra-for-annie-loof (19.11.2017).

Klepke M. SD:s politik sänkt skatt för rika — katastrof för arbetare // Arbetet // URL: https://arbetet.se/2017/06/13/sds-politik-sankt-skatt-for-rika-katastrof-for-arbetare/ (19.11.2017).

Kritik mot SD:s avsaknad av budget // SVT Nyheter // URL: https://www.svt.se/nyheter/lokalt/sodertalje/sd-saknar-kompetens-for-budget (19.11.2017)

Kritik mot Sverigedemokraterna // 8 sidor // URL: http://8sidor.se/inrikes/2016/09/kritik-mot-sverigedemokraterna/ (19.11.2017).

Lindahl Karl A., Ett parti för de allra rikaste // Nyheter24// URL: https://nyheter24.se/nyheter/politik/884788-magdalena-andersson-sverigedemokraterna (19.11.2017).

Lönnaeus O., Putin kan använda SD som redskapp I cyberkrig mot Sverige// Sydsvenskan // URL: http://www.sydsvenskan.se/2017–01–07/putin-kan-anvanda-sd-som-redskap-i-cyberkrig-mot-sverige (19.11.2017).

Lönnaeus O., Så utnyttjar Putin SD i sitt informationskrig mot Europa// Sydsvenskan // URL: http://www.sydsvenskan.se/2016–10–02/putin-utnyttjar-sd-i-sitt-informationskrig-mot-europa (19.11.2017).

Meyler E., SD:s väljare är vuxna människor som gör ett medvetet val // DN.Åsikt // URL: https://asikt.dn.se/asikt/debatt/forlat-sd-valjare-jag-har-varit-dum/sds-valjare-ar-vuxna-manniskor-som-gor-ett-medvetet-val/ (19.11.2017).

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

А. А. Лебедев

ОБ ОДНОМ ДОСТИЖЕНИИ РОССИИ В ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Поразительно, но при тех больших возможностях, которые открывались на Балтике в силу ее специфических природно-гидрографических условий для гребных судов, вплоть до XVIII в. Швеция, Дания и Польша ставку в морской войне делали в основном на корабли парусные. Перелом в этом вопросе произошел в ходе Северной войны 1700–1721 гг., в которой не имевшая в ее начале вообще никакого флота Россия начала с создания судов именно гребного типа — островских лодок, скампавей, галер, которые очень быстро превратились в мощнейшее оружие Петра I, во многом и предрешившее исход борьбы на море в этой войне. Одни только успехи 1714 и 1719–1721 гг. чего стоят![1]

Более того, массированные удары отрядов Ф. М. Апраксина и П. П. Ласси по шведскому побережью 1719–1721 гг. произвели еще и колоссальное психологическое воздействие на многих европейцев, став предметом тревожных фобий на многие десятилетия, тем более что в 1743 г. едва не состоялся их повтор.

«Галеры оказали Петру I самые великие и важные услуги в последнюю шведскую войну (Северную. — *Авт.*), — писал в 1730-х гг. прусский дипломат И. Г. Фоккеродт, — им одним обязан он благодарностью за столь же славный, как и выгодный Ништадтский мир... Так называемые ш[х]еры, или каменистые утесы, которые на милю тянутся цепью в море вдоль финского

и шведского берега от Выборга до Кальмара, считались неодолимой защитой (Bollwerk) шведского королевства от всяких нападений с моря. В самом деле, ни один военный корабль без особенной удали не мог отваживаться в наполненные кривыми и слепыми утесами проливы, образуемые ш[х]ерами. Но что удерживало корабли, послужило к выгоде галерам, для которых нужна небольшая глубина, и подало им случай обходить финские проходы даже в виду неприятельского флота и в один поход овладеть всей Финляндией, а потом переправляться в Швецию везде, куда хотели делать высадки, и разорять огнем и мечом внутренние места этого государства, меж тем как никто не в состоянии был остановить такие разорения ни водою, ни сухим путем. Большие корабли не смели входить в эти воды, а шведские войска только что соберутся в одном каком месте в слишком значительных силах для русских, эти последние в минуту садятся на суда, пристают далеко оттуда в другой стороне, да и разыгрывают там такую же „драму с пожарами“»[2].

«...Теперь галеры нумеруются, словно древнеримские легионы, — вторил ему член Лондонского королевского общества Ф. Альгаротти. — Число их доходит до ста тридцати, но их, скорее всего, намного больше. На них можно перевозить тридцатитысячное войско, и это сущее заглядение... Эти галеры могут причалить куда нужно в любую ночь — солдаты высаживаются там, где неприятель меньше всего их ожидает, вытаскивают свои суда на сушу, располагают их полукругом, развернув форштевнями и орудиями в сторону суши, — и возникает укрепленный лагерь; от четырех до шести батальонов остаются его охранять, в то время как прочие обследуют окрестности и конфискуют все, что под руку попадется. Когда вылазка закончена, они отчаливают и через некоторое время высаживаются в другом месте. Свои суда они иногда перетаскивают волоком из одних вод в другие через сухопутные перешейки — так когда-то делали древние. О том, каким грозным оружием являются эти русские галеры, шведам известно очень хорошо. На их глазах эти галеры разорили их богатейшие рудники в Норчёпинге, опустошили все побережье Готландии и Судермании; их видели даже возле самого Стокгольма»[3].

«Если Московия не в состоянии снарядить значительное количество кораблей для флота, — цитируем мы уже мнение фран-

цузского дипломата И.-Ж. Шетарди, датированное 1740 г., — то она может многого ожидать от хорошего состояния своих галер и употребления их в дело, чтобы беспокоить неприятеля, с которым будет в войне, и распространять смятение и ужас по берегам и даже во внутренности прилежащих к ним стран...»[4]

А вот оценка британского дипломата К. Вейча за 1743 г.: «Приготовления к открытию кампании производятся здесь очень деятельно. Нева вскрылась за месяц ранее, чем в прошлом году, галеры готовы принять десять тысяч человек, прибывших из Москвы, и перевезти их в Финляндию... Фельдмаршал Ласси принимает команду над галерами, на которых садят двадцать тысяч человек. Шведы не могли забыть, что вынесли в 1715-м г., сколько городов, замков, дворянских поместий, поселков, укреплений, магазинов, медных и железных рудников сожжено и сгублено было в то время русскими. Надо надеяться, что они не захотят вновь подвергнуться такому разорению, и помирятся на условиях, которые должны быть признаны тем более умеренными, что войну начали шведы...»[5]

Стоит, наконец, вспомнить и слова прусского дипломата К. В. фон Финкенштейна, высказанные в отчете прусскому королю за 1748 г. «Говорят, — писал он, в частности, — что нынче флот российский таковой имеет состав: двадцать восемь кораблей линейных, восемь фрегатов, два прама и три галиота с пушками; однако расчет сей завышен так же, как и касательно армии сухопутной, ибо большая часть сих судов повреждена и служить не в состоянии, так что на всё про всё в военных целях употреблены могут быть от одиннадцати до двенадцати кораблей линейных.... Не так обстоят дела с галерами, кои главную силу России в Балтийском море составляют, ибо легко их проводить вдоль берега между рифами, коих в сём море превеликое множество. Оттого-то и стала Россия шведам столь грозной казаться. Флот им никакого вреда сделать не мог, ибо из-за сих самых рифов к берегу не умел приблизиться, галеры же повсюду проникают, и с них на берег можно спускать отряды, как и случалось это во время двух последних войн, и большой урон нанесло шведам. Галеры эти, стоящие в портах петербургском, кронштадтском, ревельском и фридрихсгамском, в постройке дешевы, и число их велико. Ныне насчитывают их до сотни, и как раз числом-то страшат они шведов, кои и половины того не имеют...»[6]

Получили рассмотренные выше события и практические последствия в лице все большей популярности в Балтийском регионе гребных флотов. Начало положили шведы, бросившиеся после Северной войны строить свой галерный флот. К Русско-шведской войне 1741–1743 гг. они, правда, не очень преуспели, но в последующие годы усиление шведского гребного флота шло уже по нарастающей[7]. Достигнув в 1756 г. 87 вымпелов, он даже был разделен на две эскадры — шведскую и финскую, базировавшиеся в Стокгольме и Свеаборге. Последняя при этом получила название армейского флота, ибо была придана сухопутным войскам для обеспечения их действий на прибрежном театре[8].

С появлением же на исторической сцене Ф. Х. Чапмана, разработавшего целую серию новых типов гребных судов в лице канонерских лодок, иолов, геммам, удем и пойем, шведский гребной флот на некоторое время и вовсе занял доминирующее положение в Балтийском регионе[9].

Не пошатнули позиции гребного флота у шведов даже последующие неудачи в новых Русско-шведских войнах. Более того, по словам российского посланника в Швеции графа П. Сухтелена, в начале 1820-х гг. именно гребной флот пользовался большей популярностью у шведской элиты[10].

Наконец, полковник О. Гагельстам в записке, датированной в 1840 г., и вовсе настаивал на отказе от корабельного флота в пользу всемерного развития гребных сил, опираясь на специфику расположения шведской территории, возможности финансов и опыт последних войн с Россией. «Береговая оборона при правильном употреблении канонерских лодок и иол на сложной местности наших берегов, — писал он, в частности, — более выгодна для Швеции бедной средствами, которая при том на 7/8 частей своей окружности усеяна шхерами и прорезана многими большими судоходными озерами. На подобной местности гребная флотилия может нанести значительный вред вторгнувшейся армии, действуя на ее фланги и тыл, и участвовать через это в предприятиях сухопутного войска. Действия же линейного флота в открытом море происходит совершенно отдельно и стоят почти всегда более, чем приносимая ими польза»[11].

В начале XIX в. большая популярность пришла к гребному флоту и в Дании, нацелившейся на постройку к 1814 г. не менее 300(!) канонерских лодок. Причина заключалась в следу-

ющем: «Данию беспокоили шведские поползновения в районе Норвегии. Принц Фредерик не исключал, что шведский флот попытается блокировать Норвегию с моря, а шведский армейский флот может организовать на побережье серию десантов. Именно поэтому в датчане решили предвосхитить события и построить москитный флот, который сможет противостоять шведам у норвежского побережья»[12].

И хотя погром Копенгагена, учиненный англичанами в 1807 г., несколько скорректировал эти планы, сам по себе способ решения проблемы, возникшей перед Копенгагеном, можно назвать весьма показательным.

А как отнеслись к рассмотренному наследию Петра I в самой России? Увы, далеко не самым лучшим образом. Правда, до середины XVIII в. во многом по инерции число боеспособных галер оставалось довольно высоким, а в 1743 г. совсем не много не хватило до завершения, начатого было к шведским берегам похода, однако ряд современников уже наблюдал симптомы начинавшегося кризиса. «Шесть новых галер было вчера спущено на воду, — писал, например, в Париж уже упомянутый Ж.-И. Шетарди в мае 1741 г. — если прибавить их к тем, которые уже явно входили в счет, то в настоящее время их будет девяносто три; однако же Нолькен считает несомненным, что один старый грек, по фамилии Самеской, служащий офицером в этой флотилии галер, старинный и любимый подчиненный Петра I, сделал в Кабинет представление, в котором доказывает, что все галеры, числом до шестидесяти, построенные в предыдущее царствование, не могут ни к чему быть пригодными; что даже вследствие недостатков конструкции они не могут выдержать ни малейшего волнения, не подвергаясь опасности опрокинуться каждую минуту...»[13]

Не стоит забывать и того, что означенный выше поход 1743 г. также состоялся лишь на третий год весьма недешевой Русско-шведской войны 1741–1743 гг., хотя рассмотренное нами наследие Петра I совершенно четко показывало, как можно было принудить Швецию к миру в намного более короткие, а значит, и менее затратные сроки.

Но все это было лишь предвестником будущих трудностей, по сравнению с последующим временем, когда гребной флот оказался в настоящем упадке, а его стратегические наступательные возможности — в полном забвении.

«В момент ожидания нападения от шведов, — описывал ситуацию лета 1788 г. на Балтике В. Ф. Головачев, — на борьбу с ними в шхерах мы обширных замыслов не составляли. Со времени последней шведской кампании масса нашего гребного флота нас озабочивала очень мало: мы делали пробы новым гребным судам и высылали галеры по три в лето на практическое плавание к Выборгу и Фридрихсгаму, да и то не каждый год и не на долгое летнее время. Комплектация штатных команд гребной флотилии не соблюдалась вовсе, и число их людей немного чем превышало то, которое высылалось в плавание.

Надо думать, что для Адмиралтейства нашего большим сюрпризом был указ императрицы 20-го октября 1787 г., в котором было сказано, чтобы «для плавания в шхерах на время кампании 1788 г. было приготовлено... 50 галер!».

Немного погодя, впрочем, оказалось, что такого числа исправных галер не набиралось, а еще менее возможно было набрать на них служителей...»[14]

В общем, как отмечает исследователь А. В. Лукошков, «когда в июне 1788 г. Шведское королевство напало на Российскую империю, галерная флотилии в течение всего лета и осени не смогла отправить в море ни одной галеры — все они нуждались в серьезном ремонте.

Ценой колоссальных затрат к лету 1789 г. удалось починить, оснастить и вооружить всего 24 галеры, которые приняли участие в походе к границам и в Роченсальмском сражении. И тут в последний момент выяснилось, что галеры как боевое средство морально устарели и проигрывают шведской новинке — канонерским лодкам, вооруженным 30-фунтовыми пушками...»[15]

Неготовым оказался гребной флот и к началу третьей кампании Русско-шведской войны 1788–1790 гг., полностью отдав инициативу шведам, захватившим весной 1790 г. господство в шхерах вплоть до Выборга. «Ради Бога, высылайте скорее резервную эскадру, — писал командовавший русской армией в Финляндии И. П. Салтыков графу А. А. Безбородко, — истинно галеры все проклятые сожгут. [...] Обстоятельства истинно нехороши... Высылайте Нассау: истинно стыдно, что неприятель своей флотилией разъезжает; уже другой рапорт имею, что в 70 судах был у Питконеми, а сегодня уже в 20 верстах к Выборгу стоят»[16].

Не менее показательным можно назвать расклад и на 1808 г., подмеченный военным историком П. А. Ниве: «Подготовительная работа в наших портах подвигалась... весьма медленно, главным образом по причине обычных технических у нас недочетов, а затем — вследствие того, что, в сущности, поздно и вяло принялись за эту подготовку. Насколько можно судить по сохранившейся переписке, первым к тому толчком послужили вышеприведенные всеподданнейшие ходатайства графа Буксгевдена (т. е. командующего войсками в Финляндии! — *Авт.*), предвидевшего необходимость готовить к весне флоты еще с половины марта. Между тем, в действительности, первый отряд нашей гребной флотилии тронулся только 21-го мая, и то это был отряд из Свеаборга, т. е. составленный из отобранных у шведов судов, но укомплектованный частью моряками, частью пехотинцами. Слабость этого головного (по существу) отряда зависела от недостатка в личном составе и морской провизии, которой не могли добыть в нужном количестве на месте: ее приходилось подвозить (водою) из Петербурга...»[17]

Каковы же итоги? Они двойственны. С одной стороны, перед нами пример огромного вклада Петра I в развитие русского флота и способов ведения морской войны. Причем пример крайне удачный для России, ибо, как признавали даже иностранцы, гребные суда были удобны в постройке и очень быстро пришлись по душе россиянам. «В лесе ему нечего было затрудняться, потому что для галер нужен сосновый, а Финляндия да окрестности Петербурга доставляли его сколько угодно», — заметил И. Г. Фоккеродт», далее он подчеркнул: «Постройка галер далеко не требовала такого искусства, как кораблестроение: в Або большую часть их срубили русские солдаты своими плохими ручными топорами под наблюдением двух или трех строительных мастеров. Передвижения галер так легки и требуют так мало опытности, что в конце шведской войны в войске, стоявшем в Финляндии, не было ни одного пехотного капитана, который не умел бы начальствовать галерой так же хорошо, как лучший греческий пилот, а так как галеры большею частью ходят на парусах и почти каждую ночь пристают к берегу, русский солдат нашел это путешествие до того удобным и так привык к нему в короткое время, что с удовольствием садился на галеру; когда

даже и ветер был противный, он лучше охотился грести веслами, чем маршировать с поклажею за спиною»[18].

Однако есть и другая сторона, суть которой сводится к тому, что при всем уважении к наследию Петра I означенный нами ресурс использован был российскими властями, ему наследовавшими, весьма недостаточно, отрицательно сказавшись и на сроках, и на стоимости целого ряда войн.

---

[1] Подробнее см.: *Кротов П. А.* 1. Строительство флота в период царствования Петра Великого // История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1; *Кротов П. А.* Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М., 2014; *Кудзеевич Л. В.* Десантные операции отряда П.П. Ласси на берегах Швеции в 1719 и 1721 годах // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. I.

[2] *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 55–56.

[3] *Альгаротти Ф.* Из книги «Путешествие в Россию» // Звезда. 2003. № 5. С. 80–81.

[4] Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. М., 1862. С. 95.

[5] Сборник императорского Русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1897. Т. 99. С. 335–336.

[6] *Лиштенан Ф.-Д.* Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 321.

[7] *Hobson R., Kristiansen T.* Navies in Northern Waters, 1721–2000. This edition published in the Taylor & Francis e-Library, 2004. P. 81.

[8] *Лукошков А. В.* Величайшая морская битва льва с орлом. История шведского морского похода на Россию в 1790 г., воссозданная на основе подводных археологических исследований. СПб., 2016. С. 72.

[9] *Трубкин Ю. Е.* Типы судов шхерных флотов России и Швеции в войне 1788–1790 гг. // Гангут. 1997. № 12-бис. С. 4–12.

[10] РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 5036. Л. 6–6 об.

[11] Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 215. Л. 6 об.–7.

[12] *Махов С. П.* Немного Балтики [Электронный ресурс] URL: http://george-rooke.livejournal.com/

[13] Сб. РИО. СПб., 1896. Т. 96. С. 39.

[14] *Головачев В. Ф.* Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Ч. I: Кампания 1788 г. СПб., 1871. С. 28.

[15] *Лукошков А. В.* Величайшая морская битва... С. 98. О том же пишет и Ю. Е. Трубкин (см.: *Трубкин Ю.Е.* Типы судов шхерных флотов ... С. 12–13).

[16] Цит. по: *Бородкин М. М.* История Финляндии. СПб., 2016. Т. III: Время Екатерины II и Павла I. С. 237–238.

[17] *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910. С. 200–202.

[18] *Фоккеродт И. Г.* Россия при Петре Великом. С. 54–55.

Литература

Бородкин М. М. История Финляндии. Т. III. Время Екатерины II и Павла I. СПб.: Наука, 2016. 382 с.

Головачев В. Ф. Действия русского флота во время войны со Швецией в 1788–1790 гг. Часть I. Кампания 1788 г. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1870. 134 с.

Кротов П. А. Строительство флота в период царствования Петра Великого // История отечественного судостроения. Т. 1. СПб.: Судостроение, 1994. С. 45–168.

Кротов П. А. Гангут. 300 лет первой победе Российского флота. М.: Эксмо, 2014. 128 с.

Лебедев А. А. Тактическая парадигма русского парусного флота XVIII — середины XIX вв. // Гангут. 2014. № 82. С. 55–88.

Лебедев А. А. Тактическая парадигма русского парусного флота XVIII — середины XIX вв. // Гангут. 2014. № 83. С. 29–59.

Лукошков А. В. Величайшая морская битва льва с орлом. История шведского морского похода на Россию в 1790 г., воссозданная на основе подводных археологических исследований. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 656 с.

Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1862. 638 с.

Ниве П. А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб.: Военная типография, 1910. 453 с.

Сборник Русского исторического общества. Т. 96. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1896. 718 с.

Сборник Русского исторического общества. Т. 99. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1897. 507 с.

Трубкин Ю. Е. Типы судов шхерных флотов России и Швеции в войне 1788–1790 гг. // Гангут. 1997. № 12-бис. С. 3–22.

Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор / Ред. В. Наумов; сост. А. Либерман. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. С. 9–104.

Франсина-Доминик Лиштенан. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за австрийское наследство 1740–1750. М.: ОГИ, 2000. 408 с.

Hobson R., Kristiansen T. Navies in Northern Waters, 1721–2000. London; Portland, Or : Cass, 2004. 298 p.

Г. А. Гребенщикова

ВОЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ШВЕЦИИ ПОД ВЫБОРГОМ В 1790 Г.

С начала 1780-х гг. шведский король Густав III начал основательную подготовку к войне с империей, во главе которой стояла его двоюродная сестра российская императрица Екатерина II[1]. Далеко идущие замыслы Густава III в отношении удовлетворения территориальных претензий к России перевешивали здравую логику против такого необдуманного шага, от совершения которого Густава еще в 1770-х гг. настойчиво отговаривал его знаменитый дядя — прусский король Фридрих II. Но Густав III не внял разумным доводам прусского монарха, чей полководческий талант и искушенность в делах с Россией признавали все без исключения государи Европы, политики и дипломаты самого высокого ранга. Шведский король упорно намеревался помериться силами со своей кузиной Екатериной II, поставив цель вернуть земли, потерянные шведами после войн с Россией при Петре Великом и его дочери императрице Елизавете Петровне.

Для осуществления тщательно вынашиваемых замыслов Густав III привлек известного кораблестроителя и ученого Фредерика Генриха Чапмана (Fredrik Henrik af Chapman), стяжавшего известность в ведущих морских державах благодаря собственным оригинальным разработкам и новаторским методам при проектировании судов, основанных на применении точных математических расчетов. Ф. Чапман не замедлил оправдать доверие короля и активно принялся за практическую реализацию масштабного плана создания серийности линейных кораблей и фрегатов. В 1781 г. он получил должность начальника королевских верфей в Карлскроне и за сравнительно небольшой от-

резок времени дал флоту десять линейных кораблей и столько же фрегатов.

Боевым ядром флота Чапман избрал корабли 64-пушечного ранга как наиболее оптимальные для шведских военно-морских сил по параметрам, характеристикам, вооружению, маневренности и условиям плавания на Балтике. В тот период королевский флот Швеции нуждался как в серьезной кадровой реорганизации, так и в обновлении судового состава. Большая часть судов старой постройки оказались непригодными к службе, а новых типа «Wasa», спущенного на воду в 1778 г., было очень мало, что в первую очередь обусловило необходимость реформирования флота, начавшееся при активной поддержке короля. Швеция наращивала военно-морской потенциал не только ради восполнения флота усовершенствованными судами, но с целью нанести решающее поражение России, поэтому Густав III отвел на реформирование предельно сжатые сроки. Эта причина объясняет «поточный метод» постройки десяти кораблей и десяти фрегатов, когда промежуток времени между их закладкой и спуском на воду составлял от трех до четырех месяцев. В этом важном вопросе Чапман исходил из рационального баланса экономических возможностей государства и пропускной способности стапелей, что ему блестяще удавалось. А король, со своей стороны, оказывал щедрую финансовую поддержку строительству сильного флота, выделив на это накануне войны с Россией дополнительные ассигнования в размере свыше двух миллионов рикталеров[2].

В 1782 г. Густав III санкционировал новую судостроительную программу, главными пунктами которой Чапман и его влиятельный сторонник адмирал Генрих аф Тролле обозначили следующие: 1. Постройка боевого ядра флота 64-пушечных кораблей типа «Rattvisan» (10 ед., все постройки Чапмана). 2. Модернизация и перевооружение находившихся в строю фрегатов. 3. Постройка новых фрегатов по заданной концепции: первоклассные фрегаты с высоким уровнем боевых возможностей. По программе 1782 года артиллерийское вооружение таких кораблей и фрегатов подразделялось по мирному и военному положениям: в мирное время на кораблях 64-пушечного ранга типа «Rattvisan» ставили 24-фунтовые орудия на нижней орудийной палубе (гон-деке) и 18-фунтовые и 6-фунтовые орудия

на опер-деке и квартердеке соответственно; в военное время — 36-фунтовые на гон-деке и 24- и 8-фунтовые на опер-деке и квартердеке соответственно.

Выполнение судостроительной программы шло успешно, и с 1782 по 1785 г. кроме линейных кораблей сошли на воду десять крупных фрегатов: «Bellona» (головной), «Minerva», «Venus», «Diana», «Froja», «Thetis», «Camilla», «Galathea», «Euredice» и «Zemire». Их длина составляла 150 фут (45,72 м), ширина без обшивки — 39 фут (11,89 м), глубина интрюма от лимберборта до верхнего края бимсов орудийной палубы — 16 фут (4,88) м. Артиллерийское вооружение таких фрегатов состояло из 26 24-фунтовых коротких пушек облегченной конструкции в деке (на оба борта) и 14 6-фунтовых пушек на квартердеке и форкастеле. Экипаж составлял 342 человека[3]. Фрегаты постройки Чапмана обладали высокими боевыми возможностями и представляли собой реальную боевую силу, что объясняет их нахождение в линии баталии наряду с линейными кораблями.

Согласно шведской статистике, за несколько месяцев до войны с Россией, в январе 1788 г., в главной военно-морской базе шведов Карлскруне сосредоточилось до 26 линейных кораблей 70- и 64-пушечного рангов, причем по программе 1782 г. шведы строили корабли 64-пушечного ранга большего водоизмещения, чем российские мастера строили 66-пушечные[4]. Перед началом боевых действий все шведские корабли и фрегаты по артиллерийскому вооружению отличались компактностью установки орудий и упорядоченностью калибров, в результате чего при стрельбе шведы достигали высокой огневой плотности.

В июне 1788 г. Густав III без объявления войны отдал приказ вторгнуться на территорию России и одновременно с действиями сухопутных сил разбить русский Балтийский флот или запереть его в Кронштадте; накануне выхода флота в море, шведы целый месяц провели на учениях и практических стрельбах. Главнокомандующий шведским флотом брат короля герцог Карл Зюдерманландский начал кампанию с 21 линейным кораблем и 12 фрегатами — в основном 40-пушечного ранга, вооруженных крупнокалиберной артиллерией — 24-фунтовыми пушками; в период боевых действий такие фрегаты могли нести до 50 орудий. А 6 (17) июля того года произошло первое крупное морское сражение россиян со шведами у острова Гогланд:

российская эскадра под командованием главнокомандующего морскими и сухопутными силами адмирала С. К. Грейга разбила шведов, после чего они ушли в Свеаборг. Блокируя их, адмирал Грейг неоднократно отсылал письма вице-адмиралу В. П. Фондезину, эскадра которого, назначенная следовать в Средиземное море для действий против Турции, находилась в союзной Дании и стояла на рейде Копенгагена. По причине начала кампании со Швецией Екатерина II приказала этой эскадре вернуться в Балтийское море и соединиться с С. К. Грейгом, который лично просил В. П. Фондезина как можно быстрее покинуть Данию и выйти ему на подкрепление. Грейг опасался, что шведы начнут прорыв из Свеаборга, а он один с сильно поврежденными в сражении кораблями будет не в силах им противостоять, но В. П. Фондезин всякий раз отвечал, что не может выйти из-за постоянных встречных ветров, и продолжал отстаиваться на копенгагенском рейде. Отчаявшись соединиться со свежей, не задействованной в сражении эскадрой, Грейг в начале августа 1788 г. направил Фондезину очень важное предписание. В нем говорилось: «Высочайшим рескриптом предписано вам содействовать вспомогательными датскими силами, как морскими, так и сухопутными. А поелику мне дано знать, что шесть или восемь кораблей датских, два бомбардирских и четыре фрегата под командованием датского контр-адмирала Кригера и еще знатный корпус датского сухопутного войска должен с вами быть против общего неприятеля под главным вашим начальством, то первый вам предмет будет сделать нападение на торговый город Гетебург»[5].

На том, начальном этапе войны кабинет Екатерины II отводил флоту решающую, наступательную роль. Ему назначалось не только вести боевые операции, но и наносить противнику ощутимый урон путем нападения на главную военно-морскую базу Карлскруну с целью разрушения там инфраструктуры и системы жизнеобеспечения флота. Планировалось также совершить нападение на крупный торговый порт Швеции Гётеборг, так как на этот порт приходилась значительная доля купеческого судоходства с высоким процентом морских грузоперевозок, в основном строевым лесом и железом. По этой причине Екатерина II возложила на вице-адмирала В. П. Фондезина ответственную операцию против Гётеборга и для успеха предприятия рекомендовала привлечь

датские силы. Исходя из этого высочайшего повеления и адресуясь к Фондезину, Грейг выразил надежду, что тот «не пропустит нынешнего удобного случая, пока неприятельский флот мною блокируется в Швиабурге, и большая часть его сухопутных сил находится в Финляндии. Потому, чаятельно, неприятель не будет в состоянии сделать вам большого сопротивления». Действительно, время для операции против Гётеборга представлялось как нельзя подходящее, и прояви тогда В. П. Фондезин необходимую активность с датскими силами, то успех по разрушению тыловой базы противника был бы, несомненно, обеспечен.

В одном из предписаний Грейг пояснял: «Датский капитан г-н Лювен Норн мне кажется человек сведущий, искусный и усердный. Изволите его употребить к себе на корабль как советника, яко совершенно сведущего о всех шведских портах и их расположений. *В порте Готенбурге или в крейсерстве у оного находятся три фрегата шведские сорока-пушечные, а именно: „Беллонах", „Венус" и „Диана". Сии фрегаты должно вам стараться захватить или истребить*. В случае же, если датский двор не может довольно подкрепить сухопутными силами к сему важному предприятию, то вы должны с морскими силами крейсировать по восточную сторону Карлскрона против южного конца острова Эланда для встречи шведских кораблей, если бы они ушли из Швиабурга, которые в разсуждении нынешнего осеннего времени и темных ночей могут прокрасца мимо нашего флота» [6].

Таким образом, располагая важной информацией, полученной от датских офицеров, Грейг обращал внимание Фондезина именно на три первоклассных шведских фрегата — «Беллону», «Венус» и «Диану» постройки Ф. Чапмана. Грейг видел в них серьезную боевую силу даже в том случае, если они будут действовать в одиночку, не говоря уже при их соединении, поэтому приказал «захватить или истребить» эти фрегаты. В предписании Фондезину от 6 сентября 1788 г. Грейг выразил озабоченность по поводу возможной попытки шведов овладеть ключевым сторожевым постом у Гангута «для очищения пути своей галерной флотилии и для перевоза войск из Финляндии в Швецию», поэтому просил Фондезина усилить бдительность и «иметь неослабное смотрение». Фондезину следовало «крейсировать при северном и восточном ветре по Остовую сторону Карлскрона и шхер, называемых Утклипор, а между тем стеречь,

чтобы они не пробрались по южную сторону к весту»[7]. Но вице-адмирал Фондезин не выполнил приказов главнокомандующего.

15 октября 1788 г. С. К. Грейг скончался на своем флагманском корабле «Ростиславе», а 29 октября секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий оставил в дневнике важную запись: «Резолюция: послать в Данию курьера и велеть брать Готенбург, а Прусскому двору сказать, что нападение на Данию есть объявление войны России». Однако Фондезин после вялотекущего крейсерства вернулся обратно на копенгагенский рейд на зимовку. В целом его совместный с датчанами отряд, в котором находились мощные боевые корабли 100-пушечного ранга, действовал неэффективно и ограничился плаванием на параллели Карлскруны и захватом мелких торговых судов шведов. По этому поводу гофмейстер Двора Е. И. В. граф А. А. Безбородко в письме князю Г. А. Потёмкину-Таврическому напишет: «Наш вице-адмирал Фон Дезин, имев в своей команде три сто пушечные корабля, шесть других рангов и три датских корабля с 4 фрегатами, и снабден быв точным повелением противиться неприятельскому входу в Карлскрону, по первым известиям, что принц Карл собирается отправить в море шведский флот, учиня консилиум, решился заранее убраться в датские порты»[8].

Более того, после разгрузки кораблей Фондезин выслал из Копенгагена транспортное судно с пушками, даже не обеспечив ему охрану и сопроводительный конвой. Судно вместе с пушками захватили шведы, и когда это известие дошло до Санкт-Петербурга, А. В. Храповицкий высказал общее недоумение: «Ея Императорское Величество изволит замечать, что на транспортном судне шведами взято с лишнем сто пушек, но каким образом и зачем то судно из Копенгагена отправлено было, зная, что шведские фрегаты тут крейсируют, да взято в виду трех сто пушечных кораблей, бывших зрителями того?»[9]

В связи с изменившимися обстоятельствами — смертью С. К. Грейга и отменой тщательно подготовленного Средиземноморского похода флота Екатерина II назначила главнокомандующим на Балтике адмирала В. Я. Чичагова. Известный морской историк второй половины XIX в. В. Ф. Головачёв отмечал: в 1788 г. В. Я. Чичагов, не желая воевать под начальством Грейга, в той кампании участия не принял и «сказался больным»[10]. В. Я. Чичагова, продолжал В. Ф. Головачёв, можно назвать

хорошим капитаном и хорошим начальником эскадры в мирное время, когда он спокойно расставлял корабли. Но этот адмирал «ни разу не был, во всю свою жизнь, в действительном сражении, и на 64 году своей жизни ему трудно было изучать сумятицу боя и все страсти, волнующие человека во время кровопролития»[11]. Говоря современным языком, Чичагов совсем не имел опыта боевых действий, а присущая ему гордыня и непризнание решений императрицы не позволили принять участия в сражении у острова Гогланд под начальством адмирала Грейга.

Несмотря на то, что в той баталии Грейг одержал над шведами решительную победу и сорвал их планы, включая получение господства на море и блокаду русского флота в Кронштадте, все же необходимо признать, что война на море не приняла у россиян наступательного характера и перешла в оборонительную. Равно как и не состоялось повторного сражения, которого так искал Грейг и от которого противник всячески уклонялся. Чтобы окончательно разбить все еще остававшегося сильным противника, Грейгу требовалось соединиться со второй балтийской эскадрой Фондезина, но сделать этого по вине последнего не удалось.

Под командование В. Я. Чичагова поступила значительная боевая сила — 20 линейных кораблей, из них семь 100-пушечного ранга, вооруженных 36-фунтовыми пушками в нижних батареях. За счет этого русский Балтийский флот по суммарной мощности бортового залпа значительно превосходил шведский, в составе которого 100-пушечных кораблей не имелось, однако в сражении у Красной Горки в мае 1790 г. Чичагов намеренно не принял участия и не оказал поддержки второй эскадре под начальством А. И. Круза. Пока личный состав героической эскадры Круза мужественно выдерживал двухфазное сражение, главнокомандующий флотом Чичагов со своей эскадрой отстаивался на якорях у острова Нарген на выходе из Ревельского залива. Александр Иванович скромно упомянул об этом, на его взгляд, неподобающем факте в письме вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышеву: «Странно и непостижимо для меня, что гос. адмирал Чичагов по сие время не идет ко мне на помощь. Вот уже четыре дня, что я сражаюсь и благодарю Бога за успех, но войску становится уже весьма тягостно»[12].

После того как главные силы шведского флота оказались в Выборгском заливе, В. Я. Чичагов объявил об их блокаде. Нет

сомнения, блокада запертого в портах флота противника рассматривалась как одна из эффективных мер борьбы с ним и, как правило, заканчивалась его разгромом при попытке прорыва в открытое море. Таких примеров из военно-морской истории множество, а к классическим относится блокада английскими морскими силами французских и испанских портов в Атлантике и в Средиземном море, в результате чего происходили сражения или уничтожение главных сил противника.

В случае под Выборгом в планы Чичагова не входило ни то ни другое. Вопреки архивным документам, единичные авторы, не знающие этих документов, ищут оправдание бездействию и нерешительности Чичагова и объясняют его отказ атаковать шведов под Выборгом нежеланием посадить корабли на мель. Эта версия сразу отпадает по нескольким причинам. Во-первых, отсутствие у главнокомандующего карты (за исключением карты А. И. Нагаева) — это миф, поскольку еще в предыдущую Русско-шведскую войну 1741–1743 гг., в царствование Елизаветы Петровны, в Адмиралтейств-коллегии уже имелись планы Финского залива с подробным обозначением мелей. Один из таких планов хранится в делопроизводстве коллегии за 1742 г.[13], поэтому невозможно представить, чтобы в боевой кампании в распоряжении главнокомандующего флотом не имелось такой карты.

Другой случай произошел накануне Выборгского сражения. Также в делопроизводственной документации Адмиралтейств-коллегии, в разделе «Приговоры и определения» за апрель 1790 г., хранится документ о рассмотрении Генеральным кригсрехтом (военным судом) дела о постановке на мель корабля «Родислав» под командованием капитана 1-го ранга Джеймса Тревенена. Инцидент произошел в октябре 1789 г. между островами Наргеном и Вульфом, и Кригсрехт тщательно выяснял все обстоятельства дела, включая направление ветра (дул от NW, когда эскадра из 17 судов шла по фарватеру к зюйду в сторону Наргена), какие паруса стояли тогда на «Родиславе» и другие подробности. Командир безотлучно находился на шканцах вместе со штурманом, ориентируясь по красным и белым вехам, обозначавшим мели и безопасные участки, но густой туман и мрачная погода помешали обоим рассмотреть «Наргенские белые вехи». Генеральный военный суд оправдал командира и штурмана, признав их невиновными. Более того, суд

рекомендовал Адмиралтейств-коллегии пересмотреть существующие карты с обозначением мелей, и на это заключение коллегия, под датой 1 мая 1790 г., отвечала: «Что же принадлежит до разсуждения Генерального кригсрехта о якобы не правильном положении мели на карте, то о сем, выправясь обстоятельно при коллежской чертежной, с какой описи оная на том месте положена, коллегии доложить. А о банке четырех-футовой, на которой корабль поставлен на мель, велеть от Канторы главного командира Ревельского порта сделать промер и положить на карте, и какая между старым и новым положением разность, отделить оное краскою и представить в коллегию. Посему куда следует послать указы»[14].

20 мая того же 1790 г. в протоколе слушаний дел Адмиралтейств-коллегии записано: «Слушали и решили следующие дела. По репорту канторы Главного командира Ревельского порта о постановленных посыланным на лац-галиоте штурманом Трифоновым на мелях и рифах вехах, а на каких именно местах приложена с пеленгов копия. Объявляя при том, что на протчих мелях в разсуждении нынешних екстренных случаях и военного времени таковых вех еще не поставлено, а когда поставятся, то впредь донесено быть имеет.

Приказали: оный репорт отдать к протчим таковым же, а с присланного описания вехам для надлежащего сведения в контору Главного командира Кронштадтского порта препроводить копию, а таковые же послать и господину вице адмиралу и кавалеру фон Крузу, отправленному с ескадрою в море»[15].

В отличие от указанных мест, акватория Выборгского залива была изучена достаточно основательно, и если требовалась небольшая корректировка на картах, то специалисты и морские офицеры быстро справились с приказом Адмиралтейств-коллегии. То, что адмирал Чичагов длительное время не предпринимал никаких действий против флота противника, запертого в Выборгской губе, объясняя тем, что он мерит глубину или ветер ему неспособный, является отговоркой и его нежеланием уничтожать шведов. Имевшиеся в его распоряжении корабли 100-пушечного ранга специально проектировали с учетом их будущей службы в водах Балтики, рассчитав водоизмещение, нагрузку, артиллерийское вооружение и т. д. Другую часть 100-пушечных кораблей проектировали уже с учетом операций

в Средиземном море и, следовательно, с иными тактико-техническими элементами. Поэтому говорить о намерении Чичагова сберечь флот означает оправдать его в неприменении флота по прямому назначению для решения оперативно-тактических задач на театре военных действий. Стоит заметить, что в Великобританском флоте подобные действия расценивались как государственная измена и виновный начальник эскадры подлежал суду и даже расстрелу на шканцах корабля.

В решающей кампании россиян со шведами в 1790 г. из-за бездействия главнокомандующего флотом кабинет Екатерины II вынужден был окончательно признать войну оборонительной, и главной задачей поставил не допустить шведов в Финский залив. Однако адмирал Чичагов проигнорировал все высочайшие предписания и рескрипты, и не только допустил противника к российским берегам, но и позволил шведскому флоту свободно перемещаться как в Финском, так и в Выборгском заливах. Опираясь на документы, в том числе и ранее неизвестные, подробно проследим тот трагический и героический этап в Русско-шведской войне 1788–1790 гг.

5 апреля 1790 г. Екатерина II направила рескрипт главнокомандующему сухопутными войсками в Финляндии генерал-аншефу И. П. Салтыкову с приказанием тесно взаимодействовать с обоими адмиралами — В. Я. Чичаговым и А. И. фон Крузом «и по всей возможности друг другу поспосабливать»[16]. И. П. Салтыков настоятельно просил Чичагова оказать содействие сухопутным частям и возвести батарею на мысе Крюссерорд, на что имелся соответствующий указ Екатерины II. Однако невыполнение этого указа Чичагов объяснил тем, что «сооружение сие сопряжено со многими трудностями» и сомнением в пользе такого действия. Однако, как покажет время, российские военные не ошибались, когда доказывали необходимость сооружения батареи на Крюсерорд, так как противник предпринял прорыв из Выборгской губы именно мимо этого мыса, а батарея могла бы встретить шведов каленными ядрами и бомбами. Устроить батарею предполагали в несколько этапов с помощью мелких судов, нагружая их 12- и 24-фунтовыми пушками и рейсами отправляя к мысу. Времени в распоряжении Чичагова имелось достаточно, поскольку стоянка флота под Выборгом без всякого движения продлилась почти месяц.

Накануне итогового Выборгского сражения сложился такой расклад сил: у шведов 30 линейных кораблей и фрегатов с общим количеством 850 орудий с одного борта. В центральной позиции русского флота под Выборгом находились 18 кораблей (из них семь 100-пушечных) также с общим количеством до 850 орудий с одного борта; на флангах в отрядах под начальством П. И. Лежнева и И. А. Повалишина девять кораблей и фрегатов с 400 орудиями с борта. При желании и предприимчивости Чичагов мог бы успешно атаковать противника, когда русский флот занимал наветренное положение, но, как известно, история не приемлет сослагательного наклонения.

Участник войны со шведами генерал-майор П. И. Турчанинов докладывал графу А. А. Безбородко: пленные шведские офицеры «опасались и утверждали, что ежели будет на Крюсерорте батарея, то их ближние корабли должны были пропасть, и спасения другого не было» [17]. Другими словами, в случае выполнения требований генерала И. П. Салтыкова и высочайшего указа, шведский корабельный и гребной флоты при прорыве из Выборгской губы неизбежно понесли бы большие потери, или — при удачном раскладе — полностью были бы уничтожены. Но в течение почти четырех недель стоянки под Выборгом Чичагов не предпринял никаких действий. По этому поводу шведский историк К. А. Юлленгранат высказал предположение: «Нет сомнений в том, что уцелевший шведский флот обязан спасением исключительно той странной нерешимости, с которой русский адмирал действовал и вступал под паруса. Многие были уверены, что он нами подкуплен, чтобы не совершать нападения. Но это мнение голословно и не доказуемо, однако трудно объяснить причины такой медлительности и нерешительности русского адмирала»[18].

Еще до ухода шведов в Выборгский залив главнокомандующий занял выжидательную позицию и не торопился с выходом на поиски противника. В течение всего апреля 1790 г. он докладывал в Зимний дворец, что «флот В. И. В. со всем его экипажем в совершенной готовности к выходу на рейд, но удерживают оный в гавани переменные крепкие северо-восточные ветры». Затем писал, что корабли выведены на рейд, но с моря иногда «наносит льды», хотя Ревельский рейд очистился ото льда еще 16 марта и эскадра могла свободно выходить в море на соединение с кронштадтской.

Также еще 22 апреля 1790 г. Екатерина II напоминала Чичагову: «Известно вам, в каком количестве повелели Мы вооружить морские силы Наши для действия на настоящую кампанию против неприятеля Нашего короля шведского. Из числа оных для составления главного флота назначили Мы двадцать один корабль линейные, и между ими семь сто-пушечных, кроме фрегатов и других судов для разных услуг тут потребных. Мы совершенно удостоверены, что вы употребили все способы от вас зависевшие, дабы корабли и прочие суда в Ревеле находящиеся, приведены были в надлежащую исправность, так, чтобы по вскрытии вод и очищении оных от льда могли тот час выйти в море»[19]. В этом же рескрипте императрица предписывала Чичагову нарушать коммуникации противника, то есть препятствовать его торговле и подвозу припасов к главным силам армии и флота, путем «занятия постов в Барезунде, Паркалауте и Гангуте». Особенно она обращала внимание на большое значение поста у Гангута по причине близости дороги, ведущей к Або, откуда русским сухопутным отрядам можно «производить поиски на Абовскую дорогу, или же и к самому сему городу».

Очень важные наставления Екатерины II содержатся далее в том же указе: «По собрании сил ваших, приступите к распоряжениям для охранения безопасности Финского залива, дабы избежать вреда, каковому прошедшего года подвержены были наши провиантские подвозы, не взирая на обращение в море многочисленных военных судов Наших. Для сего учредите главный пост при Гохланде, от которого разъезды долженствуют ходить к острову Аспо. Тут устроится пост от галерного флота. Другой разъезд от Гохланда должен ходить к весту до Наргена и далее до Оденсгольма или до иного места по лучшему вашему усмотрению назначаемого, чтоб ни одно шведское судно не могло прокрасться.

Предполагая главные действия на настоящую кампанию от сухопутной армии и галерного флота, сокращаем таковые нашего корабельного вооружения в двух пунктах. Первый: закрыть все операции в Финском заливе, смотря по успехам, к Шведским берегам или в Ботнический залив. Второй: *при покушении Шведского флота к выходу в море и сближению к водам здешним, сразиться с ним и одержать решительную поверхность.* Для сего не нужно будет вам отдаляться в Балтийское море. Флот вами

предводимый снабден достаточно как флагманами, так и капитанами, службою долговременною сих степеней достигшими, из которых большая часть могли в течение двух прошедших кампаний утвердиться в практическом познании»[20].

Самые поразительные (с точки зрения невыполнения высочайшего указа) действия со стороны Чичагова последовали после получения этого рескрипта. Через неделю он невозмутимо доложил императрице: «Неприятельский флот простирается до тридцати разной величины судов и лавирует от запада к востоку, почему и полагаю я нападение от него на здешнюю В. И. В. часть флота неизбежным». Чичагов считал, что шведские силы «несравненно превосходнее» русских, поэтому он не имеет «возможности выйти в море и вступить с ними в бой под парусами», и в связи с этим принял решение расположить эскадру на якоре «в таком отдалении от гавани, чтобы в случае надобности действовать с оной пушками»[21]. В результате море для шведов осталось свободным, и королевский флот беспрепятственно подошел на вид Ревеля (Таллина), где и вступил 2 мая в перестрелку с русской эскадрой.

Короткой депешей после боя под Ревелем, от 10 мая, адмирал Чичагов также спокойно уведомил императрицу — будто ничего не зная о ее предыдущем предписании сразиться со шведами и одержать над ними «решительную поверхность»: «Неприятельский флот и по сие время находится в виду нашем. Иногда видим, бывает лавирующим и приближающимся к нам, а иногда удаляющимся и стоящим на якоре».[22] Читая эти и другие донесения, логично возникают вопросы: а по какой причине начальствующий флотом занял выжидательную позицию, почему не атакует противника, не действует решительно и смело, как, например, его современник адмирал Ф. Ф. Ушаков на Чёрном море, когда блестяще атаковывал турецкий флот и одерживал победы? Наконец, почему Чичагов так демонстративно игнорировал высочайшие приказы и повеления и какое право он имел так поступать? Вопросы остаются без четкого и ясного ответа — можно лишь выдвигать те или иные предположения.

В следующих рескриптах, например от 4 июня 1790 г., Екатерина II вновь просила Чичагова разбить шведский флот, ушедший в Выборгскую губу, и на этот раз не упустить его, для чего «на разных местах единовременно атаковать неприятеля.

Екатерина подчеркивала: «Положение настоящее неприятеля представляет случай удобный к истреблению мореходных его сил, от части в бухту Выборгскую ушедших, от части утвердившихся между островами Бьерко и Твердою Землею в проливе, именуемом Березовым. Как достижение сея цели не токмо будет споспешествовать восстановлению мира, но и самый сей мир учинить на долгое время прочным». Кроме того, «против шведского короля» она разрешала «употребить всякие огненные заряды и средства», например зажигательные снаряды — брандскугели[23]. Но, как покажут дальнейшие события, главнокомандующий проигнорировал и этот указ императрицы.

Тем временем русские сухопутные армейские части вели тяжелые и неравные бои с противником на подступах к крепости Фридрихсгам и к Выборгу. В этой связи характерна реляция И. П. Салтыкова Екатерине II от 5 мая 1790 г.: «Сию минуту я получил уведомление от Выборгского губернатора, что неприятель показался в двух фрегатах и в 40 канонирских судах близ Роченсальма, а в 7 часов вечера в 12 верстах от Фридрихсгама». Чтобы не допустить прорыва шведов к Фридрихсгаму, с этой флотилией вступил в бой малый отряд русских судов, которые после трехчасовой перестрелки из-за неравенства сил вынуждены были отступить. Генерал Салтыков, находясь в штаб-квартире в Выборге, отрядил небольшую часть войск к Фридрихсгаму с приказом следовать на помощь коменданту крепости, которую ни в коем случае не сдавать. Положение у Фридрихсгама сложилось тяжелое, Густав III лично направил к коменданту Фридрихсгама требование о сдаче и начал обстрел крепости, и Салтыков обращался к Екатерине II с просьбой как возможно скорее направить эскадру в Финский залив, по которому из-за бездействия Чичагова шведы свободно передвигались. В реляции от 9 мая 1790 г. И. П. Салтыков прямо изложил императрице положение дел под Выборгом: «Армия Вашего Императорского величества в малом числе, а имея обширную дистанцию, расположена по частям и вся против неприятеля, которого еще усиливается его флотилия. А он же, имея свободный ход на водах Финского залива, мог бы завладеть нашими берегами, ежели бы защищения оставить»[24].

11 мая 1790 г. положение на суше и на море стало еще тревожнее. Главнокомандующий войсками граф И. П. Салтыков

докладывал: вначале десять, потом до тридцати кораблей противника начали движение в сторону Выборга, оборону которого на отдельных участках держали казачьи разъезды. Причем Салтыков подчеркнул, что шведам хорошо известны все три фарватера, по которым они пройдут к Выборгу, поскольку фарватеры не «ограждены резервною или какою эскадрою из Кронштадта». Салтыков вновь и вновь акцентировал внимание императрицы на том, что поскольку *с моря подкрепления нет*, поэтому «принужденным нашелся в сих нужных обстоятельствах советовать господину контр-адмиралу Козлянинову, чтоб он вывел свои фрегаты и бомбардирский катер, и взял позицию от редута Гаркон Сари поперек фарватера, дабы плывущему неприятелю на канонирских судах, обходя Траль Зунд боковыми фарватерами, на здешнюю рейду воспретить вход». Главнокомандующий армией взывал к императрице: *Финский залив остаётся без защиты, шведский флот свободно там оперирует, обстреливает гребными судами, вооружёнными крупнокалиберными 36-фунтовыми пушками, побережье заливов Гекфорского, Кюменогорского, Сутоловского и Еллильского, «и ежедневно делает покушения на наши посты».* На остров Гекфорский шведы пытались высадить десант, но малочисленный гарнизон воспрепятствовал высадке и сильным ружейным огнем, подкрепленным с береговых батарей, вынудил противника уйти обратно в море[25].

Крайне важным можно назвать донесение И. П. Салтыкова от 5 июня 1790 г., в котором он сообщал: «Неприятель нынешнюю ночью посадя свои войска на три галеры, два прама и со многими канонирскими лодками во втором часу произвел атаку на батарею, учрежденную генерал майором Ферзеном на мысе из трех пушек. Неприятель, имея 24-х фунтовые орудия, мог удобно сбить с лафетов наши пушки, и кинувши две бомбы, подорвал два ящика с зарядами, и тем принудил находящихся на батарее у прикрытия пятьсот человек, оставить оную и ретироваться к главному посту к Коскису.

В 5-м же часу неприятельские суда потянулись вверх к Выборгу, заходя в тыл генерал-майору Ферзену, оставя в Куколе часть войска пехоты. [Неприятель] имеет покушение сделать на Выборг или зайтить в тыл нашей флотилии и войскам, состоящим в команде генерала Ферзена, также и прервать сообщения от Выборга и до столицы... Все на сухом пути приготовления

к удержанию замыслов [неприятеля] не могут быть достаточны. Имея он на воде беспрепятственное плавание, ежели наша флотилия, состоящая ныне в Кронштате, не подаст своею оказалостию неприятелю внимания, неприятель может от воды без помешательства бомбардировать и на Выборг, а галерную флотилию сзади сжечь. *На вчерашнее мое уведомление к господину адмиралу Чичагову, я получил сего дня от него ответ, что он не находит средств подкрепить нашу гребную эскадру.* Я о всем том, какие имею опасности, не преминул вице-адмирала Козлянинова уведомить». Тогда в распоряжении И. П. Салтыкова имелось всего 23 тысячи человек, которыми он «должен содержать обширною дистанцию, оберегать столько важных крепостей, имея повсюду от воды и земли неприятеля, и без всякой мне помощи от наших флотов»[26].

Стоит остановиться и на таком факте. Вопреки голословным уверениям современных авторов о катастрофическом состоянии русского флота перед решающим сражением под Выборгом 22 июня 1790 г., о нехватке пушек, снарядов, матросов и т. д. необходимо привести архивные документы. В начале июня 1790 г. главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал П. И. Пущин прислал графу И. Г. Чернышеву благодарственное письмо, в котором коротко сообщил: «Всё, что надобно для флота, от Адмиралтейства получено» — пушки, ядра, строевой лес и многое другое[27]. 4 июня И. Г. Чернышев уведомил императрицу, что ко флоту отправлена дополнительная партия матросов, а известный доктор А. Г. Бахерахт выехал в госпитали Кронштадта и Ораниенбаума, чтобы лично осмотреть нижних чинов, проследить за ходом их лечения и выписать тех, кто уже выздоровел и сможет выйти в море. На следующий день, 5 июня, Чернышев дополнил предыдущее донесение: «В порохе недостатка нет, ибо отправлено 1000 пуд, а 3160 пуд из Главной Артиллерии обещают дать в будущий понедельник». Транспортные суда «Холмогор» и «Туртухан», отправленные ко флоту с материалами и порохом, вышли 18-го и 19-го июня и поспели вовремя перед сражением[28].

Также положение дел под Выборгом поправили и действия Адмиралтейств-коллегии в отношении лечения рекрутов, которые следовали в Санкт-Петербург и Кронштадт из российских губерний — Симбирской, Вятской, Казанской. Так, 7 мая 1790 г.

Новгородское наместничество уведомило коллегию, что в Тихвине осталась партия рекрутов, следовавших из Вятки с прапорщиком Фрыгаловым. По распоряжению Екатерины II, для выяснения обстановки коллегия направила в Тихвин капитана Тарасова и лекаря Юскевича, которые доложили в коллегию, что «из числа означенной партии рекрут в 539 человек умерших 148, бежавших 10, больных в лазарете 181, а остальные 200 человек 23-го числа апреля отправлены с прапорщиком Фрыгаловым в Петербург, а больные находятся в не опасных болезнях». Лекарь Юскевич принял меры для лечения заболевших, а вскоре по личному распоряжению императрицы в Тихвин к капитану Тарасову поступила сумма денег с приказанием «в скорейшем пользовании больных обще с лекарем приложить крайнее старание, употребляя лекарства и другие вещи, какие по искусству того лекаря надобны будут»[29].

Подводя итог, остановимся на главных выводах. В сражении под Выборгом активно участвовали малочисленные отряды российских судов под начальством Р. В. Кроуна, Л. А. Повалишина и П. И. Лежнева, но адмирал В. Я. Чичагов сделал все возможное для того, чтобы открыть шведам во главе с королем Густавом III свободный коридор из-под Выборга и спасти их от полного разгрома и уничтожения. Коротко событиям под Выборгом подвела итог Николаевская морская академия в Санкт-Петербурге: «Это была не победа, как считает большинство, а наоборот, это было для нас большое поражение, ибо мы выпустили из рук огромный шведский флот, который, если бы Чичагов действовал как следует, весь попал бы нам в руки» [30]. Сигнал погони Чичагов дал только после того, как главные силы шведского флота беспрепятственно вышли из залива и оказались вне досягаемости русских фрегатов.

1 июля 1790 г., уже после сражения и благополучного спасения противника, главнокомандующий флотом невозмутимо доложил Екатерине II: «Исполняя высочайшую волю Вашего Императорского Величества о недопущении неприятеля к уходу в Карлскрон, решился я для уничтожения таковых его покушений расположить флот между Наргена и Вульфа на якоре, откуда и при северном ветре, каковым неприятель более других может воспользоваться, удобнее можно сняться с якоря и вступить под паруса, нежели находясь на Ревельской

рейде, где пребывая иногда и совсем исполнить сего будет невозможно. Для наблюдения за неприятельскими движениями оставил я отряд между Кокшара и Свеабурга, состоящий из двух кораблей и трех фрегатов под командою капитана бригадирского ранга Тета»[31]. Но через некоторое время шведский флот уже находился в Свеаборге, а адмирал Чичагов, по его словам, «наблюдал за ним»[32].

После тяжелой войны 1788–1790 гг. и заключения мира Россия не получила от шведов ни контрибуции, ни новых земель, ни каких-либо компенсаций, какие приобрела от Турции после блестящих побед адмирала Ушакова на Чёрном море. По сути, такое положение дел представляло собой нонсенс, если держава считалась вышедшей из войны победительницей. Мирный договор, заключенный Россией со Швецией 3 (14) августа 1790 г. в Вереле и ратифицированный сторонами 9 (20) августа, подтвердил на Балтике довоенные границы и status quo. Исследователь проблем Швеции и Финляндии историк позапрошлого столетия К. К. Злобин высказал мысль: король Густав III «успел кончить эту войну миром в Вереле, на основании status quo, и это, без сомнения, много, если сравнить обоюдные силы России и Швеции. Этого урока мы не должны забывать»[33]. Тем не менее именно адмирал В. Я. Чичагов получил высшую военную награду России — орден Святого Георгия 1 класса, а не его успешный современник и талантливый флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков.

---

[1] Отец Густава III, шведский король Адольф I Фредрик, бывший Голштинский (Голштейн-Готторпский) герцог и епископ Любский, приходился родным братом матери Екатерины II княгине Ангальт Цербстской Иоганне-Елизавете и был женат на родной сестре прусского короля Фридриха II Луизе Ульрике фон Гогенцоллерн. Подробнее об этом см: Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2007. 719 с. Она же. Фрегат «Venus» в Русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб.: Остров, 2015. 199 с. Также см: Лукошков А. В. Величайшая морская битва льва с орлом. СПб.: Блиц, 2017. 655 с.

[2] Harris Daniel F. H. Chapman. The First Naval Architect and His Work. London: Naval Institute Press, 1989. P. 129–130.

[3] Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö, 1943. S. 548–549.

[4] Ibid. S. 346–351.

[5] Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный Департамент МИД РФ (АВПРИ. ИДД МИР РФ). Ф. 96. Сношения России со

Швецией. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 3–4 об. От 8 августа 1788 года. Подпись С. К. Грейга собственноручная.

[6] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 3–4 об. От 8 августа 1788 года (в тексте курсивом выделено мною. — *Г. Г.*)

[7] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1324. Л. 8.

[8] А. А. Безбородко — Г.А. Потёмкину, 23 ноября 1788 года // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1886. Т. 26. С. 302–303.

[9] Копия с записки А.В. Храповицкого. Без даты: РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 390. Л. 34.

[10] Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1871. С. 31.

[11] Там же. С. 94–95.

[12] РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 352. Л. 240–240 об. Край документа с указанием даты оторван; Л. 248 об.

[13] РГАВМФ. Ф. 212. 1742 год. Д. 6. Л. 11 об.

[14] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 20.

[15] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 466–466 об.

[16] Материалы для истории Русского флота (МИРФ). СПб.: Тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. С. 23.

[17] П.И. Турчанинов — графу А. А. Безбородко, 23 июня 1790 года // МИРФ. Ч. XIV. С. 128.

[18] Gyllengranat C.A. Sveriges Sjökrigs-historia i Sammandrag. Bd. 2. Carlskrona, 1840. S. 261.

[19] Частично опубликован: МИРФ. Ч. XIV. Полностью: АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 1–5.

[20] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 1–5 (в тексте курсивом выделено мною. — *Г. Г.*)

[21] Цит. по: Головачёв В. Ф. Указ. Соч. Т. 2. С. 58.

[22] МИРФ. Ч. 14. С. 58.

[23] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1526. Л. 16 об., 19, 52 об. Все реляции графа И.П. Салтыкова на высочайшее имя, хранящиеся в АВПРИ, собственноручно им подписаны.

[24] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1533. Л. 36 об., 37 об., 39 об.

[25] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1533. Л. 45–46 (курсивом выделено мною. — *Г. Г.*)

[26] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1570. Л. 44 (курсивом выделено мною. — *Г. Г.*)

[27] РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 346 б. Л. 396.

[28] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1573. Л. 2, 6–7, 11.

[29] РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 834. Л. 189–190.

[30] РГАВМФ. Ф. 433. Оп. 1. Д. 466.

[31] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1594. Л. 1.

[32] АВПРИ. Ф. 96. Оп. 96/6. Д. 1594. Л. 23.

[33] Цит. по: Сборник Русского Исторического Общества. Т. 2. С. 66.

Литература

Головачёв В. Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788–1790 годах. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1871. 290 с.

Гребенщикова Г. А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб.: Остров, 2007. 719 с.

Гребенщикова Г. А. Фрегат «Venus» в Русско-шведской и наполеоновских войнах. СПб.: Остров, 2015. 199 с.

Лукошков А. В. Величайшая морская битва льва с орлом. СПб.: Блиц, 2017. 655 с.

Материалы для истории русского флота (МИРФ). СПб.: тип. Морского министерства, 1893. Часть XIV. 633 с.

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: тип. Императорской академии наук, 1886. Т. 26. 402 с.

Harris D. F. H. Chapman. The First Naval Architect and His Work. London: Naval institute press, 1989. 455 p.

Svenska Flottans Historia. Bd. 2. Malmö: A.-B. Allhems, 1943. 561 s.

М. А. Партала

РАДИОРАЗВЕДКА РУССКОГО ФЛОТА НА БАЛТИЙСКОМ МОРЕ (1914–1917): НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ОФИЦЕРОВ

Тема персоналий в историографии радиоразведки Русского флота является одной из наименее разработанных. В отношении Балтийского театра военных действий (ТВД) ситуация внешне выглядит более благополучной, чем в отношении Черноморского ТВД, однако реальный уровень разработки темы и степень ее исследованности и здесь оставляют желать лучшего.

На настоящий момент почти полностью восстановлен список офицеров разведывательного отделения штаба командующего флотом Балтийского моря (КФБМ)[1], а также — офицеров и чиновников, причастных к деятельности Радиостанции особого назначения (РОН) на м. Шпитгамн[2]. Установлен ряд офицеров Морского генерального штаба (МГШ) и штабов соединений Балтийского флота, принимавших участие в решении задач радиоразведки (в первую очередь по кругу задач дешифровально-разведывательной службы)[3]. Вместе с тем по многим персоналиям имеются лишь весьма и весьма отрывочные сведения, как в плане их личного вклада в решение конкретных задач радиоразведки, так и в плане общих сведений биографического характера. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел.

Как свидетельствуют документы, одной из наиболее интересных фигур в истории РОН (м. Шпитгамн) и всей радиоразведки Русского флота является Иван Минович Ямченко.

В контексте истории отечественной криптологии и дешифровально-разведывательной службы фамилия Ямченко впервые

явно «прозвучала» в работе Т. А. Соболевой[4]. В разделе, посвященном событиям Гражданской войны и белогвардейскому радиоперехвату, указывалось: «Складывавшаяся в период Гражданской войны неблагоприятная ситуация с обеспечением тайны шифрпереписки Советской республики достаточно убедительно раскрывается в ряде архивных документов, в частности в шифртелеграмме, посланной уполномоченным Реввоенсовета на Украине, командующим войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе в центр 19 декабря 1920 г.: «Москва, Предсовнаркома Ленину, Предреввоенсовета Троцкому, Главкому, Наркоминдел Чичерину, ЦК РКП.

Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности расшифровываются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепнейшим средством ориентирования противника. Благодаря тесной связи с шифровальным отделением морфлота Врангеля, Ямченко имел возможность лично читать целый ряд наших шифровок самого секретного военно-оперативного и дипломатического характера; в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Ташкенте и Европе слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. То же относится к расшифрованию свыше ста наших шифров. К шифрам, не поддававшимся прочтению немедленно, присылались ключи из Лондона, где во главе шифровального дела поставлен англичанами русско-подданный Фетерлайн, ведавший прежде этим делом в России. Общий вывод такой, что все наши враги, в частности Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы. Копию доклада Ямченко препровождаю с нарочным. Изложенное докладываю для принятия соответствующих мер.

19 декабря Командвойск Укр. Фрунзе».

На этой телеграмме имеется резолюция Ленина: «Сохранить секретно и напомнить мне вместе с докладом Ямченко»[5].

Характеризуя далее первые шаги по созданию собственной криптографической службы, предпринятые руководством молодой Советской республики, Т. А. Соболева писала: «Как мы уже отмечали, в декабре 1920 г. начальник захваченной

радиостанции Врангеля И. М. Ямченко подтвердил еще раз, что советская сторона применяет шифры недостаточной стойкости». А еще в сентябре 1920 г. Политбюро рассмотрело «предложение т. Ленина принять меры к усложнению шифров и к более строгой охране шифрованных сообщений». Политбюро постановило поручить Л. Д. Троцкому, наркому по военным и морским делам, «организовать комиссию из представителей Наркомвоен, Наркоминдел, ЦК РКП и Наркомпочтеля»[6].

В результате принятых мер «5 мая 1921 г. постановлением Малого Совнаркома при ВЧК была создана криптографическая служба — Специальный отдел, начальником его и одновременно членом коллегии ВЧК назначен Г. И. Бокий»[7]. Как отмечает Т. А. Соболева: «Для разработки и реализации проекта создания спецотдела Г. И. Бокий пригласил на работу в отдел старых специалистов-криптографов — В. Н. Кривоша-Неманича, И. А. Зыбина и И. М. Ямченко, которые внесли большой вклад в становление советской криптографической службы»[8].

Далее фамилия Ямченко вновь упоминается в работах Т. А. Соболевой в связи с первыми шагами по организации подготовки специалистов-криптографов. «В январе 1931 г. открываются объединенные дешифровально-разведывательные трехмесячные курсы „спецназначения“ для подготовки криптографов дипломатического и военного направлений. Начальником курсов назначается П. Х. Харкевич, а преподавателями Зыбин, Ямченко, Аронский, Кильдишев»[9].

Следует, однако, отметить, что если фигуры В. Н. Кривоша-Неманича, И. А. Зыбина, Б. А. Аронского и других специалистов-криптографов достаточно хорошо освещены в отечественной историографии, то в отношении И. М. Ямченко наблюдается своеобразный провал. Более того, весьма странным представляется сам факт включения простого начальника какой-то врангелевской радиостанции в состав главного подразделения криптографической службы Советской республики: исторически в России и других странах служба радиотелеграфа и криптографическая служба были разделены, что предопределяло весьма «скромные» познания в данной области у абсолютного большинства радиотелеграфных специалистов.

В действительности И. М. Ямченко был не просто «начальником радиостанции», а руководил в Крыму работой радиостанции

«особого назначения» и являлся на тот момент одним из наиболее опытных в Русском флоте, да и в России в целом, специалистов в области радиоразведки и шифроперехвата. Именно это обстоятельство объясняет такую неожиданную, как может показаться на первый взгляд, осведомленность его в вопросах стойкости советских шифров. Привлечение его к деятельности Специального отдела при ВЧК, в круг ведения которого были включены в том числе вопросы радиоперехвата и дешифровки иностранных радиограмм, было безусловной удачей.

Причастность И. М. Ямченко к делам военно-морской радиоразведки и, в частности, его участие в годы Первой мировой войны в создании главного радиоразведывательного и дешифровального центра Балтийского флота — Радиостанции особого назначения на м. Шпитгамн нашли отражение в целом ряде работ по истории Службы связи и истории радиоразведки флота[10]. Следует, однако, отметить, что для военно-морских историков длительное время оставался загадкой сам факт назначения И. М. Ямченко на Радиостанцию особого назначения. Он на момент назначения имел чин прапорщика по механической части и был прикомандирован к Свеаборгскому порту, где успел отличиться при проведении мобилизации. В апреле 1915 г. «за особые труды и ревностную службу в порту и при мобилизационной части порта» прапорщик И. М. Ямченко был представлен командиром Свеаборгского порта к производству «за отличие» в подпоручики по адмиралтейству[11]. Резолюцией начальника штаба КФБМ контр-адмирала Н. М. Григорова производство в подпоручики было заменено орденом Св. Станислава 3-й степени, награждение коим состоялось приказом КФБМ № 821 от 30 июня 1915 г. Этот период службы И. М. Ямченко был также отмечен медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.».

Именно эта «мобилизационная тема» и служила длительное время для историков единственным объяснением назначения И. М. Ямченко на РОН, имея в виду, что первым начальником радиостанции был назначен старший лейтенант П. А. Колокольцов, заведующий мобилизационной частью Свеаборгского порта (т. е., по сути — непосредственный начальник И. М. Ямченко).

Вновь выявленные архивные документы, однако, свидетельствуют, что для такого кадрового решения имелись

и другие, весьма серьезные основания. Более того, как теперь стало понятно, среди первых офицерских чинов РОН «Шпитгамн» И. М. Ямченко был едва ли не единственным человеком, имевшим специальную подготовку в области телеграфного дела и практический опыт в вопросах военно-морской радиосвязи.

Как следует из документов, И. М. Ямченко окончил полный курс учения в Одесском шестиклассном городском училище, а затем — полный курс в почтово-телеграфном классе при том же училище (свидетельство № 273 от 16 июня 1901 г.)[12]. Почтово-телеграфный класс (с 1903 г. — почтово-телеграфные курсы) при Одесском городском шестиклассном училище (ул. Старопортофранковская, д. 16) был одним из первых на Юге России специальных учебных учреждений, осуществлявших подготовку специалистов в области телеграфной проводной электрической связи, и обеспечивал своим выпускникам высокий профессиональный уровень[13]. После окончания класса И. М. Ямченко поступил на службу почтово-телеграфным чиновником 6-го разряда низшего отдела в Одесскую телеграфную контору. К 1904 г. он — почтово-телеграфный чиновник 5-го разряда с опытом работы на телеграфных аппаратах Морзе и Юза.

С началом Русско-японской войны И. М. Ямченко изъявил желание добровольно отправиться на театр военных действий в составе формируемой на Балтике 2-й Тихоокеанской эскадры. Его обращение в Главный морской штаб (весьма эмоциональное по содержанию) неожиданно получило поддержку у начальника ГМШ контр-адмирала З. П. Рожественского, назначенного командующим 2-й эскадрой. Сохранилась весьма примечательная телеграмма, отправленная 28 апреля 1904 г. в Одессу на имя Ямченко: «Одесса. Телеграфная Контора. Чиновнику Ямченко. Возьму. Ждите спокойно. 1820. Рожественский»[14].

Здесь следует отметить, что спешно приготовляемые к отправке на Дальний Восток корабли 2-й Тихоокеанской эскадры оснащались в тот момент новыми радиостанциями, вопросы освоения которых личным составом и последующего исправного содержания требовали от командования особого внимания. В этой связи контр-адмирал З. П. Рожественский подал 4 июня 1904 г. на имя управляющего Морским министерством следующий рапорт:

«Все суда 2-й эскадры флота Тихого океана снабжаются в настоящее время приборами беспроволочного телеграфирования, и таким образом на них образуется большое хозяйство из специального телеграфного имущества, которое будет находиться, в хозяйственном отношении, в руках некомпетентных минно-артиллерийских содержателей.

В виду исключительного свойства означенного имущества, не входящего в существующие положения, и в виду сложности судового хозяйства вообще, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить учредить военновременную должность содержателя телеграфного имущества эскадры..., с тем, чтобы этот содержатель был подчинен флагманскому минному офицеру»[15].

Решение управляющего Морским министерством по существу данного рапорта было положительным. Именно в качестве такого содержателя («заведывающего имуществом беспроволочного телеграфирования») и был взят на 2-ю Тихоокеанскую эскадру И. М. Ямченко, получивший назначение на эскадренный броненосец «Сисой Великий».

В его формулярном списке зафиксировано: «ВЫСОЧАЙШИМ приказом по морскому ведомству за № 323, определен на службу в морское ведомство на основании ВЫСОЧАЙШЕГО соизволения от 7 июня 1904 г., объявленного приказом по морскому ведомству от 26 того же июня за № 126, произведен в прапорщики по механической части.

Циркуляром Главного морского штаба за № 213, зачислен в 13 флотский экипаж, с 2 августа 1904 г.

Циркуляром Главного морского штаба за № 348, переведен в 18 флотский экипаж, с 3 декабря 1905 г.

[В 1904 и 1905 гг.] находился в плавании на эскадренном броненосце „Сисой Великий“ в составе 2-й эскадры флота Тихого океана под командою капитана 1 ранга Озерова.

Компанию начал с 6 августа 1904 г. на том же броненосце.

С 18 октября по 26 ноября того же года состоял в штабе командующего вторым броненосным отрядом адмирала фон-Фелькерзама, у которого нес флагманские вахты.

Участвовал в бою у острова Цусима на том же броненосце, который 15 мая 1905 г. затонул, и того же числа был взят в плен, где пробыл 7 мес., причем первый месяц находился в г. Мацуяме, а остальное время в г. Осаке.

Возвратился из плена и прибыл во Владивосток 5 ноября 1905 г.»[16]

После возвращения в Россию И. М. Ямченко в феврале 1906 г. уволился в запас и затем служил почтово-телеграфным чиновником в Управлении городских телеграфов Санкт-Петербурга.

На наш взгляд, заслуживает внимания отсутствие у И. М. Ямченко каких-либо наград за Русско-японскую войну. Являясь участником Цусимского сражения, он не имел даже светло-бронзовой медали «В память Русско-японской войны 1904–1905». При этом в послужном списке прапорщика И. М. Ямченко, составленном в январе 1906 г., указано, что «в службе сего прапорщика не было обстоятельств, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку»[17]. Возможно, причина кроется в элементарном сбое, допущенном «канцелярской машиной» Морского ведомства, когда в 13-м флотском экипаже никаких учетных документов на И. М. Ямченко при его поступлении на службу оформить не успели[18], а документы строевой канцелярии эскадренного броненосца «Сисой Великий» и штаба 2-й Тихоокеанской эскадры погибли в Цусимском проливе. Определенную негативную роль в данном вопросе могла сыграть и двойственность положения И. М. Ямченко на «Сисое Великом», где он формально числился младшим судовым механиком, а фактически занимался беспроволочным телеграфом и был подчинен (в специальном отношении) флагманскому минному офицеру штаба командующего эскадрой. В итоге ни корабельные, ни штабные начальники не озаботились включением своего бывшего подчиненного, уже уволившегося со службы, в наградные списки. Этот вопрос, однако, остается на данный момент открытым и заслуживает дополнительного исследования.

С началом Первой мировой войны И. М. Ямченко был вновь призван из запаса на действительную службу (Высочайший приказ по Морскому ведомству о чинах военных № 1287 от 3.08.1914 г.) и зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж (циркуляр ГМШ № 245 от 8.08.1914 г.).

25 апреля 1915 г. приказом КФБМ за № 432 он был назначен на Радиостанцию особого назначения, где оказались в полной мере востребованы его знания и опыт в области телеграфного дела. Пригодился здесь и его опыт юзиста (РОН «Шпитгамн»

для передачи материалов дешифровки имела прямую телеграфную линию по аппарату Юза с Ревелем).

Некоторые обстоятельства службы И. М. Ямченко на РОН еще требуют уточнения. Однако примечательно, что уже в ноябре 1915 г. он, одним из первых среди офицеров РОН, был удостоен боевой награды: приказом КФБМ № 1226 от 18.11.1915 г. прапорщик по механической части И. М. Ямченко был награжден мечами и бантом к имеемому ордену Св. Станислава 3 степени[19]. Заслуживает, на наш взгляд, внимания формулировка в наградном листе: «За выполнение особо секретного поручения штаба Командующего флотом, имеющего весьма важное военное значение и принёсшего большую пользу флоту»[20].

30 ноября 1915 г. приказом Главнокомандующего армиями Северного фронта прапорщик по механической части И. М. Ямченко «за боевые отличия» был произведен в подпоручики по адмиралтейству[21].

В середине 1916 г. И. М. Ямченко был переведен в Черноморский флот. И хотя этот перевод был официально оформлен по Морскому ведомству приказом № 499 от 3 октября 1916 г., в документах Черноморского флота подпоручик по адмиралтейству Иван Михайлович (так в док.!) Ямченко числится исполняющим должность старшего флаг-офицера оперативной части штаба Командующего Черноморским флотом с 20 июня 1916 г.

Следует отметить, что привлечение специалистов радиоразведки Балтийского флота к организации этой службы на Черном море было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, широким использованием германскими кораблями, действующими в составе турецкого флота на Черном море, документов по радиосвязи, принятых в германском флоте и уже хорошо знакомых балтийским радиоразведчикам[22]. А во-вторых, стремлением русского командования приблизить радиоразведку Черноморского флота к тому уровню, которого она достигла на Балтике благодаря усилиям ее создателей — И. И. Ренгартена и А. И. Непенина.

В фондах Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ) удалось обнаружить интересное письмо, отправленное И. М. Ямченко из Севастополя на имя И. И. Ренгартена. Считая И. И. Ренгартена в определенной мере своим учителем в области радиоразведки, И. М. Ямченко писал:

«Здесь в Черном море я организую дело, начатое Вами так блестяще в Балтике... В связи с моей деятельностью мне приходится констатировать большую бедность в Черном море в смысле технической, но постепенно и настойчиво я добился главнейших усовершенствований в оборудовании, и должен признаться, довольно часто злоупотреблял плодами Ваших трудов, указывая на последние, как на классический образец.

Пока мы дальше постоянного подражания Вам не пошли...

Повторяю, что я, в значительной степени подражая Вам, достиг успеха, за что мне остается тепло Вас поблагодарить, за ту школу, которую я прошел в деле, Вами созданном»[23].

Упоминание в тексте письма о достигнутых успехах отнюдь не являлось в данном случае «формой речи». В действительности, уже 19–21 июня 1916 г. радиоразведка сыграла ключевую роль в своевременном обнаружении выхода германских крейсеров «Гебен» и «Бреслау» из Босфора в Черное море, обеспечив штабу флота необходимое время и возможность для принятия соответствующих мер.

4 июля 1916 г. штабом Черноморского флота И. М. Ямченко был представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Представление, несмотря на более чем высокий для простого подпоручика уровень испрашиваемой награды, было поддержано Командующим флотом. При этом особую ценность для историков радиоразведки имеет, на наш взгляд, его ходатайство на наградном листе: «Согласен и прошу особого внимания к подпоручику Ямченко, как к главному работнику по разведке Х. Адмирал А. Эбергард»[24]. Столь высокая оценка работы офицера-радиоразведчика со стороны Командующего флотом дорогого стоит.

Приказом начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего (ВГК) № 230 от 1 августа 1916 г. подпоручик по адмиралтейству И. М. Ямченко был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (утверждено ВП № 1075 от 11.10.1916 г.). А уже 28 августа 1916 г. приказом № 259 начальника Морского штаба ВГК подпоручик И. М. Ямченко был произведен «за отлично-ревностную службу и особые труды, понесенные по обстоятельствам военного времени» в поручики по адмиралтейству (утверждено ВП о чинах военных № 1633 от 11.09.1916 г.).

В этот же день, 28 августа, начальником Морского штаба ВГК было утверждено и введено в действие «Положение о разведывательной части штаба Командующего Черноморским флотом в военное время». Уже в сентябре состоялись назначения офицеров в разведывательную часть штаба: поручик по адмиралтейству И. М. Ямченко был назначен старшим флаг-офицером разведывательной части (с 28 августа 1916 г.)[25].

Вопросами радиоразведки И. М. Ямченко продолжал заниматься и в период Гражданской войны. В известной статье бывшего офицера МГШ капитана 2-го ранга В. В. Романова, опубликованной в эмиграции в 1937 г., он упомянут уже как штабс-капитан и заведующий черноморской Радиостанцией особого назначения[26].

Таким образом, следует признать, что в лице И. М. Ямченко созданный в 1921 г. Спецотдел при ВЧК получил одного из лучших специалистов флота с большим опытом практической работы в области радиоразведки и шифроперехвата. Хочется надеяться, что историки отечественной криптографической службы советского периода проявят больший интерес к личности И. М. Ямченко и найдут возможность обратить на него «особое внимание» (как о том и ходатайствовал командующий Черноморским флотом адмирал А.А. Эбергард).

Другой весьма интересной и (подобно И. М. Ямченко) в определенном смысле «загадочной» фигурой в истории радиоразведки Балтийского флота является подпоручик Е. И. Максимов.

Впервые упоминание о нем как об офицере разведывательного отделения штаба флота встречается в опубликованных в 1927 г. в журнале «Красный архив» дневниках И. И. Ренгартена[27]. Примечательно, однако, что организаторы публикации так и не смогли правильно идентифицировать этого офицера.

В 1956–1961 гг. в журнале «Морские записки» (издававшемся в США «Обществом офицеров Российского Императорского флота в Америке») вышла работа бывшего морского офицера Б. П. Дудорова, посвященная А. И. Непенину, руководившему в 1912–1916 гг. Службой связи Балтийского моря и являвшемуся одной из ключевых фигур в истории русской радиоразведки периода Первой мировой войны[28]. В этой работе вновь была упомянута фамилия Максимова, причем уже напрямую в контексте решения задач радиоразведки.

Дудоров, в частности, писал: «...флагманский штурманский офицер Штаба бригады крейсеров кап. 2 р. Н. Н. Крыжановский говорит, что еще до организации „Черного кабинета“ (шифровальной группы Шпитгамна. — *Б. Д.*) нам на крейсера была выдана копия кода и мы сами работали над расшифровкой и открытием феков (название, данное на нашем флоте перешифровальным таблицам). Было это сугубо секретно, даже от офицеров, по причине болтливости многих. На „Рюрике“ у нас штаб был очень маленький по желанию Бахирева. Я был флагманским штурманом и вместе старшим флаг-офицером. У меня было два младших флажка — мичман Тимофеевский и подпоручик по адм. Максимов... Он владел великолепно английским, французским и немецким языками. Он и производил у нас расшифровку...

Адриан Иванович был не прочь переманить Максимова к себе, но Коронат не соглашался»[29].

Однако обращение к официальному изданию ГМШ (Спискам личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства) не дало ожидаемых ответов по личности подпоручика Максимова и лишь породило новые загадки. Персональная учетная запись Евгения Максимова в «Списке» за 1916 г. содержала пропуски по всем наиболее важным пунктам: дата рождения, год поступления в службу и т. д. В Статистическом отделении ГМШ не знали даже отчество этого офицера[30].

Тем большим сюрпризом стал результат целевого поиска, когда (как и в случае с И. М. Ямченко) интересующий нас офицер оказался моряком-цусимцем, участником Русско-японской войны, оставившим заметный след в хрониках 2-й Тихоокеанской эскадры.

Так, например, на первой странице «Иллюстрированной хроники Русско-японской войны» за 19 ноября 1904 г. опубликована фотография, сделанная на борту флагманского корабля 2-й эскадры. Подпись под фотографией гласит: «В штабе командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой, на мостике „Князя Суворова“: фл.-кап. кап. 1 ранга Клапье-де Колонг; флагм. офиц. лейтен. Новосильцев, юнкер Максимов»[31].

Как известно, «Устав о воинской повинности» Российской империи дозволял молодым людям отбывать воинскую повин-

ность в качестве вольноопределяющихся или охотников (на основании особых правил). Вольноопределяющиеся, поступающие во флот, зачислялись на службу юнкерами. В отношении Максимова можно встретить в документальных источниках и в публикациях тех лет все возможные варианты обозначения его статуса на 2-й эскадре: юнкер, охотник, волонтер.

Начало Русско-японской войны застало Е. И. Максимова на 2-м курсе историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, откуда он, прервав учебу, поступил добровольно во флот, добившись назначения на 2-ю Тихоокеанскую эскадру. Шаг для молодого человека более чем неожиданный, учитывая его весьма далекое от морской службы происхождение и воспитание.

Как следует из документов, Евгений Максимов родился 19 февраля 1883 г. в Санкт-Петербурге в купеческой семье[32]. Его отец, потомственный почетный гражданин и кавалер Иван Максимович Максимов, был успешным санкт-петербургским купцом, владел (по сост. на 1902 г.) большим домом и тремя каменными лавками в Санкт-Петербурге, а также имением в Петергофском уезде. За многолетнюю благотворительную деятельность и деятельное личное участие в работе Покровской общины сестер милосердия он был пожалован орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степени, Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 3-й и 4-й степени, знаком Красного креста, а также чином статского советника[33]. У И. М. Максимова было трое детей от первого брака и четверо — от второго. Всем детям он сумел дать достойное воспитание и образование. Так, например, его младшая сестра Мария Ивановна Максимова известна как выдающийся историк-антиковед, профессор Ленинградского университета, научный сотрудник Института археологии АН СССР, хранитель отделения глиптики Государственного Эрмитажа[34].

Однако, насколько сейчас позволяют судить документы, военно-морская тема в семье Максимовых связана только с именем Евгения. Добившись зачисления в 1904 г. в состав 2-й Тихоокеанской эскадры, он совершил на флагманском броненосце «Князь Суворов» переход вокруг Африки на Дальний Восток и, в завершении этой эпопеи, стал участником ее финальной, наиболее драматической страницы — Цусимского сражения. В бою 14 мая 1905 г. он руководил работой ютовых сигнальщиков, а в

завершающей фазе боя ему довелось командовать, по сути, одним из последних стрелявших орудий эскадренного броненосца «Князь Суворов». Капитан 2-го ранга В. И. Семенов, автор трилогии «Расплата», так впоследствии описал эти события: «— По орудиям! Миноносцы подходят! По орудиям! — пронеслось по палубе... Легко было сказать — „по орудиям!“ Из всех двенадцати 75-мм пушек нижней батареи оказалась непобитой только одна, с правого борта... Впрочем, и ей не пришлось стрелять на этот раз. Миноносцы осторожно приблизились к нам с кормы (по японским сведениям, это было в 4 ч. 20 мин. дня), но в кормовом плутонге (позади кают-компании) еще уцелела 75-мм пушка. Волонтер Максимов, за убылью офицера принявший командование плутонгом, открыл по миноносцам частый огонь, а те, увидев, что эта странная, избитая посудина все еще огрызается, ушли, выжидая более благоприятного времени»[35].

За отличия, оказанные в Цусимском сражении, охотник, студент Санкт-Петербургского университета Евгений Максимов был награжден Знаком отличия Военного ордена 2-й степени (№ 4189).

В последующем Е. И. Максимов разделил судьбу чинов штаба 2-й Тихоокеанской эскадры. После возвращения из японского плена он был уволен в запас флота и продолжил обучение в Санкт-Петербургском университете[36].

На начало войны с Германией Е. И. Максимову шел уже 32-й год, но он вновь поступил во флот охотником. Каким образом в ГМШ не смогли отождествить охотника, а затем офицера Евгения Максимова, поступившего на службу в 1914 г., с охотником Евгением Максимовым, участником Русско-японской войны, сейчас можно только гадать. Примечательно, однако, что с их «легкой руки» с этой задачей не могли длительное время справиться и военно-морские историки.

Уже 20 января 1915 г. приказом Главнокомандующего VI армией за № 31 охотник флота сигнальный унтер-офицер Евгений Максимов был произведен в подпоручики по адмиралтейству — «за отличное знание морского дела, выдающуюся деятельность и за отличия в делах против неприятеля»[37]. Приказом КФБМ № 165 от 11 февраля 1915 г. он был прикомандирован к штабу начальника 1-й бригады крейсеров. Работа как раз этого штаба и описана в книге Б. П. Дудорова.

Участие поименованных в книге офицеров штаба начальника 1-й бригады крейсеров контр-адмирала М. К. Бахирева в работе по разбору и дешифровке немецких радиограмм подтверждается в том числе дневниковыми записками И. И. Ренгартена. Так, например, среди мартовских записей за 1915 г. можно прочитать: «8-го [марта] немецкие радио перестали разбираться, а 10-го я получил от начальника Службы связи таблицу шифра, составленную (по подгонке) мичманом Тимофеевским (фл. оф. адм. Бахирева)»[38]. Весьма вероятно, что к этому успеху имел отношение и Е. И. Максимов.

Служба Е. И. Максимова на 1-й бригаде крейсеров была отмечена двумя боевыми наградами: орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость» (приказ КФБМ № 874 от 12.08.1915 г.) — «За мужество и распорядительность, проявленные в бою с германскими крейсерами у о. Готланд 19 июня 1915 г.», и орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом (приказ КФБМ № 1426 от 30.12.1915 г.).

Затем он был прикомандирован к штабу начальника 1-й бригады линейных кораблей (приказ КФБМ № 1438 от 31.12.1915 г.), где прослужил до лета 1917 г. Был произведен в поручики по адмиралтейству (ВП о чинах военных № 1675 от 02.01.1917) с последующим переименованием в лейтенанты военного времени флота (приказ о чинах военных № 98 от 18.07.1917 г.).

Давнюю мечту А. И. Непенина, заполучить Максимова для постоянной работы по линии разведки, удалось исполнить 30 июня 1917 г., когда приказом КФБМ он был переведен в штаб флота, где поступил в распоряжение начальника разведывательного отделения. Под руководством капитана 1-го ранга И. И. Ренгартена ему довелось решать непростые задачи разведки в период подготовки и проведения германским флотом масштабной (по составу привлеченных сил) операции «Альбион» по захвату Моонзундских островов. На его же долю выпала и окончательная ликвидация разведывательного отделения штаба Балтийского флота в декабре 1917 г.

В Гражданскую войну Е. И. Максимов на Белом Севере (1918–1920). По некоторым данным, был произведен в чин старшего лейтенанта. Офицер органов разведки/контрразведки. Упоминается, в частности, в качестве начальника Чекуевского особого контрольного контрразведывательного пункта (1918–1919)

в документах Российского государственного военного архива (РГВА)[39]. После крушения Мурманского фронта в 1920 г. предположительно оказался на территории Финляндии[40]. По данным Н. З. Кадесникова, лейтенант Е. Максимов погиб при переходе советско-финской границы с разведывательной целью[41].

Интересные материалы к биографии еще одного офицера Радиостанции особого назначения Балтийского флота, мичмана О. О. Проффена, стали доступны отечественным историкам благодаря изысканиям эстонских коллег. Оказалось, что Освальд Проффен опубликовал в 1936 г. в Эстонии в газете «Uus Eesti» («Новая Эстония») серию статей с воспоминаниями об участии Русского Балтийского флота в Первой мировой войне и о своей работе на РОН «Шпитгамн», которые до настоящего времени оставались вне поля зрения отечественных историков[42]. В местных архивах эстонским коллегам удалось также выявить документы, касающиеся периода жизни О. О. Проффена в Эстонии. Впервые познакомил российских историков с этими материалами эстонский исследователь Йво Юурвээ (Ivo Juurvee)[43]. Сейчас известны и другие его работы, касающиеся этого сюжета[44].

Таким образом, база персоналий по истории радиоразведки Балтийского флота пополнилась новыми материалами к биографиям трех военно-морских офицеров: И. М. Ямченко, Е. И. Максимова, О. О. Проффена. При этом в двух случаях (Максимов, Проффен) были выявлены фотографические портреты исследуемых персон. Полученные результаты дают основания для обнадеживающих прогнозов относительно перспектив дальнейшей разработки темы.

---

[1] *Партала М. А.* Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 8-й ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2007. С. 325–337.

[2] *Партала М. А.* Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы седьмой ежегодной научной конференции (13–14 апреля 2005 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2006. С. 214–222.

[3] *Партала М. А.* 1. Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе

1914 г. // Защита информации. Инсайд. 2007. № 2. С. 80–86; 2. Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 17-й ежегодной научной конференции (7–8 апреля 2015 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 160–166.

[4] *Соболева Т. А.* Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII — начала XX в.). М., 1994. 384 с.

[5] Там же. С. 309. Со ссылкой на Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 16581.

[6] Там же. С. 315.

[7] Там же. С. 320.

[8] Там же. С. 325.

[9] *Соболева Т. А.* История шифровального дела в России. М., 2002. С. 431.

[10] *Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А.* Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998. С. 181; *Партала М. А., Симонов Д. Н.* Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. Инсайд. 2005. № 1. С. 90–96.

[11] РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3423. Л. 5, 227–228.

[12] Формулярный список о службе почтово-телеграфного чиновника 4 разряда Управления Городских Телеграфов в С.-Петербурге не имеющего чина Ивана Ямченко. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1428. Л. 84–89. (Выписки из документа по просьбе автора произвел П. А. Стежко).

[13] *Партала М. А.* К истории подготовки специалистов по электросвязи в учебных заведениях Одессы (конец XIX — начало XX вв.) // Наука и техника: Вопросы истории. Материалы XXXVII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки» (21–25 ноября 2016 г.). Вып. XXXII. СПб., 2016. С. 220–222.

[14] РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3441. Л. 4.

[15] Там же. Л. 6.

[16] РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 1428. Л. 85–87.

[17] РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 3. Д. 3441. Л. 31.

[18] Командир 18-го флотского экипажа в рапорте от 6 января 1906 г. сообщал: «...на прапорщика Ямченко, подлежащего к увольнению от службы в запас флота, представить послужной список не могу, так как командир 13 фл. эк., откуда он был переведен в вверенный мне экипаж, уведомил меня, что таковой не может быть выслан, ибо в 13 экипаже никаких документов по зачислении в означенный экипаж не присылалось» (Там же. Л. 40).

[19] РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 3464. Л. 4, 151.

[20] Там же. Л. 151об.

[21] Производство объявлено по флоту приказом КФБМ № 1348 от 15.12.1915 г. Утверждено ВП о чинах военных № 1521 от 28.12.1915 г.

[22] *Партала М. А.* «Сигнальная книга» с турецкого крейсера «Меджидие» (Малоизвестный ремейк «магдебургской» истории) // Защита информации. Инсайд. 2007. № 5. С. 91–96. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 532. Л. 39.

[23] *Партала М. А.* «Сигнальная книга» с турецкого крейсера «Меджидие» (Малоизвестный ремейк «магдебургской» истории) // Защита информации. Инсайд. 2007. № 5. С. 91–96.

[24] РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 532. Л. 39.

[25] Там же. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4789. Л. 3–4. «Разведка Х» — условный термин, которым в Русском флоте, в целях секретности, обозначалось все, имевшее отношение к радиоразведке и шифроперехвату.

[26] Циркуляр ГМШ № 9 от 14.01.1917 г.

[27] Доклад В. В. Романова «Радиоразведка» был прочитан автором в 1930 г. и опубликован в 1937 г. в «Записках Военно-морского исторического имени адмирала Колчака кружка». — 1937. Вып. 7. С. 27.

[28] Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 45, 79, 94.

[29] Эта работа была переиздана в 1993 г. в Санкт-Петербурге отдельной книгой: *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993.

[30] *Дудоров Б. П.* Вице-адмирал А. И. Непенин (Опыт биографии) // Морские записки. 1960. Vol. XVIII. № 2 (52). С. 19–20; по тексту: Коронат — контр-адмирал Бахирев Михаил Коронатович.

[31] Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг., 1916. С. 834.

[32] Иллюстрированная хроника Русско-японской войны. Приложение к газете «Русь». № 42. Пятница, 19 ноября 1904 г. С. 657.

[33] Дело студента Императорского Санкт-Петербургского университета Евгения Ивановича Максимова. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3. Д. 40781.

[34] Формулярный список о службе пожизненного старшего Почетного члена Покровской общины сестер милосердия, статского советника И. М. Максимова. — ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40781. Л. 7–10, 32–35.

[35] *Виноградов Ю. А.* М. И. Максимова. Путь русского ученого // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2016. № 14. С. 7–23.

[36] *Семёнов В. И.* Трагедия Цусимы. М., 2008. С. 506.

[37] Согласно свидетельству С.-Петербургского университета студент Е. И. Максимов, по состоянию на май 1911 года, имел 8 зачтенных полугодий. Вопрос об окончании им университета требует уточнения.

[38] Производство объявлено по флоту приказом КФБМ № 103 от 25 января 1915 г. Утверждено ВП о чинах военных № 1364 от 29 января 1915 г.

[39] РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 199. Л. 131.

[40] РГВА. Ф. 40314: — Отделение военно-полевого контроля Онежского района; 1918–1919 гг.

[41] В списках офицеров флота, оказавшихся в лагере Лахти на территории Финляндии в июле 1920 г., указан лейтенант Евгений Максимов.

[42] *Кадесников Н. З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом. На суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. СПб., 1991. С. 49.

[43] [*Oswald Proffen.*] Põõsaspea salajane raadiojaam: Mälestusi maailmasõjaaegsest salaluurest Läänemerel. I-XIV // Uus Eesti, 11.–17.06., 19.–22.06., 25.–27.06.1936.

[44] *Юурвээ Й.* Свежий взгляд на крушение «Магдебурга» // «BALTFORT». 2014. № 4(29). С. 51–53.

[45] *Juurvee, Ivo*. Venemaa raadioluure sünd Esimese maailmasõja aegses Eestis — Esimene maailmasõda ja Eesti. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 22(29)), Koostanud Tõnu Tannberg. Tartu 2014, lk 358–374; *Juurvee, Ivo*. Birth of Russian SIGINT during World War I on the Baltic Sea. Intelligence and National Security, 2017. Vol. 32. № 3. p. 300–312.

Литература

Биккенин Р. Р., Глущенко А. А., Партала М. А. Очерки о связистах Российского флота. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1998. 356 с.

Виноградов Ю. А. Максимова М. И. Путь русского ученого // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2016. № 14. С. 7–23.

Дудоров Б. П. Вице-адмирал А.И. Непенин. (Опыт биографии) // Морские записки. 1960. Vol. XVIII. № 2 (52). С. 19–20.

Иллюстрированная хроника Русско-японской войны. Приложение к газете «Русь». № 42. Пятница, 19 ноября 1904 г.

Кадесников Н. З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом. На суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. СПб.: Облик, 1991. 88 с.

Октябрьская революция в Балтийском флоте (Из дневника И. И. Ренгартена) // Красный архив. 1927. Т. 6 (25). С. 34–95.

Партала М. А. «Сигнальная книга» с турецкого крейсера «Меджидие» (Малоизвестный ремейк «магдебургской» истории) // Защита информации. Инсайд. 2007. № 5. С. 91–96.

Партала М. А. К истории подготовки специалистов по электросвязи в учебных заведениях Одессы (конец XIX — начало XX вв.) // Наука и техника: Вопросы истории. Материалы XXXVII международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Коммеморативные (юбилейные) практики в истории российской науки» (21–25 ноября 2016 г.). Вып. XXXII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2016. С. 220–222.

Партала М. А. Наградные документы офицеров и нижних чинов Русского флота (1914–1917) как важный источник по истории отечественной военно-морской радиоразведки // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Издательство РХГА, 2016. С. 160–166.

Партала М. А. Радиостанция особого назначения на мысе Шпитгамн (1915–1917) и ее место в истории радиоразведки Балтийского флота // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Издательство РХГА, 2006. С. 214–222.

Партала М. А. Разведывательные органы Балтийского флота в Первую мировую войну: вопросы организации // Санкт-

Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Издательство РХГА, 2007. С. 325–337.

Партала М. А. Рифы и мифы острова Оденсхольм. К истории захвата секретных документов германского флота на крейсере «Магдебург» в августе 1914 г. // Защита информации. Инсайд. 2007. № 2. С. 80–86.

Партала М. А., Симонов Д. Н. Радиоразведка Русского императорского флота на Балтийском море: история создания // Защита информации. Инсайд. 2005. № 1. С. 90–96.

Романов В. В. Радиоразведка // Записки Военно-морского исторического, имени адмирала Колчака, кружка. 1937. Вып. 7. С. 14–39.

Семёнов В. И. Трагедия Цусимы. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 году. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 с.

Смолин А. В. Моряки балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 году // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Смолин А. В. Служба в Финляндии во время Первой мировой войны по воспоминаниям русского офицера // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16. 294–298.

Соболева Т. А. История шифровального дела в России. М.: ОЛМА-ПРЕСС-Образование, 2002. 511 с.

Соболева Т. А. Тайнопись в истории России (История криптографической службы России XVIII — начала XX в.). М.: Международные отношения, 1994. 384 с.

Список личного состава судов флота, строевых и административных учреждений Морского ведомства. Пг.: Изд. Стат. отд-ния Гл. морского штаба, 1916. VII, 11, CCVII, 1231 с.

Юурвээ Й. Свежий взгляд на крушение «Магдебурга» // «BALTFORT». 2014. № 4(29). С. 51–53.

Juurvee I. Birth of Russian SIGINT during World War I on the Baltic Sea // Intelligence and National Security. 2017. Vol. 32. № 3. P. 300–312.

Juurvee I. Venemaa raadioluure sünd Esimese maailmasõja aegses Eestis — Esimene maailmasõda ja Eesti // Eesti Ajalooarhiivi toimetised. № 22(29). Tartu, 2014. lk 358–374.

[*Oswald Proffen.*] Põõsaspea salajane raadiojaam: Mälestusi maailmasõjaaegsest salaluurest Läänemerel. I-XIV // Uus Eesti, 11–17.06, 19.–22.06, 25–27.06.1936.

Д. А.Бажанов

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕЛЬСИНГФОРСЕ: СТОЛИЦА ФИНЛЯНДИИ 3–5 МАРТА 1917 г.

Известия об угрожающих событиях в столице стали доходить в Финляндию 26 февраля. По воспоминаниям чиновника цензуры полковника Д. Л. Казанцева, первые новости о беспорядках в Петрограде были доставлены с поездом, направлявшимся из Швеции[1]. Командование флотом было извещено о них раньше — еще в 4 час 50 мин из Главного морского штаба пришла телеграмма, предписывавшая не увольнять нижних чинов в Петроград[2].

По этой причине личный состав жил слухами. Г. К. Граф так охарактеризовал ситуацию: «[После 27 февраля 1917 г. — *Д. Б.*] стали доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о каком-то перевороте, об отречении государя... Наконец железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось. Всякие слухи прекратились, и дальнейшие сведения стали поступать только через штаб флота...»[3]. Основным источником слухов были преимущественно возвращавшиеся из отпусков члены экипажей. Автору известна по меньшей мере одна группа нижних чинов, приехавших с 26 по 28 февраля. По данным Д. А. Гаркавенко, в нее входили 7 матросов, в том числе 4 с «Полтавы»[4]. Вероятно, эта группа не была единственной. К тому же кое-что можно было выяснить на берегу, ведь ограничений на увольнения не вводилось.

Информация, поступавшая на корабли, будоражила команды. Косвенно об этом свидетельствует падение дисциплины на кораблях. Так, на линейном корабле «Гангут» 27 февраля приказом командира был арестован на 8 суток матрос I статьи

М. Василевич «за агитацию и поддержку событий в Петрограде». На «Севастополе» матросы И. Ченцов и К. Кириллин отказались повиноваться приказу офицера. Когда они были арестованы и посажены под замок, то принялись танцевать. Это видели часовой и караульный унтер-офицер, которые «не только не приняли мер к прекращению подобного поведения, но и поощряли их всевозможными выкриками»[5].

Неопределенность могла рано или поздно привести к открытому неповиновению. Понимали это и в штабе флота. Поэтому с раннего утра 28 февраля командующий флотом начал объезжать корабли, стоявшие на рейде. Первым стал «Петропавловск», куда А. И. Непенин прибыл в 9 ч 10 мин утра[6]. Когда команда была построена, командующий обратился к матросам и офицерам с речью о положении в столице, о беспорядках, имевших место, о возможности со стороны немцев внезапного нападения. Свою речь он завершил призывом к спокойствию, нормальному несению службы и повышенной дисциплине. Затем, в 9 ч. 50 мин., Непенин отправился на «Россию», флагманский крейсер 2-й бригады[7]. Почти тотчас же поступил приказ из штаба: «Бригада переходит на восьмичасовую готовность. Поэтому: 1. Увольнения команды на берег не позднее, чем до семи часов вечера. С нетчиков строжайше взыскивать. 2. На каждом корабле иметь вооружённый взвод из 24-х человек при 2 унтер-офицерах и офицере, пулемет. 3. Усилить вахтенную, караульную и палубную службы. 4. Офицерам увольнения запрещаются. 5. После семи часов нижних чинов разрешается посылать в город только по служебной необходимости. 6. Усилить надзор за мастеровыми и посторонними лицами. 7. Офицерам иметь при себе электрические фонари и прочее. 8. О малейших недоразумениях сообщать адмиралу днём и ночью. 9. Все распоряжения из Ставки Верховного Главнокомандующего будут немедленно сообщаться командам. 10. В первые же дни [марта. — *Д. Б.*] произвести тревоги»[8].

Цель приказа в контексте происходивших событий, неопределенности вопроса о положении дел в столице и вопроса о том, кто является политически авторитетной фигурой, на наш взгляд, ясна. Во-первых, предполагалось таким образом «подтянуть» дисциплину среди команд дредноутов. Во-вторых, у командиров были развязаны руки в отношении присутствия на корабле

посторонних лиц, которые при приведении его в боевую готовность были обязаны сойти на берег. В-третьих, присутствие на кораблях вооруженных взводов предостерегало от попытки вооруженного мятежа. Наконец, в-четвертых, ограничение пребывания матросов на берегу должно было, по-видимому, уменьшить возможности общения их с «нежелательным элементом» — солдатами и рабочими. Ограничение свободного времени путем проведения учебных боевых тревог имело ту же цель. Также отметим и отсутствие подобных распоряжений по другим соединениям, находившимся в Гельсингфорсе. Это могло свидетельствовать в пользу версии, что именно экипажи дредноутов рассматривались командующим флотом в качестве основной силы для поддержания порядка среди морских команд.

Днем начальники соединений отправились на те корабли, которые командующий не посетил. Так, начальник 2-й бригады крейсеров вице-адмирал А. П. Курош в 13 ч прибыл на крейсер «Диана», где пробыл, по данным вахтенного журнала, 40 минут[9].

Необходимым в такой обстановке являлось преодоление информационного вакуума и противодействие слухам. Поэтому оправданным представляется телеграмма № 228/оп командующего флотом, разосланная вечером 28 февраля: «Предписываю объявить командам: последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета Министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путём воспользоваться положением»[10].

Однако в это время драматические события стали затрагивать и Балтийский флот. Своеобразным зачинщиком стал наиболее близкий к эпицентру революции Кронштадт. В 23 ч 30 мин военный губернатор Кронштадта адмирал Р. Н. Вирен сообщил в Морской генеральный штаб о начавшихся беспорядках. Из МГШ в ответ прислали телеграмму о наведении Временным комитетом Государственной думы порядка в столице и возвра-

щении войск в казармы[11]. Тем временем на сторону восставших частей гарнизона перешли команды учебных морских рот и судов, стоявших в Кронштадте. Началось восстание, в ходе которого существовавшая администрация была разгромлена: погибло около 40 морских офицеров, в том числе Р. Н. Вирен и начальник штаба Кронштадтского порта контр-адмирал А. Г. Бутаков[12]. Связь с Кронштадтом командование флотом утратило, и А. И. Непенин обратился за помощью к М. В. Родзянко[13].

В Ревеле 1 марта началась забастовка рабочих на судостроительном заводе, которая на следующий день перекинулась и на другие предприятия. Ситуация вышла из-под контроля командования 2 марта. В этот день группы бастующих появились в порту, призывая команды стоявших кораблей присоединиться. Начальник 1-й бригады крейсеров контр-адмирал В. К. Пилкин и начальник дивизии подводных лодок контр-адмирал Д. Н. Вердеревский приняли совместное решение разрешить желающим, кроме вахтенных, отправиться на берег. Однако в то же время они потребовали от экипажей отправить на берег обходы для защиты гавани и военных кораблей. В самом же городе обстановка была тревожная. С участием матросов крейсера «Олег», присоединившихся к рабочим, была разгромлена тюрьма «Толстая Маргарита». Комендант Морской крепости императора Петра Великого вице-адмирал А. М. Герасимов, пытавшийся уговорить их разойтись, был, по выражению участника, «прибит своими матросами»[14]. В самом городе вспыхнуло, по сообщению В. К. Пилкина, несколько пожаров, «кое-где раздавалась хулиганская стрельба»[15].

Положение было неспокойным, о чем говорит и приказ командующего флотом, объявленный на всех кораблях в телеграмме № 258/оп от 2 марта: «Приказываю поддерживать Исполнительный Комитет Государственной Думы, о чём донёс в Ставку для доклада Государю Императору. Это же приказываю объявить населению и рабочим»[16].

3 марта рано утром в штабе получили текст манифеста Николая II о передаче прав на трон Михаилу Александровичу и о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. А. И. Непенин, верный своему принципу сообщать командам кораблей все новости незамедлительно, собирался поступить аналогичным образом и в данном случае. Согласно

данным А. В. Смолина, сразу после получения текста манифеста в штабе флота был подготовлен соответствующий приказ[17]. Но из Петрограда пришло указание обождать. Остается только гадать, чем руководствовались те, кто его отдал. Д. А. Гаркавенко, например, полагал, что думцы «просто струсили». А. Б. Николаев, исходя из общего контекста деятельности в это время ВКГД и в особенности М. В. Родзянко, считает, что все действия направлялись на недопущение воцарения Михаила Александровича. При этом сам Комитет мог превратиться в верховный орган управления Россией.[18] В любом случае это решение имело политические основания и оказало большое влияние на дальнейший ход событий. В ответ А. И. Непенин телеграфировал: «В Гельсингфорсе задержал, пытаюсь задержать в Абозиции и Монзиции [Або-Оландской и Моонзундской укреплённых позициях. — *Д. Б.*]...»[19]

Днем, наконец, было решено объявить о деятельности Временного комитета Государственной думы. Чуть позднее объявили и об образовании Временного правительства (как нового кабинета министров), но умолчали об отречении Николая II.

Около 13 час сделала попытку выйти на демонстрацию береговая рота Минной обороны, расквартированная в казармах Свеаборгского порта. Первым на переговоры прибыл флаг-офицер начальника Минной обороны лейтенант К. И. Василевский. Он сумел задержать моряков до прибытия А. И. Непенина и начальника Минной обороны вице-адмирала А. С. Максимова. После разговора с ними, который бывший матрос роты А. Новиков охарактеризовал глаголами «ласкали» и «умоляли», матросы отказались от первоначального намерения и вернулись в казармы. В то же время часть моряков ушла в город[20].

В дальнейшем на окраинах города состоялось несколько собраний, в которых моряки принимали участие. Матрос транспорта «Покой» Т. Липпик вспоминал, что его товарищи упоминали о митингах, состоявшихся в этот день в парке в районе Тёлё, в Брунс-парке[21]. По-видимому, самым многочисленным был сход рабочих и матросов около Петроградского моста, о котором вспоминали многие авторы. По воспоминаниям матроса береговой роты Минной обороны И. Саловова, среди них были матросы с линейного корабля «Андрей Первозванный»[22]. Машинный унтер-офицер I статьи крейсера «Громобой» М. Конин

назвал в числе находившихся там моряков команд линкоров «Император Павел I» и «Петропавловск» [23]. Именно там было принято решение о совместном выступлении нижних чинов флота утром 4 марта, на что указали машинный унтер-офицер миноносца № 215 П. Свистулёв и А. Новиков[24].

Таким образом, решение А. И. Непенина на свой страх и риск объявить на кораблях об отречении Николая и о назначении нового главнокомандующего мало что изменило — матросы знали об этом. Следовательно, что-то изменить, исправить было уже слишком поздно. Об этом же косвенно свидетельствует и командир линкора «Андрей Первозванный» капитан I ранга Г. О. Гадд: «Через 2 дня [3 марта. — *Д.Б.*] был получен акт государя императора и объявлен команде. Все эти известия она приняла спокойно»[25]. Своеобразная самоподготовка, имеющая место перед всяким проявлением неповиновения, произошла именно в этот период.

В условиях сложившейся напряженности было достаточно малейшей ошибки со стороны командного состава, чтобы последовал взрыв. Около 19 ч началось восстание на «Императоре Павле I». Единственные известные описания его первых минут принадлежат Н. А. Ховрину и Г. К. Графу. Ховрин считал, что поводом к началу событий стала попытка старшего офицера «Павла» старшего лейтенанта В. А. Яновского разогнать матросов, стоявших на баке и переговаривавшихся с матросами соседнего «Андрея Первозванного». Учитывая, что расстояния между кораблями на рейде составляли несколько десятков метров и эти «переговоры» должны были более походить на громкие крики, подобного поведения старший офицер допустить не мог. Далее Ховрин сообщал: «На корабле «Андрей Первозванный» закричали что-то, у нас подхватили, не то ура, не то что-то вроде этого. Старший офицер бросился бежать в жилую палубу, матросы за ним. В жилой палубе его схватили и повалили, но он был очень сильный и всё вырывался. Тогда кто-то из кочегаров схватил из стоящей рядом пожарной пирамиды кувалду и ударил ею Яновского по голове. С этого и началось»[26]. Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, неопределенность начала конфликта между офицером и нижними чинами. Более вероятным бегство старшего лейтенанта В. А. Яновского представляется не в результате неких выкриков

с «Андрея Первозванного», а после того, как команда либо начала угрожать ему, либо попыталась наброситься уже на баке. Во-вторых, автор сознательно или неосознанно первое убийство начисто обезличил. Кровь пролил «кто-то из кочегаров». Однако благодаря работе Г. К. Графа имя кочегара, убившего в этот день кувалдой другого офицера «Павла», мичмана А. Г. Булича, известно. Им был уроженец Полтавской губернии П. Руденок[27]. Поэтому представляется вполне вероятным, что свой «путь» он начал именно с В. А. Яновского. По мнению Г. К. Графа, «бунт вспыхнул с того, что в [жилой. — *Д. Б.*] палубе был поднят на штыки штурманский офицер лейтенант В. К. Ланге»[28]. При этом, однако, остается неясным, когда нижние чины успели вооружиться. Вполне возможным представляется и такой ход событий, при котором между первыми убийствами прошло настолько мало времени, что разделить их нельзя. Тем более что Г. К. Граф, например, упомянул, что В. А. Яновский после избиений был еще «за ноги дотащен до борта и выброшен на лед», что тоже потребовало времени[29]. В это же время погибли лейтенант Н. Н. Савинский, мичманы М. Р. Шиманский и А. Г. Булич. Если Г. К. Граф их смерть относил к стычкам в коридорах, ведущим к ротным помещениям, и списывал на упомянутого кочегара, то Н. А. Ховрин считал, что сначала в караульном помещении кувалдой был убит Н. Н. Савинский, отвечавший за охрану карцера, затем из винтовки, захваченной в «караулке», был застрелен А. Г. Булич, являвшийся вахтенным начальником, и потом в своей каюте был убит пытавшийся оказать вооруженное сопротивление М. Р. Шиманский[30]. После этого обнаруженных офицеров экипаж стал сгонять кают-компанию, предназначенную для гардемаринов. Об обстановке в те минуты инженер-механик мичман Г. С. Тиканов вспоминал: «Постепенно приводили других офицеров. В помещениях и на верхней палубе слышались какие-то возгласы, стрельба, крики “ура”... Потом привели командира и флагманского доктора»[31].

На флагманском линкоре 2-й бригады «Андрее Первозванном» бунт начался с «сильного волнения» в команде. Можно полностью согласиться с выводом Р. М. Мельникова, что вернувшийся в Гельсингфорс в тот же день из Петрограда начальник бригады контр-адмирал А. К. Небольсин «ничем не помог»[32]. Более того, никак не отреагировав на сообщение командира

корабля капитана I ранга Г. О. Гадда о взволнованном состоянии команды, он отправился в штаб флота. Но стоило ему сойти на лед, как с борта «Андрея Первозванного» раздались выстрелы. Таким образом, уже в это время команда сумела вооружиться. Когда же начальник бригады попытался вернуться на корабль, то на сходне был застрелен. Следующей жертвой стал вахтенный офицер лейтенант Г. А. Бубнов. По данным В. В. Лобыцына, он погиб из-за того, что не давал матросам зажечь красный огонь или поднять красный флаг. Когда же он попытался с помощью вызванного караула разогнать их, то «был застрелен кем-то с кормового мостика»[33]. Офицеры вместе с командиром вооружились револьверами и оборонялись в кают-компании. Матросы стреляли через выходной на палубу люк, ранив мичмана Т. Т. Воробьёва. В эти же минуты погиб один из вестовых. Возможно, речь идет о матросе I статьи З. Х. Хуссаинове[34]. В 19 ч 10 мин «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» подняли красные боевые флаги, на обоих кораблях башни с орудиями главного калибра развернулись в сторону линкоров 1-й бригады. Вскоре подняла боевой флаг и «Слава». На всех кораблях зажглись красные клотиковые огни[35].

Наиболее близко к зачинщикам стояла 1-я бригада линейных кораблей. Поэтому следом бунт перекинулся на нее. Командиры дредноутов везде действовали практически одинаково: вместе с офицерами выходили на верхнюю палубу к команде и пытались ее урезонивать. Командир «Гангута» капитан I ранга П. П. Палецкий пошел еще дальше, произнеся следующее: «Матросы! Вам известно, что император Николай II отрекся от престола... Революция, о которой мечтал народ, свершилась. Разрешаю поднять боевой флаг и зажечь красные огни. Предлагаю разойтись поротно и приступить к выборам ротных и судовых комитетов, на которые возлагается наведение дисциплины и порядка на корабле. Имейте в виду, что это очень ответственное дело»[36]. Этим он «охладил революционный пыл команды и спас офицеров от ареста, а некоторых — от расправы»[37]. Команда разошлась на собрания, и возгласы об арестах и бунте больше не раздавались.

На «Петропавловске», «Полтаве» и «Севастополе» ограничились уговорами «поберечься». Ситуация там была гораздо напряженнее. Один за другим, словно возвещая о капитуляции начальствующего состава, зажглись красные клотиковые огни

на мачтах линейных кораблей 1-й бригады. Сначала это сделал, как уже говорилось выше, «Гангут», затем — «Севастополь», далее «Полтава». Дольше всех держался «Петропавловск», где переговоры с командой вел начальник бригады контр-адмирал М. К. Бахирев. Он, уступив команде, послал на линейные корабли 2-й бригады своего флаг-офицера лейтенанта В. Тимофеевского, чтобы тот узнал, в чем дело. Вернувшись, он сообщил, что команда «Славы» недовольна присутствием на корабле арестованных: бывшего финляндского генерал-губернатора Ф. А. Зейна и бывшего председателя финляндского сената тайного советника М. М. Боровитинова, помещенных на «Славу» по приказанию А. И. Непенина 2 марта. Матросы «Славы» требовали удаления с корабля этих лиц, так как экипажи «Андрея» и «Павла» издевались над ними, называя ее плавучей тюрьмой и требуя убить заключенных. В противном случае они угрожали открыть огонь по «Славе» и потопить ее. Начальник 1-й бригады пытался использовать это обстоятельство и стал убеждать матросов с новой силой, что все вот-вот окончится[38].

В это время с «Павла» стали сигналить на корабли 1-й бригады: «Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы». Сигнал возымел свое действие. На «Петропавловске» сброшенным на них тяжелым грузом были ранены в голову лейтенанты С. П. Славинский и Н. И. Римский-Корсаков[39]. Команда стала вести себя угрожающе. Подобным образом события развивались и на «Севастополе», где лейтенант С. П. Ставицкий вместе с матросами принял участие в разоружении сослуживцев[40]. На «Полтаве» матросы так же разоружили всех офицеров. Четверо оказавших сопротивление были заперты в своих каютах[41]. Убивать их, как это было на «Андрее» и «Павле», матросы не собирались.

По схожему сценарию развивались события на 2-й бригаде крейсеров. В первые полчаса после начала бунта по требованию экипажей были включены красные клотиковые огни на «Громобое», «Диане» и «России»[42]. Далее, по воспоминаниям матроса крейсера «Громобой» П. Кононова, на корабле «выделилась группа людей, к которой присоединился и я, мы организовали моряков и сейчас же постановили произвести арест офицеров». Последним «после долгого воздействия на него» был обезоружен командир, капитан I ранга В. С. Вечеслов[43]. На «Диане», по

воспоминаниям П. Д. Малькова, служившего санитаром, матрос Манаенко зажег клотиковый огонь, а затем «мы разоружили всех офицеров и загнали их в кают-компанию, где и заперли... Ни один из офицеров не рискнул оказать сопротивления». При этом старший офицер, капитан II ранга Б. Н. Рыбкин, и старший штурман, лейтенант П. П. Любимов, «сущие изверги», по определению П. Д. Малькова, были заперты в каютах под охраной часовых[44]. Почему в эту категорию попал П. П. Любимов, установить не удалось, а основным мотивом для содержания под арестом старшего офицера крейсера, стал смотр, проведенный командующим флотом вице-адмиралом А. И. Непениным 22 февраля 1917 г. По итогам смотра был издан приказ по кораблю № 154, согласно которому матрос I статьи Д. Панасюк за то, что «не знал лиц Царствующего Дома и не был по форме выстрижен» был арестован на 8 суток. Командиру I роты лейтенанту Н. П. Солодкову было «поставлено на вид» за плохую подготовку и внешний вид матросов роты (в т. ч. и Д. Панасюка). Также, являясь ответственным за качество продовольственного снабжения команды в феврале, он получил 7 суток домашнего ареста за неудовлетворительное качество поданной командующему пробы обеда. Из-за отсутствия командира, капитана I ранга М. И. Иванова, находившегося в командировке в Петрограде, решение принималось Б. Н. Рыбкиным[45]. Об аресте офицеров на крейсере «Россия» ничего не известно.

Таким образом, к 20 ч на большинстве крупных кораблей, оказавшихся под властью команд, были арестованы за некоторыми исключениями все офицеры. Возможно, именно в это время информация о начале выступления стала доходить и до экипажей небольших кораблей, находившихся в Гельсингфорсе: заградителей, миноносцев, тральщиков. Согласно дневнику П. Свистулёва, на миноносце № 215, входившем в состав дивизии траления, «в 8 час. вечера 3 марта получено сообщение о вспыхнувшем восстании на броненосце „Андрей Первозванный“». Это же время указал и Г. К. Граф, находившийся на ремонтировавшемся на Сандвикской верфи «Новике». Флагманский исторический журнал минной дивизии отметил, что с 20 ч 30 мин и на кораблях этого соединения загорелись топовые красные огни «в знак присоединения к новому правительству»[46]. Каким же образом информация доходила до них? Где-то, как в случае

с «Новиком», об этом узнали по телефону из штаба флота. Однако главным источником информации были, по-видимому, матросы крупных кораблей. Контр-адмирал М. А. Кедров, командовавший минной дивизией, отметил в своей «Автобиографии», что после убийств и арестов на крупных кораблях «толпы с ружьями по льду идут к малым судам и миноносцам, стоявшим у стенки и пристаней у берега»[47].

В этих условиях инициатива командованием флота была упущена полностью. Так, в ответ на телефонограмму из штаба 1-й бригады линейных кораблей о событиях на линкорах А. И. Непенин предложил действовать по усмотрению. По воспоминаниям Б. П. Дудорова, командующий флотом именно в эти минуты, узнав о бунте на линейных кораблях 2-й бригады, приказал дать диспозицию флота на рейде. «Адмирал смотрел углы обстрела. Задумался и произнёс: „Нет, я русской крови не пролью“.»[48] Вряд ли это была только слабость. Вероятнее всего, командующий отлично осознавал, что 1-я бригада линейных кораблей — единственная сила, способная подавить бунт, — могла и не подчиниться. А тогда могли пролиться реки крови и на дредноутах. Поэтому через некоторое время на все корабли по телефону был передан его приказ, выбрать по два человека и направить к нему[49]. Тем самым А. И. Непенин, по всей вероятности, собирался получить хоть какие-то сведения о положении дел на судах, наметить вместе с делегатами дальнейший план действий и через них попытаться снова как-то овладеть ситуацией. С этой же целью в Петроград была направлена юзограмма с просьбой о разговоре с кем-нибудь из министров Временного правительства, желательно с А. Ф. Керенским[50]. Делегаты прибыли к командующему флотом после 21 ч А. И. Непенин выступил перед ними, «описал все события последних дней и необходимость продолжать войну», предложив в заключение посовещаться и предложить какие-либо меры по «изменению положения команд». Кроме того, состоялся разговор машиниста I статьи линкора «Полтава» А. Ф. Сакмана с А. Ф. Керенским. Министр юстиции потребовал дать слово, что кровь офицеров перестанет литься, говорил об офицерах как о борцах за свободу наравне с матросами. Около полуночи переговоры с Керенским окончились, и командующий флотом велел депутатам возвращаться, сказав, что переговоры будут

продолжены на другой день в столярной мастерской Свеаборгского порта[51].

Казалось, что ситуацию удалось поставить под контроль, и кровь перестанет литься. Так полагают и некоторые современные исследователи[52]. В отношении линкоров и крейсеров этот вывод отчасти справедлив: прекратилась стрельба на «Андрее Первозванном» и «Императоре Павле I», утихомирилась команда «Дианы». Но до спокойствия было еще очень далеко. Уже во время переговоров на «Кречете» на льду возле него начался митинг. Толпы ходили между кораблями, провоцируя зачастую новые конфликты. Так, большая группа матросов «Андрея Первозванного» и «Императора Павла I» двинулась к «Петропавловску» и «Севастополю». И команды этих линейных кораблей впустили к себе вооруженных матросов[53]. После этого антиофицерская агитация на дредноутах усилилась, и, как следствие, вскоре офицеры сначала «Севастополя», а затем и «Петропавловска» были собраны в кают-компаниях и заперты там, оказавшись фактически на положении арестованных[54]. На «Полтаве» их и вовсе развели по каютам, приставив часовых. Лишь на «Гангуте» агитация не имела успеха, так как его командир действовал в согласии с судовым комитетом, выборы которого он санкционировал. Таким образом, дальновидные меры командира «Гангута» и в этом случае сыграли положительную роль. На остальных дредноутах на свободе остались лишь командиры, штаб начальника 1-й бригады и сам М. К. Бахирев. Такое положение сохранялось до утра 4 марта[55].

Наиболее драматичные события развернулись в это время на кораблях дивизии траления и дивизии сторожевых судов, входивших в состав минной обороны Балтийского моря. Некоторые корабли оказались блокированы. Начальник минной дивизии контр-адмирал М. А. Кедров так описывал положение своего флагманского эскадренного миноносца «Азард»: «...я нашёл всю команду на стенке [часть пристани у борта корабля. — *Д. Б.*] с ружьями, не пускающую и уговаривающую бунтующую команду с больших кораблей, которая требовала „адмирала“ и „офицеров“, шла перестрелка, пули так и свистели»[56]. При этом нужно отметить, что команды линкоров и крейсеров находились в это время, в основном, на своих кораблях. Зато в казармах по соседству находился личный состав береговой

роты Минной обороны. Именно об этих «молодых матросах», присоединившихся к проходившему по соседству митингу рабочих Сандвикской верфи и отправившихся затем к миноносцам, упомянул Д. Л. Казанцев[57]. Вероятно, подобные перестрелки вспыхивали неоднократно. Так, в результате выстрела с берега погиб командир эскадренного миноносца «Меткий» (8-й дивизион эскадренных миноносцев, дивизия сторожевых судов) старший лейтенант П. Г. фон Витт[58]. «Никому не известными лицами в матросской форме» были убиты командир транспорта «Тральщик „Взрыв“» (4-й дивизион дивизии траления) капитан II ранга К. П. Гильдебрандт, командир миноносца № 218 (1-й дивизион дивизии траления) старший лейтенант Л. К. Львов и командир тральщика «Минреп» (3-й дивизион дивизии траления) лейтенант А. Г. Бойе[59]. По-видимому, на части кораблей команды стали так же, как это было ранее на линкорах, расправляться со своими начальниками. По данным Г. К. Графа, именно так погибли командир эскадренного миноносца «Ретивый» (2-й дивизион дивизии траления) лейтенант А. Н. Репнинский и вахтенный начальник мичман Д. Н. Чайковский, фельдфебель П. Бабич с эскадренного миноносца «Боевой» (7-й дивизион эскадренных миноносцев, дивизия сторожевых судов), а также командир заградителя «Зея» (отряд сетевых заградителей) лейтенант граф В. П. Подгоричани-Петрович. Тяжелое ранение получил инженер-механик «Внушительного» (7-й дивизион эскадренных миноносцев, дивизия сторожевых судов) лейтенант И. М. Герасимов[60]. Наконец, жертвы были и на кораблях минной дивизии. Особенно это коснулось 5-го дивизиона. Мемуаристы однозначно связывали это с тем обстоятельством, что дивизион стоял возле самых бонов Северной гавани Гельсингфорса. Тем самым появлялась возможность не только дойти до кораблей по льду, но и по самим бонам. Ночью 3–4 марта на эскадренном миноносце «Уссуриец» погибли командир, капитан II ранга М. М. Поливанов и инженер-механик, старший лейтенант А. Н. Плешков[61]. Тогда же, по-видимому, смертельную рану получил и мичман Г. В. Биттенбиндер с эскадренного миноносца «Гайдамак»[62].

В это же время к морякам стали присоединяться солдаты гарнизона крепости Свеаборг. Судя по воспоминаниям прапорщика 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка

Д. С. Тахчогло, переданным впоследствии в библиотеку «Русское зарубежье», приблизительно до 21 ч на территории крепости и, в частности, на острове Передовой все было спокойно. Даже винтовочная стрельба, доносившаяся со стороны кораблей, офицеров не встревожила. Спокойный вечер был прерван фельдфебелем 10 роты подпрапорщиком Луговцевым, который вбежал в офицерскую казарму с криком: «Ваше Высокоблагородие! Меня хотят убить!». Командир приказал офицерам разойтись по ротам, но было уже поздно — солдаты вышли из повиновения: некоторые, как солдаты роты, которой командовал автор, сидели на койках и «оживлённо разговаривали», другие, как солдаты 7 роты, одели шинели и разобрали винтовки. Своему командиру, прапорщику Коровину, который пытался их удержать, солдаты посоветовали «идти по хорошему», т. к. «с флоту приказали делать революцию». Опять-таки «по приказанию с флоту» солдаты не пропустили на телеграф капитана Ершова, а подпоручик Сергеевич, пытавшийся связаться со штабом 512-го Деснинского пехотного полка, был убит. Офицеры, вернувшиеся в свою казарму, были вскоре разоружены и помещены под караул[63]. По подсчетам Д. С. Тахчогло, на острове Передовой было убито 3 фельдфебеля (в том числе Луговцев), трое жандармских унтер-офицеров, на других островах — еще не менее 11 фельдфебелей[64]. Также в эту ночь погибли начальник штаба сухопутной обороны крепости генерал-лейтенант П. Тиханович, командиры 1-го Свеаборгского крепостного артиллерийского полка — полковник А. А. Святский, электротехнической роты Свеаборгской крепостной артиллерии — штабс-капитан П. Н. Алексеев, Свеаборгской воздухоплавательной роты — штабс-капитан Д. Г. Левицкий[65].

Часть солдат гарнизона уже после 22 часов по льду отправилась в гавань и город. Их появление вызвало панику на линкорах: прокатился слух, что депутаты, отправившиеся к командующему флотом, арестованы, а к кораблям направлены солдаты Свеаборгского гарнизона. Так, матросы 1-й бригады потребовали выдачи трубок для снарядов противоминного калибра (120 мм). Командиры всех линейных кораблей, опасаясь кровопролития, пошли на это. Лишь на «Петропавловске» М. К. Бахирев и Г. Э. Зальца настояли, чтобы трубки хранились в каюте старшего офицера[66]. На «Гангуте» П. П. Палецкий взял

слово с команды ничего не предпринимать без его согласия[67]. На «Андрее Первозванном» матросы, по рассказу капитана I ранга Г. О. Гадда, просили его помочь с обороной корабля. Далее по его приказу была сброшена сходня и «команда встала у заряженных 120-мм орудий и пулемётов». Однако солдаты прошли дальше в направлении города[68]. В самом городе они с вооруженными моряками береговой роты Минной обороны, арестовавших большую часть своих офицеров, в том числе и начальника, вице-адмирала А. С. Максимова, а также и дивизии траления присоединили к себе солдат 428-го Лодейнопольского и 2-го Свеаборгского крепостного полков. При этом погибли полковники Вольбек и Федченко, подполковник В. П. Евланов, капитан Михайлов, и трое прапорщиков из числа сверхсрочнослужащих[69]. По данным Д. Л. Казанцева, лишь к 2 часам ночи солдаты и матросы утихомирились и разошлись.

Утром 4 марта в Гельсингфорсе началась демонстрация, поэтому с 9 часов в город потянулись кучки матросов с красными флагами. Около 11 часов из штаба флота пришло сообщение об ожидаемом в 13 часов прибытии в Гельсингфорс поезда с депутатами Государственной думы Ф. И. Родичевым и М. И. Скобелевым. Также командующий известил, что считает «желательным и, более того, необходимым присутствие офицеров на митинге», посвященном прибытию этих депутатов. После этого многие матросы и офицеры с кораблей организованно также ушли в город. Митинг начался на Вокзальной площади Гельсингфорса в 12 часов.

Именно там, по мнению А. В. Смолина, и начали разыгрываться последние драматические события этих дней. Ссылаясь на свидетельство Т. Липпика, исследователь утверждает, что «на нём... начался суд над Непениным. Общее настроение собравшихся сводилось к тому, чтобы выбрать командующим кого угодно, только убрать Непенина. Митинг сначала постановил казнить адмирала, затем решили арестовать и привести на площадь, чтобы судить»[70]. Однако остается неясным, почему при этом не были привлечены воспоминания другого очевидца, старшего офицера «Новика» капитана II ранга Г. К. Графа, который также присутствовал на площади, но ни словом не упомянул об этом, указав лишь, что «поезд с депутатами сильно запоздал, и мы все продолжали ждать»[71]. Ничего не было

им сказано и о карауле, который якобы отправили за командующим. Зато он привёл любопытный факт об «избрании» тем временем вице-адмирала А. С. Максимова командующим флотом: «при помощи того же флаг-офицера [старшего лейтенанта К. И. Василевского. — *Д. Б.*] была собрана толпа матросов так называемой «береговой роты», которой заведовал всё тот же флаг-офицер. К толпе присоединились случайные солдаты и просто всякий сброд... она-то и приступила к выборам нового командующего флотом»[72]. Схожим образом описал события этих часов и машинист крейсера «Громобой» М. Кононов: «На митинге выступали некоторые моряки, которые предъявляли требования против дисциплины во флоте и высказывали недовольство командованием флота. Решили переизбрать командующего флотом. По предложению моряков была выдвинута кандидатура адмирала Максимова»[73]. А А. С. Штарёв с линкора «Севастополь», сыгравший впоследствии видную роль в создании и деятельности Центрального комитета Балтийского флота, оценил этот эпизод так: «Близко стоявшие к берегу команды миноносцев и транспортов оказались тем народом, который на площади окончательно решал судьбу прежнего командования. Команды миноносцев и береговых частей избрали случайного человека в революции»[74].

Далее Г. К. Граф писал: «Тотчас же после них он [А. С. Максимов. — *Д. Б.*] и его главные помощники... сели в автомобиль»[75]. Возможно, именно этот автомобиль с тремя вооруженными матросами подъехал примерно в 12 часов (еще до окончания «выборов»?) к «Петропавловску». Сидевшие в нем заявили, что они приехали за начальником бригады контр-адмиралом М. К. Бахиревым. Его якобы приглашал на манифестацию вице-адмирал А. С. Максимов, чтобы «назначить его начальником Минной обороны».[76] Начальник бригады вышел к ним и ответил, что без приказания министра Временного правительства А. И. Гучкова и А. И. Непенина он никуда не поедет[77]. Необходимо отметить, что, по воспоминанию А. С. Штарёва, ранее матросы «Петропавловска» «чрезвычайно упорно настаивали и даже прямо взяли на себя инициативу выставить кандидатуру [на должность командующего флотом. — *Д. Б.*] адмирала Бахирева»[78]. Сходным образом ситуацию об отношении к М. К. Бахиреву описывал и В. К. Пилкин в своей работе «Два адмирала»: «Когда

разразилась революция, команды на митингах выбирали себе начальников. Посудили — порядили и выбрали себе Бахирева. По просьбе команды Михаил Коронатович вышел к ней на палубу и спросил: „Вы мне доверяете?“ В ответ галдят: „Доверяем! Доверяем!“ — „А я вам не доверяю, — заявил Бахирев, — До чего себя довели: царь от вас отрекся“. И спустился в каюту. Команда посудила, порядила, решила: лучшего не найдешь и другого не выбрала»[79]. О распоряжении назначить М. К. Бахирева на другую должность со стороны вице-адмирала А. С. Максимова ничего не известно. Отказ начальника 1-й бригады линейных кораблей идти с прибывшими в тот день, вероятно, спас ему жизнь. Через некоторое время, по-видимому, эти же люди вместе с другими матросами отправились на штабное судно «Кречет» и вынудили А. И. Непенина, опасавшегося, что в противном случае матросы ворвутся и растащат шифры, карты и бумаги, идти с ними якобы на Вокзальную площадь[80]. В воротах Свеаборгского порта командующий флотом был застрелен неизвестными матросами. Одним из предполагаемых участников был матрос той самой береговой роты, представители которой «выбирали» А. С. Максимова, П. А. Грудачев[81]. Об участии в убийстве упомянул в «Автобиографии» и другой матрос береговой роты, И. Соловьев[82].

Сторожевой обход с линейного корабля «Полтава», дежурившего в тот день, лишь чуть-чуть опоздал. Вот как описал это происшествие его командир, инженер-механик «Полтавы» лейтенант В. П. Волхонский: «Подходя к берегу, но, к несчастью, находясь ещё в 10 минутах ходьбы от берега, я услышал выстрелы и увидел заминку в воротах порта. Это было убийство незабвенного Адриана Ивановича. Не зная ещё об этом, мы все тут же ускорили шаг, но помешать уже не могли. Приди мы на несколько минут раньше, мы помешали бы этому убийству...»[83]Таким образом, выводы А. В. Смолина о том, что командующему флотом вице-адмиралу А. И. Непенину был вынесен именно на митинге на Вокзальной площади некий приговор, за ним был отправлен караул, расстрелявший его, представляются нам не вполне обоснованными. Убийство с тем же успехом могло быть осуществлено матросами береговой роты с целью устранения препятствия на пути вице-адмирала А. С. Максимова к должности командующего Балтийским флотом. При этом была сделана попытка увезти и начальника 1-й бригады линейных кораблей

контр-адмирала М. К. Бахирева с той же, вероятно, целью и по тем же мотивам.

Убийства морских офицеров 4 марта не ограничились этим. Еще около полудня нападению неизвестных подверглась кают-компания эскадренного миноносца «Эмир Бухарский». Воспользовавшись отсутствием караула и большей части команды, отправившейся на митинг, посвященный прибытию делегатов из Петрограда, неизвестные открыли по сидевшим и завтракавшим офицерам огонь. В результате погибли три офицера. Имена двоих установить удалось точно: старший лейтенант Г. Ф. Варзар и лейтенант Н. Н. Лауданский. Третьим Г. К. Граф называл некоего мичмана Нейберга, а А. А. Завьялов — инженер-механика, старшего лейтенанта А. Н. Плешкова[84]. Во второй половине дня 4 марта 1917 г. погиб командир посыльного судна «Куница» лейтенант А. П. Ефимов. По данным вахтенного журнала посыльного судна «Куница», лейтенант А. П. Ефимов был убит неизвестными матросами, которые требовали выдачи оружия, находившегося на этом корабле. После отказа А. П. Ефимов был выведен на верхнюю палубу и там застрелен. При этом бросается в глаза, что никто не попытался вступиться за своего командира[85].

Вероятно, последними жертвами этого дня стали старший офицер крейсера «Диана» капитан II ранга Б. Н. Рыбкин и старший штурман П. П. Любимов. Если других арестованных офицеров крейсера освободили утром 4 марта, то Б. Н. Рыбкина и лейтенанта П. П. Любимова продолжали держать под стражей. О дальнейшем отправленная 19 марта в штаб флота радиограмма сообщала: «В 6,5 часов вечера отбыли с крейсера старший офицер крейсера капитан 2 ранга Рыбкин и старший штурманский офицер лейтенант Любимов и более не возвращались. Впоследствии тело капитана 2 ранга Рыбкина было опознано в числе трупов, находящихся в покойницкой военного госпиталя, а относительно лейтенанта Любимова сведений никаких не имеется»[86]. Как это часто бывало в те дни, в тексте не хватало важных деталей. Их помог восстановить оставшийся в живых лейтенант П. Любимов, который рассказал об этих событиях Г. К. Графу. Вечером 4 марта их увёл с крейсера караул, чтобы доставить на гауптвахту. Однако по дороге между «Дианой» и берегом их встретила еще одна группа «в матросской

форме и зимних шапках без ленточек», вооруженная винтовками. Матросы «Дианы» не то убежали, не то были прогнаны. А убийцы несколько раз дали залпы из винтовок по офицерам. Оба упали. Лейтенант П. П. Любимов видел, как «убийцы подошли к капитану 2 ранга Рыбкину. Тот лежал без движения, но ещё хрипел; тогда они стали его добивать прикладами и ещё несколько раз в него выстрелили». Штурману, получившему три раны навылет, удалось спастись с помощью мальчика-финна[87].

В то же время с приездом делегации из Петрограда, члена Государственной думы, министра Временного правительства по делам Финляндии Ф. И. Родичева и депутата Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов М. И. Скобелева, накал страстей стал снижаться. Уже 4 марта петроградские гости посетили только корабли, где «обстановка была самая напряжённая»[88]. Речь идет об «Андрее Первозванном», «Императоре Павле I». Именно после митинга на этих кораблях, вероятно, между 16 и 17 ч, офицеры, находившиеся под арестом, были, наконец, освобождены[89]. Около 21 ч, по данным вахтенного журнала, Ф. И. Родичев и А. С. Максимов прибыли на крейсер «Диана». Такой поздний приезд объясняется, видимо, полученными сведениями об убийстве старшего офицера «Дианы». Флагманский исторический журнал 2-й бригады крейсеров отметил, что приезд Ф. И. Родичева был связан с «успокоением команды». В 21 ч 45 мин началось его выступление. Визит длился около часа, команда приветствовала министра и командующего криками «ура» [90].

Однако даже это не поставило точку в кровопролитии. Между 9 и 10 часами 5 марта в порту около здания портовой конторы был организован митинг для рабочих порта и команд кораблей, размещавшихся по соседству. Т. Липпик отмечал, что на нем собралось не менее 2 тыс. чел.[91]. Присутствовал и командир порта генерал-лейтенант В. Н. Протопопов. Упоминание М. И. Скобелевым последнего министра внутренних дел императорской России А. Д. Протопопова вызвало недовольство в толпе. После этого командир порта несколько раз заявил, что они не родственники, а лишь однофамильцы. Однако это не спасло его и после окончания митинга В. Н. Протопопов был убит неизвестными. Вместе с ним погиб и корабельный инженер поручик Л. Г. Кириллов[92].

Таким образом, благодаря быстрому сообщению обо всех происшествиях в Петрограде, адмиралу А. И. Непенину удавалось удерживать ситуацию под контролем. Затягивание сообщения об отречении Николая II, которое было санкционировано из Петрограда, привело к недоверию экипажей командованию и к восстанию вечером 3 марта, также отличавшемуся кровопролитием. Эпицентрами стали крупные корабли, а также Свеаборгский порт, где находилась береговая рота Минной обороны. Результатом стала утрата контроля командованием флота над личным составом. После это восстание было подхвачено и сухопутными частями в Свеаборгской крепости, а затем и в городе. Однако переговоры командующего флотом с представителями команд внесли некоторое успокоение. На следующий день вспышки насилия по отношению к представителям командного состава продолжались. Основным мотивом в этот период, по-видимому, следует считать попытки сведения личных счетов с теми, кто отличался требовательностью и к кому имелись претензии. Обстановку смягчил, но не разрядил до конца явно запоздавший приезд делегатов из Петрограда. Окончательно волна убийств была прекращена лишь с постоянным патрулированием Гельсингфорса по распоряжению созданного Совета.

---

[1] *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. М., 2016. С. 53.

[2] *Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 54.

[3] *Граф Г. К.* На «Новике». СПб., 1996. С. 249–250.

[4] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. Л., 1972. С. 150.

[5] Российский государственный архив военно-морского флота (далее; РГАВМФ). Ф. 751. Оп. 1. Д. 95. Л. 87; 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 56–57.

[6] Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 215.

[7] Там же. Л. 216.

[8] Там же. Ф. 477. Оп 1. Д. 158. Л. 36

[9] Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 62. Л. 66.

[10] Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской Социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 17; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 37а; *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март — октябрь 1917 г.). Петрозаводск, 1992. С. 22.

[11] Балтийские моряки... С. 19; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 383.

[12] Подробнее см., например: *Гордеев П. Н.* Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — октябре 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 108–110.

[13] Балтийские моряки... С.22; *Николаев А. Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. С. 383.

[14] *Анянчиков Н.* Матросы! // Ревельское слово. 1917. № 51. 3 марта; *Козлова Е. А.* Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. С. 225.

[15] РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

[16] Там же. Ф. 477. Оп.1. Д. 158. Л. 38б. Примерно так же действовал в Севастополе в это же время и командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак. Однако решающим обстоятельством оказалась близость к революционной столице. Подробнее о деятельности А. В. Колчака в дни Февральской революции см., например: *Смолин А. В.* «Морской заговор» и адмирал А. В. Колчак // Политическая история России первой четверти XX века. СПб., 2006. С. 207–217.

[17] *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции (13–14 апреля 2006 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб., 2007. С. 22.

[18] *Гаркавенко Д. А.* Партия, армия и флот в Февральской революции. С. 150; Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. С. 555–561.

[19] РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 3. Л. 35. В отношении кораблей, находившихся в Моонзунде, эта тактика отчасти имела успех. На линейном корабле «Цесаревич» и крейсере «Адмирал Макаров» об отречении узнали утром 4 марта. Столкновений между матросами и офицерами на этих кораблях не было. Подробнее см.: *Бажанов Д. А.* События Февральской революции на линейном корабле «Цесаревич» по данным вахтенного журнала // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1999. С. 75–77.

[20] Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 801. Л. 3–4; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина. С. 23; *Смолин А. В.* Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. С. 84.

[21] РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 2.

[22] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГАСПб). Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 1об.

[23] Там же. Д. 112. Л. 116.

[24] РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36; РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 801. Л. 4.

[25] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 269.

[26] *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5(20). С. 59; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина. С. 24.

[27] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 279.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же; *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5(20). С. 57–58.

[31] РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 18.

[32] *Мельников Р. М.* Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). СПб., 2003. С. 78.

[33] *Лобыцын В. В.* «Я русской крови не пролью...» // Вокруг света. № 1(2688). 1998. Январь. С. 24; Граф Г. К. На «Новике». С. 274–275.

[34] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 269–270, 274–275, 279; *Мельников Р. М.* Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). С. 79; Он же. Линейный корабль «Император Павел I» (1906–1925). Самара, 2005. С. 49–50; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина. С. 24–25.

[35] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 226.

[36] *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! М., 1987. С. 78.

[37] *Там же.* С. 79.

[38] Балтийские моряки... С. 30–31; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41; Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 227; Д. 9. Л. 215; *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! С. 77.

[39] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

[40] ЦГАСПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 124.

[41] Балтийские моряки ... С. 31; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43.

[42] РГАВМФ. Ф. 719. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

[43] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 101.

[44] *Мальков П. Д.* Записки коменданта Кремля. М., 1987. С. 13–14; *Граф Г. К.* На «Новике». С. 280.

[45] РГАВМФ. Ф. 566. Оп.1. Д. 51. Л. 39. Цит по: *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. СПб., 1993. С. 201.

[46] РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36; Ф. 481. Оп. 1. Д. 77. Л. 13; *Граф Г. К.* На «Новике». С. 255.

[47] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 20 об.

[48] *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 224.

[49] Там же. С. 222; *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет... С. 25.

[50] *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! С. 78.

[51] *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 222; Балтийские моряки... С. 32; *Дубровская Е. Ю.* Гельсингфорсский Совет... С. 26.; *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина. С. 25.

[52] См., например: *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина. С. 25.

[53] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42–42 об.

[54] Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 227.

[55] Балтийские моряки... С. 33–34; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 45.

[56] ГАРФ. Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 21.

[57] *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. С. 81.

[58] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 282.

[59] Там же. С. 283.

[60] Там же. С. 281; РГАВМФ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

[61] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 283. По данным, приводимым в воспоминаниях А. А. Завьялова, мичмана, окончившего в феврале 1917 г. Минный офицерский класс в Кронштадте и затем служившего на эскадренном миноносце «Новик», А. Н. Плешков был убит неизвестными на эскадренном миноносце «Эмир

Бухарский» днем 4 марта вместе с другими офицерами — см.: РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 65.

[62] Так, Г. К. Граф отметил, что в мичмана, едва он взошел на палубу «Уссурийца» «было выпущено несколько пуль из нагана». Тяжело раненый, Г. В. Биттенбиндер был перенесен на эскадренный миноносец «Всадник», где и скончался. А. А. Завьялов связывал его смерть с убийствами офицеров на «Эмире Бухарском» около 12 ч 4 марта: «Они [убийцы офицеров на «Эмире Бухарском». — *Д. Б.*], конечно, стреляют в него как единственного свидетеля и быстро бегут на берег». Однако вахтенный журнал «Гайдамака» подтвердил версию Г. К. Графа: «20.45. На миноносец доставили тяжело раненого ревизора мичмана Г. Биттенбиндера с „Уссурийца"...». — РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 52. Л. 38 об.

[63] Библиотека-фонд «Русское зарубежье» (далее — БФРЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. *Тахчогло Д. С.* Начало «великой бескровной» в крепости Свеаборг. Л. 2–4.

[64] БФРЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

[65] РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп.1. Д. 252. Л.1–3.

[66] Балтийские моряки... С. 31–32; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42 об.

[67] *Иванов Д. И.* Я — матрос «Гангута»! С. 78.

[68] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 274.

[69] РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 120. Л. 36; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. С. 82.

[70] *Смолин А. В.* Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А. И. Непенина. С. 27–28.

[71] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 261.

[72] Там же. С. 262.

[73] ЦГАСПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 101.

[74] Там же. Л. 124 об.

[75] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 262.

[76] Балтийские моряки... С. 36; РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43–44.

[77] РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 46.

[78] ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 124.

[79] *Пилкин В. К.* Два адмирала // Он же. В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 486.

[80] *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 227–228.

[81] Он сам пишет об этом (см. подробнее: *Грудачев П. А.* Багряным путем гражданской. Симферополь, 1974. С. 3–4). Этой версии придерживается и В. Ю. Грибовский (см., например, комментарии к гл. 2 воспоминаний Г. К. Графа: *Граф Г. К.* На «Новике». С. 456). Однако описание П. А. Грудачева несколько противоречит другим свидетельствам (например, флаг-офицера лейтенанта барона П. Тирбаха), поэтому, представляется, оно может быть и не достоверно.

[82] ЦГАСПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 116. Л. 251.

[83] Цит. по: *Дудоров Б. П.* Адмирал Непенин. С. 226.

[84] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 283; РГАВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 171. Л. 65.

[85] РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 55. Л. 54.

[86] Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 50. Л. 7 об.

[87] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 280.

[88] Речь. 1917. 8 (21) марта.

[89] *Граф Г. К.* На «Новике». С. 353.

[90] РГАВМФ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 31. Л. 11; Д. 62. Л. 70.

[91] Там же. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 11.

[92] Там же. Л. 12 об.; *Казанцев Д. Л.* Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914–1917. С. 109–110.

Литература

Бажанов Д. А. События Февральской революции на линейном корабле «Цесаревич» по данным вахтенного журнала // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. СПб.: Элексис, 1999. С. 75–77.

Гаркавенко Д. А. Партия, армия и флот в Февральской революции. Л.: Изд-во Лен. Высш. воен.-морск. инж. училища,1972. 311 с.

Гордеев П. Н. Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — октябре 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. [На правах рукописи]. СПб.: Б/изд., 2007. 572 с.

Дубровская Е. Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март-октябрь 1917 г.). Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центр РАН, 1992. 173 с.

Козлова Е. А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. (по материалам русскоязычных газет) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: Элексис, 2015. С. 224–229.

Мельников Р. М. Линейный корабль «Андрей Первозванный» (1906–1925). СПб.: АНТТ-Принт, 2003. 120 с.

Мельников Р. М. Линейный корабль «Император Павел I» (1906–1925). Самара: ИСТФЛОТ, 2005. 99 с.

Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 695 с.

Смолин А. В. Восстание в Гельсингфорсе 3–4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 22–34.

Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А.В. Колчак в 1917 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 200 с.

Смолин А. В. «Морской заговор» и адмирал А.В. Колчак // Политическая история России первой четверти XX века. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. С. 207–217.

Смолин А. В. Моряки балтийцы в Гельсингфорсе в 1917 году // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2014. № 12. С. 246–251.

Смолин А. В. Служба в Финляндии во время Первой мировой войны по воспоминаниям русского офицера // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2016. № 16. 294–298.

П. В. Петров

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ПЕТЕРГОФЕ И СТРЕЛЬНЕ В СЕНТЯБРЕ — ОКТЯБРЕ 1941 года

События, о которых пойдет речь в данной статье, на первый взгляд, могут показаться незначительными на фоне грандиозных сражений Великой Отечественной войны. Битва за Ленинград, длившаяся с 10 июля 1941 г. по 9 августа 1944 г., состояла из большого количества фронтовых и армейских операций, которые стали объектом пристального исследования. Особое внимание историков в последние годы уделялось изучению попыток советских войск прорвать блокаду Ленинграда в восточном направлении, в районе Синявино, в 1941–1942 гг[1].

По сравнению с этими боевыми операциями советских войск, попытки РККА и РКВМФ в конце сентября — начале октября 1941 г. развернуть активные наступательные действия с целью общего прорыва кольца немецкой блокады на южном побережье Финского залива, в р-не Петергоф — Стрельна, могут показаться малозначительным боевым эпизодом. Тем не менее боевые операции сухопутных войск, моряков и бойцов войск НКВД, которые проходили на территории дворцово-парковых ансамблей Петергофа и Стрельны в период с 22 сентября по 8 октября 1941 г., стали первыми и единственными из попыток советского командования начать организацию прорыва вражеской блокады с западного направления. К сожалению, эти разрозненные операции никогда не рассматривались историками в комплексе, поскольку считались отдельными боевыми эпизодами в масштабной битве за Ленинград.

Необходимо отметить, что действия советских десантов в Петергофе и Стрельне удостоились в отечественной ли-

тературе большого количества исследований. Причем если в 1960-х–1980-х гг. лишь в отдельных трудах по истории Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) и истории блокады Ленинграда нашел отражение сюжет о морских десантах, высаженных в октябре 1941 г. в районе Стрельны и Петергофа[2], то с началом 1990-х гг. этим событиям в отечественной историографии стали всё чаще уделять внимание[3], а в последние годы появились обстоятельные публикации на данную тему с привлечением архивных документов и научной литературы[4].

На основании архивных документов из фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации[5] и филиала Центрального архива Министерства обороны РФ (архива Военно-Морского Флота, г. Гатчина), а также имеющейся исследовательской литературы стало возможным изучить боевые действия советских морских десантов в Стрельне и Петергофе осенью 1941 г. и сделать объективные выводы относительно результатов этих операций.

В первой половине сентября 1941 г. ситуация на фронте под Ленинградом сложилась крайне неудачным для советской стороны образом. Утром 9 сентября войска немецкой группы армий «Север» перешли в наступление, ставя перед собой целью окружение Ленинграда. Вражеское наступление оказалось неожиданным для командования Ленинградского фронта. В результате вечером 10 сентября немецкие части прорвали советскую оборону и вышли на подступы к Дудергофу. Уже к исходу дня 12 сентября немецкие войска овладели большей частью Красного Села и Ропшей, а 13 сентября пал Красногвардейск. К вечеру 13 сентября ситуация для войск Ленинградского фронта стала предельно критической: части 1-й и 6-й немецких танковых дивизий вышли к Пушкину, угрожая ближайшим подступам к Ленинграду[6].

С утра 15 сентября после небольшой оперативной паузы войска немецкой группы армий «Север» возобновили наступление против соединений 8-й и 42-й советских армий, действовавших в районе Красного Села. Немецкие 1-я и 58-я пехотные дивизии из состава 38-го армейского корпуса нанесли удар по наиболее уязвимому месту обороны советских войск — стыку 8-й и 42-й армий. Прорвав оборону частей 10-й стрелковой дивизии 8-й армии, немецкие войска к вечеру 16 сентября захватили

Урицк и силами 1-й пехотной дивизии вышли к Финскому заливу между Стрельной и Урицком на фронте шириной 4–5 км. После этого успеха 1-я пехотная дивизия повернула на запад. В свою очередь, 10-я стрелковая дивизия 8-й армии в беспорядке отошла к восточной окраине Стрельны, потеряв до 50% личного состава и боевой техники. Связь по суше между 8-й и 42-й армиями была прервана[7].

Таким образом, 8-я армия Ленфронта оказалась отрезанной от Ленинграда, в результате чего образовался Ораниенбаумский (Приморский плацдарм) советских войск. Командующий группой армий «Север» генерала-фельдмаршала Р. фон Лееб поторопился заметить в своем дневнике, что «8-я армия русских попала в окружение, и её ничто не сможет спасти»[8]. Немецкие войска оказались фактически у стен Ленинграда, до окраин которого им оставалось пройти всего 5–6 км. Понимая серьезность сложившейся ситуации, поздно вечером 16 сентября 1941 г. командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Г. К. Жуков и член Военного совета фронта секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов своим приказом № 0054 поставили перед новым командующим 42-й Армией генерал-майором И. И. Федюнинским задачу на 17 сентября — не допустить противника к Финскому заливу в направлении Урицк, Петергоф и захвата Пулковских высот[9].

Тем временем ситуация на сухопутном фронте продолжала стремительно ухудшаться. 17 сентября в 15 ч немецкая 121-я пехотная дивизия атаковала Слуцк (Павловск)[10]. После упорного боя днем немецкие войска захватили Слуцк и к 18 часам заняли центральную часть Пушкина. Ввиду ухудшения положения командующий войсками Ленинградского фронта отдал приказ № 0064, где говорилось о личной ответственности всего командно-политического и рядового состава за оставление занимаемых оборонительных рубежей по линии Лигово, Кискино, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, Московская Славянка, Шушары, Колпино[11].

20 сентября в 11 часов немецкие войска 38-го армейского корпуса нанесли удар по соединениям 8-й армии и прорвались на участке Пакуля — Горбунки. Попавшие под удар левофланговые соединения 8-й армии, 85-я и 11-я стрелковые дивизии, стали отходить в северо-западном направлении и остановились

на рубеже Кузнецы–Сашино–Луизино, где заняли оборону. В это же время 10-я стрелковая дивизия 8-й армии, атакованная германской пехотой, поддержанной авиацией, отступила на рубеж Знаменская — колхоз Знаменка[12]. Итогом наступления в этот день стало то, что немецкая 1-я пехотная дивизия, которая наступала левее 58-й пехотной дивизии, прорвалась к Финскому заливу в районе Стрельны[13]. В течение 21 сентября части 11-й, 85-й и 10-й стрелковых дивизий отбивали атаки противника, наступавшего в направлении Петергофа[14]. Еще одним тяжелым ударом для советских войск стал захват 21 сентября немецкими войсками Стрельны и Знаменки[15].

С утра 22 сентября германские войска возобновили наступление против 8-й армии, которое развивалось в двух направлениях: с востока — вдоль побережья Финского залива на запад в направлении Петергофа и с юга — по Гостилицкому шоссе на Петергоф и на Ораниенбаум[16]. Части 10-й и 11-й стрелковых дивизий, с трудом сдерживая противника, в течение 22 сентября отходили на Петергоф[17]. Под воздействием сильного артиллерийского и минометного огня немцев советская оборона не выдержала, и 23 сентября 85-я и 11-я стрелковые дивизии отступили и остановились в районе южнее деревни Троицкое. 10-я стрелковая дивизия тем временем вела оборонительные бои в Петергофе и после 18 часов 23 сентября была вынуждена оставить восточную часть города, удерживая его центр[18].

В течение 24 сентября немецкие войска в районе Петергофа продолжали атаковать советские 85-ю, 10-ю и 11-ю стрелковые дивизии, ведя по ним интенсивный артиллерийский и минометный огонь. В результате немецких атак 85-я стрелковая дивизия отступила на рубеж Агакули — Новое Нотколово, части 10-й и 11-й стрелковых дивизий также отошли на запад. К вечеру 25 сентября противник уже захватил поселки Троицкое, Левдузи, Агакули и Туюзи[19].

Утром 26 сентября 1941 г. командир 19-го стрелкового корпуса 8-й армии поставил перед 10-й стрелковой дивизией боевую задачу — «15.00 26.9.41 г. перейти в наступление, уничтожить противника, [к] исходу дня овладеть вост. окраиной Петергоф»[20]. В соответствии с приказом, 10-я дивизия вела упорные уличные бои в Петергофе и к 21.00 вышла «ко 2-му Петергофскому каналу»[21]. В период с 27 по 30 сентября 10-я стрелковая дивизия

пыталась овладеть «юж[ной] окр[аиной] Петергоф, прилегающей к аэродрому, музей Эрмитаж», но так и не смогла продвинуться дальше и была вынуждена окопаться на достигнутых рубежах[22].

Однако после захвата Нового Петергофа наступательный порыв германских войск иссяк, и их попытки продвинуться дальше уже не имели успеха. Таким образом, захватив Стрельну и Петергоф, войска немецкой группы армий «Север» надвое рассекли советскую оборону, изолировав часть войск Ленинградского фронта (8-я армия, 2-я и 5-я бригады морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота) в районе Копорская губа–Старый Петергоф, где образовался т. н. «Ораниенбаумский плацдарм». Лишь ценой больших усилий отходившая 8-я армия смогла стабилизировать линию фронта, которая проходила по Троицкому ручью –Английскому пруду — Гостилицкому шоссе. Части 42-й армии Ленфронта тем временем держали оборону восточнее Урицка (район Лигово) под Ленинградом.

Вечером 1 октября штабом Ленинградской военно-морской базы (ЛВМБ) было получено из штаба Ленинградского фронта приказание о срочной подготовке высадочных средств и об установлении связи со штабом 42-й армии «на предмет организации десантной операции в ночь на 2.10.41». Но поскольку рота из состава 6-й бригады морской пехоты, спешно направленная для этой цели с фронта, могла прибыть только к утру 2 октября, операцию было решено перенести на сутки. На основании приказа Ленинградского фронта, 2 октября в 19 часов командующий 42-й армией генерал-майор И. И. Федюнинский отдал боевое распоряжение № 48, где поставил перед командующим Морской обороной Ленинграда контр-адмиралом Ю. А. Пантелеевым и командиром 6-й отдельной бригады морской пехоты полковником Ф. Е. Петровым задачу «в ночь на 3.10 произвести высадку десанта силою одной стрелковой роты»[23]. Десант следовало высадить восточнее завода пишущих машин («Пишмаш») у будки рыбаков в Стрельне в 4 ч 20 мин. 3 октября с задачей уничтожить штабы и материальную часть артиллерии в тылу противника и затем выйти на западную окраину деревни Ивановка[24].

В свою очередь, командир Ленинградской военно-морской базы контр-адмирал Ф. И. Челпанов отдал приказ на проведение десантной операции, где возложил общее командование

операцией на капитан-лейтенанта Д. С. Шавцова и старшего политрука Кисилева, а командиром отряда высадки назначил начальника штаба Охраны водного района ЛВМБ капитан-лейтенанта И. В. Крылова[25]. Необходимо отметить, что в отчете штаба КБФ о десантных операциях, составленном в 1942-м г., констатировалось, что постановка перед Ленинградской военно-морской базой задачи по высадке этого тактического десанта оказалась для нее весьма неожиданной[26].

Как следует из мемуаров бывшего начальника штаба КБФ, командира Ленинградской военно-морской базы и командующего Морской обороной Ленинграда и Озерного района Ю. А. Пантелеева, задача по высадке десанта в районе Стрельны была поставлена 1 октября начальником оперативного управления штаба Ленинградского фронта генерал-майором Д. Н. Гусевым[27]. В ходе последующего краткого разговора с контр-адмиралом Ю. А. Пантелеевым командующий Ленинградским фронтом генерал армии Г. К. Жуков потребовал высадить в районе Стрельны роту матросов и двигаться навстречу 42-й армии, соблюдая быстроту и скрытность[28]. Постановку конкретной боевой задачи десанту Жуков возложил на командующего 42-й армией.

В состав десанта была назначена 4-я рота 2-го стрелкового батальона 6-й отдельной бригады морской пехоты в составе 225 бойцов со штатным вооружением. Командиром роты был старший лейтенант М. А. Шацкий, политруком — А. Я. Якушев. В десантный отряд вошли 3 сторожевых катера типа «МО-4», 9 катеров типа «ЗИС», 2 сторожевых катера типа «Рыбинский» и 22 шлюпки-шестерки. В состав демонстративной группы были включены 2 сторожевых катера типа «МО-4», 2 сторожевых катера типа «КМ» и 2 катера типа «ЗИС». Была предусмотрена артиллерийская и авиационная поддержка действий десанта[29].

Морские пехотинцы начали свое движение к катерам для посадки в 01 ч 15 мин. Посадка была проведена довольно быстро и завершилась через 40 минут, причем один взвод был посажен на шлюпки в Гутуевском ковше, а три других взвода — на сторожевые катера типа «МО-4»[30]. В 04 ч. 10 мин. десантный отряд в составе высадочного отряда (4 катера «ЗИС» с 16 шестерками на буксире) и отряда поддержки (3 СКА типа «МО-4») начал движение в район высадки десанта[31].

В 04 ч 35 мин десантный отряд подошел к месту будки рыбаков и начал высадку. Спустя 15 минут высадка морских пехотинцев была завершена, причем скрытно и без потерь. Противник открыл неприцельный пулеметный огонь по воде лишь тогда, когда высадка бойцов на берег была завершена. После окончания высадки все шлюпки были взяты катерами на буксир. Отряд высадочных средств находился у берега до 6 часов, пока не рассвело. Лишь убедившись в том, что десант ушел на значительное расстояние от берега, командованием было приказано возвращаться обратно в базу[32].

Высадившись на берег, десант был разделен на две группы по два взвода. Группы морских пехотинцев стали обходить завод «Пишмаш» слева и справа. С территории завода и ближайшего шоссе противник открыл по десанту сильный автоматный и пулеметный огонь. Левая группа повернула к берегу и в течение следующей ночи прорвалась сквозь камышовые заросли к позициям 6-й бригады морской пехоты, а правая группа полностью погибла. Всего из операции возвратилось, по некоторым сведениям, около 70 человек (то есть 1/3 от первоначальной численности) вместе с командиром и комиссаром. Согласно немецким данным, частями 58-й пехотной дивизии вермахта было захвачено в плен 59 морских пехотинцев[33].

А тем временем, на рассвете 3 октября части 42-й армии перешли в наступление на Урицк — Стрельна, имея своей целью отбросить противника от ближайших подступов к Ленинграду и соединиться с наступавшими к востоку от Ораниенбаума на Новый Петергоф частями 8-й армии. Однако пробить оборону противника на этом направлении советским частям так и не удалось, поэтому действия высаженной в Стрельне роты 6-й бригады морской пехоты не получили необходимой поддержки.

Сразу же после выхода десанта на берег связь с ним прекратилась, и, по словам бывшего начальника штаба КБФ Ю. А. Пантелеева, сведениями о его дальнейшей судьбе командование флота не располагало[34]. Поскольку сразу после высадки в командование ротой морских пехотинцев должна была вступить 42-я армия, морское командование заранее снимало с себя всякую ответственность за действия десантников на берегу. Свою задачу командование Ленинградской морской базы посчитало успешно

выполненной, высадив бойцов без потерь на побережье. Дальнейшая же судьба десанта на берегу уже никого не волновала.

Одновременно с подготовкой первой десантной операции командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Г. К. Жуков принял решение о подготовке более широкомасштабной десантной операции. Данная операция планировалась командованием как часть большой операции Ленинградского фронта по восстановлению связи Ораниенбаума и Петергофа с Ленинградом. Две армии — 8-я и 42-я — при содействии Краснознаменного Балтийского флота должны были встречными ударами на Новый Петергоф и Стрельну разгромить стрельнинско-петергофскую группировку немцев и отбросить их 18-ю армию за Ропшинское шоссе.

В связи с этим в начале октября 1941 г. командование 8-й армии предприняло ряд боевых операций, направленных на соединение с войсками 42-й армии. Первая из них была проведена 1 октября силами 10-й стрелковой дивизии 19-го стрелкового корпуса. Для ее обеспечения, береговая и корабельная артиллерия из Кронштадта обстреливала Петергоф и его парки, а также Знаменку. Артиллерийский обстрел производился методом стрельбы по площади, участка площадью в 7 кв. миль, без всякой пристрелки[35]. Всего в ходе артобстрелов с линкора «Октябрьская Революция» и крейсеров «Киров» и «Максим Горький» было произведено из 305-мм и 180-мм орудий 63 выстрела, из 130-мм и 100-мм корабельных орудий — 255 выстрелов и из 100-мм орудий береговых батарей — 884 выстрела. Всего же кораблями и береговыми батареями было сделано в течение дня по Петергофу 1192 выстрела. Несмотря на большое количество потраченных снарядов, немецкие огневые точки так и не были подавлены, поэтому наступление 10-й стрелковой дивизии 8-й армии провалилось[36].

2 октября 1941 г. 10-я стрелковая дивизия 8-й армии предприняла повторную попытку наступления на Петергоф, для чего потребовалась артиллерийская поддержка на участке переднего края площадью в 2 км². Немецкие позиции вновь были обстреляны морской артиллерией из Кронштадта без корректировки, в период с 9 ч 30 мин до 11 ч 30 мин За это время кораблями и батареями Балтийского флота было выпущено по району Петергофа еще 433 снаряда. Вновь огневые точки немцев не бы-

ли подавлены, и из-за сильного артиллерийско-минометного и пулеметного огня противника части 10-й стрелковой дивизии 8-й армии прорвать неприятельскую оборону не смогли[37].

На следующий день, 3 октября, 10-я стрелковая дивизия 19-го корпуса вновь предприняла наступление, имея своей задачей захват центральной части Петергофа до линии Ольгин пруд — пристань. В 14 часов дивизия после 10-минутной артиллерийской подготовки перешла в атаку. К 18 часам части дивизии, попавшие под сильный артиллерийский и пулеметный обстрел немецких частей, смогли лишь дойти до линии немецких проволочных заграждений и вынуждены были залечь там[38].

Поскольку самостоятельные попытки войск 8-й армии захватить Новый Петергоф не увенчались успехом, было решено провести под руководством штаба КБФ крупномасштабную десантную операцию флота в Новом Петергофе, а также под руководством командира Ленинградской морской базы КБФ десантную операцию в районе Стрельны. В случае одержанного успеха высаженные в Стрельне и Новом Петергофе десанты позволили бы выбить немецкие войска с южного побережья Финского залива и содействовать встречному наступлению войск 8-й и 42-й армий. Таким образом, по своим масштабам и значимости данные операции должны были существенно превзойти высадку 3 октября в Стрельне.

1 октября[39] командующий Ленинградским фронтом Г. К. Жуков направил командующему КБФ вице-адмиралу В. Ф. Трибуцу директиву, в которой приказывал сформировать отряд морской пехоты численностью 500 человек, полностью его вооружить, обеспечить огнеприпасами, необходимым снаряжением и сухим пайком[40]. Командный и политический состав для этого десантного отряда было предписано назначить из числа «наиболее подготовленных, решительных, с твердой волей, способных к проявлению инициативы командиров»[41].

2 октября 1941 г. командующий КБФ вице-адмирал В. Ф. Трибуц подписал боевой приказ, где поставил задачу скрытно высадить морской десант в район Петергоф, при поддержке корабельной и береговой артиллерии нанести удар во фланг и тыл противнику, имея целью совместно с частями 8-й армии уничтожить противника, действующего в районе Петергоф[42]. Командиру высадки было приказано в 5 ч утра 5 октября

высадить десантный отряд моряков на участке от каменной стены Нижнего парка[43] включительно до Дома отдыха[44].

Командиру морского десантного отряда было предписано после высадки прикрыться с востока и юго-востока, с юга перехватить перекресток дорог восточнее Новый Петергоф и узел дорог северо-западнее станции Новый Петергоф, имея своей главной задачей во взаимодействии с частями 8-й армии нанести удар во фланг и тыл противнику, окружить и уничтожить его группировку в районе Новый Петергоф — аэродром[45]. Командующему ВВС КБФ был приказано в ночь с 4 на 5 октября нанести бомбовые удары по живой силе противника в районах Сашино — Низино, Новый Петергоф, развилка дорог у Шуваловки, район Луизино[46].

3 октября начальником штаба КБФ вице-адмиралом Ю. Ф. Раллем был утвержден «План действий 1-го морского десантного отряда на период 4–5.10.41 г.», в котором были подробно указаны боевые задачи всех 5 рот десантного отряда[47]. Высадка производилась на всем участке побережья парка Александрия в Новом Петергофе. Местонахождение штаба десантного отряда было определено в парке Александрия, вместе с 5-й ротой. Относительно плавучих средств в «Плане» было отмечено, что сразу после высадки часть из них становится у пристани и остается в распоряжении командира отряда. Помощнику командира десантного отряда было поручено выбрать место сбора военнопленных и организовать их последующую отправку с пристани при помощи катеров[48].

Из данного плана следует, что командование КБФ не имело точных сведений о силах противника в районе Нового Петергофа и сильно занижало его реальные возможности. На «Схеме десантной операции Охраны Водного района КБФ 05.10.41 г.», приложенной к отчету, в Новом Петергофе было отмечено присутствие пехотного полка и пехотного батальона немцев[49]. В действительности, в данном районе располагалась большая часть 1-й пехотной дивизии 38-го армейского корпуса вермахта.

В состав морского десанта были выделены 477 бойцов и командиров из числа добровольцев различных школ (Электро-Механической школы, Школы оружия и Школы связи) Учебного отряда КБФ, из частей ПВО, из состава экипажа недостроенного тяжелого крейсера «Петропавловск», учебного крейсера «Авро-

ра» и личного состава береговых батарей КБФ, а также разведывательный взвод разведывательного отдела флота в количестве 43 бойцов. Таким образом, общая численность десантников составляла не менее 520 человек. Надо отметить, что полного списка морского десантного отряда не составлялось[50], что затрудняет выяснение его реальных потерь и судеб его участников. Десантный отряд моряков[51] состоял из пяти рот, каждая из которых включала в себя четыре взвода — два стрелковых, один пулеметный и один минометный[52].

Командиром десантного отряда был назначен бывший начальник Электро-Механической школы им. А. Г. Железнякова учебного отряда КБФ полковник А. Т. Ворожилов, военкомом — полковой комиссар А. В. Петрухин, начальником штаба — командир штаба КБФ капитан Г. Ф. Ильин[53]. Командирами рот моряков были назначены старший лейтенант А. П. Зорин, техник-интендант 1-го ранга М. А. Ястребов, техник-интендант 2-го ранга Н. К. Приходько, старший лейтенант Г. В. Труханов и лейтенант С. А. Лисицын[54].

Плавучие средства десантного отряда были разделены на две части — отряд высадочных средств и отряд корабельной поддержки. В состав отряда высадочных средств были выделены 1-й, 2-й и 3-й дивизионы сторожевых катеров, а также 12 шлюпок-шестерок. Всего в операции по высадке десанта должны были участвовать 5 сторожевых катеров типа «МО-4», 20 сторожевых катеров типа «КМ», 1 бронекатер и 20 шлюпок-шестерок. Отряд высадочных средств должен был поддерживать своим огнем отряд корабельной поддержки в составе 3 быстроходных тральщиков и 1 бронекатера. Весь отряд был разбит на 5 групп (по числу перевозимых рот), каждая из которых включала в себя один катер типа «МО-4» (лидер группы), 4 катера типа «КМ» для перевозки одной роты десанта и один катер «КМ» — остановщик дымовых завес. Два катера «КМ» должны были буксировать по 3 шлюпки с боезапасом для десантников[55]. В целях обеспечения скрытности операции, высадочные средства были сосредоточены к 20 ч 4 октября 1941 г. в Угольной гавани Ленинграда, а к 23 часам переведены на Ленинградскую пристань[56].

Посадка десантников на катера началась в 01 ч 35 мин 5 октября, производилась она поротно на Ленинградской пристани и спустя час была завершена. В 3 ч 40 мин утра катера с десантом

прибыли в точку развертывания у Каменной банки. Через 20 минут был дан сигнал идти к месту высадки. Спустя 30 минут все пять колонн катеров подошли к берегу и начали высадку бойцов. Высадка десантников осуществлялась поротно, с предварительным обеспечением дымовой завесой. В 5 часов высадка морского десанта была завершена[57].

Первая рота отряда моряков была высажена по пояс в воде и не была обнаружена противником. Что касается второй, третьей, четвертой и пятой рот, то они высаживались уже под сильным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем противника. Одна из огневых точек противника, обстреливавшая 4-ю роту десантников, была подавлена огнем сторожевого катера «МО-210». Из состава команд катеров во время высадки было убито 2 и ранено 3 человека. Немецким огнем были уничтожены два катера — «ВР-4» типа «КМ» (сгорел от прямого попадания артиллерийского снаряда) и № 902 типа «КМ» (пропал без вести)[58].

Дальнейшие действия морского десанта на петергофском берегу остались неизвестными для военного совета КБФ и до недавнего времени представляли собой «белое пятно» военной истории, поскольку никаких донесений о боевых действиях десанта на петергофском берегу ни в штаб флота, ни в штаб 8-й армии не поступило. Каких-либо отчетов или донесений вернувшихся из операции десантников в архивах на данный момент не выявлено. В итоге это создало источниковую лакуну, которая в 1960–1970-х гг. активно заполнялась воспоминаниями ветеранов КБФ, которые рассказывали о якобы трехдневных боях десантников на петергофском берегу. Именно на основе данных воспоминаний и была написана известная книга писателей В. Б. Азарова и А. Г. Зиначева «Живые, пойте о нас!»[59], которую использовали многие историки. Даже авторы некоторых новейших трудов о боевой деятельности Краснознаменного Балтийского флота при описании этих событий опираются на это художественное произведение[60].

На самом деле важнейшим источником при описании этих событий являются немецкие боевые документы, из которых следует, что в 4 часа утра по берлинскому времени (в 5 часов по московскому) противник обнаружил десантников, высадившихся в Петергофе. По данным разведывательного отдела 1-й немецкой

пехотной дивизии, высадившиеся с катеров в 50 м от берега советские десантники понесли тяжелые потери еще в воде (около 100 человек убитыми). Тем не менее советские моряки вышли на побережье и углубились на 1200 м от берега, после чего их продвижение было остановлено и локализовано подошедшими частями 1-го, 22-го и 43-го пехотных полков, 1-го противотанкового дивизиона из состава немецкой 1-й пехотной дивизии и находившимися в глубине обороны немецкими резервами (штабы 1-го артполка и 1-го дивизиона 37-го артполка, 802-й артполк особого назначения и другие части)[61]. Окружив советских моряков-десантников, немецкие части приступили к их методичной ликвидации. Несмотря на героическое сопротивление моряков, занявших оборону, уже к 8 часам утра (т. е. к 9 часов по московскому времени) немецкие войска подавили последние очаги сопротивления. По немецким данным, в течение 5 и 6 октября частями 1-й немецкой пехотной дивизии было захвачено в плен 137 моряков-десантников[62], остальные десантники погибли. Среди пленных было несколько командиров и политработников, в том числе начальник штаба отряда капитан Г. Ф. Ильин и командир взвода младший лейтенант И. В. Товстяк[63]. Противник потерял в этом бою 48 человек убитыми и 134 ранеными[64].

Несмотря на столь очевидный провал десантной операции, военный совет Балтийского флота указал в отчете по данной операции, что «высадка десанта была произведена успешно в течение 35 минут с малыми потерями» и «весь десантный отряд вышел на берег»[65]. То есть, как и в случае с десантом 3 октября под Стрельной, был сделан вывод, что флот отвечает лишь за перевозку и высадку десанта, а за дальнейшие его боевые действия на побережье морское командование ответственности уже не несет. При этом терялся смысл самой десантной операции, которая заключалась не столько в успешной высадке десанта, сколько в дальнейших его успешных действиях на берегу. Основная же причина гибели десанта, по мнению Военного совета флота, выглядела очень просто: «...части 8 Армии, которые должны были наступать навстречу десанту, не продвинулись, а батальон моряков не смог преодолеть 2-х километров, разделявших его от своих наземных войск...»[66]

Следует отметить, что высадка отряда моряков не носила изолированного характера, поскольку была тесно связана

с действиями советских войск в самом Петергофе. В период с 5 по 8 октября 1941 г. части 10-й и 11-й стрелковых дивизий 8-й армии неоднократно пытались пробить немецкую оборону на участке Гранильная фабрика — Троицкий ручей. С утра 5 октября 10-я стрелковая дивизия 19-го корпуса получила боевую задачу — совместно с 323-м артиллерийским полком «овладеть центральной частью города Петергоф на линии Ольгин пруд, пристань, в дальнейшем овладеть вост[очной] окр[аиной] Петергоф»[67]. Перейдя в 6 часов утра в наступление, части советской 10-й дивизии форсировали канал в Петергофе и стали медленно продвигаться вперед, чтобы соединиться с морским десантом. Однако наступление частей 10-й дивизии вскоре захлебнулось, а пехота при этом понесла значительные потери — более 150 человек убитыми и ранеными. В том числе был контужен командир полка, ранены 3 командира батальонов и 7 командиров рот[68].

6 октября советская 10-я стрелковая дивизия вела уличный бой в Петергофе и продвинулась местами на 100–200 метров, но, встреченная сильным минометным и пулеметным огнем противника, была вынуждена остановиться и занять оборону. Численность боевого состава дивизии на тот момент составляла всего лишь 886 человек. В течение 7 октября части 10-й стрелковой дивизии 8-й армии не предпринимали атак, приводя себя в порядок и производя окапывание. С утра 8 октября командир 19-го стрелкового корпуса генерал-майор М. П. Духанов поставил перед 10-й стрелковой дивизией приказ — с 11 часов утра овладеть центральной частью Петергофа, выйдя на линию Ольгин пруд — пристань. Наступающие советские войска вели упорные уличные бои в Петергофе, но встретив проволочное заграждение и минное поле, прикрываемое сильным минометно-пулеметным огнем немецких войск, прорвать их не смогли. Потери 10-й дивизии за день составили 293 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести[69]. 9 октября в 11 часов части 10-й дивизии во взаимодействии с 11-й стрелковой дивизии вновь перешли в наступление, но прорвать линию проволочных заграждений под огнем немецких войск так и не смогли[70].

Необходимо также упомянуть о трех десантных операциях в районе Стрельны, организованных Ленинградской военно-морской базой и предпринятых силами 20-й стрелковой дивизии НКВД в период с 5 по 8 октября 1941 г. Первая операция состо-

ялась в 5 ч 17 мин 5 октября, когда в районе пристани, западнее поселка Стрельна, высадился батальон в составе 370 человек. Вторая операция имела место 6 октября, когда в 3 часа 25 мин западнее Стрельны высадилась рота в составе 147 бойцов, и третья операция — 8 октября, в ходе которой в 4 часа 15 мин. на берег восточнее поселка Стрельна смогли высадиться 249 человек. Задачей всех десантов было соединение с войсками 42-й армии Ленинградского фронта, для последующего прорыва немецкой обороны в р-не Стрельна. Во время всех этих операций противник открывал сильный артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь уже в момент высадки бойцов, после чего десанты окружались и методично уничтожались на берегу[71]. В итоге ни один из десантов войск НКВД не имел успеха.

Таким образом, все попытки советских сухопутных войск, десантов КБФ и войск НКВД прорвать в Петергофе и районе Стрельны линию немецкой обороны были отражены противником, и 10 октября 1941 г. наступление было окончательно приостановлено. Частям 10-й стрелковой дивизии была поставлена боевая задача «укрепиться на занимаемых рубежах, усовершенствовать их, превращая в укрепленные оборонительные рубежи»[72]. Попытка советских войск развернуть наступательные действия с западного направления с целью общего прорыва блокадного кольца вокруг Ленинграда провалилась.

---

[1] *Крюковских А. П.* К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники, исследования, историография: Нестор. № 8 (2005, № 2). СПб., 2005. С. 80–101; *Мосунов В. А.* Битва за Ленинград. Враг у ворот! М., 2016; *Мосунов В. А.* Битва за Синявинские высоты. Мгинская дуга 1941–1942 гг. М., 2016; *Мосунов В. А.* Битва в тупике. Погостье. 1941–1942. М., 2017.

[2] Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. М., 1968. С. 154–155; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. М., 1973. С. 375; *Пантелеев Ю. А.* Полвека на флоте. М., 1974. С. 196–199.

[3] Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М., 1992. С. 194–195; *Доценко В. Д.* История военно-морского искусства В 4 т. Т. III: Действия флота против берега. СПб., 2002. С. 73–76; *Красавкин В. К., Смуглин Ф. С.* Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703–2003): Историко-документальный очерк. СПб., 2004. С. 300–302; *Золотарев В. А., Козлов И. А.* Три столетия российского флота, 1941–1945. М.; СПб., 2005. С. 90–92;

Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.; СПб., 2005. С. 147–148; *Алепко И.* Краснознаменный Балтийский флот, 1939–1945: Очерки. Хроника. Сосновый Бор, 2008. С. 55–60, 148; *Чернышев А. А.* 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М., 2009. С. 221–222.

[4] *Платонов А. В.* Трагедии Финского залива. М.; СПб., 2005. С. 260–282; *Платонов А. В.* Опыт первых советских морских десантных операций // Морозов М., Платонов А., Гончаров В. Десанты Великой Отечественной войны. М., 2008. С. 202–268; *Степаков В. Н.* «...Не исключена возможность, что отдельные группы десанта прорвались в тылы противника и ведут партизанскую войну» // Новый Часовой. 2006. № 17–18. С. 159–172; *Кольцов Ю. В.* Петергофский десант. СПб., 2010.

[5] Документы ЦАМО РФ представлены на сайте «Память народа». См.: http://pamyat-naroda.ru/

[6] *Хаупт В.* Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 111–112. *Крюковских А. П.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 151–153.

[7] Хроника 191-й Краснознаменной Новгородской стрелковой дивизии: Военно-исторический очерк. СПб., 1998. С. 69–70; *Крюковских А. П.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. С. 155; *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. СПб., 2005. С. 54.

[8] *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. С. 55.

[9] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2004. С. 198.

[10] *Лебедев Ю. М.* По обе стороны блокадного кольца. С. 55.

[11] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 201–202.

[12] Филиал Центрального архива Министерства обороны РФ (архив Военно-Морского Флота, Гатчина) (далее: ФЦА МО РФ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 380, 390, 408.

[13] *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1: Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003. С. 224; *Хаупт В.* Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. С. 112–113.

[14] ФЦА МО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 425.

[15] *Крюковских А. П.* Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого. С. 158; Хроника 191-й Краснознаменной Новгородской стрелковой дивизии. Военно-исторический очерк. С. 73.

[16] Хроника 191-й Краснознаменной Новгородской стрелковой дивизии. Военно-исторический очерк. С. 73.

[17] Центральный архив Министерства обороны РФ (далее: ЦАМО РФ). Ф. 344. Оп. 5554. Д. 68. Л. 253; Д. 88. Л. 62.

[18] ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 68. Л. 254–257. ФЦА МО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 434.

[19] ФЦА МО РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109. Л. 441, 450–451, 460, 469.

[20] ЦАМО РФ. Ф. 858. Оп. 1. Д. 36. Л. 11.

[21] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 73. Л. 473.

[22] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 34. Л. 330, 336; Ф. 858. Оп. 1. Д. 36. Л. 12. Д. 58. Л. 4.

[23] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 3, 26.

[24] Там же. Л. 26. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 122.

[25] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 27; Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 122–123.

[26] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 3.

[27] Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. М., 1968. С. 154.

[28] *Пантелеев Ю. А.* Полвека на флоте. М., 1974. С. 197; Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. М., 1968. С. 154.

[29] ЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 4. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 123.

[30] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 5; Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 123–124.

[31] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 5–6; Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.

[32] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 6.

[33] *Мосунов В. А.* Битва за Ленинград. Враг у ворот! С. 349–350. Интернет-ресурс: Http://belostokskaya.ru/M_Mihailov/Okt_41/

[34] *Пантелеев Ю. А.* Полвека на флоте. С. 198.

[35] ФЦА МО РФ. Ф. 164. Оп. 4. Д. 3. Л. 29; Военно-Морской Флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 2-е издание, испр. и доп. Т. III: Балтийский флот. СПб., 2006. С. 162.

[36] ФЦА МО РФ. Ф. 164. Оп. 4. Д. 3. Л. 29, 105.

[37] ЦАМО РФ. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 74. Л. 15–16; Ф. 858. Оп. 1. Д. 58. Л. 6. ФЦА МО РФ. Ф. 164. Оп. 4. Д. 3. Л. 29.

[38] ЦАМО РФ. Ф. 858. Оп. 1. Д. 36. Л. 27; Ф. 344. Оп. 5554. Л. 74. Л. 33–33 об.

[39] Директива не имеет точной даты утверждения.

[40] Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 206.

[41] Там же.

[42] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 15.

[43] Имеется в виду каменная стена, сооруженная в конце XVIII века, которая разделяла Нижний парк и парк Александрия в Новом Петергофе.

[44] Имеется в виду бывший Нижний дворец (или Нижняя дача) императора Николая II в парке Александрия, которая использовалась перед войной в качестве дома отдыха для сотрудников Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

[45] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 15–16.

[46] Там же. Л. 16.

[47] Там же. Л. 18–20.

[48] Там же. Л. 20.

[49] Там же. Л. 32.

[50] По данным Совета ветеранов Петродворцового района Санкт-Петербурга, составленным в октябре 2014 года, в морском десантном отряде А. Т. Ворожилова числилось 513 человек.

[51] В боевых документах десантный отряд моряков часто именовался батальоном, хотя он превышал его по силам и средствам.

[52] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 3.

[53] Там же. Л. 5.

[54] *Кольцов Ю. В.* Петергофский десант. С. 257.

[55] ФЦА МО РФ. Ф. 92. Оп. 028580. Д. 1. Л. 361.

[56] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 4–5; Ф. 92. Оп. 028580. Д. 1. Л. 361.

[57] Там же. Ф. 92. Оп. 028580. Д. 1. Л. 361; Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 7.

[58] Там же. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 7–8; Ф. 92. Оп. 028580. Д. 1. Л. 361–362.

[59] *Азаров В. Б., Зиначев А. Г.* Живые, пойте о нас! Л., 1969.

[60] *Алепко И.* Краснознаменный Балтийский флот, 1939–1945: Очерки. Хроника. Сосновый Бор, 2008. С. 55–60.

[61] The U.S. National Archives and Records Administration (далее: NARA) . T 315. R4. Fr 259, 262–263, 710–711.
[62] Ibid. T 314. R901. Fr 1399.
[63] Ibid. T 315. R4. Fr 710. T 314. R901. Fr 78.
[64] Ibid.. T 315. R4. Fr 259.
[65] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 19. Л. 11.
[66] Там же. Л. 11.
[67] ЦАМО РФ. Ф. 1240. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.
[68] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 68. Л. 291, 293, 295.
[69] Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 68. Л. 298, 301; Д. 74. Л. 106; Д. 88. Л. 100 об.; Ф. 858. Оп. 1. Д. 36. Л. 34; Д. 58. Л. 13.
[70] Там же. Ф. 858. Оп. 1. Д. 58. Л. 15; Ф. 344. Оп. 5554. Д. 68. Л. 321.
[71] ФЦА МО РФ. Ф. 161. Оп. 6. Д. 18. Л. 7–24.
[72] ЦАМО РФ. Ф. 858. Оп. 1. Д. 36. Л. 37.

Литература

Азаров В. Б., Зиначев А. Г. Живые, пойте о нас! Л.: Лениздат, 1969. 240 с.

Алепко И. Краснознаменный Балтийский флот, 1939–1945: Очерки. Хроника. Сосновый Бор: ФГУП НИТИ им. А.П. Александрова., 2008. 372 с.

Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов / Под ред. Н. Л. Волковского. *М.*: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. 766 с.

Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1941–1942. М.: Воениздат, 1992. 631 с.

Доценко В. Д. История военно-морского искусства: В 4 т. Т. III. Действия флота против берега. СПб.: Судостроение, 2002. 336 с.

Доценко В. Д., Гетманец Г. М. Флот в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: Terra Fantastica; М.: Эксмо, 2005. 617 с.

Золотарев В. А., Козлов И.А. Три столетия российского флота, 1941–1945. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2005. 768 с.

Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М.: Изографус; М.: ЭКСМО, 2003. 557 с.

Кольцов Ю. В. Петергофский десант. СПб.: Гангут, 2010. 304 с.

Красавкин В. К., Смуглин Ф.С. Здесь град Петра и флот навеки слиты. История морских частей в городе на Неве (1703–2003): Историко-документальный очерк. СПб.: БЛИЦ, 2004. 560 с.

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941–1944 гг. М.: Наука, 1973. 448 с.

Крюковских А. П. К истории попыток прорыва блокады Ленинграда в 1941–1942 гг. // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом.

Источники, исследования, историография: Нестор № 8 (2005, № 2). СПб.: Нестор-История, 2005. 220 с.

Крюковских А. П. Оборона Ленинграда: сентябрь сорок первого // Новый часовой. 1998. № 6–7. С. 151–153.

Лебедев Ю. М. По обе стороны блокадного кольца. СПб.: Нева, 2005. 320 с.

Мосунов В. А. Битва за Ленинград. Враг у ворот! М.: Яуза-каталог, Эксмо, 2016. 384 с.

Мосунов В. А. Битва за Синявинские высоты. Мгинская дуга 1941–1942 гг. М.: Яуза-каталог; Эксмо, 2016. 320 с.

Мосунов В. А. Битва в тупике. Погостье. 1941–1942. М.: Пятый Рим, 2017. 240 с.

Оборона Ленинграда 1941–1944: Воспоминания и дневники участников. М.: Наука, 1968. 792 с.

Пантелеев Ю. А. Полвека на флоте. М.: Воениздат, 1974. 319 с.

Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2005. 672 с.

Платонов А. В. Опыт первых советских морских десантных операций // Морозов М., Платонов А., Гончаров В. Десанты Великой Отечественной войны. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 512 с.

Правда и вымысел о войне. Проблемы историографии Великой Отчественной войны 1941–1945. СПб.; Пушкин: Пушкинское высшее училище радиоэлектроники, 1997. 329 с.

Степаков В. Н. «...Не исключена возможность, что отдельные группы десанта прорвались в тылы противника и ведут партизанскую войну» // Новый Часовой. 2006. № 17–18. С. 159–172.

Хаупт В. Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта / Пер. с нем. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.

Хроника 191-й Краснознаменной Новгородской стрелковой дивизии. Военно-исторический очерк. СПб.: ИПК «Вести», 1998. 366 с.

Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 384 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Е. Возгрин

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ LITTERATI И ILLITTERATI В СКАНДИНАВСКОЙ И ИНЫХ КУЛЬТУРАХ

В отношении культурогенеза существуют две бесспорные истины. Первая: духовная элита не в состоянии создавать высокую культуру в отрыве от народа — носителя культуры «низкой». Вторая — на создание шедевров литературы и искусства способны только личности, не знающие корпоративных оков, свободные индивидуумы. Истины эти столь же бесспорны, сколь и неновы. Но особое значение они приобрели именно в Средние века, когда закладывался фундамент национальным культурам Нового и Новейшего времени. А необычным стало то, что они актуализировались не только в отношении отдельных личностей или стран, но и целых регионов.

Различия между носителями высокой культуры и демосом вполне очевидны. Другое дело — отношения между этими категориями средневекового населения. Попытаемся их выявить, поскольку имеются веские основания утверждать, что эти отношения обусловливали общее развитие культуры. Они были весьма несхожими в различных регионах Европы. Именно поэтому в соответствующих частях континента неодинаковы и типы культурогенеза. Но для уяснения проблемы следует определиться с терминами.

Некогда средневековым понятием *litterati* обозначали людей не только грамотных, но и просвещенных, носителей высокой

культуры. Соответственно, термин *illitterati* относился не просто к неграмотным, но и к отсталым, невежественным личностям, известным своей мужицкой грубостью, неотесанностью (*rusticitas*) или к *простецам*. Последнее определение, весьма распространенное в средневековых текстах, издавна привлекает внимание историков.

Российский философ и историк культуры В. С. Библер полагал, что сознание простецов — это «пред-определение культуры. Это — ее дикая, грубая, питающая „подпочва". Она позволяет культуре создаваться, твориться. Без этой простонародной демократической „подпочвы" живой цветок культуры не вырастишь. А сработаешь одни бумажные реферативно-аристократические имитации»[1]. По сути, это развернутое и развитое бахтинское определение культуры как формы диалога между интеллектуальной элитой и демосом. Для него «культура есть там, где есть две (как минимум) культуры, и самосознание культуры есть форма бытия на грани с другой культурой»[2]. Другими словами, плодотворен только диалог. Напротив, монолог, даже самый возвышенный, бесплоден как любая форма самоудовлетворения.

Что же касается природы и интеллектуальных потенций простецов, то предмет этот многосложен. Но суть его, возможно, наиболее близко к истине сформулировал известный французский философ и эссеист Поль Валери в немногих словах: Простецу свойственны «полнота неведения в восприятии и полнота знания в преображении»[3]. Как понять эту максиму? Проще всего это сделать, прибегнув к анализу преобразующей функции города.

Горожанину, бывшему крестьянину, были присущи многие из стереотипов поведения и сознания Простеца. Но городская среда способствовала его самоизменению, постепенно разрушая не только крестьянскую, но и благоприобретенную корпоративно-городскую ментальность, и пробуждая личностное в его сознании. Внутренний диалог с простецом «в себе», открывающий мудрость в простоте бытия, составлял смысл мышления средневековой личности. Простецы-*illitterati* как внутренние собеседники присутствуют в дошедших до нас инструкциях для священников (исповедальные книги), «примерах» (*exempla*[4]) и проповедях теологов. Они составлялись на народном языке и в логике, доступной простым прихожанам. То есть целиком

в соответствии с Блаженным Августином: «Пусть лучше порицают нас грамматики, чем не понимает народ».

Однако при этом контакте неизбежен и процессе обратного влияния или двусторонней аккультурации. В диалоге с Простецом его визави, *litterati* (теологи, схоласты) создают синтетические конструкции, смотрят на себя его глазами, открывая в себе и в человеке вообще способности рефлексии, самоосознания, власти над собой. Они невольно подделываются под его тип мышления из естественного желания быть понятными. Участники диалога притираются друг к другу. И, как при шлифовке раскрываются красоты декоративных камней, так и в диалоге складываются фрагменты новой культуры. Но то, что *literati* вольно или невольно подделываются под язык и тип мышления демоса, имеет и более глубокие последствия.

Спадают узы социальной и идеологической детерминации, возникает возможность самоотстранения, самодетерминации и индивидуализации человека, обретения им собственного лица. Вместо ходячей иллюстрации корпоративного этоса появляется уникальная личность. Нельзя недооценивать новые перспективы на пути к такого рода индивидуальной свободе, предоставлявшиеся городской повседневностью. Бюргер обладал возможностью манёвра. «Гетерогенная, гибкая, неустойчивая городская среда открывала перед горожанами пути изменения социального статуса посредством личных усилий, создавала внешние и внутренние возможности для становления личности горожанина. Он был включен сразу в несколько групп, мог действовать одновременно на разных уровнях: семейном, профессиональном, военном, муниципальном, соседском, приходском»[5].

И еще одно соображение. Сознавая всю культурогенетическую важность описанного диалога, участниками которого являются *litterati* и *illitterati,* мы должны признать, что народная и высокая культура Средневековья — не независимые одна от другой различные культуры. Это целостная, внутренне диалогичная и, благодаря своей антитетичности, конструктивно саморазвивающаяся культура.

Теперь, после этой преамбулы, можно приступить к обещанному анализу особенностей трех геокультурных зон Европы с целью возможного объяснения неравномерного развития в них средневековой культуры.

Север. Различительная линия между *litterati* и *illitterati*, совершенно четкая в истории социумов Запада и Востока, в средневековой Скандинавии весьма неявна. Носителями и хранителями культурной традиции здесь выступают необразованные сельские хозяева-собственники, сочинявшие великие саги и сберегавшие еще более старинные предания-сагны. Эти достижения относятся к дописьменному периоду, а второй свой подъем скандинавская культура пережила в эпоху викингов и ранней христианизации. Скептики говорят о сугубо локальном значении северного варианта культурного развития, он якобы являлся еще и безнадежно провинциальным и даже тупиковым. Так было бы, если становление европейской культуры происходило только на платформе греко-латинского наследия. Но давно признано, что в ее основе лежал и северный, германский, варварский субстрат. То есть бесспорным участником и неотъемлемым вкладчиком в современную культуру европейской ее разновидности явился северный компонент культурогенеза.

Второй родовой признак Севера — тип протестантской ментальности, известный задолго до Вебера — с эпохи Реформации. Правда, протестантизм не служил единственным и необходимым условием для успешного социально-экономического развития. Капитализм зарождался и в южных, католических странах Европы. Но лишь на Севере при этом не нужно было бороться со всеобщим презрением в отношении современников, наращивавших земные блага.

Это было похоже на ситуацию в Англии, где накануне индустриальной революции не пришлось бороться за ряд свобод, существовавших с эпохи Великой хартии вольностей и уточненных впоследствии. Напротив, во Франции такого рода борьба стала неизбежной, и она затормозила экономическое развитие страны, именно по этой причине намного отставшей от Англии.

Третья характерная черта скандинавской культурной зоны — сверхранняя история развития индивидуальной личности, чему есть свое объяснение. Христианство пришло на Север с опозданием. В конце IV в. христиане уже составляли большинство населения огромного Римского государства. Тогда же началось обращение в новую веру германских племен, вторгшихся на территорию империи — вандалов, вестготов, остготов. Затем пришла очередь и германских земель. Но лишь в X в.

христианство стало религией скандинавских народов. То есть более полутысячелетия Север оставался в лоне традиционного бытия. И вот эти-то шесть веков накануне великого события стали периодом приспособления древней индивидуальной ментальности к мало-помалу менявшимся социально-экономической и политической ситуациям. Европа в IV–IX вв. медленно, но верно погружалась в болото коллективизма: от экономического (сельская община) до идеологического (церковный приход, церковное учение о подавлении индивидуализма). А на Севере в эти шесть веков остается в силе дохристианский языческий этос, который «предоставлял германцу... бóльшие возможности для обнаружения собственного Я, нежели учение церкви, требовавшей смирения и подавления гордыни»[6].

И последнее о Севере — проблема его грамотности. Конечно, она была иной, чем распространившаяся в Южной, а затем и остальной Европе. Там грамотность до Реформации (и какое-то время после) была сплошь латинской, а на Севере сотни и тысячи окружавших человека рунных надписей говорили с ним на родном языке. И вещали они не о безликих святых, а о конкретных героях, со многими из которых читатели рун прослеживали свое прямое родство. И таким образом окончательно преодолевали опасность растворения в безликой массе, ликвидировали угрозу утраты своей индивидуальности. Вот так, без какого-либо перерыва, все Средние века культура Севера оставалась культурой личностей, уверенно отдававших себе отчет о своем месте в истории и мире, обладавших развитым самосознанием, хорошо грамотных и оттого имевших основательное право именовать себя *litterati* — и быть ими.

К чему это вело, можно судить по текстам саг и сагнов. Их анализ может дать ответ на вопрос: если крестьянин не являлся безынициативной частицей общины, а все решения принимал самостоятельно и был в значительной степени предоставлен самому себе, то каковы были главные черты его внутреннего мира?. Судя не только по сагам, сагнам и более поздним хроникам — лишь на Севере сохранялся развитой архаический индивидуализм. Только там общество состояло из личностей с индивидуально яркими страстями и необычными поступками. А вот для населения Западной Европы такой психологический склад был совершенно нехарактерен.

Запад, не обладавший рядом объективных возможностей Севера, являл собой по большей части абстрактно-корпоративный социум. Нельзя сказать, что здесь не проявлялись стремления к индивидуализации — они неистребимы. Но условия были не те, и попытки дифференциации оканчивались лишь трехфункциональным членением общества на *oratores, bellatores, laboratores* (молящиеся, воюющие, трудящиеся). Цель оставалась недостижимой, так как эти три сословия были массовидны и внутренне единообразны.

Но Запад все же шел к индивидуализму, хоть и медленно, преодолевая сопротивление церкви, и другим путем — через цеховую организацию (первые цеха — XI в., окончательное оформление статутов — XIII в.)[7]. Она была характерна жесткой дисциплиной, несоблюдение которой грозило исключением из нее, что было равнозначно запрету на профессию. Но такие случаи представляли собой редкость, мастера, подмастерья и ученики беспрекословно подчинялись цеховым уставам (статутам) не только на производстве, но и вне стен мастерской — уставы регламентировали всю их жизнь в будни и праздники, особенно ежегодные цеховые. Они не предназначались для дотошного регулирования трудового процесса, как и сами цехи не представляли собой производственных структур. До появления мануфактуры каждый мастер работал в отдельной, собственной мастерской, выполняя все операции изготовления изделия от начала до конца самостоятельно. Цех задавал лишь самые общие и экономически главные нормы, основными из которых являлись количество и качество готовой продукции. Кроме того, ремесленники были должны соблюдать социальные и этические уставные предписания — вплоть до качества пищи и одежды, которыми мастер обязывался снабжать учеников.

Возникает естественный вопрос: что заставляло этих свободных людей добровольно принимать на себя перечисленные и множество иных обязанностей? Тому было несколько причин. Постепенное развитие производительных сил в эпоху раннего Средневековья, рост продуктивности сельского хозяйства, обмена и товарно-денежных отношений стимулировали развитие ремесла и его отраслевую дифференциацию. Цех, гильдия, братства (*fraternitates*) возникали в среде сельского населения задолго до того, как город развился до уровня социально

значимого феномена в средневековой действительности. Судя по источникам еще Каролингской эпохи, сельское население предпринимало попытки самоорганизации, что вызывалось «заботой о соблюдении элементарного порядка и пресечения преступности», то есть правовой самодеятельностью[8].

Согласно другой точке зрения, причиной цеховой самоорганизации являлось стремление ремесленников к экономической выгоде (отраслевая монополизация производства и сбыта), а также к социально-экономической независимости от сельского, а со временем и городского патрициата. Цех обеспечивал и защиту личности. Таким образом, не город стал очагом развития цехового производства, а наоборот, ремесленники, отпочковавшиеся от аграрного сектора, превратили его в экономический центр. Вследствие чего город постепенно превратился в средоточие и политической, и культурной жизни Средневековья, а также стал экономически достаточно мощным, чтобы бесстрашно провозгласить знаменитый принцип *Stadtluft macht frei*.

Процессу урбанизации содействовали и иные факторы, также имевшие отношение к оптимизации образа жизни. Город мыслился жителями как святое пространство, модель «града Божьего», символом которого служил местный (нередко кафедральный) собор или монастырь. «Земной город стал проекцией Небесного Иерусалима»[9]. Более того, городская община представала уже и как «пространство и способ реализации христианской модели социальности (идей апостольского братства), погруженной в автохтонный социокультурный контекст»[10].

Тем не менее в упомянутом опыте цеховой организации совершенно напрасно было бы искать гарантированный прогресс в направлении индивидуализации средневекового общества. В этом смысле отставание от Севера остальной Европы пока не сокращалось. Можно, конечно, назвать выдающиеся личности, которые себя индивидами ощущали — и, бесспорно, ими являлись. В качестве такого образца обычно называют мыслителя XIII в., монаха Бертольда Регенсбургского. Но, как отметил современный исследователь ментального мира и творчества отца Бертольда, «мы не найдем продолжателей его идей вплоть до Реформации. История понятия „личность“ в Средние века отнюдь не выглядит как плавная эволюция»[11]. Как не отыщем и общества — сельского ли, городского, которое было бы

сколько-нибудь похожим на скандинавское в смысле грамотности, просвещенности и личностного самосознания — кроме верхушечных социальных слоев. То есть, следует признать, что основная масса западноевропейского населения являла собой типичных *illetterati*.

Восток Европы имеет смысл рассматривать поочередно в двух культурно несхожих подрегионах. Это, весьма условно говоря, Восток «византийски-православный» и Восток «еврокультурный». К первому можно отнести Византию, Русь, польско-литовские и балканские пространства, ко второму — чешско-мадьярский, отчасти прибалтийский и, безусловно, крымский ареалы.

Начнем с византийски-православного подрегиона, подключив к нему типологически весьма схожие католические Польшу и Литву.

В Византии, как и Московии, «не сложилось ни городов-коммун, ни монашеских, ни рыцарских орденов и не приобрели существенного значения объединения купцов и ремесленников. Причина этого различия между Западом и Византией заключалась предположительно в том, что в последней автократическая власть подавила многие формы спонтанной человеческой самоорганизации, в то время как в Западной Европе после падения Римской империи централизованная власть отсутствовала, и население волей-неволей вынуждено было изыскивать те или иные формы самоорганизации. Иными словами, общество в Византии [и Руси. — *В. В.*] было в значительной степени задушено государством или поставлено в полнейшую от него зависимость»[12]. Здесь не сложилось характерных для Запада отношений народа и власти такого рода, что государству приходилось неизменно считаться с сословиями и даже более мелкими социальными группами. Оно могло самовластно менять законодательство с целью извлечения из них большего дохода, но никогда не покушалось на их существование. Такой экзистенциальной гарантией в Восточной Европе не обладал никто — ни отдельные лица с семьями, ни целые социальные группы — думается, примеры из истории Московии здесь излишни по своей общеизвестности, да и места они заняли бы слишком много.

Что же касается Польши и Литвы, то социокультурную ситуацию в них следует разграничить 1569 г., когда состоялась Люблинская уния, объединившая их в одно государство, Речь

Посполитую. Одновременно было декларировано резкое возрастание прав и привилегий шляхты и полное подчинение ей низших слоев[13]. В шляхетской среде возобладала идеология сарматизма[14], позволявшая дворянам считать единственно себя солью земли, а простой народ — быдлом (официальный термин эпохи), то есть унтерменшами. И если ранее существовало, в общем, терпимое отношение дворянства к крестьянам, то теперь диалог между этими стратами стал абсолютно невозможным. Как и в целом между польскими *litterati* и *illitterati*. Что, конечно же, сказалось на процессе национального культурогенеза, как правило, менявшем свою суть в соответствии с социальными и политическими метаморфозами.

Если ранее существовавшая ситуация межсословной и межэтнической терпимости породила великого Николая Коперника, выдающегося поэта Яна Кохановского и европейски знаменитого историка и политика Яна Замойского, то после 1569 г. картина постепенно меняется: «экономическая, общественная, религиозная, литературная, конституционная, военная и международная ситуация оказалась более тяжелой, чем в конце XVI века...», а эпохе сарматизма в целом «не приписывается высоких художественных достижений»[15], и это еще очень деликатно выражаясь. Вряд ли кто-либо из современников мог ожидать возрождения духовности в будущем. Страна шла к роковым разделам XVIII в., но и двумя столетиями раньше произошел раздел внутренний, расколовший общество (по этническому, религиозному и социальному признакам) на крайне обособленные группы и страты.

А ведь соотношение индивида, группы и общества в целом — центральный вопрос наук о культуре, и в первую очередь он стоит в проблеме индивидуализма[16]. И О. Г. Эксле прав: личность в общине — ничто, это лишь объект поглощения ее абстрактным социумом. А вот когда есть многоразличные группы — это подводит к постановке проблемы личности. То есть, чтобы выделиться — надо скооперироваться. То есть, создать множество различных групп с правом для человека выбора примыкания. По Эксле, группа — союз индивидов и, следовательно, она находит свое основание в человеческой личности. И личностное становление в странах московско-византийского ареала становится заметным лишь на излёте Средневековья, да

и то не везде и, конечно, не столь тотально, как это отмечено в древней Скандинавии.

Этот факт может вызвать удивление, поскольку и в Византии, и Московии существовали ремесленные цехи и, значит, имелся путь к индивидуализации. Но цехи эти не имели с западноевропейскими ничего общего, кроме названия. Они фундаментально отличались от них, представляя собой лишь приложение общинных порядков к ремесленным привилегиям. Они «являлись организацией, выросшей из ограниченности и косности средневекового мелкого производства и в свою очередь содействовавшей сохранению этой ограниченности и косности»[17]. И уж конечно, ремесленник входил в состав цеха отнюдь не в поисках индивидуального самораскрытия и гарантии защиты своей индивидуальной свободы. А ведь византийские ремесленники являлись людьми свободными лишь формально, и такая защита явилась бы актуальной необходимостью. Все они были отягощены неоплачиваемыми обязанностями, для свободного человека унизительными. Так, к примеру, за неявку одного из ремесленников к торжественному императорскому выходу, облагалась крупным штрафом вся мастерская, а за нарушение правил регламентации и прочих административных норм «на цеховых мастеров налагались позорящие наказания: порка, острижение головы, высылка из города и пр. Наконец, цеховая организация использовалась государственной властью для создания системы слежки и контроля за ремесленниками и торговцами»[18]. В целом же имела место сильная «экономическая и правовая зависимость ремесленников и торговцев от государственного аппарата»[19].

А в смысле веры, ментальности и идеологии, сдвига от общинного коллективизма к индивидуализму не происходило и в странах-наследницах Византии. Чтобы понять причину этого застоя, вспомним, что где братства или гильдии самоорганизовывались, как в Новгородской республике, цари душили их не хуже византийских имперских властей. И такая традиция существовала до XX в. включительно: вспомним о преследовании советской властью независимых профсоюзов вроде Крестьянского — ведь всех его руководителей пересажали или убили — всего лишь за отклонение от привычной властной традиции. С другой стороны, не было нужды объяснять мужикам,

что такое колхоз. Сразу всё поняли, с полуслова: это древняя сельская община в новой маске.

В Московии при ее искони земледельческом строе жизни, крайне слабом развитии промышленности, а в Новое время — и затянувшемся существовании крепостного права в самой его жесткой форме, не было условий для развития многочисленного свободного ремесленного класса, тем более — для выработки сильных ремесленных организаций типа западных. Правда, и в древней Руси существовали товарищества ремесленников — «дружины» (т. е. артели), но они были слишком мелки и случайны, чтобы приобрести какое-то значение в социальной или культурной жизни государства.

Цехи здесь не являлись продуктом самодеятельности свободных ремесленников, а насаждались уже в Новое время совершенно искусственно, по воле Петра I и по иностранным образцам. Инструкцией Главному Магистрату 1721 г. было предписано для усовершенствования ремесленного производства разделить ремесла на 40 цехов, установлен был срок ученичества в 7 лет и введено обязательное испытание на знание ремесла. При преемниках Петра эти узаконения остались без исполнения, то есть провалились, не имея традиционной основы[20]. Правда, через столетие они возродились, причем в большом количестве (нужда в них была велика), но ненадолго. На протяжении XIX в. сотни ремесленных мастерских были ликвидированы правительственными установлениями, так что к 1916 г. их на всю огромную империю осталось 29 единиц[21].

Нет и не могло быть в Древней Руси и выдающихся поэтических произведений. Имеются в виду, конечно, не летописи, а хотя бы рифмованные хроники или предания в сколько-нибудь сравнимом с датскими сагнами количестве и разнообразии. Первое напрашивающееся объяснение этого факта — отсутствие письменности. Но дело, очевидно, в другом. На Севере тоже до II в. не было рун, а великая литература давно уже существовала. Более близкое к истине объяснение: выдающиеся произведения древнескандинавской поэзии и прозы «возникли на почве развитой индивидуалистической этики»[22]. На Руси же преобладала коллективная, общинная ментальность. И если в Исландии сложилась совершенно уникальная «плотность» количества скальдов на условную «тысячу населения», то в древнерусском

мире с его изначальной общинностью и подавляющим свободную личность сельским «миром» это просто невозможно себе представить.

Наконец, на Западе во взаимообогащающем диалоге, который постоянно вели *litterati* и *illitterati*, велика была роль церкви в лице умных, образованных и энергичных клириков, исповедовавших простых прихожан и читавших им глубоко продуманные проповеди, повышавшие культурный и моральный уровень простых людей. На Руси же испокон века большинства сельских батюшек мало чем отличалось в интеллектуальном отношении от своей паствы. Обреченные на нищету, унизительно зависящие от местных меценатов, они быстро теряли те крохи познаний в психологии и философии, которым могла им дать провинциальная семинария. А пьянство в их среде было общим местом — много позднее оно станет мотивом, популярным для художников-передвижников. В целом же, как писали объективные наблюдатели, «священники необразованны и в удалении каком-то от прочих мирян; не пользуются уважением»[23]. То есть в Московии отсутствовал такой канал притока интеллектуальности, как общение с клириками, о значении которого для европейцев уже говорилось.

Рассмотрим ситуацию на втором, «еврокультурном» подрегионе Восточной Европы. Здесь при мысли о культуре и свободе индивидуального развития прежде всего в голову приходят прибалтийские города, жившие по Магдебургскому или Любекскому городскому праву. Но такие примеры в типологическом исследовании хромают. Слишком схожие у них были отправные точки — чем, к примеру, отличался быт жителей Таллина от их современников из того же Любека, где действовало аналогичный городской статут? Для чистоты компаративного анализа имеет смысл совершенно иное общество — тоже европейское, но не христианское. Я имею в виду Крым, то есть область, населенную, как и Эстония, европеоидами, хоть и общающимися на тюркском языке. Тем не менее их во многом схожие (если не равные) со скандинавскими или западноевропейскими права сказывались на поразительно сходственных традициях и обычаях.

Тут выбор аналогий весьма велик. Первый пришедший на память пример — английский обычай отдавать благородных отпрысков на воспитание в чужую семью. Это закаляло будущего

рыцаря, приучало его надеяться на самого себя в чуждом окружении. То есть делало из него личность, а не любимца родителей, избалованного и неспособного принимать ответственные решения. Абсолютно то же имело место в Крыму. Ханы и беи отдавали своих сыновей до совершеннолетия в дружеские семьи, отдельные из которых находились весьма далеко — в Черкессии. И воспитатель-аталык становился ближайшим человеком, более чем просто родственником для отца ребенка — как и для своего воспитанника в будущем, — то есть с тем же результатом, что имел место в Англии.

Второе совпадение — но уже не со всем Западом, а со Скандинавией — личная свобода крымских татар. Она превосходила западную, ведь лишь в Северной Европе любой подданный имел право на ношение оружия и на ничем не ограниченную охоту в лесах и полях. Здесь опять уместно вспомнить Англию и борца за эту свободу Робина Гуда... ведь за охоту в королевских лесах ослепляли или казнили. А крымские крестьяне обладали правом на ношение оружия, что гарантировало их личную свободу и защиту он насилия со стороны власть имущих. В этой связи напомним о надписи на надгробии Сэмюэля Кольта: «Бог создал людей разными, а Кольт сделал их равными». На самом деле на надгробии оружейника — лишь его имя и даты жизни. Но эта легенда отражает действительность, которая имела место и в Крыму, причем за много веков до рождения Кольта и даже американской демократии.

Сюда же, к проблеме равенства, можно отнести и диалог высокой и народной культур. В отличие от Московии, где этот процесс непредставим, в Крыму он шел постоянно и не только в храмах. Как записывал великий знаток Крыма Е. Л. Марков, «чабан входит в гостиную своего хозяина в своих буйволовых сандалиях, с достоинством закуривает, опустившись на ковер, свою трубку и протягивает руку к стоящему угощению, не сомневаясь нимало, что имеет на него равное со всеми право»[24]. А потом в гостиной завязывается разговор, равно интересный для князя и его пастуха, идет обмен мнениями на общие для обоих темы. В таком безыскусно-живом виде межкультурный диалог отмечен лишь в средневековой Скандинавии. Примеры здесь излишни — ими буквально пересыпаны саги. Позднее эпохи викингов эта традиция, возникшая в родовом обществе,

на Севере исчезла, но не в Крыму, где она сохранилась гораздо дольше: Е. Л. Марков стал ее свидетелем на рубеже XIX и XX вв.

Третье совпадение с Западом — крымская цеховая организация. Она абсолютно, до мелочей совпадала не с соседними, византийскими, а с западноевропейскими традициями. И результаты следовали те же: правовая автономия как источник, питавший психологию индивидуальности, и творческая свобода как условие самовыражения в создании шедевров ремесла.

Четвертое совпадение — выборность правителя. Она существовала в странах Балтийского мира с древности до XVI–XVII вв., потом исчезла, ликвидированная автократическими режимами правления. Но в Крыму выборность ханов сохранилось во всей полноте древних традициях на всем протяжении истории государства, оборвавшейся в последней четверти цивилизованного XVIII века.

Пятое совпадение — народная поэзия Средневековья и более поздних периодов. Здесь плодотворно работали многие десятки поэтов, чьи сборники стали известны за рубежом гораздо раньше, чем началось издание исландских саг в Европе[25]. В свое время исландские скальды умолкли навсегда — но не более молодые крымские их собратья. Как записывал английский исследователь XVIII — нач. XIX вв., «здесь в постоянном обращении среди народа находится огромное количество поэтических произведений (great many poems)»[26]. И, аналогично датской традиции, огромное внимание крымцы уделяли зарубежной литературе и исторической науке. Приведем лишь один пример из множества. Средневековый поэт Реммал-Ходжи перевел на крымскотатарский язык 10 книг, «одни с иврита, другие с персидского языка, да еще сверх того составил 12 книг из *Хусниях*, истории в стихах, собрав их в два дивана, расположенных по алфавиту, в которых увековечены тысяча газелей, более ста касыд и от семидесяти до восьмидесяти веселеньких статеек (очевидно, литературных рассказов или преданий. — *В. В.*)»[27].

Следует также заметить, что крымцы собирали и хранили книги куда бережнее своих исландских современников, которые уже в Новое время, случалось, пускали листы старинных пергаментов на портновские выкройки. Так, другой английский гость Крыма отмечает: «В каждом татарском доме одна или несколько рукописных копий Корана, прекрасной каллиграфии.

Дети рано научаются не только читать, но и переписывать его»[28]. То есть они становились *litterati* с детства. Но, конечно, имелась в крестьянских домиках и художественная литература — иначе для кого писали крымские поэты и сказители? Последний пример такого рода: русская княгиня заходит в *обычную саклю* в Куркулете (Южный берег Крыма) и с удивлением обнаруживает, что «на перекладинах или балках под самым потолком... лежит священный Коран и другие книги»[29].

Шестое совпадение, на первый взгляд не столь впечатляюще. Речь о том, что авторы Средних веков были необычайно скромны. Когда франкский епископ и историк Григорий Турский сообщает, что приступил к повествованию о святом Мартине, то признаёт себя «неспособным к грамоте, глупым и простецом» (*inops litteris, stultus et idiota*)»[30]. Причина такого самоуничижения предположительно связана то ли с желанием ученого автора стать ближе к народу, слиться с ним, то ли из осознания им великой роли простецов в сотворении культуры — о чем упоминалось выше.

Почти так же представляет себя более позднему читателю знаменитый крымский путешественник, плодовитый автор-историк и этнограф, эрудит Эвлия Челеби. В своих сочинениях он так же, как его западноевропейский собрат, всячески принижает собственную персону. Эвлия говорит о себе вообще в третьем лице и называет себя то «недостойным», то «этим бедняком» в смысле скромного разума[31]. Хотя тексты его давно уже перешли по известности границы не только Крыма и Турции, но и Европы. То есть это тот самый тип Простеца, не первый год волнующего творческое воображение российских и европейских историков.

Примеры такого рода аналогий можно умножить, но пора подвести предварительные итоги этому анализу сравнительного культурогенеза — также по трем типологическим частям.

1. Безусловно, наиболее благоприятная для культурогенеза ситуация сложилась в средневековых Скандинавии и в Крыму — причины этому удачному обстоятельству указывались выше. И оба социума использовали имевшуюся у них возможность свободного (то есть индивидуального) творческого развития с максимальной полнотой. Естественно, они не могли развиваться параллельно и достигать аналогичных результатов.

Исландско-старонорвежский народ создал всемирно известную литературу и столетиями являл миру пример свободных социальных отношений. Крымское духовное наследие Средневековья, конечно, уступает скандинавскому — в том числе и по недостаточной его популяризации, виной чему — экзотичность сюжетов и поэтики произведений, которые, не в пример исландским, были обижены вниманием переводчиков на основные европейские языки. С другой стороны, если часть народов Севера (например, датчане) утратили свои средневековые свободы, то крымцы сохранили их в полном объеме с древнейших времен до Нового и Новейшего времени.

2. Западной Европе (т. е. и Центральной, и Южной) принадлежит честь сохранения и возрождения великих достижений античной культуры, а также появления раннесредневековых шедевров масштаба «Исповеди» Блаженного Августина. А уж на этой почве стал постепенно развиваться диалог между духовно-творческой элитой континента и его демосом, между носителями высокой и народной культуры. В результате этого процесса отложился слой плодородной почвы, из которой произросла многосложная культура Средневековья (включая проторенессанс Прованса, Сицилии и других его очагов). Однако следует признать, что многовековой этот диалог шел весьма неровно, иногда затухая и, что весьма важно — он никогда не являлся всеохватывающим, отчего огромные массы простецов таковыми и оставались до Нового времени включительно. Основную причину столь прискорбного отставания от Скандинавии и Крыма следует, по нашему мнению, отнести к прогрессирующим тенденциям социально-экономического и отчасти духовного закрепощения абсолютного большинства населения Запада.

3. Наконец, представляется, что наиболее «отстающей» в процессе средневекового культурогенеза следует признать польскую и московско-византийскую типологическую общность. Прежде всего, по причине почти полного отсутствия в этих группах диалогических контактов между более или менее развитой элитой и невежественным демосом, их почти герметичной социальной и культурной изолированности. А во-вторых, из-за непреодолимой преграды, которую воздвигали на пути зарождения и развития свободного, творческого индивидуализма, государственные власти и обе церкви, польская католическая и восточная

православная. Которые, при всех конфессиональных различиях, были одинаково заинтересованы в «особом», корпоративно-общинном пути светского культурного развития своих пасомых, стремясь всячески ограничить их свободный выбор.

Понятно, что не из-за каких-то врожденных духовно инертных особенностей славянской или греческой этнопсихологий. В Исландии, стране гениальных скальдов, в результате установления датского господства с его церковными и сельскими общинами произошло то же самое. Скальды исчезли, а простые люди забыли и их самих, и их наследие. Исландцы культурно опустились до уровня своих современников-московитов — в совершенном соответствии с изменившейся моделью жизни. И древние пергаменты с рунными текстами саг шли на портновские выкройки, пока их не начал спасать Арни Магнуссон. Но случилось это слишком поздно, в XVIII в., когда ему удалось отыскать всего-то около 2000 текстов, да и то многие в фрагментарном виде.

---

[1] *Библер В. С.* Образ Простеца и идея личности в культуре Средних веков // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 104–105.

[2] *Библер В. С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М., 1991. С. 85

[3] *Валери П.* Об искусстве. М., 1976. С.184

[4] Exempla (лат.), ед. ч. *exemplum*, буквально: «пример» — жанр средневековой латинской литературы с ярко выраженной дидактической функцией; возник как украшение в проповедях или рассуждениях, восходит к ораторской практике античности.

[5] *Фан* И. Б. Модель западноевропейского гражданина позднего Средневековья // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 54. Сер. 3. Общественные науки. Том 2. № 4. С. 44–45, 40.

[6] *Гуревич А. Я.* Индивид и социум на средневековом Западе. СПб., 2009. С. 166.

[7] О препятствиях, которые церковники совместно с королевской администрацией возводили на пути организовавшихся в сер. XIII в. в датских городах ремесленных цехов и торговых гильдий см. в: *Cedergreen Bech S.* Københavns Historie gennem 800 år / ill. af Jørgen Schou-Christensen og Jens Ole Lefèvre. København: P. Haase & Søns Forlag, 1967. S. 30.

[8] *Гуревич А. Я.* Индивид и социум. С. 185

[9] *Фан И. Б.* Модель западноевропейского гражданина. С. 35.

[10] Там же. С. 36

[11] *Гуревич А. Я.* Индивид и социум. С. 366.

[12] Там же. С. 169.

[13] *Дэвис Н.* Сердце Европы. М.-Вроцлав, 2010. С. 317.

[14] Подробнее о сущности польского сарматизма и его роли в судьбах Речи Посполитой см. в: *Возгрин В. Е.* Почему Речь Посполитая не стала (великой) балтийской державой? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Вып. 17 (1). СПб., 2015.

[15] *Дэвис Н.* Сердце Европы. С. 319, 321.

[16] *Oexle O. G.* Soziale Gruppen in der Ständgesellschaft: Lebensformen des Mittelalters und ihre hstorischen Wirkungen // Die Repräsentation der Gruppen.Texte-Bilder-Objekte. Göttingen, 1998. S. 9–44.

[17] *Каждан А. П.* Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX-XX вв. // Византийский временник. Том VI. 1953. С. 143.

[18] Там же. С. 148, 149.

[19] Там же. С. 155.

[20] Реформы Петра I: Сборник документов**.** М., 1937. С. 206.

[21] *Keller A.* Die Zünfte in Russland und die Anfänge der städtischen Selbstverwaltung // Mittelständische Wirtschaft, Handwerk und Kultur im baltischen Raum. Von der Geschichte zur Gegenwart und Zukunft. Hamburg, 2006. S. 227–231.

[22] *Гуревич А. Я.* Индивид и социум. С. 164.

[23] Цит. по: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вьельгорского. М., 1999. С. 236.

[24] *Марков Е. Л.* Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь, 1995. С. 312.

[25] Ассеб о-ссейяр, фи ахбари мулюки татар, или Семь планет в известиях о царях татарских, содержащий историю крымских ханов от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го, то есть с 871/1466 по 1150/1737 г. Сочинение *Сейида Мухаммеда Ризы*. Казань, 1832. С. XXI; *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII ст. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. С. 458–459.

[26] *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimea, the Caukasus and Georgia. Vol. I. London, 1825. P. 350.

[27] Архив востоковедов Института восточных рукописей Российской академии наук. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 71. Tarih-i Sahib Giray Han.

[28] Travels in various countries of Europa, Asia and Africa by *Edward Daniel Clarke* LL. D. Part I. Russian Tartary and Turkey. London, 1810. 580 p. P. 520.

[29] Воспоминания о Крыме кн. Е. Горчаковой. Т. I–II. М., 1883–1884. Т. 1. С. 156.

[30] *Гуревич А. Я.* Индивид и социум. С. 358.

[31] Книга путешествия. Турецкий автор *Эвлия Челеби* о Крыме (1662–1667). Симферополь, 1999. С. 38, 72.

Литература

Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика и культура. М.: Прогресс, 1991. 176 с.

Борисенко В. Н., Сидоренко Л. В. Роль фактора завоевания в оценке Славной революции 1688–1689 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2013. № 10. С. 14–24.

Валери П. Об искусстве. М.: Искусство, 1976. 623 с.

Возгрин В. Е. Почему Речь Посполитая не стала (великой) балтийской державой? // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Вып. 17 (1). СПб.: РХГА, 2016. С. 61–80.

Воспоминания о Крыме кн. Е. Горчаковой. Т. I. М.: О-во распр. полезных книг, 1883. 182 с.

Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб.: ALEXANDRIA, 2009. 496 с.

Дэвис Н. Сердце Европы. М.; Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака, 2010. С. 317.

История Дании с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

История Норвегии. М.: Наука, 1980. 710 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 426 с.

Лямина Е. Э., Самовер Н. В. Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Вьельгорского. М.: Языки русской культуры, 1999. 560 с.

Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь: Таврия, 1995. 544 с.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII ст. Одесса: Тип. А. Шульце, 1889. 252 с.

Cedergreen Bech S. Københavns Historie gennem 800 år / ill. af Jørgen Schou-Christensen og Jens Ole Lefèvre. København: P. Haase & Søns Forlag, 1967. 640 s.

Travels in various countries of Europa, Asia and Africa by *Edward Daniel Clarke* LL. D. Part I. Russian Tartary and Turkey. London: T. Cadell, 1810. 580 p.

В. Н. Барышников

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ЗНАЧЕНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ В ИЗУЧЕНИИ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ И ФОРМИРОВАНИИ СОВРЕМЕННОЙ СКАНДИНАВИСТИКИ

О проблемах изучения истории стран Северной Европы в последнее время уже написано достаточно большое количество научных статей и подготовлено немало серьезных публикаций[1]. Тем не менее, как представляется, до сих пор нет должной оценки того общего вклада российских исследователей, который был сделан прежде всего в довореволюционный период. Неслучайно, вероятно, поэтому на пленарном заседании XIV конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии, прошедшей в Архангельске в сентябре 2001 г., профессор А. С. Кан, выступая с докладом, в котором подводил определенные итоги развития изучения Скандинавских стран и Финляндии в XX в. в России, очень мало внимание уделил дореволюционной эпохе. Он ограничился рассмотрение т. н. «скандинавских штудий в царской России» лишь четырьмя абзацами[2].

Действительно, в Советском Союзе существовало устойчивое мнение о том, что в дореволюционной России историей Скандинавских государств и Финляндии практически не занимались. Известный московский профессор-скандинавист Г. А. Некрасов прямо указывал в 1960-е гг.: «В дооктябрьский период создавались преимущественно конкретно-исторические исследования по балтийскому вопросу, русско-шведским и отчасти русско-датским связям». Историк далее к тому же

подчеркнул, что «внутренняя история Скандинавских стран изучалась недостаточно»[3].

С этим представлением отчасти можно, конечно, согласиться, отметив при этом, что, безусловно, в сравнении с дореволюционным периодом в изучении истории стран Северной Европы, в СССР был сделан несравненно более ощутимый шаг вперед. Однако это случилось только лишь во второй половине XX в.

Вероятно, что произошедшие к концу столения качественные изменения до сих пор являются хорошим примером научного потенциала той эпохи, поскольку после этого за чуть меньше чем 20 лет — в 2000–2010-е гг. отечественные исследователи так и не смогли подготовить что-то подобное. Особенно это касается комплексного обобщения истории отдельных Скандинавских государств. Тем не менее во второй половине XX в. в нашей стране появились фундаментальные коллективные монографии по истории Швеции, Дании и Норвегии[4]. Единственное, что, однако, в тот период так и не удалось сделать, — это обобщающие истории Финляндии и Исландии. Тем не менее, отсутствие комплексного анализа историй обоих этих государств, которые смогли бы также, вероятно, подготовить советские исследователи, очевидно, было мотивированно различными, но достаточно понятными причинами. При этом и сейчас, в новой России, обобщающей истории Финляндии и Исландии, разработанных на высоком научном уровне современными отечественными учеными, пока тоже не создано. Так же как пока нет и новых, скажем, учебников, обобщающих всю историю стран Северной Европы[5]. Мы сейчас лишь ограничиваемся учебной литературой, которая касается отдельных аспектов истории Скандинавских стран и Финляндии[6].

В целом качественный скачок в изучении истории Скандинавских стран, который произошел во второй половине XX в., был вызван, как справедливо заметил А. С. Кан, двумя обстоятельствами. *Во-первых*, это было следствие возросшего геополитического значения для СССР Балтийского и Североевропейского регионов. А *во-вторых*, тем, как подчеркнул А. С. Кан, что это было продиктовано обстоятельством, когда «растущая историческая наука не терпела белых пятен» и «настала очередь скандинавистики»[7]. К этим положениям, однако, вероятно, следует еще добавить то, что превращение Советского Союза в сверх-

державу наложило свой отпечаток на все сферы деятельности, включая, естественно, и гуманитарную составляющую академической науки. Историки из Москвы теперь в первую очередь должны были занять ключевые позиции в изучении различных аспектов истории, включая и изучение Скандинавских стран. Перед АН СССР, и прежде всего перед московскими исследователями, таким образом, ставилась задача координировать творческие усилия советских ученых с тем, чтобы превратить академическую науку в главную направляющую инстанцию в развитии всей отечественной скандинавистики. Это, собственно, в 1950–1980 гг. стало четко наблюдаться. Единственным в этом отношении исключением оказался лишь эстонский центр скандинавистики в Тарту, который с 1956 г. начал, стараниями московского историка В. В. Похлебкина, печатать единственное в СССР периодическое издание — «Скандинавский сборник». Это важное тогда ежегодное издание практически выполняло функции объединяющегося центра для советских исследователей-скандинавистов, поскольку выходило до 1990 г. и имело, таким образом, тридцать три выпуска[8].

В результате прежний центр по изучению истории стран Северной Европы, который сложился еще в предшествующий период, до революции, в Санкт-Петербурге[9], в советское время в Ленинграде особо не восстанавливался. Более того, о нем в принципе постарались забыть.

Тем не менее многое, что было сделано отечественными исследователями-скандинавистами в XIX — нач. XX в., как представляется, заложило очень хорошие основы для будущего возрождения в нашей стране скандинавистики как науки. Об этом, вероятно, настало уже время, когда можно более четко сказать и даже определить соответствующие хронологические этапы, определяющие динамику формирования отечественной скандинавистики до советского периода.

В данном плане, очевидно, первое, что, вероятно, следует учитывать, было то, что реальный интерес к истории стран Северной Европы в России возник только лишь в XVIII в. При этом уже на исходе этого столетия можно было явно заметить наметившиеся тогда тенденции развитии общего изучения истории Скандинавии в России. Они тогда выражались, прежде всего, в наибольшем внимании к ранней истории народов стран

Северной Европы[10]. Кроме того, явно наблюдались попытки проанализировать, но пока в весьма ограниченном плане историю войн в Балтийском регионе[11].

Также тогда в России начали появляться первые обобщающие работы по истории Скандинавских стран[12]. Однако это были лишь переводные работы прежде всего скандинавских авторов, хотя, безусловно, они тоже являлись весьма важными с точки зрения оценки развития исторических исследований того времени, поскольку именно тогда эти произведения приближались к истории уже как науке[13].

Тем не менее важной особенностью данного этапа являлось то, что практически отсутствовала какая-либо отечественная научная школа, которая была бы направлена на изучение истории стран Северной Европы. Поэтому последующие оценочные утверждения некоторых советских скандинавистов в отношении дореволюционного историографического наследия могут целиком быть отнесены именно к данному, а также, несомненно, последующему за этим этапу изучения истории Скандинавских стран и Финляндии.

Следующим же этапом в становлении отечественной скандинавистики можно считать отрезок времени первой половины XIX столетия. Тогда уже ясно произошел качественный скачек в изменении отношения к изучению истории стран Северной Европы. Именно в это время четко начали появляться исследователи собственно «отечественного происхождения». Тогда же определились и первоначальные акценты в исследовательских приоритетах. Именно в этот период у российских исследователей очевидное внимание стали занимать вопросы изучения военных столкновений и, прежде всего, Русско-шведских войн XVIII–XIX вв. Причем характерной особенностью данного исследовательского интереса становилось то, что первые авторы появлявшихся тогда работ являлись либо известными военными историками, либо участниками или современниками описываемых ими событий[14].

Кроме того, именно в это время появилась первая работа по истории российско-норвежских отношений. Она принадлежала перу будущего академика Петра Григорьевича Буткова (1775—1857), который ранее некоторое время являлся чиновником по особым поручениям при финляндском генерал-губернаторе.

Собственно это назначение, а также служба в Совете Министерства внутренних дел, возможно, подвигло его к изучению сюжетов, связанных с историей взаимоотношений стран Северной Европы и России и написанию в 1837 г. объемной статьи «Три древние договора руссов с норвежцами и шведами» [15].

В целом для этого этапа характерным стало явное закладывание определенных основ отечественной скандинавистики, хотя говорить пока о том, что в России уже возникла скандинавистика как особый род знаний в области изучения истории стран Северной Европы было, очевидно, еще преждевременно. Появлявшиеся тогда работы имели явные недостатки. Они были связаны с тем, что сами эти исследования являлись весьма ограниченными в анализируемых временных рамках. Также они были локальны и по рассматриваемой тематике.

Реальное же становление отечественной скандинавистики произошло на следующем этапе изучения истории стран Северной Европы. Он хронологически охватывает вторую половину XIX — нач. XX в. Именно тогда процесс исторического осмысления, проблем прошлого стран Северной Европы явно вступил в новую фазу своего качественного развития. В то время фактически историческая скандинавистика в России начала превращаться в науку. Кроме того, стали формироваться определенные центры исследования истории Скандинавских стран. Также расширилась проблематика тем, которые тогда начали изучаться отечественными исследователями. При этом прежние приоритеты в исследовании Скандинавии сохранились, что говорило о продолжающейся тогда преемственности. Но в новых условиях к ранее разрабатываемым темам стали уже добавляться совершенно новые.

Из прежних исторических проблеем, которые продолжали исследоваться, оставались, в частности, разрабатываемые научные вопросы, касающиеся военной истории. Конкретно сохранялся интерес к истории Русско-шведских войн[16]. Но, наряду с военно-историческими вопросами все решительнее начали касаться внешнеполитических аспектов, причем рассматриваемые здесь сюжеты становились достаточно разнообразные[17]. В частности, особо стал исследоваться тогда т. н. «балтийский вопрос», который рассматривался в весьма широком плане, начиная с эпохи раннего Нового времени[18].

Одновременно стали еще издаваться книги уже весьма далекие от военной истории или истории дипломатии. Именно тогда появились первые работы, которые явно начали подходить к внутренней истории стран Северной Европы. В частности, открылось совершенно новое исследовательское направление, касающееся изучение религиозных аспектов истории Швеции и Дании[19]. С другой стороны, на рубеже кон. XIX — нач. XX столетий можно отметить еще одну историографическую особенность. Тогда, впервые в российском обществе, начали явно проявлять интерес к социально-экономическим проблемам в истории Скандинавии[20]. Появились и первые работы по проблемам изучения истории исторической науки Северных стран[21].

Объяснить данное явление только ростом научного потенциала, которое очевидно в это время наблюдался в России, вероятно, нельзя. В это время происходила заметное изменение в межгосударственном взаимодействии со Скандинавией. В частности, в российско-шведских отношениях тогда отличительной особенностью стало налаживание достаточно разнообразных коммерческо-деловых контактов. Они выражались в развитии экспорта в Россию шведских товаров, а также активное внедрение шведского капитала в российскую экономику, чему явно способствовала также наметившееся во второй половине XIX в. определенная эмиграция жителей Швеции на территорию Российской империи и особенно в Санкт-Петербург[22]. Россия стала вообще занимать 3–4-е место от всего шведского экспорта, что создавало весьма благоприятные перспективы дальнейшего экономического сотрудничества. Что же касается Дании, то, в отличие от Швеции, в Копенгагене в большей степени продолжали сохранять и развивать с Россией, прежде всего, политическое сотрудничество. Здесь важным являлось поддержание строго нейтралитета, который в отношениях к России не предполагал каких-либо отрицательных действий. Подобные нюансы межгосударственных отношении сохраняли у исследователей весьма разноплановые возможности в реализации своих научных интересов. В результате это выразилось в появлении на рубеже XIX–XX вв. тематически разнообразных работ, которые печатались, прежде всего, в журнальных изданиях. Данные статьи были направлены на изучение как

внутренней, так и внешней политики Дании. Отдельно начали рассматриваться происходившие тогда в Датском королевстве социальные и экономические процессы[23].

Кроме того, большое внимание в русской печати было уделено двум датско-прусским войнам (1848–1850 и 1864 гг.)[24]. Причем, как уже отмечалось в современных российских историогрфических изданиях, «эти работы не утратили научного значения и в наши дни». Объясняя этот парадокс, исследователи подчеркивали, что в опубликованных тога по данной проблеме работах, «помимо описания боевых действий, рассказана предыстория конфликта, а также дан анализ внутриполитической обстановки в Дании того времени»[25], что явно расширяло рамки заявленной проблемы.

Однако менее изученной оставалась история Финляндии. О ней писалось только в плоскости рассмотрения проблем европейской дипломатии и решения т. н. «балтийского вопроса». Это было тем более показательно, поскольку до этого о соседнем с Петербургской губернии крае давались лишь зарисовки преимущественно только как некого «убогого и дикого края». Все эти «традиции» не создавали более или менее стройного представления о конкретной финской истории. Как отмечали впоследствии отечественные скандинависты, популярные в XIX в. исторические сюжеты могли лишь достаточно неполно затрагивать весьма важные для истории Финляндии вопросы[26]. В данном плане представляют определенный интерес первые работы, в которых уже непосредственно стали касаться вопросов собственно истории финского народа[27]. Но в целом начавшийся тогда процесс исторического осмысления прошлого приобрел в России в большей степени публицистический или околонаучный характер. Причем это тогда относилось не только к работам, посвященным истории Финляндии. Подобный подход был характерен и для ряда сочинений, касающихся Скандинавии в целом.

Тем не менее очевидный подъем исследовательского интереса к странам Северной Европы стал совершенно новым явлением для России. Во многом это можно было также еще объяснить тем, что в тот период Скандинавские страны в глазах российской общественности становились достаточно любопытными и даже, может быть, интересными. Как отметил

профессор А. С. Кан, тогда в России «былое пренебрежение сменилось где-то в 90-х годах XIX века восхищением; увлекались самыми разными достижениями шведов и датчан, будь то в сфере молочного хозяйства, семеноводства и лесоводства, в сфере лечебной гимнастики, ручного труда в школе» и т. д.[28]. В результате в Петербурге стали обильно издаваться брошюры российских деятелей науки и культуры, в которых предпринималась попытка передать читателю свои впечатления от знакомства со Скандинавией[29]. Все это говорило о том, что интерес к Скандинавским странам и народам у широкой общественности России стремительно вырос. Что же касается научно-исторических представлений, то они по этому направлению пока еще оставались на достаточно низком исследовательском уровне.

Единственным исключением в данном случае заслуживает книга «Поездки скандинавов в Белое море», изданная в 1906 г. Эта научная работа была подготовлена профессором филологом-скандинавистом Санкт-Петербургского университета К. Ф. Тиандером (1873–1938). В книге автор постарался разобраться в древних скандинавских сагах, раскрывающих наиболее раннюю историю Норвегии, а также Исландии[30]. Тиандер, таким образом, сделал значительный шаг в научном раскрытии практически мало исследованной до этого в России темы, связанной с эпохой викингов, что свидетельствовало об уже явном нарастании в академических кругах Петербурга интереса к ранней скандинавской истории.

На рубеже конца XIX — нач. XX в. произошел все же перелом и в отношении к истории Финляндии. Причем это изменение было продиктовано сугубо политическими обстоятельствами. Дело в том, что именно тогда в России «перешли в наступление» на финляндскую автономию. Как заметил петрозаводский исследователь И. И. Кяйвяряйнен, «во второй половине 80-х годов царизм начинает производить полную переоценку ценностей по отношению к этой окраине»[31]. В результате теперь для российских властей требовалась уже организация идеологического обоснования начавшейся тогда т. н. русификации. Как следствие этого, об истории и о современном политическом положении Финляндии было издано в Петербурге небывалое до этого количество работ[32].

Появлявшиеся тогда работы, несомненно, представляют особую историографическую ценность. В этом плане, прежде всего, весьма интересным является двухтомная книга К. Ф. Ордина (1836–1892) «Покорение Финляндии»[33]. В ней он непосредственно коснулся российско-шведско-финляндских отношений, справедливо объясняя это тем, что «политические отношения России и Финляндии, бесспорно, принадлежат к числу тех предметов, о которых мы русские имеем весьма неопределенное представления»[34]. Однако к творчеству Ордина изначально присутствовало весьма критическое отношение, оценивая его труд скорее как политические произведения, содержащие доказательства проявления сугубое российского национализма царского времени. Не отбрасывая полностью присутствия в его творчестве определенных явных признаков данных тенденций, следует тем не менее признать, что проделанный Ординым труд сыграл несомненную роль в становлении российской исторической науки с точки зрения исследования отношений между Россией и Финляндией в XVIII — нач. XX в. Петербург же при этом уже твердо стал главным научным центром России по изучению истории Финляндии.

С момента издания книг К. Ф. Ордина задача раскрытия истории Финляндии и российско-шведско-финских отношений в отечественной историографии стала четко решаться с позиций «освещение финляндских дел с русской точки зрения». Это подтвердила целая серия монографий, написанных в начале XX в. еще одним русским историком М. М. Бородкиным. Этот исследователь фактически стал одним из наиболее видных историков Финляндии в России. Его перу принадлежит свыше 20 книг, а также один учебник и довольно большое число научных статей. Причем часть этих произведений им было написано под псевдонимом Г. А. Абов или С. К. Михайлов.

Что же касается научной плодовитости данного автора, то она могла вызвать лишь только восхищение. Ему удалось создать за крайне ограниченный срок — семь лет (1908–1915) весьма объемную, семитомную, историю Финляндии[35]. Аналогов этого труда в России до сих пор пока не существует[36]. Более того, работы М. М. Бородкин стали в научном смысле не только произведениями, которые выдвигали соответствующие проблемы для дальнейшего их научного осмысления, но достаточно

быстро обратились для ряда исследователей важным источником цитирования, который не редко начал еще переплетаться с элементами прямого т. н. заимствования[37].

В целом в конце XIX — нач. XX в. уже явно произошли качественные имения в изучении истории Скандинавских государств. Они выражались, прежде всего, в оформлении определенных центров по исследованию стран Северной Европы. Конкретно центры скандинавистики стали четко формироваться в трех городах Российской империи: в Санкт-Петербурге, Москве, а также в Юрьеве (Тарту). При этом большинство исследователей, которые занимались изучением истории стран Северной Европы, все же работали в Санкт-Петербурге.

Кроме того, четко расширилось разнообразие исследуемых проблем, где наряду с уже ранее разрабатываемыми темами, связанными с историей войн, стал нарастать научный интерес к проблемам внешней политики и дипломатии. К особым достижениям того времени следует отнести, прежде всего, научное рассмотрение «балтийского вопроса». Также появились исследования историографического порядка. Стали готовиться еще работы, содержание которых касалось уже чисто внутренней истории стран данного региона.

Важной особенностью в исследовании истории стран Северной Европы являлось еще то, что тогда, несомненно, произошло качественное усиления профессионализма тех историков, которые тогда начали свою исследовательскую деятельность. Особенно это относится к творчеству Форстена Г. В., Мышлаевского А. З., Майкова Л. Н., Брикнера А. Г. Также стали готовиться обобщающие работы по истории Северной Европы. Хотя это пока относилось исключительно только к истории Финляндии (Ордин К. Ф., Бородкин М. М.).

В результате можно твердо говорить о том, что еще в дореволюционной русской историографии четко обозначились основные приоритеты в изучении истории Скандинавских стран и Финляндии. При этом было очевидно, что петербургский центр скандинавистов фактически заложил первые основы для формирования мощной российской школы в изучении истории стран Северной Европы. Однако итоги революции 1917 г., а затем и Гражданской войны пагубно повлияли на развитие скандинавистики. Научная работа по исследованию истории Скан-

динавских стран и Финляндия подошла тогда к своему новому рубежу, который, как справедливо заметил профессор А. С. Кан, привел уже на долгие годы «к практическому исчезновению»[38] изучения истории Скандинавии в России.

---

[1] *Барышников В. Н.* Русский исследователь М. М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007. С. 51–62; *Барышников В. Н.* Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148; *Барышников В. Н.* Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим, 2012. С. 42–55; *Барышников В. Н.* Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013. С. 12–24; *Барышников В. Н., Возгрин В. Е.* У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. № 10 (106). 2015. С. 227–231; *Барышников В. Н., Даудов А. Х.* Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С.172–190; *Барышников В. Н.* Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. № 7 P. 99–121; *Барышников Н. И.* О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002; *Беспятых Ю. Н.* Шаскольский Игорь Павлович // Морской энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 395; *Возгрин В. Е.* Балтийский мир — результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257; *Возгрин В. Е.* История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим, 2012. С. 55–65; *Возгрин В. Е.* Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 5–7; *Выскочков Л. В.* Михаил Михайлович Бородкин — историк, публицист, государственный и общественный деятель // Бородкин М. М. История Финляндии. Т. II. СПб., 2016. С. 329–267; *Доценко В. Д.* Шаскольский Игорь Павлович // Морской биографический словарь. СПб., 1995. С. 441; *Коваленко Г. М.* Герман Андреевич Замятин (1882–1953) // Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008 и др.

[2] См.: *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 5.

[3] *Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968 С. 12.

[4] История Швеции. М., 1974; История Дании с древнейших времен до XX века. М., 1996; История Дании. XX век. М., 1998; История Норвегии. М., 1980.

[5] Последний вышел в 1980 г. См.: *Кан А. С.* История Скандинавских стран. М., 1980.

[6] См., например: *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999; *Возгрин В. Е.* История Шведской и Датской колониальных империй. СПб., 2011; *Барышников В. Н.* Россия и страны Северной Европы. Ч. I. От Средних веков к Новому времени. СПб., 2013; *Барышников В. Н.* Россия и страны Северной Европы. Ч. II. Новейшее время. СПб., 2014 и др.

[7] *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги. С. 7.

[8] См.: Скандинавский сборник — Annales.info — Режим доступа: http://annales.info/sbo/contens/skand.htm#32 (дата обращения: 16.04.2017).

[9] См.: *Барышников В. Н.* Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. С. 42–55; *Барышников В. Н., Даудов А. Х.* Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.). С. 172–190; *Барышников В. Н.* Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.). Р. 99–121; *Pochljobkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // Scandinavica, I. Cambridge, 1962. P. 89–114; *Pochljobkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // Scandinavica, Vol. 5. N 1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

[10] *Байер З. [Bayer B.] Dissertatio de Varagis. СПб., 1747; Шлёцер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А. Шлецером. СПб., 1809; Слово о начале и переменах российских законов... в публичном собрании Санкт-Петербурга Императорской академии наук говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и переведенное российской язык Семеном Нарышкиным. СПб., 1756. См. также: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II.; *Крузе Ф.* О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 1. С. 43–75; *Крузе Ф.* О первом вторжении южных ютландцев в Россию // Журнал Министерства народного просвещения. № 6. С. 513–517.

[11] Журнал или Поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Ч.1. СПб., 1770.

[12] История Датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский. СПб., 1765–1766. Ч. 1–2; *Далин О.* Истории Шведского государства. Ч. I–IV. СПб., 1805–1807. См. также: *Малле П. А.* Введение в историю датскую, в которой рассуждается о вере, законах, нравах и обыкновениях древних датчан. СПб., 1785. Ч. 1–2; *Малле П. А.* Датская история... переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым. СПб., 1777–1786. Т. 1–4; *Лакомб Ж.* Краткая летопись о Северной истории или о государствах Датском, Российском, Шведском [Польском, Прусском, Курландском и проч. и проч. с особенными примечаниями на умоначертание, нравы

и обычаи сих народов, на свойство и естественныя произведения их климатов, с присовокуплением краткаго историческаго описания о лопарях, татарах, козаках, о военных орденах тевтонических и лифляндских кавалеров; и росписи о ученых и знаменитых мужах, о митрополитах, патриархах российских, о архиепископствах и епископствах польских, о владетелях современных, и проч. и проч. сочиненная г. Лакомбом]. Ч. 1 (Датская история). СПб., 1794.

[13] *Кан А. С.* Шведская историография // История Швеции. М., 1974. С. 10.

[14] *Михайловский-Данилевский.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841; *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швециею в 1808 и 1809 гг. СПб., 1832; *Меморский М. Ф.* Англичане в Дании, или Действие настоящей войны. М., 1807.

[15] *Бутков П.* Три древние договора руссов с норвежцами и шведами // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Кн. 2.

[16] *Шпилевская Н. С.* Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859; *Брикнер А. Г.* Война России со Швецией в 1788–1790 гг. СПб., 1869; Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы гос. архива). СПб., 1893; *Мышлаевский А. З.* Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб., 1896; Военно-исторический отдел Шведского генерального штаба. Шведская война 1808—1809 гг. Ч. 1–3. СПб., 1906–1909; *Ниве П.* А. Русско-шведская война 1808–1809 гг. СПб., 1910.

[17] Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709—1711) извлек из Копенгагенского Государственного Архива и перевел с датского Ю. Н. Щербачев. М., 1899; *Злобин К. К.* Дипломатические сношения между Россиею и Швециею в первые годы царствования императора Александра Перваго до присоединения Финляндии к России // Сборник императорскаго Русскаго историческаго общества. СПб., 1868. Т. 2.

[18] *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1, 2. СПб., 1893–1894; *Полиевктов М. А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб., 1907; *Замятин Г. А.* Россия и Швеция в начале XVII в. Очерки военно-политической истории. СПб., 2008 (посмертное издание).

[19] *Дементьев Г.* Введение реформации в Швеции. СПб., 1892; *Дементьев Г. А.* Введение реформации в Дании. СПб., 1900.

[20] *Берендтс Э. Н.* Государственное хозяйство Швеции. Ч. 1–2. СПб., 1890, 1892; *Брикнер А. Г.* Медные деньги в Росси 1656–1663 и денежные знаки в Швеции 1716–1719. СПб., 1864.

[21] Очерк жизни и трудов шведского историка Густава Гейера / Пер. со швед. Н. С. Шпилевской. СПб., 1859.

[22] См.: Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998; *Янгфельдт Б.* Шведские пути в Санкт-Петербург. Стокгольм; СПб., 2003.

[23] *Ивановский И.* О правах Дании на Зундский и Белтский проливы, преимущественно в отношении со рания пошлин. СПб., 1848; *Джунковский С. С.* Политика Дании при Фредерике VII: Из записок очевидца; 1855–1861 гг. // Вестник Европы. 1866. Т. 4. С. 303–324; Борьба парламента с правительство современной Дании // Дело. 1887. № 1. Отд. 2. С. 1–36; *Тиандер К.* Заметки о современной Дании. Современный мир. 1911. № 11. С. 255—272; *Тиандер К.* Главные моменты развития скандинавизма // Голос минувшего. 1915. № 7—8. С. 5—23; *Шебеко Н.* Датские

экспортные фирмы в Сибири // Сборник консульских донесений. СПб., 1902. № 2. С. 112–115; *Ланге Х. К.* Скандинавские государства и Россия // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 316–330; *М. Б.* Профессиональное движение в Дании с 1871 г. // Профессиональный вестник. 1907. № 15. С. 4—6; 1900. № 19. С. 11—12; *Блем М.* Кооперативные общества в Дании // Народное хозяйство. 1901. № 1. С. 93- 102; *Барановский С. И.* Быт крестьян в Дании // Отечественные зап. 1858. Т. 119. С. 669—710; *Барановский С. И.* Быт крестьян в Дании // Журнал сельского хозяйства. 1860. Т. 2. С. 1–46; *Крюков Н. А.* Дания. Сельское хозяйство в Дании в связи с общим развитием страны. СПб., 1899; *Каратыгин Е. С.* В стране крестьянских товариществ: Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. 1913; *Вавилова Е. Н.* Отчего датские крестьяне стали хорошо жить: Очерк из истории Европы в 19 веке. М., 1917 и др.

[24] Война в Дании в 1849–1850 годах // Военный журнал. 1851. № 4. С. 25–56; *Акунин Н.* Очерк датской войны 1864 года. С картою театра военных действий. СПб., 1865; *Чудовский В. Н.* Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года. СПб., 1866; *Чудовский В. Н.* Шлезвиг-гольштинская война 1864 г. СПб., 1870; *Блом М. О.* Война 1864 года в Дании. СПб., 1895 и др.

[25] История Дании с древнейших времен до начала XX века. С. 423.

[26] См.: *Кан А. С.* Историк Г. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 51.

[27] *Майков Л. Н.* О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: Die Kulturworter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der alteren Kulturgeschichte der Finnen. (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб., 1877.

[28] *Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. М., 297.

[29] *Грот Я. К.* Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. СПб., 1874; *Коптев А.* Путевые заметки по Швеции и Норвегии в 1892 г. СПб., 1893; [*Краевский Д.*] Беглые заметки туриста о Швеции и Норвегии. СПб., 1891; *Пуцыкович Ф. Ф.* Скандинавы. СПб., 1897; *Водовозова Е. Н.* Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб., 1889; *Богданович Т. А.* Страна, правительство и народ Швеции. СПб., 1906 и др.

[30] *Тиандер К. Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

[31] *Кяйвяряйнен И. И.* Международные отношения на севере Европы в начале XIX века и присоединение Финляндии к России в 1809 году. С. 11.

[32] *Головин.* Листки из настоящего и прошлого Финляндии. СПб., 1891; Финляндия. СПб., 1898; *Сергеевский Н. Д.* К вопросу о коренных законах в. к. Финляндского. СПб., 1899; *Головинский М. В., Ядрышев Н. К.* История финского народа. СПб., 1901; *Бородкин М.* Финляндия в русской печати: Материалы для библиографии. СПб., 1902; *Бородкин М. М.* Финляндский вопрос. СПб., 1905; *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Краткая история Финляндии. СПб., 1911; *Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809—1909). СПб., 1911 и др.

[33] *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II.

[34] Там же. Т. I. С. VII.

[35] *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Петра Великого. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб.,

1909; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб., 1908; *Бородкин М. М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрикова. СПб., 1905.

[36] Спустя столетие книги М. М. Бороткина начали опять переиздаваться в России. См.: *Бороткин М. М.* История Финляндии. Кн. 1–2. СПб., 2016.

[37] См.: *Тельпуховский Б. С.* Северная война 170–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.

[38] *Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003 С. 6.

Литература

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С.172–190.

Барышников Н. И. О геополитических аспектах в исследовании Европейского Севера В. В. Похлебкина (1923–2000) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002. С. 137–141.

Блом М. О. Война 1864 года в Дании. СПб.: Воен. тип., 1895. 485 с.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2017. 248 с.

Возгрин В. Е. Балтийский мир — результаты и перспективы научных исследований // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2013. № 14. С. 236–257.

Возгрин В. Е. История Шведской и Датской колониальных империй. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 262 с.

Возгрин В. Е. История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим: Издательство «Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова», 2012. С. 55–65.

Возгрин В. Е. Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб., 2009. С. 5–7.

Война в Дании в 1849–1850 годах // Военный журнал. 1851. № 4. С. 25–56.

Выскочков Л. В. Михаил Михайлович Бородкин — историк, публицист, государственный и общественный деятель // Бородкин М. М. История Финляндии. Кн. 2. СПб.: Наука, 2016. С. 329–267.

Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII в.: Очерки военно-политической истории. СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2008. 494 с.

История Дании с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

История Дании. XX век. М.: Наука, 1998. 379 с.

История Норвегии. М.: Наука, 1980. 710 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 426 с.

Кан А. С. Историк Г. Форстен и наука его времени. М.: Наука, 1979. 179 с.

Кан А. С. История Скандинавских стран. М. Высшая школа, 1980. 311 с.

Кан А. С. Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. М., 2003. С. 3–37.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Издательство: РГГУ, 1999. 359 с.

Крузе Ф. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // Журнал Министерства народного просвещения. 1836. № 1. С. 43–75.

Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 615 с.

Ланге Х. К. Скандинавские государства и Россия // Вестник Европы. 1914. № 6. С. 316–330.

Некрасов Г. А. Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР // Скандинавский сборник. XIII. Таллинн, 1968. С. 11–35.

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М.: «Весь мир», 2017. 708 с.

Тиандер К. Главные моменты развития скандинавизма // Голос минувшего. 1915. № 7–8. С. 5–23.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1 СПб.: Типография В. С. Балашева и К°, 1893. 717 с.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 2 СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1894. 630 с.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки; СПб.: Руслания, Европейский дом, 2013. 336 с.

Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // Scandinavica, I. Cambridge, 1962. P. 89–114.

Pochljobkin W. W. The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // Scandinavica. Vol. 5. N 1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова

«ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВЫБОРГСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА» (1786) ИЗ СОБРАНИЯ ВОРОНЦОВЫХ

Политические и военные конфликты осложняли отношения России и Швеции на протяжении всего XVIII века. В связи с этим русское правительство уделяло особое внимание развитию и административному управлению Выборгской провинции (губернии), образованной на завоеванных русским оружием в годы правления Петра I и Елизаветы Петровны землях шведской короны.

К концу Северной войны (1700–1721) Петр I утвердился в мысли о необходимости сохранить Выборг и Кексгольм с уездами в составе России. Несмотря на настойчивые требования шведов на Аландском конгрессе (1718–1719) вернуть Выборг и другие завоеванные территории[1], за несколько месяцев до завершения переговоров царь подписал указ об образовании в составе Санкт-Петербургской губернии Выборгской провинции, включавшей Выборгский и Кексгольмский уезды. Создание этой провинции стало частью административной реформы 1719 г., охватившей территорию всего государства[2]. Война со Швецией 1741–1743 гг. принесла России очередные территориальные приобретения: части Кюменегорского и Нейшлотского ленов с крепостями Фридрихсгам, Вильманстранд и Нейшлот. Эти крепости вошли в систему обороны столицы. 14 января 1744 г. Елизавета Петровна подписала указ об учреждении Выборгской губернии, объединившей одноименную провинцию и завоеванные земли[3].

В 1783 г. Выборгскую губернию преобразовали в наместничество. Вместо упраздненных трех провинций (Выборгской, Кексгольмской и Кюменегородской) было сформировано шесть уездов. 21 января 1784 г. состоялось торжественное открытие наместнического правления.

Общероссийские губернские, городские и судебные учреждения, введенные на основании «Учреждений для управления губерний» и Городового положения, сблизили устройство Старой Финляндии[4] с другими административно-территориальными единицами Российской империи. Вместе с тем языком официального делопроизводства вместо шведского стал не русский, а немецкий язык. Центральным административно-судебным органом для наместничества, как и для Остзейских губерний, была Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. Высшим должностным лицом являлся наместник (генерал-губернатор), которому подчинялись расположенные на территории Финляндии войска. Хозяйственные дела находились в компетенции правителя наместничества (губернатора)[5]. Наместничество просуществовало до конца царствования Екатерины Великой. В 1796 г. ее преемник на российском престоле Павел I указал сформировать Выборгскую губернию (в 1802 г. она была переименована в Финляндскую)[6].

Фактически до конца XVIII в. население Старой Финляндии пользовалось исключительными льготами при налогообложении. Общероссийских ревизий здесь не проводилось до 1780-х гг.[7] Специфику в положении этих земель показала уже I ревизия, которую провели в Выборгской провинции в 1727–1728 гг., то есть на восемь лет позднее, чем в других регионах. Она учла государственные и помещичьи дворы и лиц мужского пола, в них проживавших[8]. Однако единицей налогообложения остались крестьянские хозяйства, с которых взимался денежный оброк, соответствовавший доходу с земли[9]. Особый статус Старой Финляндии проявился во время генерального межевания второй половины XVIII века.

Начавшееся в России в 1766 г. генеральное межевание было всеимперским мероприятием и обязательным для землевладельцев. Оно сопровождалось изучением хозяйственного состояния страны. Все подлинные топографические планы вместе с межевыми книгами содержали сведения полевых журналов и эконо-

мические примечания к ним, сведения о формах податей и налогообложения (барщина, оброк и т. п.), экономико-географические данные о качестве земель и лесов, о промыслах и промышленных предприятиях, о разных памятных местах (курганах, пещерах и т. п.). Происходившие на имперских окраинах процессы межевания земель учитывали особенности местного землевладения.

В Выборгском наместничестве обмеры земли стали проводить только в конце столетия. Мероприятия охватили не все уезды и затронули только некоторые поземельные владения, например земли государственных крестьян. Межевание проводилось по дачам (манталам), под которыми понимались земли одного или нескольких владельцев, составлявшие неразобщенный округ селения или пустоши определенного названия. В случае спорных дел использовались данные, зафиксированные в более ранних межевых документах — грамотах, а также в окладных, межевых и других книгах. Процесс обмера и оформления документов на землю в наместничестве (губернии) затянулся более чем на сто лет.

Составление топографических описаний наместничеств и губерний вслед за генеральным межеванием являлось частью общероссийских государственных мероприятий по учету и изучению ресурсов России. Они были направлены на получение максимально подробных и точных сведений по истории городов, местной географии, населению, хозяйству, религиозным верованиям. До наших дней не сохранилось указа, определявшего составление описаний и их обязательное содержание[10]. По-видимому, впервые они упоминаются в постановлении Правительствующего Сената от 1 ноября 1777 г., содержавшем рекомендацию начать составление топографических описаний губерний по примеру московского и воронежского губернаторов. По данным Н. Л. Рубинштейна, после этого постановления появилось еще три описания губерний в новых границах[11]. Указ Правительствующего Сената от 15 марта 1783 г. «О составлении генеральных атласов по обмежеванным губерниям»[12], а также разработка в Кабинете Екатерины II и распространение особой анкеты[13] способствовали составлению топографических описаний губерний и наместничеств. Анкета содержала 61 вопрос — программу будущих топографических описаний городов, губерний и уездов.

По-видимому, составление описаний поручалось чиновникам местных учреждений, которые, как правило, действовали под руководством губернаторов[14]. Предположительно именно так велась работа над созданием описания Выборгского наместничества, рукописные экземпляры которого заверены подписью Карла Гинцеля (Carl von Giinzel). Надо полагать, что именно он в качестве правителя (губернатора) наместничества возглавил работы по подготовке описания[15]. Выходец из лифляндских дворян Карл Христианович фон Гинцель (1741 — после 1794) сделал успешную военную карьеру. В 1756 г. он поступил кадетом в бомбардирскую роту в лейб-гвардии Преображенский полк, участвовал в Семилетней (1756–1763) и Русско-турецкой (1768–1774) войнах. В 1782–1783 гг. он в звании генерал-майора состоял при Эстляндской, а в 1784–1787 гг. — при 1-й Петербургской дивизиях. 21 апреля 1787 г. К. Х. Гинцель был произведен в генерал-поручики с назначением правителем Выборгского наместничества и занимал эту должность до 1793 г.[16]

В настоящее время материалы топографических описаний наместничеств и губерний хранятся по преимуществу в фонде Военно-ученого архива (ф. 846) РГВИА[17]. В том же фонде отложились описания и картографические материалы на русском и немецком языке по Выборгскому наместничеству (1786–1789).[18] Вторым после РГВИА местом по числу хранящихся в нем описаний губерний и наместничеств, является Архив СПбИИ РАН, где в фонде Воронцовых (ф. 36) хранятся копии топографического описания Выборгского наместничества на немецком и на русском языках[19] (см. табл. 1).

Обе копии из собрания СПбИИ РАН были сделаны в конце XVIII в. для будущего канцлера Александра Романовича Воронцова (1741–1805), который в 1773–1794 гг. являлся президентом Коммерц-коллегии и членом Комиссии о коммерции. После назначения сенатором в 1779 г. он активно участвовал в сенаторских ревизиях — с 1784 по 1787 г. Среди обследованных им 30 губерний и наместничеств империи было и Выборгское наместничество[20].

Структура топографического описания Выборгского наместничества в целом соответствует правительственной губернской анкете 1783 г.[21] Оно разделено на три части («отделения»): описания наместничества, городов и уездов. Однако формулировки

некоторых вопросов заменили на более подходящие для передачи специфики описываемых территорий. Например, в первом разделе вопрос «Есть ли между оных раскольники и иноверцы, какой секты...» (№ 19) заменен на «Не находятся ли в сем наместничестве обыватели других религий?»[22].

В первом отделении описание велось по 25 позициям, в числе которых были пункты о географической долготе и широте наместничества, его границах, дате учреждения и другие. Второе отделение, посвященное описанию городов, объединило информацию о Выборге, Сердоболе, Кексгольме, Нейшлоте, Вильманстранде и Фридрихсгаме. О каждом из городов собирались данные по 16 пунктам: о географическом положении города, его удаленности от столицы и соседних городов и прочем. Наконец, в третьем отделении помещались сведения об уездах шести названных городов. Описания уездов состояли из 20 пунктов: о границах уезда, землях в нем, лесах, пашнях, лугах и прочем (см. табл. 2).

Наряду с раскрытием информации исключительно статистического характера о числе жителей в наместничестве и размере возложенных на них податей в топографическом описании содержатся яркие и порой кажущиеся неправдоподобными сведения о Старой Финляндии. Среди них данные о нескольких поселениях, расположенных вблизи государственной границы и не включенных в состав земель ни одного из государств. Отвечая на второй вопрос первого отделения, составители описания привели детальнейшую характеристику границ территориальной единицы. В этой части повествования объединены данные о государственной границе и информация о границах между Выборгским и Олонецким наместничествами, а также Санкт-Петербургской губернией.

При описании отдельных участков границы составители особое внимание уделили той ее части, что проходила в 20 верстах от Нейшлота: «...еще не обмежевана и потому по обеим сторонам упомянутаго города остались на 15 верст длины, и на 4 версты ширины спорныя земли, на которых находится 29 хуторов (гейматов), коих жители не принадлежа ни к Российской, ниже к Шведской державе, и с 1743-го года ни той, ниже другой короне не платя никаких податей, живут почти в естественном состоянии и без гражданскаго начальства, кроме только что

Таблица 1. ***«Топографическое описание Выборгского наместничества 1786 г.» в собраниях РГВИА и Архива СПбИИ РАН***

РГВИА		Архив СПбИИ РАН	
Ф. 846. Оп. 16. Д. 18680. Ч. 1.	«Топографическое описание Выборгской губернии (*так!*). Сост. Гинцель». На рус. яз. 1786—1789 гг. 117 л.	Ф. 36. Оп. 1. Д. 501.	«Топографическое описание Выборгского наместничества». На рус. яз. 1786 г. 128 л.
Там же. Ч. 2.	То же. На нем. яз. 1786—1789 гг. 89 л., 2 карты: 1. «Карта наместничества с указанием тех мест, с которыми оно граничит, а также гербами, написанными на полях: Выборга, Фридриксгама, Вильманстранда, Нишлота, Кексгольма, Сортавалы»; 2. «Чертеж водяного падения по реке Воксе от самого ея истоку из озера Саймы до порогу Иматра, сочинен в Выбургской межевой конторе 1786-го году».	Там же. Д. 501.	«Топографическое описание Выборгской губернии» (*так!*). На нем. яз. 1786 г. 138 л., карта: «Charte uber den Wasserfall im Wuoxstrohme...» (Карта водяного падения по реке Воксе)
Там же. Ч. 2а.	То же. На нем. яз. 1786—1789 гг. 168 л. Копия (без карт).		
Там же. Ч. 3.	«Описание рек и озер Выборгской губернии». На нем. яз. 1786—1789 гг. 10 л.		

поныне за некоторыя учиненныя преступления судимы бывают составляемым из подданных обеих государств судом»[23].

Исследователям, которые специализируются на истории социальных групп, проживавших в зоне приграничья в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, хорошо знаком описываемый феномен — вакуум власти в регионах, удаленных от

Таблица 2. ***Структура «Топографического описания Выборгского наместничества 1786 г.» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 501)***

Отделение первое: О Выборгском наместничестве вообще	1. Географическая долгота и широта сего наместничества
	2. Границы оного
	3. Когда сие наместничество открыто
	4. На сколько уездов оно разделено
	5. Из каких уездов оно прежде состояло
	6. Какие города вновь заведены и какие без уезда остались
	7. Естественное свойство земли
	8. Достопамятные годы
	9. О лесах
	10. О степях и болотах
	11. О достопамятнейших реках
	12. О больших озерах
	13. О минеральных водах
	14. О климате сего наместничества
	15. О почтовых дорогах и почтовых лошадях
	16. О разных родах хлеба и о жатве
	17. Естественная история о зверях и птицах
	18. О религии жителей и духовной расправе
	19. Не находятся ли сем наместничестве обыватели других религий
	20. О светских судебных местах сего наместничества
	21. Какими нациями сия земля населяема
	22. О числе народа в сем наместничестве по последней ревизии
	23. Число городов, деревень и гейматов
	24. О поверхностном содержании и пропорции пахотной земли к неплодоносной в сем наместничестве
	25. О государственных доходах в сем наместничестве и по каким законам или указам взымаются оныя
Второе отделение: О городах сего наместничества	1. Описание губернского города Выборга: 1) Под которым градусом долготы и широты он лежит 2) Расстояние оного от столицы и других соседних губернских городов 3) Положение оного города 4) Окрестные места около оного 5) Грунт земной, тако ж длина, ширина, окружность и фигура оного 6) Из каких частей он состоит и в которой части больше строения находится

Второе отделение: О городах сего наместничества	7) Герб оного и от кого он сей герб получил 8) Основание сего города и о первых обитателях оного 9) Повествование об оном 10) О крепостных укреплениях, достопамятных зданиях и о числе домов 11) Сколько церковных приходов в сем городе и какие духовные и церковные служители при оных состоят 12) О жителях города 13) О торговле и промыслых 14) О ярмонках 15) О фабриках и заводах 16) Откуда съестные припасы привозимы бывают
	2. Описание уездного города Сердоболя: (далее описание городов дано по тем же 16 пунктам, что и описание Выборга)
	3. Описание уездного города Кексгольма
	4. Описание уездного города Нейшлота
	5. Описание уездного города Вильманстранда
	6. Описание уездного города Фридрихсгама
Третье отделение: Об уездах Выборгского наместничества	1. Описание Выборгского уезда: 1) Границы, длина и ширина оного 2) Положение земли 3) Свойство земли 4) О земледельческих орудиях, о земледелии и ином туда относящемся 5) О лесах, пашнях и лугах 6) О находящихся здесь озерах 7) О реках 8) О достопамятных местах 9) О монастырях и пустынях 10) Сколько обретается здесь кирхшпилей, духовенства и церковников 11) О числе дворянских мыз, гейматов, деревень и проч. 12) О числе людей 13) О заводах, фабриках, пильных и хлебных мельницах 14) Сколько земли каждого рода в сем уезде находится 15) О ярмонках 16) Об упражнениях жителей 17) О деревах, об употребляемых для лечения и крашения травах, о зверях, птицах и насекомых 18) О нравах, обрядах и одежде жителей сего уезда 19) О метальных или минеральных заводах 20) О мраморе и каменных ломках
	2. Описание Сердобольского уезда: (далее описание уездов дано по тем же 20 пунктам, что и описание Выборгкого уезда)

Третье отделение: Об уездах Выборгского наместничества	3. Описание Кексгольмского уезда
	4. Описание Нейшлотского уезда
	5. Описание Вильманстрандского уезда
	6. Описание Фридрихсгамского уезда

административных центров по обе стороны границы. Описанная ситуация на нейшлотском участке границы указывает на ограниченность возможностей российских властей для установления контроля за жизнью местных общин даже через сорок лет после подписания Абоского мирного договора (1743).

При характеристике «Топографического описания» необходимо отметить живой рассказ составителей о легендах и сказаниях Старой Финляндии. Однако в отдельных параграфах литературное повествование уступает место критическому разбору исторических источников. Так, авторы предприняли попытку анализа грамоты о даровании городских привилегий Выборгу. Датой основания Выборгской крепости принято считать 1293 г. Именно эта дата указана в описании: «По завоевании Карелии шведским имперским настоятелем Торкилем Кнутсоном в 1692-м году[24] во время малолетства шведскаго короля Биргера, заложен был в следующем году означенным настоятелем замок Выборгской»[25]. Но наряду с 1293 г. в работе упомянуты иные датировки и их основания. Например, «ранее 1103 г.» была датирована королевская грамота, хранившаяся в Выборгском Магистрате и подтверждавшая привилегии Выборга, дарованные городу до 1103 г.[26] Авторы описания путем сопоставления имен королей, титулатур и дат их правлений доказали, что грамота могла быть отпущена только в 1403 г.[27]

Изучив описание 1786 г., можно прийти к определенным заключениям об источниках, которые использовали его составители. Среди них, безусловно, были материалы ревизий, проводившихся властями после включения региона в состав Российского государства. В основу повествования о городах и крепостях Старой Финляндии были положены данные шведских источников. В этом отношении показателен рассказ об основании Кексгольма и его первых жителях: «Крепость купно с городом основаны вскоре по завоевании в 1293-м году Карелии

имперским настоятелем Торкис Кунтсоном во время малолетства шведскаго короля Биргера, а именно в 1295-м году. Первые обитатели сего города были карельские чухны, но несколько лет спустя по основании онаго, когда город под Российскую пришел державу, поселились в нем также россияне»[28]. Как следует из приведенной цитаты, составители описания исключили из повествования всякое упоминание о Новгородской республике, ее соперничестве со Швецией и попытках новгородцев закрепить свою власть над карельскими землями[29].

В «Топографическом описании» содержится традиционный для шведского историописания рассказ об основании рыцарями короля крепостей на окраинных землях, но не обоснование справедливости притязаний Петра Великого на эти территории и его наследственного права на «землю отчич и дедич»[30]. По-видимому, данные части описания принадлежат перу человека, воспитанного в шведской культурной традиции и незнакомого с российским нарративом. В подобной двойственности анализируемой рукописи, надо полагать, заключается своеобразие описания пограничных земель. Составителям описания, большинство из которых, по всей вероятности, происходило из семей иноземцев, по-видимому, нелегко было вести повествование в едином стиле, неуклонно придерживаясь концепции о принадлежности карельских земель российским государям по праву родового наследования.

В заключение важно отметить, что «Топографическое описание Выборгского наместничества», содержащее сведения по истории, географии, этнографии, археологии в полной мере отразило специфику пограничного региона Российской империи конца XVIII в.

---

[1] *Фейгина С. А.* Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 222–225.

[2] Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Т. 5 (1715–1719). № 3380. С. 701–710.

[3] Там же. Т. 12 (1744–1748). № 8856. С. 5–7.

[4] Термин «Gamla Finland» (Старая Финляндия) широко используется в шведской и финляндской историографии, а также российской дореволюционной историографии для обозначения земель, потерянных шведской короной в 1721 и 1743 гг. Он использовался для противопоставления перешедшей России части

Финляндии территории, остававшейся до 1809 г. в составе Швеции и получившей в историографии наименование «Nya Finland» (Новой Финляндии) или «Svenska Finland» (Шведской Финляндии).

[5] С 1791 г. выборгский губернатор совмещал полномочия высшего военного и гражданского руководителя наместничества.

[6] ПСЗ. Т. 24 (6 ноября 1696–1698). № 17 634. С. 229–230; Т. 27 (1802–1803). № 20 552. С. 397.

[7] *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990. С. 11.

[8] РГАДА. Ф. 248. Оп. 19. Д. 1243. Л. 1–4.

[9] *Бобович И. М.* Правительственное регулирование земельно-правовых отношений и крестьянские волнения в Выборгской губернии // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 152.

[10] *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31: История географических знаний и историческая география СССР. С. 52, 56.

[11] *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века... С. 54. Вначале единой схемы описания не существовало. В губернии посылались анкеты с различными пунктами, касавшимися в основном вопросов физической географии, топографии и экономики. На основании самых первых анкет были составлены описания Московской и Тульской губерний.

[12] ПСЗ. Т. 21 (1781–1783). № 15688. С. 883. Образцом для составления генеральных атласов и описаний должен был стать «Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов...» (СПб., 1782).

[13] *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века... С. 59.

[14] Так, в Ярославском наместничестве организация историко-географических-топографических описаний была связана с деятельностью наместника А. П. Мельгунова, который опирался на своих единомышленников — краеведов, деятелей культуры и церкви (*Севастьянова А. А.* Топографические описания // http://www.yaroslavskiy-kray.com/157/topograficheskie-opisaniya.html. Дата обращения: 20.11.2017).

[15] Начальствующим над Выборгским наместничеством в 1786–1791 гг. был генерал-аншеф Яков Александрович Брюс (1732–1791), который в те же годы занимал должность петербургского генерал-губернатора.

[16] *Александрович Е.* Гинцель Карл Крестьянович (Христианович) фон // Русский биографический словарь. М., 1916. Том «Герберский — Гогенлоэ». С. 223–224. По другим данным, в 1785—1787 гг. К. Х. Гинцель состоял в должности правителя наместничества.

Среди опубликованных источников имя К. Х. Гинцеля встречается в переписке Екатерины II и графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, главнокомандующего русской армией в войне со Швецией 1788–1790 гг., а также Екатерины II и генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потемкина. В обоих случаях речь идет об участии К. Х. Гинцеля в событиях Русско-шведской войны. Причем из текста писем можно сделать вывод о высоком доверии императрицы к выборгскому губернатору. Так, письмо Екатерины II на имя

В. П. Мусина-Пушкина, предположительно датируемое 15 июля 1788 г., содержит рекомендацию императрицы заменить генерал-поручика Василия Ивановича Левашева, командовавшего обороной Фридрихсгамской крепости, К. Х. Гинцелем. В ночь с 11 на 12 июля 1788 г. крепость подверглась обстрелу со стороны шведов и В. И. Левашев выступил с предложением оставить Фридрихсгам: «по причине множества деревянного строения, которое неприятель бомбардированием зажечь может» (Екатерина II во время войны с Швециею. Письма и повеления графу В. П. Мусину-Пушкину, 1788–1789 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 560). Императрица не только отказалась рассматривать инициативу В. И. Левашева, но и поделилась с В. П. Мусиным-Пушкиным сомнениями: «Из двух пушек осадных выстрелено по Фридрихсгам, от сего еще Левашеву робеть ничего, но моя тайная мысля есть, что Гинцель в Фридрихсгам полезнее быть мог, нежели Левашев» (Там же. С. 568). Замены не произошло, но К. Х. Гинцель, по-видимому, продолжал оставаться активным участником событий, развернувшихся в регионе, в том числе секретных переговоров с офицерами шведской армии.

Эти переговоры были частью плана генерал-майора Георга Магнуса Спренгтпортена о подготовке военными восстания с целью отделения Финляндии от Швеции. В феврале—марте 1789 г. Г. А. Потемкин сообщил Екатерине II о выделении средств В. П. Мусину-Пушкину и К. Х. Гинцелю на подкуп офицеров шведской армии: «Денег на всякий случай тысячу червонных дать Спренгпорт[ену] и две — Пушкину для нужного употребления, из которых Гинзелю теперь тысячу. По переговоре сем увидеть можно, куда клонится дело, и тут уже живо вести, не жалевши» (Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / Подгот. изд., ст., примеч. В. С. Лопатина / Отв. ред. С. Г. Десятсков. М., 1997. № 924). Следовательно, К. Х. Гинцель являлся одним из участников и возможных исполнителей фантастического замысла Г. М. Спренгпортена по созданию Финляндского государства под покровительством России.

[17] Отдельные рукописи также отложились в фондах и коллекциях других архивах и библиотек. См: *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века... Прилож. 2. С. 88–89; *Цветков М. А.* Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. Сб. 31. С. 106–107.

[18] РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 18680.

[19] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 500, 501.

[20] Подробнее см.: *Приходько М. А., Удовик В. А.* Александр Романович Воронцов // Вопросы истории. № 9. 2006. С. 49–66. В фонде 36 (Воронцовы) также хранятся топографические описания Архангельской, Калужской, Нижегородской, Пензенской и других губерний.

[21] Текст анкеты опубл.: *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века... С. 60–62.

[22] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 501. Л. 39. Ответ: «В сем наместничестве не находится обывателей, исповедующих иную кроме российской греческой и евангелической лютеранской религий» (Там же).

[23] Там же. Л. 4–4 об.

[24] В рукописи описка: 1692 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 501. Л. 48 об.).

[25] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 501. Л. 48 об.–49.

[26] Там же. Л. 49.

[27] Там же. Л. 49 об.

[28] Там же. Л. 57 об.–58.

[29] Напр., см.: *Шафиров П. П.* Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая: к начатию войны против короля Карола 12, Шведского 1700 году имел... Санкт-Питербурх, 1717. С. 1–15.

[30] ПСЗ. СПб., 1830. Т. IV. № 1811; *Шафиров П. П.* Рассуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый... Санкт-Питербурх, 1717.

Литература

Александрович Е. Гинцель Карл Крестьянович (Христианович) фон // Русский биографический словарь. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. Том «Герберский — Гогенлоэ». С. 223–224.

Бобович И. М. Правительственное регулирование земельно-правовых отношений и крестьянские волнения в Выборгской губернии // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 151–156.

Екатерина II во время войны с Швециею. Письма и повеления графу В. П. Мусину-Пушкину, 1788–1789 гг. // Русская старина. 1887. № 3. С. 551–574.

Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791. М.: Наука, 1997. 1027 с.

Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.

Приходько М. А., Удовик В. А. Александр Романович Воронцов // Вопросы истории. № 9. 2006. С. 49–66.

Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. М., 1953. Сб. 31: История географических знаний и историческая география СССР. С. 39–89.

Севастьянова А. А. Топографические описания // http://www.yaroslavskiy-kray.com/157/topograficheskie-opisaniya.html. Дата обращения: 20.11.2017.

Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М.: Издательство АН, 1959. 546 с.

Цветков М. А. Картографические материалы генерального межевания // Вопросы географии. Сб. 31. С. 90–110.

А. А. Петрова

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ФИНЛЯНДСКОЕ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСПРИЯТИИ ИСПАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

В Европе в XIX в., особенно после Крымской войны, получил распространение стереотип восприятия России как варварской, нецивилизованной страны, в которой все, кто не относился к этническим русским и не исповедовал православие, буквально стонали под игом самодержавия. Европейская пресса акцентировала внимание общественности на агрессивности и жестокости русских, особенно на западных территориях, которые в течение многих веков являлись неотъемлемой частью западно-европейской цивилизации и культуры, но в начале XIX в. оказались в составе Российской империи. Правда, в Испании по данному вопросу в этот период были и другие мнения. Например, испанский публицист, капитан инженерных войск дон Хуан де Кирога в очерке «Краткий обзор Восточного вопроса», опубликованном в Испании в 1856 г., указывал на то, что Россия, наоборот, сплотила нации, которые вошли в ее состав в начале XIX в. Например, финны поддержали русских в годы Крымской войны и вместе с ними защищали Севастополь[1].

Рассматривая позицию испанцев (официальных и неофициальных кругов) по проблеме отношения центра и национальных окраин, следует иметь в виду, что для этой страны национальный вопрос, в частности вопрос об отношении Мадрида с Каталонией и Басконией, был весьма болезненным. Таким образом, испанские и российские власти испытывали во многом схожие трудности в налаживании отношений центра и периферии. В свя-

зи с этим у испанцев к Финляндии и Польше в составе России был особый интерес.

К тому же в Европе ситуацию на этот предмет всячески нагнетали польские эмигранты и политические круги Англии и Франции, с которыми у Испании были свои счеты. Россия же в этот период рассматривалась испанцами как своеобразный противовес этим странам. Восстановление в 1856 г. (прекращены в 1833 г.) дипломатических отношений между Россией и Испанией положило начало новому периоду в истории испано-российских отношений: они стали дружественными, хотя и не приоритетными для обеих сторон и активизировались, что оживило интерес испанцев к России и стимулировало их желание составить собственное представление об этой далекой стране. Все эти факторы способствовали тому, что испанцы могли и стремились (особенно получив возможность посетить Россию) более взвешенно и объективно оценивать ее достижения и проблемы.

В данной статье будет рассмотрен взгляд испанских дипломатов на политику России в Великом княжестве Финляндском после его включения в состав Российской империи в 1809 г. в качестве генерал-губернаторства с широкой внутренней и внешней автономией. Интерес Испании к Финляндии в рассматриваемый период был обусловлен не только желанием познакомиться с опытом решения национальной проблемы в России, но и экономическими причинами. Дело в том, что в ее торговле с Российской империей, активизировавшейся, но по-прежнему не очень оживленной, именно этот регион во второй половине XIX в. занимал наиболее заметное место. Из Великого княжества Финляндского в Испанию поставлялся лес. Кроме того, этот регион рассматривался испанцами как наиболее благоприятный для сбыта традиционных испанских товаров, а именно: испанских вин, оливкового масла, соли и др.[2] Однако следует отметить, что вопрос о Финляндии все же не относился к числу ключевых ни в международных, ни в российско-испанских отношениях рассматриваемого периода, поэтому он затрагивался испанскими дипломатами эпизодически.

Итак, в 1856 г. начался процесс восстановления дипломатических отношений между Россией и Испанией. Прибывшая в декабре 1856 г. в Санкт-Петербург испанская дипломати-

ческая миссия (Чрезвычайное посольство) привезла письмо испанской королевы Изабеллы II, в котором выражалась готовность испанской стороны обменяться посланниками. Дипломатическую миссию возглавлял испанский гранд герцог де Осуна (1814–1882), которому было суждено оставаться в России до 1868 г. Секретарем миссии был в будущем известный испанский писатель Хуан Валера и Алькала Гальяно (1824–1905), который вошел в историю российско-испанских отношений как «открыватель России». Он находился в России с ноября 1856 г. по июнь 1857 г. и побывал в Петербурге, Москве, Варшаве. Его наблюдения «непредвзятого первопроходца»[3] нашли отражение в «Письмах из России», публиковавшихся испанскими газетами в 1856–1857 гг.[4] В результате негативные стереотипы восприятия России в Испании, сложившиеся в предыдущие десятилетия не без влияния посредников, поскольку знания о России черпались в основном из английской и французской прессы и публицистики, были серьезно поколеблены[5].

Наблюдая за жизнью России, ее проблемами и достижениями, именно Хуан Валера одним из первых испанских дипломатов обратил внимание и на политику России в Великом княжестве Финляндском. Правда, в Финляндии он не бывал и информацию о ситуации в этом регионе в основном черпал, работая в залах Императорской Публичной библиотеки Санкт-Петербурга, где много общался с российскими интеллектуалами той поры.

Каким же было видение национального (в т. ч. финляндского) вопроса в Российской империи Х. Валерой?

Рассматривая проблему отношений центра и «национальных окраин», испанский дипломат главное внимание уделил Польше и польскому вопросу[6], но затронул и Финляндию. Рассматривая эту проблему, он отталкивался от идеи сложного положения России между Востоком и Западом, а также от того, что русские представляют отличную от Западной Европы цивилизацию. Более того, цивилизация, как считал Валера, всегда шла в Россию с Запада[7]. Однако «она трансформируется здесь в «автономную цивилизацию», — писал он[8]. Русская цивилизация — это «синтез двух цивилизаций, азиатской и европейской», — замечал далее испанский дипломат[9]. Однако именно по тому, что «цивилизация и культура приходят сюда — в Россию

<...> из стран Запада», по его мнению, в Балтии, Польше и Финляндии русским делать нечего, так как они навязывают чуждые этим народам порядки, в т. ч. и религию[10]. С его точки зрения, пусть уж лучше русские двигаются в Азию. « Цивилизаторская и возрожденческая миссия в этих регионах, по моему мнению, доверена русским судьбой», — писал Валера[11].

Что касается мнения Х. Валеры о положении Великого княжества Финляндского, включенного в состав России, то он считал, что Финляндия находилась цивилизационно на более высокой ступени развития, чем русские земли. Поэтому финны вряд ли растворятся в русской культуре. Впрочем, и он был вынужден признать, что «литература народов, входящих в империю, хотя и не настолько зажата и угнетена, как говорят некоторые, но не думаю, чтобы была уж очень защищена»[12]. Затрагивая вопрос о развитии финской культуры после включения Финляндии в состав России, испанский дипломат, с одной стороны, не мог не отметить, что в Финляндии с приходом русских появилась Академия национального (финского) языка, которой ранее здесь никогда не было[13]. Но с другой стороны — Х. Валеру удивляло, что «Финляндия, которая гордится своим эпосом <...> с ее знаменитым университетом в Гельсингфорсе, основанным Кристиной, королевой Швеции; Финляндия с ее Академией отечественного языка и литературы, сейчас (т. е. в 1850-е гг. —*А. П.*), говорят, молчит. Император Николай в желании, как уверяют, полностью отделить финнов от шведов воодушевил ученых страны писать на финском языке и публиковать древние книги, но после восстания венгров в 1848 г. и симпатий, которые они вызвали у финнов, говорят, раскаялся, что предоставил финнам такую свободу<...> И тогда он задушил или по крайней мере приостановил развитие этой литературы», — утверждал далее испанский дипломат. Впрочем, эти суждения о Финляндии, по признанию самого Х. Валеры, он почерпнул из работы французского путешественника и историка Леонзона ле Дюка о Финляндии и его книги, озаглавленной «Александр II» . Следует отметить, что испанскому дипломату во время его пребывания в Петербурге все же удалось познакомиться с «великой поэмой „Калевала“» в переводе на немецкий (издана в Гельсингфорсе в 1852 г.): он приобрел ее в книжном магазине, и этот эпос произвел на него большое впечатление[14].

Таким образом, испанский писатель и дипломат в своих рассуждениях о России порой противоречил сам себе, пытаясь понять эту почти не известную испанцам страну, о которой в Европе сложились исключительно негативные суждения. От таких стереотипов и хотел уйти Х. Валера, освещая в т. ч. и «финляндский вопрос», но получалось это у него с трудом, поскольку о Финляндии, даже находясь в России, он узнавал главным образом из иностранной литературы.

Такого же мнения по вопросу политики России на западных территориях, присоединенных к Российской империи в начале XIX вв., придерживался и герцог де Осуна — посол Испании в России в 1858–1868 гг., рассматривая в своих донесениях в МИД Испании, в частности, причины обострения польского вопроса в 1860-е гг.[15]. Несмотря на то, что герцог не относился к числу либералов и не поддержал попыток французских дипломатов вмешаться в политику Александра II в Царстве (Королевстве) Польском, он также считал ошибочной политику усиления национального и религиозного гнета, которую начал осуществлять в польских и других землях на западе Российской империи Александр II. Впрочем, и поляки, и жители других, вошедших в состав России западных территорий, по мнению испанского посла, тоже были не правы, поскольку они не оценили и не сумели правильно воспользоваться теми свободами, которые им предоставил Александр I[16].

Таким образом, и у Хуана Валеры, и у герцога де Осуны отношение к положению Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, как и к России в целом, наблюдалось двойственное, ибо оба дипломата, несмотря на различие политических взглядов, связывали прочность империй с цивилизаторской миссией основного народа метрополии, а именно с тем, насколько русская цивилизация сможет растворить завоеванных в своей культуре. И с этой точки зрения России было лучше двигаться на Восток, например в Среднюю Азию. Финляндия же, по их мнению, принадлежала к западной цивилизации. А посему попытки России возродить самобытность финнов ими хотя и отмечались, но не воспринимались как фактор, заслуживающий пристального внимания и положительной оценки. К тому же их знания о ситуации в Финляндии носили опосредованный характер. И Х. Валера, и герцог де Осуна скорее

проецировали на Великое княжество Финляндское свои представления о польском вопросе, с которым они были знакомы лучше, поскольку имели возможность побывать тогда в этой части Российской империи.

К концу XIX в. оценка испанскими дипломатами положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи все больше эволюционирует в сторону окончательного отказа от сложившихся отрицательных стереотипов, что нашло отражение в «Письмах из Финляндии» Анхеля Ганивета (1865–1898), выходца из Андалусии, консула Испании в Гельсингфорсе в 1896–1898 гг.[17], публиковавшихся в Испании по мере их написания в виде эссе, и в его докладной записке в МИД Испании от 4 октября 1898 г.[18]

Рассматривая ситуацию в Великом княжестве Финляндском, А. Ганивет подчеркивал своеобразие исторического развития этого региона, самобытность финнов, которые, по его мнению, «не имеют какой-либо схожести ни со славянами, ни с другими скандинавами. Даже язык у них особый»[19]. Но так случилось, что сначала шведы, а потом и русские принесли в Финляндию нечто новое, что привело к изменению этнической ситуации в этом регионе. Вследствие чего, по мнению А. Ганивета, «Финляндия (еще со времен шведов — *А. П.*) — это не единый дом, в котором <...> живет такой-то. Это дом с несколькими этажами, и живут в нем многие <...>»[20] В своих «Письмах» испанский дипломат так писал о соотношении русского, шведского и финского элементов в Великом княжестве Финляндском в конце XIX в.: «...на первом этаже <...> живут русские <...> они здесь хозяева; на втором и третьем — шведы или финны <...> забывшие родной язык и обычаи; в подвалах и на чердаках <...> живут настоящие финны, законные хозяева <...>. Есть районы, где влияние России очень заметно <...> , есть шведская Финляндия <...> («ошведенные финны»), есть районы, где преобладают финны, сохранившие свою самобытность. Они развиваются медленно, но очень интенсивно»[21]. По мнению испанского дипломата, важно, что Россия учитывала специфику исторического развития региона и не торопилась ассимилировать финнов. «Александр I, завоевав Финляндию, произвел изменения в ее управлении, но многое из существовавшего ранее на этой территории сохранил. Более

того, — писал далее Ганивет, — он даровал финнам автономию и конституцию, ввел низкие таможенные пошлины», стимулируя ее экономику[22]. Испанский дипломат также отметил, что в Великом княжестве Финляндском, благодаря поддержке метрополии, началось «возрождение финской культуры и литературы, утратившей свою самобытность при шведах»[23], усилились позиции «финской национальной партии»[24]. В общем, А. Ганивет считал политическое и экономическое положение региона в составе Российской империи вполне приемлемым. Более того, на его взгляд, «теперешнее автономное положение региона в составе России лучше, чем независимая, но слабая во всех отношениях Финляндия. Сегодня Великое княжество Финляндское, — писал далее А. Ганивет, — в составе Российской империи получает все необходимое для удовлетворения своих региональных интересов и практически является членом федерации»[25]. Об учете Россией своеобразия Финляндии для содействия ее экономическому развитию А. Ганивет написал также в докладной записке в МИД Испании[26].

Нельзя не согласиться с российским исследователем К. С. Корконосенко, который отмечает, что А. Ганивет в «Письмах из Финляндии» не только знакомит испанского читателя со своеобразием далекой и загадочной для испанцев северной страны, но и «создает образ России как многонационального, многоязыкого, многоликого государства, зачастую не соответствующего тем представлениям, которые имели о нем испанцы конца XIX в.», опиравшиеся в основном на стереотипы, созданные другими европейцами[27]. Его взгляд на проблему по сравнению с предыдущими авторами уже более определенный: Анхель Ганивет политику России в отношении Великого княжества Финляндского не только одобряет, но и считает вполне реалистичной[28]. Более того, он даже находит определенное сходство этой политики с политикой по подобным вопросам, так называемых «цивилизованных» стран, в частности Австрии и Англии[29].

Изменение отношения испанцев к финляндскому вопросу в конце XIX в. было обусловлено целым рядом факторов, среди которых не последнюю роль играли возросший торговый интерес Испании к региону, создание консульства в Гельсингфорсе (Хельсинки), возможность более основательно познакомиться

с жизнью Великого княжества Финляндского, изменение ситуации в самой Испании, которая отчаянно боролась за сохранение своих последних владений за океаном (Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины), и в Европе в целом.

Подводя итоги, следует отметить, что находившиеся во второй половине XIX века в России испанские дипломаты оценивали положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи неоднозначно. С одной стороны, Финляндия, с точки зрения испанцев, была не такой уж угнетенной частью Российской империи, в чем-то Россия даже способствовала развитию ее самобытности. Это отмечали и Х. Валера, и герцог де Осуна, и А. Ганивет. Но с другой — по мнению одних (эта точка зрения превалировала в 1850–1860-е гг.), России все-таки лучше было бы двигаться в Азию, ибо цивилизаторскую миссию (т. е. полное растворение завоеванных в своей культуре) ни в Балтии, ни в Польше, ни в Финляндии она выполнить не могла, так как эти регионы издавна принадлежали к более высокоразвитой западной цивилизации.

Однако по мнению других (А. Ганивет), находясь на правах автономии в составе Российской империи, Великое княжество Финляндское развивалось вполне динамично: и политическое устройство этого региона вполне приемлемое, и экономическая ситуация с учетом низких таможенных пошлин (в остальной России они выше) и иных экономических привилегий, предоставленных Россией, весьма благоприятная. В общем, на взгляд А. Ганивета, финны не «стонут под тяжким игом самодержавия»[30], наоборот, «с энтузиазмом внедряя все новшества, имеющие практическую значимость», они «развиваются в ногу со временем и быстро продвигаются по пути прогресса»[31]. Более того, как считал испанский дипломат, независимая Финляндия может оказаться в гораздо более худшем положении, нежели находясь в качестве автономии в составе России.

Проанализированные в данной статье материалы позволяют отметить, что, несмотря на то, что испанцы не были едины в трактовке состояния дел в Финляндии во второй половине XIX века, их суждения (даже критические) о положении данного региона в составе Российской империи в значительной мере отличались от тех антироссийских стереотипов, которые десятилетиями тиражировались в Западной Европе.

[1] *Ушаков В. А., Евсевьев М. Ю., Петрова А. А., Вахромеева О. Б., Сохор Т. Е.* Европейские и азиатские страны глазами иностранцев (XIX — начало XX в.) // Былые годы. 2016. №41(3). С. 642–649; *Петрова А. А.* Крымская война и ее уроки в испанской публицистике // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16 (2). С. 50–51.

[2] *Ганивет А.* Испания и Россия: новые торговые горизонты / Пер. с исп. К. С. Корконосенко // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 218–219; История Испании: В 2 т. Т. 2. М.: Индрик, 2014. С. 435–436.

[3] *Багно В.* Е. «Письма из России» Хуана Валеры как литературный памятник // Хуан Валера. Письма из России / Пер. с исп. С. Николаевой. СПб.: Фонд Сервантес, 2001. С. 17.

[4] В переводе на русский язык «Письма из России» впервые опубликованы в 2001 г. См.: *Хуан Валера*. Письма из России / Пер. с исп. С. Николаевой. СПб.: Фонд Сервантес, 2001.

[5] Об этом подробнее см.: *Петрова А. А.* Испанцы в России: эпоха Александра II. СПб.: Астерион, 2012. С. 21–67; *Багно В.* Е. Испанский дипломат, ставший писателем в России // Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 188–205.

[6] См., напр., Письмо из Варшавы от 30 ноября 1856 г. — Valera Juan. Obras. Madrid. 1934. P. 1473–1476.

[7] *Хуан Валера*. Письма из России / Пер. с исп. С. Николаевой. СПб.: Фонд Сервантес, 2001. С. 196.

[8] Там же. С. 200.

[9] Там же. С. 217

[10] Там же. С. 299, 298–299.

[11] Там же. С. 50.

[12] Там же. С. 151.

[13] Там же.

[14] Там же. С. 151–152.

[15] Despacho del señor duque de Osuna al Ministerio de Estado. San Petersburgo, 20/8 agosto de 1867. En: Olivan F. El duque de Osuna, Embajador en Rusia. Madrid, 1949. P. 106–110.

[16] Ibid. Более подробное освещение вопроса о Финляндии в опубликованных документах, имевшихся в нашем распоряжении, отсутствует.

[17] *Ganivet A.* Cartas finlandesas. Hombres del Norte. Madrid, 1971.

[18] *Ганивет А.* Испания и Россия: новые торговые горизонты / Пер. с исп. К. С. Корконосенко// Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты / Сост. В. Е. Багно. СПб., 2001. С. 217–223. Об А. Ганивете подробнее см.: *Корконосенко К.* С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 206–216; *Wis R.* Wis M. Angel Ganivet in Finlandia. Helsinki, 1988.

[19] *Ganivet A.* Cartas finlandesas. Hombres del Norte. Madrid, 1971. P. 16.

[20] Ibid. P. 12.

[21] Ibid. P. 12–13.

[22] Ibid. P. 22.

[23] Ibid. P. 17.

[24] Ibid.

[25] Ibid. P. 18.
[26] *Ганивет А.* Испания и Россия: новые торговые горизонты... С. 217–223.
[27] *Корконосенко К.* С. АнхельГанивет... С. 216.
[28] *Ganivet A.* Cartas finlandesas. P. 25, 29–30.
[29] Ibid. P. 19.
[30] Ibid. P. 22 .
[31] Ibid. P. 40, 37.

Литература

Багно В. Е. Испанский дипломат, ставший писателем в России // Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты: Сб. докладов на Международной научной конференции в рамках Десятых Алексеевских чтений СПб.: Общественное объединение Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. С. 188–205.

Багно В. Е. «Письма из России» Хуана Валеры как литературный памятник // Хуан Валера. Письма из России. СПб.: Фонд «Сервантес», 2001. С. 5–26.

Ганивет А. Испания и Россия: новые торговые горизонты // Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты: Сб. докладов на Международной научной конференции в рамках Десятых Алексеевских чтений. СПб.: Общественное объединение Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. С. 217–223.

История Испании: В 2 т. Т. 2: От войны за испанское наследство до начала XXI века. М.: «Индрик», 2014. 872 с.

Корконосенко К. С. Анхель Ганивет — «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели, писатели-дипломаты: Сб. докладов на Международной научной конференции в рамках Десятых Алексеевских чтений. СПб.: Общественное объединение Союз писателей Санкт-Петербурга, 2001. С. 206–216.

Петрова А. А. Крымская война и ее уроки в испанской публицистике // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2016. № 16(2). С. 44–57.

Петрова А. А. Испанцы в России: эпоха Александра II. СПб.: Астерион, 2012. 135 с.

Ушаков В. А., Евсевьев М. Ю., Петрова А. А., Вахромеева О. Б., Сохор Т. Е. Европейские и азиатские страны глазами иностранцев (XIX — начало XX в.) // Былые годы. 2016. № 41(3). С. 642–649.

Хуан Валера. Письма из России. СПб.: Фонд «Сервантес», 2001. 440 с.

Despacho del señor Duque de Osuna al Ministerio del Estado. San Petersburgo, 20/8 de agosto de 1867. En: Olivan, Federico. El Duque de Osuna, Embajador en Rusia. Madrid: Escuela diplomatica, Ministerio de Asuntos Exteriores, 1949. P. 106–110.

Ganivet A. Cartas finlandesas. Hombres del Norte / 6-a ed. Madrid: Espasa–Calpe, S. A., 1971. 194 p.

Valera y Alcala Galiano J. Carta desde Varsovia de 30 de noviembre de 1856. En: Valera Juan. Obras. Estudio preliminar de Luis Araujo Costa. Madrid, Aguilar, 1934. P. 1473–1476.

Wis R., Wis M. Angel Ganivet in Finlandia. Studio biografico e testi. En: Mémoires de la Société Néophilologique de Helsinki. T. XLVIII. Helsinki: Société Néophilologique, 1988. 104 p.

Н. О. Козлов

ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНСКИЙ ВОПРОС В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Шлезвиг-Гольштейнским вопросом в российской историографии называют проблему нахождения двух герцогств с преимущественно немецким населением, Шлезвига и Гольштейна, в составе Датского королевства. История Дании и герцогств была переплетена с давних времен, тем не менее на Венском конгрессе 1815 г., целью которого была попытка законсервировать сложившуюся политическую обстановку в мировой политике, европейские монархии официально признали и узаконили унию Дании и Шлезвиг-Гольштейна.

За XIX столетие Шлезвиг-Гольштейнский вопрос дважды становился причиной военных конфликтов, в которых главными антагонистами были Пруссия и Дания. Поскольку первая война за Шлезвиг-Гольштейн 1848–1859 гг. не привела к значительным политическим и территориальным изменениям, она не удостоилась серьезного научного исследования российскими историками XIX века. Более того, события первой войны за Шлезвиг-Гольштейн остались в тени событий второй — 1864 г., которая имела далеко идущие последствия для Европы и всего мира.

Война 1864 г., так же известная как Вторая война за Шлезвиг-Гольштейн или Австро-прусско-датская война — одна из трех европейских войн, в которых участвовала Пруссия в период нахождения на посту министр-президента Отто фон Бисмарка. Последовавшие войны Пруссии сначала против Австрии, а затем против Франции имели более крупный масштаб боевых действий, а потому несколько оттеняли войну против

Дании 1864 г. Тем не менее в России интерес к войне 1864 г. был весьма высоким, при этом с самого начала в России негативно отнеслись сначала к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне в ноябре 1863 г., а затем и к развязыванию войны Пруссией против Дании в 1864 г.[1]. Российская публицистика пестрила статьями о Шлезвиг-Гольштейнской войне, и многие современники уже тогда осознавали исторический характер событий, происходящих в Европе. Неудивительно, что уже в скором времени после войны предпринимаются попытки научного осмысления произошедшего.

Одним из первых трудов по войне 1864 г. стала книга капитана Генерального штаба Владимира Николаевича Чудовского «Война за Шлезвиг-Гольштейн», изданная в 1866 г. Она была составлена по горячим следам, через два года после окончания войны, что позволяет рассматривать ее не только как научно-исследовательскую работу, но и как источник, отражающий восприятие тех событий современниками. Так, автор, не являясь профессиональным историком, констатирует, что война 1864 г. осталась в тени Январского восстания в Царстве Польском 1863–1864 гг., в то время как она «имеет весьма немаловажное значение как в политическом, так и в военном отношении»[2]. Очевидно, что уже тогда война 1864 г. отчасти была обделена общественным вниманием, в то время как ее значение не получило должной оценки современниками.

Среди политических особенностей произошедшей войны автор выделяет немецкую агрессию и пассивность великих держав, определяя их как «в высшей степени поучительный факт, характеризующий новейшую политическую историю Европы»[3]. Но в большей степени внимание автора обращено к военным моментам. Чудовский концентрирует внимание на военных аспектах датско-немецкой войны 1864 г., каспающихся выхода прусской армии на боевую сцену после пятидесятилетней «спячки», ее боевую оснащенность нарезным оружием, а также дебют прусского военно-морского флота. Подобная заинтересованность автора преимущественно военной стороной конфликта объясняется целью труда: «критический обзор одних лишь военных действий на твердой земле»[4].

Среди источников, на которые опирался В. Н. Чудовский, доминируют немецкие, французские и русские военные

журналы, что делает книгу автора хорошим подспорьем по военной истории 1860-х гг. Чудовский также предпринял попытку разобраться и в политических причинах войны, представив краткий, но весьма качественный обзор Шлезвиг-Гольштейнского вопроса с 1815 по 1864 г. Главною причиной войны автор называет немецкую агрессию, предпринятую благодаря деятельности «германских псевдо-либералов, вычитавших из фолиантов древней истории Германии, что Шлезвиг когда-то был населен немцами»[5]. Тем не менее нацеленность автора на военные события не позволяют создать полноценную картину о причинах, итогах и последствиях войны 1864 г. Чудовскому также не удалось остаться беспристрастным в своих оценках политических и военных событий. Текст, стиль суждений автора довольно ясно дают понять антинемецкую позицию автора.

Несмотря на недостатки работы Чудовского, книга «Война за Шлезвиг-Гольштейн 1864 года» занимает важное место в историографии Шлезвиг-Гольштейнского вопроса. Автор создает полноценную картину хода боевых действий, дает основательный обзор воюющих армий, их состояния и организации. Чудовский также задает и определенные методологические посылы в исследованиях Датской войны 1864 г.: изображение Дании как жертвы немецкой агрессии, рассмотрение войны как проявление политики Пруссии по объединению «железом и кровью» Германии, негативная оценка роли европейских держав, не участвовавших в конфликте.

Последовавшие после войны 1864 г. события — австро-прусская война, объединение Германии, Русско-турецкая война — заслонили собою Датскую войну 1864 г., оттого в 1870–1880-х гг. в России так и не было создано полноценного исторического труда по Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу. Однако по мере обострения отношений с Германией на рубеже 1880–1890-х гг. в России возрастал и интерес к Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу, в котором прусская армия впервые после Наполеоновских войн продемонстрировала свой потенциал. Следствием этого стал выход целого ряда работ по Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу в последнее десятилетие XIX столетия.

В 1893 г. выходит труд Александра Арнольдовича Морица «Немецко-датская война 1864 года». Работа Морица не носила исследовательского характера и имела малый объем, тем

не менее она заслуживает внимания. Несмотря на четко выраженный военный интерес автора, Мориц предпринимает попытку исторической интерпретации войны 1864 г. Эту войну он рассматривает как «промежуточный, подготовительный акт» объединения Германии — процесса, который длился почти целое столетие[6]. Ее главною причиной А. А. Мориц считает «неопределенное, двойственное решение» Венского конгресса[7]. Это обстоятельства, как стремится утверждать автор, делали неизбежной войну между немецкими государствами и датской монархией. Более того, Мориц касается и этнического состава населения герцогств Шлезвига и Гольштейна, отмечая, что, несмотря на совместное существование Дании и герцогств с 1460 г., «немецкий элемент в них не ассимилировался» датчанами[8]. Примечательно и отрицательное отношение автора к Лондонскому протоколу 1852 г., который, казалось бы, окончательно решил Шлезвиг-Гольштейнский вопрос. Согласно мнению А. А. Морица, протокол 1852 г. противоречил историческим и этнографическим условиям Шлезвига и Гольштейна, что и привело к возникновению войны в 1864 г.[9].

Наиболее успешной попыткой научного осмысления Шлезвиг-Гольштейнского вопроса стал труд М. О. Блома «Война 1864 года в Дании», изданный в Санкт-Петербурге в 1895 г. М. О. Блом не был профессиональным историком, тем не менее его работа соответствует многим требованиям к научным работам того времени. Автор выделяет особое значение войны 1864 года, как начала «возрождения военного могущества Пруссии, достигшего своего расцвета в 1870–1871 гг.»[10]. Стремление автора к объективности выражается, в частности, в том, что он использовал не только немецкоязычные источники, но и материалы на датском языке[11]. Сам же М. О. Блом считает время, когда была написана его работа, наиболее подходящим для научного осмысления военных и политических событий войны 1864 г., «освобожденных от неточностей и извращений, происходящих от влияния национальных чувств, возбуждения страстей, личных взглядов, самолюбий и других причин»[12]. Книга М. О. Блома отличается основательностью, систематическим подходом, использованием разноязычных источников. Аналитический характер работы проявляется и в попытках автора дать периодизацию Войны 1864 г.[13]. Блом превосходит своих предше-

ственников и в освещении политической истории Датской войны 1864 г. Автор дает обширную предысторию, начинающуюся в XV столетии, и органично доводит ее до Войны 1864 г. Тем не менее книга не избежала традиционной военно-исторической направленности, поскольку М. О. Блом явно стремится подробно описать непосредственный ход военных действий, что уже удавалось сделать, как известно. Однако, в отличие от работы В. Н. Чудовского, подход Блома оказался более широким. Помимо скрупулезного описания военных сил Пруссии, Австрии и Дании, автор также уделяет внимание устройству военных систем каждой из сторон конфликта[14]. Данный обзор, таким образом, позволяет Блому выйти за пределы уже сформировавшегося тогда мнения о том, что победа Пруссии и Австрии над Данией главным образом были обеспечены численным превосходством их армий. В отличие от своих предшественников, М. О. Блом не проявляет антинемецкой позиции, что позволяет ему более глубоко взглянуть на причины побед Прусской армии.

В результате автор приходит к достаточно оригинальным для того времени заключениям, в котрых явно не согласен с оценками, преувеличивавшими масштабы и степень датского сопротивления немецким войскам[15]. Более того, Блом считает, что датчане совершенно не учитывали имеющиеся у них преимущества удобного географического положения, а также не использовали существовавшую тогда явную непрочность австро-прусского союза и противодействие со стороны Германского союза Пруссии[16]. При этом автор, однако, четко признает, что датская армия продемонстрировала полную непригодность к современным условиям ведения войны[17].

Кроме того, исследователь также обращает внимание и на численность австро-прусских войск. Хотя союзники и обладали численным превосходством, но оно никогда не попадало под категорию «подавляющее»[18]. В силу разных политических и дипломатических причин ни Австрия, ни Пруссия не могли выставить все свои войска[19]. Следовательно, причины успехов австрийской и, что важнее, прусской армии нельзя объяснить исключительно низкой численностью датских войск.

Таким образом, труд М. О. Блома заполнил лакуну в российской историографии Шлезвиг-Гольштейнского вопроса. События 1863–1864 гг. подверглись историческому осмыслению, и автор

не ограничивается одним лишь описанием военных событий. М. О. Блом попытался осветить политическую подоплеку войны 1864 г., что в определенной мере ему удалось.

Однако автор уделяет мало внимания общественному резонансу, вызванному войной 1864 г. в европейских государствах. Не удалось М. О. Блому и проанализировать политическое значение итогов войны и ее влияние на мировую и европейскую дипломатию. Очевидно, что в центре внимания автора является армия Пруссии, государства, которое стало ядром созданной в 1871 г. Германской империи. Это явно указывало на то, что обострение отношений между Россией и Германией в конце XIX столетия, несомненно, подталкивало российских исследователей к более глубокому изучению истории побед германской армии.

Тем не менее, богатое на труды по шлезвиг-гольштейнской проблематике десятилетие 1890-х гг. завершается переводом работы Хельмута Карла Мольтке «Первая Датская компания 1848–1849 гг.». Это произведение создавалось достаточно продолжительное время с периода 1862 по 1877 г. Перевод же книги выполнил полковник Генерального штаба российской армии Николаев, который не применул заметить в своем вступительном слове, что война 1848–1850 гг. «забыта на фоне последующих успехов»[20]. Но при этом, подчеркивая значение данной войны, Николаев от себя еще заметил, что она всеже «имеет значение, как первое звено в той цепи, которая привела Пруссию к мирным договорам с Австрией и Францией»[21]. При этом показательно, что интерес российских исследователей опять был сфокусирован лишь на немецкой армии, а Шлезвиг-Гольштейнский вопрос привлекал внимание лишь по мере участия в его разрешении немецких войск. Однако в целом в отечественной историографии перевод на русский язык книги Х. К. Мольтке до сих пор остается единственной серьезной работой по истории войны 1848–1850 гг.

В итоге анализ отечественной историографии конца XIX века позволяет выделить целый ряд особенностей освещения шлезвиг-гольштейнского вопроса российскими исследователями. Прежде всего, несомненно, в центре внимания российских авторов находится военная составляющая. Фактически все авторы, составившие труды по шлезвиг-гольштейнской проблематике, были профессиональными военными, что, в частности, объясняет

этот интерес. При этом политические, экономические и прочие аспекты используются ими лишь в качестве вспомогательных инструментов, помогающих в полной мере осветить ход военных действий. Интерес к боевым действиям войны 1864 г., вероятно, был также вызван и ростом напряженности в отношениях России и Германии в конце XIX столетия. Германия стала рассматриваться военной элитой России как потенциальный враг, отчего внимание к немецкой армии стало повышаться.

Кроме того, в XIX столетии формируется взгляд на войну 1864 г. как на одну из трех войн, приведших к объединению Германии в 1871 г. Таким образом, исследователи упускали из виду многие другие последствия событий 1864 г., в частности изменение баланса сил в Балтийском регионе.

С другой строны, можно с уверенностью утверждать, что последствия немецкого разрешения шлезвиг-гольштейнского вопроса в 1864 г. явно были недостаточно проанализированы российскими авторами. Это в первую очередь свидетельствует отметить достаточно узкая источниковая базу, на которую опирались российские исследователи. И хотя некоторые из них использовали источники обеих сторон конфликта, тем не менее, все же это были источники сугубо нарративного характера. В результате основательного труда по шлезвиг-гольштейнскому вопросу в XIX веке тогда создать не удалось. При этом все же именно в данный период была заложена достаточно прочная база для углубленного исследования историками последующих поколений[22] существовавшего тогда шлезвиг-гольштейнского вопроса.

---

[1] *Козлов Н. О.* Отражение Шлезвиг-Гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. на страницах российских и английских газет: разница восприятия // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2016. № 17(2). С. 21.

[2] *Чудовский В. Н.* Война 1864 года за Шлезвиг-Гольштейн. СПб., 1866. С. 1.

[3] Там же. С. 2.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 3.

[6] *Мориц А. А.* Немецко-датская война 1864 года. СПб., 1893. С. 3.

[7] Там же. С. 4.

[8] Там же. С. 5.

[9] Там же. С. 7.

[10] *Блом М. О. фон.* Война 1864 года в Дании. СПб., 1895. С. III.
[11] Там же.
[12] Там же. С. V.
[13] Там же. С. VIII.
[14] Там же. С. 16.
[15] Там же. С. 480.
[16] Там же. С. 481.
[17] Там же. С. 482.
[18] Там же. С. 481.
[19] Там же.
[20] *Мольтке Г. К. Б. фон.* Первая Датская кампания (1848–1849 гг.) / Пер. Ген. штаба полк. Николаева. СПб., 1898. С. 3.
[21] Там же.
[22] См.: *Роотс Л. К.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос в политике европейских держав в 1863–1864 гг. Таллинн, 1957.

Литература

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С.172–190.

Блом М. О. фон. Война 1864 года в Дании. СПб.: Воен. тип., 1895. 485 с.

Война в Дании в 1849–1850 годах // Военный журнал. 1851. № 4. С. 25–56.

Возгрин В. Е. Судьба Шлезвиг-Гольштейнского наследия Российских императоров // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. № 2. С. 60–76.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

Роотс Л. К. Шлезвиг-Гольштинский вопрос в политике европейских держав в 1863–1864 гг. Таллинн: Эстгосиздат, 1957. 241 с.

Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (№ 2). Тематический выпуск: Россия, Финляндия и Скандинавия: Проблемы взаимовосприятия: Материалы шестых Барышниковских чтений (25 сентября 2016 г.) / Под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова, Ю. И. Мошник. Выборг: ГБУК ЛО «Историко-архитектурный музей-заповедник „Выборгский замок“ и историко-этнографический музей-заповедник „Ялкала“», 2016. 184 с.

Мольтке Г. К. Б. фон. Первая Датская кампания (1848–1849 гг.). СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1898. 268 с.

Мориц А. А. Немецко-датская война 1864 года. СПб.: Тип. штаба войск гвардии Петерб. воен. окр., 1893. 59 с.

Чудовский В. Н. Война 1864 года за Шлезвиг-Гольштейн. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1866. 299 с.

Д. Р. Лобанова

СОВРЕМЕННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О ПРОБЛЕМЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ФИНЛЯНДИИ

Исторические связи России и Финляндии имеют давние традиции. Они зародились еще на заре существования двух государств и развиваются с тех пор в разные периоды истории с большим или меньшим успехом. Смена общественно-политического строя в государстве неминуемо приводит к расстановке принципиально иных военно-политических приоритетов. Поэтому революция 1917 г. в корне изменила исторически сложившийся ход развития России. Начавшее развиваться советское государство выстраивало свою внутреннюю и внешнюю политику на иных подходах, что не могло не отразиться на взаимоотношениях с соседними странами.

Ничто так глубоко и долго не переживается народами, как войны и их последствия. Особенно глубоко и остро последствия войн испытываются теми странами и народами, которые в немалой степени пострадали от них. Проблема приобретения независимости и последующая гражданская война в Финляндии являются ключевыми моментами истории государства. Гражданская война в Финляндии была явлением исключительным, в первую очередь по причине своей чрезвычайной кровопролитности. Она за шесть месяцев унесла более 36 тысяч жизней[1]. Наряду с гражданскими войнами в Испании и России, финская война по количеству жертв стала одним из наиболее смертоносных внутренних конфликтов в Европе XX века.

Это обстоятельство во многом объясняет то, что в Финляндии проблемами независимости и истории гражданской

войны занимались уже достаточно долгое время. Практически с момента ее окончания и вплоть до наших дней в стране стали появляться и появляются как публицистические, так и исследовательские сочинения, посвященные сюжетам данной части истории. Можно отчетливо проследить определенную эволюцию во взглядах на гражданскую войну финских историков, государственных и политических деятелей[2].

Современные российские исследователи крайне редко затрагивают проблемы независимости и гражданской войны в Финляндии. Большинство работ носит скорее общий или общеполитический характер, рассматривая лишь в целом российско-финляндские отношения XX в. На рубеже начала XXI в. были переведены на русский язык и опубликованы различные обзорные работы по истории Финляндии[3]. Также, не отставая от современной исторической тенденции, исследователи стремятся рассматривать события с альтернативной точки зрения, и углубляясь уже в т. н. микроисторию.

Отдельные попытки были предприняты по рассмотрению исторических персоналий обусловленного периода. В частности, даже где-то чрезмерно в отечественной историографии начали уделять внимание личности К. Г. Э. Маннергейма, освещая самые различные стороны его жизни. Во многом это было, вероятно, обусловлено еще тем, что в 1999 г. на русский язык, хотя и в заметно сокращенном варианте и с рядом неточностей, были переведены мемуары финского главнокомандующего[4]. Практически одновременно с этим в Москве в переводе со шведского языка вышла еще биографическая работа финского литературного деятеля В. Мери «Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии»[5]. В ней на первый план автором были откровенно выдвинуты личные качества К. Маннергейма, его служба еще в царской армии, участие в событиях 1917–1918 гг. в Финляндии, что, вероятно, тоже особо привлекло внимание российской общественности.

Утверждение определенного интереса к деятельности К. Г. Э. Маннергейма в России также было закреплено рядом работ петербургского исследователя Л. В. Власова. Они, как и финские издания, имели явный биографический характер, касающийся раскрытия непосредственно личности финского главнокомандующего[6]. Любопытным фактом является то,

что автор, будучи специалистом в области экономических наук, в дальнейшем переквалифицировался в историографа, заполнив, таким образом, определенный вакуум в российской литературе о биографии главнокомандующего.

Личность финского маршала Л. В. Власов стремился рассматривать в различных контекстах. В частности, в работе «Маннергейм» он делает акцент на его деятельности в должности регента страны и указывает на то, что маршал сумел направить в некоторых вопросах точки зрения «белых» и «красных» финнов против большевиков[7]. Причем данное утверждение кажется сейчас уже довольно спорным и не какими-либо конкретными данными не подтверждаются. В целом личность Маннергейма во всех книгах автора явно идеализирована и его непосредственному влиянию на ход гражданской войны уделено, как представляется, все же чрезмерное внимание.

Для изучения гражданской войны также не менее важными являются изданные в начале 2015 г. в русском переводе воспоминания командующего немецкой Балтийской дивизии генерала Рюдигера фон дер Гольца «Моя миссия в Финляндии и Прибалтике»[8]. Они в какой-то степени перекликаются с мемуарами Маннергейма и представляют не меньший научный интерес, поскольку, написанные непосредственно после гражданской войны, неся таким образом определенную печать именно той эпохи, представляя уже немецкий взгляд о событиях гражданской войны в Финляндии. Хотя, естественно, сам текст этих воспоминания, безусловно, отличается ярко выраженной политической окраской и публицистическим стилем.

С другой стороны, наряду с появлением переведенных на русский язык воспоминаний и библиографических работ в российской историографии возникает также еще одна очень интересная тенденция. На рубеже начала XXI в. нарастает явное внимание исследователей к раннему этапу в изучении советско-финляндских отношений. В частности, историки все чаще стали обращаться к проблемам формирования советско-финляндской границы, а также продолжалось широкое и достаточно дискуссионное изучении истории советской Карелии, где косвенно затрагивались определенные вопросы, касающиеся независимости и гражданской войны в Финляндии.

Вклад в изучение «карельского вопроса» внесла работа петрозаводского исследователя Н. И. Уткина[9]. В ней значительное внимание было уделено становлению советской власти в Карелии, а также проблемам, связанным с заключением Тартуского мирного договора, положившего начало нормализации советско-финских отношений[10]. Уткин особое внимание обращает на то, что продолжавшиеся попытки со стороны Финляндии насильственным путем решить проблему создания карельской независимой государственности с целью последующего объединения ее с Финляндией в единое государство и решения таким образом вопроса о расширении своих территорий привели к ответным мерам, обеспечивающим территориальную целостность России в данном регионе. Автор четко утверждает, что преобразование карельской областной автономии в карельскую автономную государственность в составе России отвечало интересам ее безопасности в данном регионе[11].

Для полноценного освещения событий гражданской войны на Северо-Западе России и участия в ней финской стороны важно также, вероятно, учесть работу М. А. Таргиайнена[12]. Данное исследование посвящено политической истории ингерманландских финнов и касается событий на территории современной Ленинградской области, в т. н. Ингерманландии в период гражданской войны в России. Автор работы обнаружил и использовал ряд малоизвестных материалов по рассматриваемой теме, однако интересующий нас вопрос о гражданской войне в Финляндии затрагивается очень косвенно и не привносит новых сведений.

Для полной оценки отечественной историографии необходимыми являются работы историков А. И. Рупасова, А. Н. Чистикова и Н. В. Страховой. В частности, в 2000 г. вышло в свет исследование «Советско-финляндская граница 1918–1938 гг.»[13], которое в 2007 г. было переиздано. Получение Финляндией в конце 1917 г. независимости делало актуальной проблемой демаркацию советско-финляндской границы. Этот процесс затянулся почти на два десятилетия. Обоюдная подозрительность, порожденная событиями 1917–1922 гг., подпутанная, с одной стороны, подъемом радикальных настроений в Финляндии в конце 1920-х — начале 1930-х гг., а с другой — деятельностью Коминтерна, способствовала превращению приграничья в территорию нестабильности[14].

Авторы освещают проблему формирования границы между двумя государствами, рассматриваются пограничные инциденты. Исходя из анализа источников, в работе указывается на то, что на протяжении обусловленного периода времени формирование общей политической линии СССР в отношении Финляндии не вызывало сколько-нибудь серьезных разногласий в политическом руководстве страны. Исследователи отмечают, что отсутствие принципиальных расхождений по проблемам взаимоотношений с Финляндией обусловливалось тем, что во многом советская политика в отношении этого государства представляла собой совокупность ситуативных ответов на возникающие внешние вызовы.

В обзоре необходимо учесть и работу исследователя Ярославского государственного университета — Н. В. Страховой «Становление и развитие советско-финляндских отношений 1917–1940»[15]. Автор берется за анализ довольно большого пласта событий, начиная с 1917 г. по 1940 г. Явным плюсом работы является подробный историографический обзор отечественной литературы. Страховой были подробно проанализированы общественные настроения в России по отношению к финскому населению и изучены причины развития разногласий между двумя странами. Исследовательница считает, что именно курс царского правительства на уничтожение автономии Финляндии и постепенную русификацию страны вызвал столь негативное отношение финнов к России. К сожалению, автор в своем исследовании не использует материалы финской историографии, что все же представляется необходимым для объективной оценки советско-финлядских отношений 1917–1940 гг. Очевидно, что исследовательница придерживается традиционной точки зрения на поставленную проблему и существенно нового в изучение политических взаимоотношений между Советской Россией и Финляндией в период независимости и гражданской войны Н. В. Страховой не удалось привнести.

Проблема независимости, а затем и внешнеполитической ориентации Финляндии в 1918 г. стала объектом исследования профессора И. Н. Новиковой[16]. На основании широкого круга источников, прежде всего малоизвестных материалов, почерпнутых в архивах Германии, автор смогла определить истоки германо-финского сотрудничества в годы Первой мировой

войны и последующей зависимости Финляндии от Германии, выразившейся в избрании германского принца королем Финляндии. По мнению автора, немецкая политика в период Первой мировой войны проходила через три этапа, начавшегося со становления финско-германского взаимодействия (август 1914 г. — февраль 1917 г.), где в Финляндии видели в этом способ ослабления России. Затем (февраль 1917 г.– январь 1918 г.) в обозначавшемся стремление Германии распространить влияние на Финляндию и переоценка значения Финляндии в восточной политике Германии, результатом которого, собственно, и стало обретением независимости Финляндией. И, наконец, превращение Германии в опекуна Финляндии (январь–ноябрь 1918 г.). Но при этом И. Н. Новикова четко отмечает, что германская интервенция никоим образом не являлась оккупацией страны[17]. Работа Новиковой внесла огромный вклад в рассмотрение малоизученного немецкого вопроса в становлении Финляндии как самостоятельного государства. По сей день данное исследование в отечественной историографии является единственным, затрагивающую проблематику немецкого вклада в проблему независимости и гражданской войны в Финляндии.

Определенные исследования, вышедшие в последнее время, затрагивают проблему репатриаций и миграции, как финского, так и русского населения в ситуации, сложившейся после Октябрьской революции 1917 г. и последующей гражданской войны[18]. Наиболее весомый вклад в данный вопрос внесла работа петербургского историка В. И. Мусаева, в которой автор рассматривает также и миграционную проблему и положение русской диаспоры в независимой Финляндии, и возникшие сложности, связанные с «дерусификацией» Финляндии[19].

Одновременно следует учитывать, что тема отношений между Финляндией и Россией вызывает сейчас несомненный интерес и у отечественных публицистов, которые работают в жанре «история». [20] При этом характерной особенностью их работ является то, что авторы, рассматривая события гражданской войны в Финляндии, не опираются ни на какие-либо источники или исторические исследования, а числовые данные, представленные в подобных книгах, вызывают нередко лишь общее недоумение некомпетентностью данных авторов. Историческую новизну эти работы не представляют, а их положения

оставляют только серьезные вопросы к их издателям. Но с другой стороны, в целом появление подобного рода изданий говорит о том, что отношения между Россией и Финляндией являются актуальными и в полной степени не изученными.

В результате вышеизложенного становится очевидно, что на современном этапе в российской историографии так и не было издано полноценного исследования, которое отражало бы обобщенную точку зрения на проблемы независимости и гражданской войны в Финляндии. Характерным для современных исследований является то, что отечественные авторы имеют достаточно слабое представление о последних изданных в Финляндии работах и о тех проблемах, которые обсуждаются в стране по указанным вопросам. В большинстве своем приобретение независимости и гражданская война в большей или меньшей степени была затронута лишь в работах, посвященных русской революции и гражданской войне и ее проявлениях в Карелии.

В отечественной историографии проблемы независимости и гражданская война в Финляндии затрагивались в меньшей степени, чем другие аспекты российско-финляндского взаимодействия, и в результате этого не сложилось полноценной исторической традиции в изучении данных событий. Все работы, изданные в современной России, в основном лишь косвенно затрагивают события, разразившиеся в декабре 1917 — январе 1918 г. в Финляндии. В большей степени авторы изучают внешнеполитические проблемы между Россией и Финляндией в XIX-XX вв., «карельский вопрос» в данных отношениях, также миграционные процессы.

---

[1] *Хаапала П., Тикка М.* Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год) // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 109.

[2] *Лобанова Д. Р.* Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (12). Тематический выпуск. Россия, Финляндия и Скандинавия: проблемы взаимовосприятия. Выборг, 2016. С. 139–145; *Лобанова Д. Р.* Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет// Санкт-Петербург и страны Северной Европы №18(1). СПб., 2017. С. 138–146.

[3] *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии. М., 2010. 472 с.; *Мейнандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. 286 с.

[4] *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999.

[5] *Мери В.* Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М., 1997. 208 с.

[6] *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003. 156 с., *Власов Л. В.* Маннергейм. СПб., 2005. 224 с.; *Власов Л. В., Власова М. А.* Маннергейм и Польша. СПб., 2005.; *Власов Л. В.* Женщины в судьбе Маннергейма. СПб., 2005. 224 с; *Власов Л. В.* Долгий путь финского маршала. СПб., 2010. 200 с.

[7] *Власов Л. В.* Маннергейм. С. 152.

[8] *Гольц Р., фон дер.* Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. СПб., 2015. 318 с.

[9] *Уткин Н. И.* Россия — Финляндия: «карельский вопрос». М., 2003. 336 с.

[10] Там же. С. 128.

[11] Там же. С. 134–150.

[12] *Таргиайнен М. А.* Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб., 2001. 361 с.

[13] *Рупасов А. И., Чистиков А. Н.* Советско-финляндская граница 1918–1938 гг. СПб., 2000. 240 с.

[14] Там же. С. 5.

[15] *Страхова Н. В.* Становление и развитие советско-финляндских отношений. 1917–1940. Иваново, 2003. 213 с.

[16] *Новикова И. Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. 298 с.

[17] Там же. С. 275.

[18] *Черняев В. Ю.* Беженцы и эмигранты из Петрограда в Финляндию // Санкт-Петербург — Хельсинки — Хельсинки —Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 97–99; *Черняев В. Ю.* Финляндия и антибольшевистское движение в Петрограде // Санкт-Петербург — Хельсинки — Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С. 97–99 *Смолин А. В.* Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 80–93; *Мусаев В. И.* Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии в 1918 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 2. СПб., 2007. С. 103–114; *Мусаев В. И.* Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 — начало 1919 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. М., 2006. С. 294–303. *Мусаев В. И.* Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 48–56.; *Мусаев В. И.* Проблема репатриации финляндских граждан из России после 1917 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 36–48.

[19] *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. 483 с.

[20] *Широкорад А. Б.* Финляндия — Россия. Три неизвестные войны. М., 2007. 384 с.; *Соколов Б. В.* СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М., 2013. 448 с.

Литература

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — основатель ленинградской школы историков-скандинавистов // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 136–148.

Барышников В. Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014, № 7 P. 99–121.

Барышников В. Н. Изучение истории Финляндии в Санкт-Петербурге — Ленинграде: XIX–XXI вв. // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим: Издательство «Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова», 2012. С. 42–55.

Барышников В. Н. Кесарь Филиппович Ордин — первый отечественный исследователь российско-финляндских отношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2013. С. 12–24.

Барышников В. Н. Русский исследователь М. М. Бородкин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2007. С. 51–62.

Барышников В. Н., Возгрин В. Е. У истоков современной российской «нордистики»: Профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // Клио. № 10 (106). 2015. С. 227–231.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 11. СПб., 2013. С.172–190.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.

Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб.: Журнал «Нева». 2000. 286 с.

Вихавайнен Т. Становление независимости Финляндии в финской исторической литературе // Россия и Финляндия в 1808–1809 годах. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 319–334.

Вихавайнен Т. Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб.: Нестор-История, 2017. 248 с.

Власов Л. В. Густав Маннергейм в Петербурге. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2003. 156 с.

Власов Л. В. Долгий путь финского маршала. СПб.: Европейский Дом, 2010. 183 с.

Власов Л. В. Маннергейм. М.: Молодая гвардия, 2005. 309 с.

Власов Л. В., Власова М. А. Маннергейм и Польша. СПб.: Русская военная энциклопедия, 2005. 221 с.

Власов Л. В. Долгий путь финского маршала. СПб.: Европейский Дом, 2010. 183 с.

Власов Л. В. Женщины в судьбе Маннергейма. СПб.: Фонд «Отечество», 2005. 222 с.

Возгрин В. Е. История Швеции в новейших исследованиях ученых Санкт-Петербургского государственного университета // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и новейшее время: Памяти наших учителей — создателей ленинградской-петербургской школы историков: Материалы международной конференции. Ишим: Издательство «Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова», 2012. С. 55–65.

Возгрин В. Е. Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. С. 5–7.

Гольц Р., фон дер. Моя миссия в Финляндии и в Прибалтике. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. 317 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 128 с.

Лобанова Д. Р. Особенности современного изучения гражданской войны в Финляндии 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 17 (12). Тематический выпуск. Россия, Финляндия и Скандинавия: проблемы взаимовосприятия. Выборг, 2016. С. 139–145.

Лобанова Д. Р. Гражданская война в Финляндии 1918 г. на страницах современных финских газет // Санкт-Петербург и страны Северной Европы № 18(1). СПб., 2017. С. 138–146.

Маннинен О. Война России против белогвардейских контрреволюционеров // Россия и Финляндия в 1808–1809 годах. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 343–355.

Маннергейм К. Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999. 507 с.

Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 286 с.

Мери В. Карл Густав Маннергейм, маршал Финляндии. М.: Новое лит. обозрение, 1997. 208 с.

Мусаев В. И Судьба русской диаспоры в независимой Финляндии в 1918 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. Вып. 2. СПб., 2007. С. 103–114.

Мусаев В. И. Первые русские общественные и политические организации в независимой Финляндии (1918 — начало 1919 гг.) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. М., 2006. С. 294–303.

Мусаев В. И. Проблема репатриации финляндских граждан из России после 1917 г. // Санкт-Петербург г и страны Северной Европы. СПб., 2010. С. 36–48

Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в — 1930-е гг.), СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007. 483 с.

Мусаев В. И. Финляндская независимость и «дерусификация» Финляндии // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2009. С. 48–56.

Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 298 с.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница 1918–1938 гг. СПб.: Европейский дом, 2007. 221 с.

Смолин А. В. Формирование антифинляндских настроений среди русских беженцев в Финляндии в 1918–1920 гг. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. № 9. СПб., 2012. С. 80–93.

Соколов Б. В. СССР и Россия на бойне. Людские потери в войнах XX века. М.: Яуза-пресс, 2013. 445 с.

Соломешь И. Обретение Финляндской независимости в освещении российской историографии // Россия и Финляндия в 1808–1809 годах. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 335–342.

Страхова Н. В. Становление и развитие советско-финляндских отношений. 1917–1940. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 213 с.

Таргиайнен М. А. Ингерманландский излом. Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Западе России (1918–1920 гг.). СПб.: ДБ, 2001. 361 с.

Уйтто А. «Финновед» Отто Вилле Куусинен. СПб.: Гйоль, 2017. 387 с.

Уткин Н. И. Россия — Финляндия: «карельский вопрос». М.: Международные отношения, 2003. 336 с.

Хаапала П., Тикка М. Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918 год) // Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014. С. 109–129.

Черняев В. Ю. Беженцы и эмигранты из Петрограда в Финляндию // Санкт-Петербург-Хельсинки-Хельсинки-Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С.97–101.

Черняев В. Ю. Финляндия и антибольшевистское движение в Петрограде. // Санкт-Петербург — Хельсинки — Хельсинки — Санкт-Петербург. 1809–2004. СПб., 2005. С.101–105.

Широкорад А. Б. Финляндия — Россия. Три неизвестные войны. М.: Вече, 2007. 384 с.

Шкваров А. Г. Население Финляндии и русские гарнизоны в годы Первой мировой войны (1914–1918): проблемы взаимоотношений // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012. С. 109–119.

Юссила О. Великие мифы финляндской истории. Хельсинки — СПб.: Руслания, Европейский дом, 2013. 336 с.

Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М.: Весь Мир, 2010. 472 с.

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Т. Г. Фруменкова

П. Г. ГАНЗЕН И ЕГО ПУБЛИКАЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ ПРИЗРЕНИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ПОМОЩИ БЕДНЫМ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И РОССИИ (1892–1916)

П. Г. Ганзен (1846–1930), датчанин, в 1887 г. ставший российским подданным, специалист по телеграфному делу, преподаватель Электротехнического института, переводчик многих произведений знаменитых скандинавских писателей, начиная с Г. Х. Андерсена, на русский язык, а русских писателей — на датский, публицист. Оба названных направления его деятельности проанализированы исследователями. Среди них хочется назвать, прежде всего, Б. С. Жарова и М. А. Партала[1]. В 1892 г. П. Г. Ганзен был командирован в Данию, Швецию и Норвегию «для ознакомления с техническими особенностями устройства соединений телеграфных сетей». По сведениям М. А. Партала, из этой поездки Ганзен привез из Дании документы о своем образовании[2], что позволило ему добиться производства в классный чин и, с учетом лет, проведенных на службе, сделать быструю карьеру. Чины, как представляется, открыли ему возможность не только делать подношения членам императорской фамилии, но и быть замеченным при дворе. Дальше многое зависело от его энергии, активности и жажды деятельности. Постепенно определилось еще несколько направлений творчества и практических дел неуемного датчанина — серьезное внимание к вопросам воспитания детей, в первую очередь детей, оставшихся без попечения родителей, подготовка и по-

пытка внедрения проектов в сфере благотворительности и социального призрения.

Интерес к этим проблемам проявился уже в ходе скандинавских командировок в первой половине 1890-х гг., когда Ганзен имел возможность изучить систему помощи социально не защищенным слоям населения в родной стране и сравнить ее с тем, что он видел в России. Не случайно самый ранний сборник «Общественная самопомощь в Дании, Норвегии и Швеции» увидел свет в 1898 г. Ранее 25 составлявших его очерков были опубликованы в «Правительственном вестнике», «Санкт-Петербургских ведомостях», а также в журнале «Русская мысль» и вызвали, по словам автора, «живой отклик в прессе и обществе». В предисловии он сообщил, что материалы книги «являются плодом двух поездок автора (в 1892 и 1895 гг.), позволивших ему лично ознакомиться с описываемыми учреждениями и запастись материалами относительно истории возникновения последних». Автор поставил своей целью «заинтересовать русское общество этой еще мало известной ему культурой наших близких соседей и познакомить его с такими учреждениями на севере, которые более или менее удачно и достойно подражания разрешают многие животрепещущие общественные вопросы, выдвигаемые жизнью и у нас»[3]. Преобладание сюжетов, посвященных организации «общественной самопомощи» в Дании в сравнении со Швецией и Норвегией, Ганзен не без гордости объяснял тем, что «культура Дании наиболее полно и ярко отразила в себе все основные черты обще-северной культуры и что Дания вообще сыграла главную роль в историческом и культурном строении Севера»[4]. Лишь немногие сюжеты сборника касались организации призрения детей-сирот. Так, очерк «Датские женщины из области благотворительности и труда» включал краткую справку о родовспомогательном заведении, основанном еще королевой Юлианой-Марией еще в 1785 г. На бесплатный прием и помощь в этой больнице могла рассчитывать любая незамужняя женщина, независимо от национальности и происхождения, и те замужние, которым удавалось доказать свою крайнюю бедность. При заведении работали курсы акушерок. Бедным незамужним женщинам помогали и после выписки, давали пособия на детей. В одной связке с родильным домом действовал детский приют, основанный в 1870 г. Р. Петерсен. Туда принимали родившихся

в нем детей и тех матерей, которые были здоровы и вызывались кормить не только своих детей и других малышей[5]. В остальных очерках речь шла об организации помощи инвалидам — взрослым и детям, одиноким женщинам, а также о прогрессивных для конца XIX в. «элементах воспитания» детей — о датской гимнастике и ручном труде в Дании.

Вероятно, этот сборник был подарен императрице или попал к ней каким-то иным образом. Во всяком случае, формулярный список П. Г. Ганзена сообщает, что 30 апреля 1898 г. он получил 500 руб. от императрицы Александры Федоровны для «обозрения детских домов трудолюбия в Дании и Швеции с целью составления описания их»[6]. Еще 2000 руб. императрица выделила на публикацию материалов, собранных в ходе поездки. На следующий год публицист выпустил сборник под названием «Трудовая помощь в скандинавских государствах», на титульном листе которого есть надпись: «Издано по постановлению канцелярии... императрицы Александры Федоровны»[7].

Через несколько лет эта книга была переиздана в Москве в более дешевом варианте, так что, очевидно, пользовалась популярностью. Ее открывает очерк, в котором дается рационалистическое, протестантское определение цели и предмета благотворительности, кратко повествуется о государственном надзоре над воспитанием детей, системе «убежищ» для трудных детей и подростков, борьбе с профессиональным нищенством, а также призрении и обеспечении стариков.

По данным автора, благотворительность в конце XIX в. стала обязательной, а в Дании, на примере которой раскрывается общая для Скандинавских стран организация, она делилась на обязательную, официальную, государственную и добровольную, частную. В 1891 г. здесь был принят закон о призрении бедных, впитавший в себя законоположения и правила, существовавшие в течение 200 лет. По этому закону местное начальство было обязано прийти на помощь всякому, кто не в состоянии «сам обеспечить себе необходимого для жизни». Однако получение помощи влекло за собой «различные неприятные последствия» для предупреждения тунеядства. Получателя помощи лишали избирательного права, он находился под надзором благотворительного общества, без разрешения которого в течение 5 лет не мог вступать в брак, и лишался права на государственную пен-

сию. Ограничения теряли силу после того, как получатель помощи возвращал долг попечителям, потому что каждый человек старше 18 лет обязан был возместить все расходы Общему попечительству о бедных. Более того, попечительство занималось взысканием долга с тех опекаемых, которые были в состоянии уплатить его. Через пять лет после того, как получение помощи прекратилось, ее получатель мог просить о возвращении гражданских прав даже в том случае, если не уплатил долг. При этом попечительству полагалось убедиться, что он действительно не может вернуть долги[8].

В Копенгагене попечительство работало на местном уровне — город был разделен на части и участки. Нуждающиеся могли получить прямую помощь, в состав которой могло включаться постоянное или временное пособие на воспитание детей, а также косвенную, предполагавшую в том числе и пособие на содержание детей-инвалидов. «Бесприютные, заброшенные, дурно воспитанные или ненормальные дети» подлежали призрению в «воспитательных домах, приютах-семьях, трудовых убежищах, учебно-воспитательных заведениях и колониях».

Вторую главу Ганзен посвятил бюрократическим вопросам организации помощи, работе справочного бюро, которое помогало избегать обмана со стороны нуждающихся[9]. Получается, во-первых, что за сто с лишним лет в Западной Европе изменилось представление о подателях и получателях социальной помощи. Во-вторых, в России представленные Ганзеном общие положения о благотворительности даже не обсуждались.

Зато основное содержание, посвященное формам призрения и перевоспитания детей-подростков, вызвало немалый интерес. Этот вопрос освещают три следующие главы книги. По сведениям Ганзена, в Норвегии в 1896 г. был принят закон о государственном призрении «дурно воспитываемых детей и малолетних преступников». Еще раньше, в 1893 г., в Дании в Министерстве народного просвещения была создана комиссия для обсуждения этого вопроса. Прежде всего, было признано «безусловной ошибкой применение чисто карательных мер» по отношению к детям моложе 15 лет. Задача общества — воспитывать детей, а правительство должно было взять под контроль воспитание неблагополучных детей. При общинном или городском управлении создавался опекунский совет под председательством

местного судьи. Члены совета предостерегали «порядочных» родителей подобных детей, наказывали их, побуждали к помещению детей-нарушителей в «трудовые убежища» (за счет родителей) и в исправительные интернаты. Из тех семей, в которых дети терпели «сильную нужду, дурное обращение» или подвергались «нравственной почве», по решению опекунского совета их можно было изъять, поместить в чужие семьи или специальные заведения[10].

Заботу о перевоспитании «заброшенных и заблудших детей», «пасынков общества», взяли на себя частные лица. По инициативе известного мецената Дании еще в 1827 г. было открыто первое воспитательно-исправительное заведение, затем появилось Общество спасения заблудших детей. В конце XIX в. действовало Общество попечения о детях, отданных на воспитание в частные семьи. «Заблудших детей» помещали в благополучные семьи добровольцев, как правило, в крестьянские семьи, за плату (для детей до 2 лет — 55 руб. в год, от 2 до 8–45 руб., от 8 до 14–40 за мальчика и 35 за девочку). В приютах-семьях воспитывалось в среднем по 17 детей.

Ганзен подробно и с определенной симпатией рассказывает об общих чертах организации и особенностях конкретных приютов-семей. Для опекаемых детей устанавливался четкий режим дня, включавший посещение школы, приобретение навыков самообслуживания, освоение сельскохозяйственных работ и свободное время для игр и отдыха. В ряде приютов этого рода практиковалось и обучение мальчиков ремеслу. Действовали и государственные детские сельские приюты-колонии на подобных основаниях. В 1876 г. в Дании было введено обязательное начальное обучение, бесплатное только для бедняков. Из семей злостных нарушителей закона детей забирали в специальные исправительные колонии и интернаты. Примерно та кже было организовано призрение детей в Швеции и Норвегии[11].

С нуждой взрослых мужчин и женщин в Скандинавских странах, как уже говорилось выше, старались бороться организацией их труда. Для помощи обнищавшим существовали «конторы или бюро труда», «швейные кружки», «отделы ручного труда», для «опустившихся нравственно» — преследующие и исправительные цели «работные дома». Попадали туда после обращения в Общество попечения о бедных или по решению

суда. В Копенгагенском рабочем доме имелось несколько отделений: просто рабочее, отделение для бесприютных, смирительное, для матерей с грудными детьми, для девушек, требующих особого надзора, для трудоспособных старух и, наконец, больница. Рабочий день длился 12–13 часов, за работу сверх нормы начислялась дополнительная плата. Мужчины мостили улицы, работали в поле или занимались каким-либо ремеслом, женщины обслуживали призреваемых.

Для стариков действовал Дом общественного призрения с несколькими отделениями: в первое попадали честные труженики, не способные уже себя содержать (пенсионеры), во второе — те, кто уже обращался к помощи Общества попечительства о бедных. Отделения располагались в отдельных зданиях, пенсионеров лучше содержали, им предоставлялись льготы и большая самостоятельность. В третьем отделении находились старики, требовавшие особого ухода. Действовали и рабочие колонии для борьбы с профессиональным бродяжничеством и нищенством[12].

Ганзен преподнес императрице выпущенную на ее средства книгу и вскоре был откомандирован в распоряжение действительного тайного советника М. Н. Галкина-Враского, который был направлен в качестве уполномоченного комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах в губернии, пострадавшие от неурожая 1898 г. (покровителем этого комитета была Александра Федоровна)[13]. По итогам поездки Ганзен не только получил орден, но и опубликовал сначала в журнале, а затем отдельной книгой несколько очерков под общим названием «Опыт оздоровления деревни». Эта книга особенно интересна тем, что является, кажется, единственной большой публикацией автора, основанной на материалах его новой родины. Представляется, что эта работа Ганзена заслуживает отдельного исследования.

Последними крупными российскими публикациями Ганзена по вопросам детского призрения и помощи бедным стала книга «Охрана детства в Англии», изданная под покровительством Романовского комитета в 1916 г. Точнее было бы назвать ее «Охрана детства в Европе», хотя большая часть новых разделов посвящена Великобритании (в том же году вышла книга поменьше, только об Англии)[14].

При подготовке вступления к более объемной книге, выпущенной под покровительством Романовского комитета и напечатанной на хорошей бумаге в государственной типографии, Ганзен явно использовал материалы, включенные в собственный проект преобразования воспитательных домов[15]. По его словам, перед Романовским комитетом была поставлена задача охраны материнства и детства в России. В связи с расширением задач комитета он и был командирован в Англию (в 1913 или в первой половине 1914 г., очевидно, до начала войны) для обследования английских учреждений.

Изложенные автором главные принципы призрения детей повторяют соответствующую часть проекта реформы воспитательных домов (они, как указано в тексте, были составлены для съезда по общественному призрению, который проходил в мае 1914 г.).

Во вступлении к своей работе Ганзен утверждал: «Наш двадцатый век недаром назван „веком ребенка“ за свое отношение к вопросам, поставленным течениями мысли предыдущего столетия», согласно которым ребенка стали рассматривать как национальное достояние, что привело к необходимости выработки принципов охраны материнства и детства. В их разработке большую роль, по мнению автора, сыграли международные конгрессы по вопросам охраны детства, состоявшиеся в Берлине в 1911 г. и в Брюсселе в 1913 гг.[16]. Согласно этим принципам, все дети, рожденные в браке и вне брака, имели право на жизнь. Реализация этого права требовала: «1. Признание безусловного права на государственное или общественное призрение каждого ребенка, по каким-либо причинам лишенного необходимого попечения естественных своих воспитателей и покровителей или добровольных опекунов... 2. Установление обязанности государства и общества немедленно принять такого ребенка на свое попечение»[17].

Безусловному и немедленному приему на попечение государства подлежали лишь круглые сироты и подкидыши, доставляемые полицией. Остальные младенцы, преимущественно внебрачные, приносимые неимущими матерями или другими родственниками, принимались при условии вступительного взноса или обязательства матери поступить на службу в «детский питомник» в качестве кормилицы своего, а затем и чужого

ребенка. В Венгрии такую мать с малышом могли отправить в деревню в крестьянскую семью по договору с условием выполнения посильной работы, в некоторых других странах — в «трудовой приют для матерей». Возможна была и передача ребенка за плату в крестьянскую семью. Таким образом, органы государственного и общественного призрения детей включали, как правило, основные учреждения, по «характеру и функциям значительно отличающиеся от действующих в России воспитательных домов», и вспомогательные, складывавшиеся в «стройную и целесообразную систему»[18].

Характерно, что обзор учреждений призрения детей в книге, посвященной Англии, Ганзен начинает с подробной справки об Общественном детском доме в Стокгольме, по его мнению, «подходящем по типу к нашим воспитательным домам». Он размещался на окраине города и состоял из 8 каменных корпусов. Это было благотворительное заведение для временного призрения детей, лишенных попечения естественных покровителей — родителей или родственников. В доме находились в среднем 300 грудных детей, помещавшихся в палаты по 15 человек с семью кормилицами. Примерно через полгода их отправляли на воспитание за плату в приемные семьи. Бесплатно в дом поступали только сироты и подкидыши. Остальные должны были внести по 600 крон, незамужние и неимущие матери вносили по 300 крон или поступали в дом кормилицами. Они служили в детском доме не менее 35 недель, при этом взнос в 300 крон полагалось вычитать из их жалованья. После окончания назначенного срока они могли уйти со службы, оставив ребенка и заплатив еще 100 крон. Воспитанников дома раздавали в бездетные семьи и одиноким женщинам за плату, там они жили до 14 лет. Они находились под строгим контролем попечительства о бедных. Завершив рассказ о стокгольмском детском доме, Ганзен обратился к другим Скандинавским странам. Там, по его данным, детей, в том числе и новорожденных, раздавали в приемные семьи на искусственное вскармливание[19].

Раздел «Государство и ребенок» открывается обобщением сведений, опубликованных в труде, который был подготовлен «Шотландским национальным обществом защиты детей от жестокого обращения». Организация призрения детей базировалась на законе о детях, принятом в Великобритании в 1908 г.

Власти Шотландии принимали «под особое покровительство детей, отданных на вскормление и воспитание в чужие семьи». Контроль над воспитанием таких детей осуществляла местная администрация, приходские советы или направившие ребенка в семью благотворительные общества. Государство охраняло и детей, воспитывавшихся в семьях. По закону преследовалось не только умышленное дурное обращение с детьми, но и «всякое пренебрежение своими обязанностями или нерадение со стороны лиц, обязанных иметь попечение о детях»[20]. Закон охранял труд малолетних и сурово наказывал лиц, совершивших преступления против них. Родители были обязаны давать детям от 5 до 14 лет школьное образование, за этим следил школьный совет.

В Англии во второй половине XIX — начале XX в. действовала система благотворительных учреждений общественного призрения, созданная известным филантропом доктором Т. Бернардо, которого по праву называли «отцом ничьих детей». Рассказывая о Т. Бернардо, П. Г. Ганзен не сдерживал эмоций. Он утверждал, что по отношению к брошенным детям филантроп проявил «горячую отцовскую любовь и жалость», соединенную с «практической мудростью, исключительным педагогическим даром и широким кругозором администратора». Это помогло ему увеличить число сторонников и сотрудников, а также приток пожертвований и добиться хороших результатов в спасении «детей улицы». Ужасы жизни бездомных детей поразили Т. Бернардо еще в молодости. Он стал организатором и директором первого приюта-семьи на 25 мальчиков, который к 1882 г. вырос в «грандиозное учреждение» Степней-хауз. В его состав входили помещения для приема, спальни призреваемых мальчиков, классные комнаты, помещения для персонала, учебные мастерские, в которых детей обучали 11 разным видам ремесел под руководством опытных мастеров, плавательный бассейн, библиотека, столовая, выставка-продажа пожертвованных вещей и т. д. Приют жил принципу «вечно открытых дверей». Его руководители следили за тем, чтобы никто не остался на улице, при этом на постоянное пребывание принимали только остро нуждающихся детей, остальным оказывали помощь и возвращали в родную или устраивали в приемную семью. Для девочек создавались приюты-семьи в небольших домах в сельской местности во главе с «матерью». Эта система, как и система

призрения детей-инвалидов, по мнению автора, заслуживала внимания российских читателей и специалистов.

Кроме того, Ганзен занимался переводами произведений скандинавских педагогов, издавал отдельные брошюры, а также вместе с женой составлял сборники педагогических сочинений[21].

Итак, разнообразие деятельности Ганзена, его энергия и активность просто потрясают. При этом во всех названных трудах, даже в тех случаях, когда они являлись авторскими сочинениями, датчанин выступал в качестве своеобразного переводчика, ретранслятора идей и принятой в Скандинавских государствах и других странах Западной Европы практики призрения детей, оставшихся без попечения родителей. Эти книги содержали краткий обзор общих принципов и системы призрения, а также справки об отдельных учреждениях этой системы. В них отсутствуют анализ излагаемых фактов, попытки выявить существовавшие проблемы или недостатки европейской системы призрения, лишь изредка чувствуется отношение автора к людям и организациям, о которых он повествует. Сочинения Ганзена ставили своей главной целью ознакомление русских властей и общества с европейскими принципами и практикой заботы о брошенных детях, которая казалась ему совершенной, можно сказать, даже их пропаганду в России.

---

[1] *Жаров Б. С.* Переводческий подвиг А. и П. Ганзенов // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 545–551; *Жаров Б. С.* Телеграфист — переводчик — литератор — общественный деятель: П. Г. Ганзен в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы 11-й ежегодной Международной научной конференции (1–2 апреля 2009 г.). СПб., 2010. С. 29–35; *Партала М. А.* П. Г. Ганзен — преподаватель Электротехнического института, один из пионеров подготовки телеграфных специалистов в России // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2012. № 10. С. 141–146; *Партала М. А.* От секретов телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода // Петербургский журнал электроники. 2013. № 1 (74). С. 97–111.

[2] *Партала М. А.* От вершин телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода. С. 103.

[3] *Ганзен П. Г.* Общественная самопомощь в Дании, Норвегии и Швеции. СПб., 1898. С. I.

[4] Там же. С. II.

[5] Там же. С. 90.

[6] *Партала М. А.* От От вершин телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода. С. 105.

[7] *Ганзен П. Г.* Трудовая помощь в скандинавских государствах. СПб., 1899.

[8] *Ганзен П. Г.* Трудовая помощь в скандинавских государствах. М., 1901. С. 1–5.
[9] Там же. С. 5–12.
[10] Там же. С. 12–16.
[11] Там же. С. 17–65.
[12] Там же. С. 65–92.
[13] *Партала М. А.* От вершин телеграфного мастерства к вершинам литературного перевода. С. 106.
[14] *Ганзен П. Г.* Охрана детства в Англии. Пг., 1916; *Ганзен П. Г.* Призрение бесприютных и заброшенных детей в Англии по системе доктора Бернардо («Отец ничьих детей»). [Пг., 1916].
[15] См.: *Фруменкова Т. Г.* П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 171–185.
[16] *Ганзен П. Г.* Охрана детства в Англии. С. III–XV.
[17] Там же. С. 1.
[18] Там же. С. 2–6.
[19] Там же. С. 6–23.
[20] Там же. С. 25.
[21] *Бьернсон Б.* Единобрачие и многобрачие. Призыв к северной молодежи / Пер. с дат. П. Г. Ганзена. СПб., 1891; Семья и ее задачи: Книга для родителей и воспитателей / Под ред. А. Арсталя; пер. с норв. А. и П. Ганзен. СПб., [1903]. То же. 2-е стереотип. изд. СПб., [1905]; Норвежские педагоги о воспитании / Пер. с норв. А. и П. Ганзен. СПб., 1904.

Литература

Бьернсон Б. Единобрачие и многобрачие. Призыв к северной молодежи. СПб.: М. М. Ледерле и К°, 1891. 55 с.

Ганзен П. Г. Охрана детства в Англии. Пг.: Гос. тип., 1916. [2], XVI, 163 с.

Ганзен П. Г. Призрение бесприютных и заброшенных детей в Англии по системе доктора Бернардо («Отец ничьих детей»). [Пг., 1916]. 20 с.

Ганзен П. Г. Трудовая помощь в скандинавских государствах. М.: Ред. журн. «Русская мысль», 1901. 93 с.

Ганзен П. Г. Общественная самопомощь в Дании, Норвегии и Швеции. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1898. [2], II, 246, [1] с.

Ганзен П. Г. Трудовая помощь в скандинавских государствах [Текст] / П. Г. Ганзен. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1899. [4], V, [3], 279, [3] с.

Жаров Б. С. Переводческий подвиг А. и П. Ганзенов // Скандинавские чтения. Скандинавские чтения 2000 года. СПб.: Наука С.-Петерб. изд. фирма, 2002. С. 545–551.

Жаров Б. С. Телеграфист — переводчик — литератор — общественный деятель: П. Г. Ганзен в Санкт-Петербурге // Санкт-Петербург

и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во Русской Христианской гуманитарной академии, 2010. С. 29–35.

История Дании с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

Норвежские педагоги о воспитании. СПб.: Тип. Монтвида, 1904. 16 с.

Партала М. А. От секретов телеграфного мастерства к вершинам литературного // Петербургский журнал электроники. 2013. № 1 (74). С. 97–111.

Партала М. А. П. Г. Ганзен — преподаватель Электротехнического института, один из пионеров подготовки телеграфных специалистов в России // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ»: ежемесячный журнал. 2012. № 10. С. 141–146.

Семья и ее задачи. Книга для родителей и воспитателей. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, [1903]. 461 с.

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и проект преобразования воспитательных домов (1905–1917 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2017. № 18 (1–2). С. 171–185.

В. В. Хуциева

СИСТЕМА КОММЕРЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ФИНЛЯНДИИ В КОНЦЕ XIX В.: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ В ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ

История становления и развития системы коммерческого образования в России в тех или иных аспектах неоднократно попадала в поле зрения исследователей. Круг источников также разнообразен. В издававшихся в XIX — начале XX в. сборниках[1] и памятных книжках[2], а также в трудах второй половины XX — начала XXI в. можно найти сведения по организации аналогичной профессиональной школы в Западной Европе[3]. Особняком при этом стоит вопрос о коммерческих учебных заведениях в Финляндии. С учетом ее особого правового положения, относительно широкой автономии во многих областях жизни, представляется небезынтересным проследить основные направления образовательной политики царского правительства в сфере подготовки профессиональных коммерсантов и сравнить ключевые аспекты этой подготовки.

Одним из главных вопросов при анализе путей развития системы коммерческого образования во второй половине XIX в. являлся вопрос о его ступенях, а точнее — о необходимости или, напротив, отсутствии необходимости высшего коммерческого образования. И в этом смысле ситуация в Финляндии и России кардинально различалась.

Первые попытки пересмотра существующей системы предпринимались в это время «снизу» — по инициативе администраций отдельных коммерческих учебных заведений. Так, в частности, директор Санкт-Петербургского коммерческого училища А. Колмаков 4 октября 1884 г. отправил на имя товарища глав-

ноуправляющего Собственной канцелярии Его Императорского Величества мнение о проекте «Общего нормального плана промышленного образования в России», которое, в частности, гласило: «...коммерческое образование должно иметь самостоятельное место в системе профессионального образования; без надлежащей подготовки коммерческого образования в России русской торговле и промышленности никогда не выйти из-под господства иностранцев, не только на иноземных рынках, но и у себя дома. Прогресс промышленности, как известно, привел к необходимости преобразовать корпус горных инженеров, и корпус инженеров путей сообщения, в параллель которым можно поставить Санкт-Петербургское Коммерческое училище, в высшие учебные заведения». Питомцы такого рода учебных заведений должны были составить серьезную конкуренцию иностранным специалистам, и некоторые подвижки уже намечались. Если же в скором будущем ожидался перевес отечественных инженеров, то того же нужно было добиваться и в коммерческой сфере. Из этих тезисов директор училища делал единственно возможный вывод: необходимо учредить в России хотя бы один коммерческий институт. Он, в частности, отмечал: «В России мы видим уже теперь одних учреждений краткосрочного коммерческого кредита свыше 500, с годовым оборотом более 60 млрд. руб. Если представить себе, что во главе каждого из этих учреждений находился бы один русский с высшим коммерческим образованием, то на одни учреждения коммерческого кредита потребовалось бы несколько сот таких же, да на ежегодное пополнение естественной убыли по нескольку десятков. Теперь же в большинстве случаев приходится довольствоваться русскими самоучками — финансистами, или прибегать к помощи иностранных негоциантов» [4].

С точки зрения директора, и с этим нельзя не согласиться, коммерческий институт мог бы принести предполагаемую пользу только при соблюдении двух условий. Он должен был находиться на одном уровне с лучшими иностранными заведениями подобного рода и предоставлять выпускникам равные с другими вузами права. То, что в проектируемых Министерством народного просвещения торгово-промышленных школах и коммерческих училищах сохранялся недостаток преподавателей коммерческих наук, также было причиной необходимости

высшего коммерческого института. Специалистов по бухгалтерии, коммерческому счислению и корреспонденции, коммерческой географии, статистике и политэкономии было еще очень мало. Юрист-практик, как правило, не был хорошим учителем. По свидетельству того же директора коммерческого училища, лиц с университетским образованием трудно надолго привлечь «поурочной платой в 150 рублей в год». Из всего вышесказанного делался вывод: необходимо для бурно развивающейся сферы торговли и промышленности сосуществование низших коммерческих школ (или конторских классов при коммерческих училищах) и высшего коммерческого института.

В процессе разработки Положения о коммерческих учебных заведениях[5] в 90-е гг. XIX в. на уровне Министерств народного просвещения, финансов, торговли и промышленности изучалось положение дел в этой сфере в Западной Европе и составлялись разнообразные справки и проекты реформирования системы коммерческого образования в России. Попытки универсализировать положение и правовое поле коммерческих учебных заведений предпринимались и раньше, но успеха не имели. Проблема осложнялась тем, что, помимо коммерческих учебных заведений в ведении упомянутых министерств, существовали коммерческие училища в Москве и Санкт-Петербурге, подчиненные Ведомству учреждений императрицы Марии.

С начала 1890-х гг. вопросом вплотную занялся министр финансов С. Ю. Витте. Процесс этот был инициирован Министерством народного просвещения, которое ходатайствовало в 1893 г. о передаче ему всех коммерческих учебных заведений в империи.

Основные доводы С. Ю. Витте изложены в справке по истории училища, сделанной на основании изучения министром финансов его деятельности в рамках Мариинского ведомства: «Коммерческое образование более, нежели какое-либо другое специальное, зависит от множества условий, которые нужно постоянно иметь в виду для наиболее выгодного и целесообразного его направления, а главное — оно должно приноровляться к требованиям жизни и той среды, для которой и на счет которой учреждаются коммерческие училища. Преподавание в них каждого предмета должно иметь, по преимуществу, практический характер, дабы училища могли подготовлять лиц,

непосредственно пригодных для коммерческой деятельности. Деятельность эта настолько разнообразна, как сама по себе, так и в зависимости от местности и от вновь обнаруживающих потребностей нашей торговли, — вследствие ли возникновения новых отраслей отечественной промышленности, или открытия новых рынков сбыта, — что успокаиваться на одном какомлибо типе коммерческих училищ, общем для всех местностей Империи, совершенно невозможно. Даже преподавание одного и того же предмета не может вестись в различных училищах по одной и той же программе... преподавание товароведения, например, в Москве — центре мануфактурной промышленности, должно быть иным, нежели в Петербурге — отпускном порте сырых продуктов по преимуществу...»[6]

В итоге Витте считает целесообразным передать Санкт-Петербургское Коммерческое училище более близкому к сфере его компетенции ведомству, но подразумевает отнюдь не Министерство народного просвещения. Добиться решения проблемы в свою пользу министру финансов не удалось, т. к. в Опекунском Совете также не было единодушия. Поскольку ни одно из претендующих учреждений не выиграло борьбу, Петербургское Коммерческое училище осталось в ведомстве учреждений императрицы Марии, где пребывало вплоть до собственной ликвидации. Основанием для прекращения споров стало следующее решение: «...допуская, со специальным уважением, сохранение обособленности состоящих ныне в ведении ведомства учреждений Императрицы Марии и Министерства Финансов коммерческих школ... по крайней мере не следует идти дальше в этом направлении и тем поддерживать столь пагубную рознь между различными органами правительственной власти»[7].

Позиция графа И. Д. Делянова, министра народного просвещения в марте 1882 — декабре 1897 гг., была последовательной и твердой, но натолкнулась на не менее твердую позицию С. Ю. Витте — положение надо менять, но передавать коммерческие учебные заведения не в ведение Министерства народного просвещения, а в ведение Министерства финансов. С. Ю. Витте считал, что необходимо учитывать опыт Западной Европы, в том числе Швеции, где система коммерческого образования подчинялась специальному органу — Королевской Коммерц-коллегии, а также специфику рынка и отечественной промышленности,

притом что российская торговля постоянно испытывает трудности в виде юридической необеспеченности сделок, ошибок в счетоводстве, недостаточной сортировки и браковки товаров, слабым знакомством «торгового класса» с «банковским делом, кредитом и вексельным оборотом»[8]. Вызывало сомнения у министра и «отвлеченное преподавание научных дисциплин», которое мало способствует формированию у будущих коммерсантов «практической сметки, умелости и навыка»[9]. Главным доводом в пользу передачи коммерческих учебных заведений в ведение Министерства финансов С. Ю. Витте считал «подведение под общую мерку общеобразовательных требований, та нивелировка школы под общие план и программу, которая не может быть не присуща по самому характеру деятельности министерству народного просвещения, слишком занятому задачами общего образования, к тому же на сложной и отвлеченной основе классицизма»[10].

Свое видение постановки дела коммерческого образования С. Ю. Витте формулировал в 1894 г. в документе «Об основных положениях коммерческого образования в России»: «... училища Петербурга и ближайших к нему городов подлежат непосредственному надзору главного инспектора... Что касается постоянного заведывания училищем и наблюдения за его деятельностью, то оно достаточно обеспечивается училищным советом, члены которого утверждаются министром финансов... Средства для содержания коммерческих училищ должны быть изысканы на местах учреждения этих училищ. Правительственная помощь оказывается в том или другом размере только для торговых классов и школ, а также школ коммерческих знаний и лишь в тех случаях, когда учреждение этих училищ будет признано министерством финансов для того или другого района необходимым»[11]. Вопрос о материальной базе профессиональной школы коммерческого профиля также рассматривался: «Для развития коммерческих училищ было бы полезно учредить купеческие управы во всех губернских городах, а до того времени предоставить купеческому сословию право самообложения на нужды коммерческого образования. Независимо от сего министру финансов надлежало бы предоставить право утверждать уставы обществ, учреждаемых с целью открытия и содержания коммерческих учебных заведений, подобно тому, как ему

предоставлено право разрешать учреждения местных обществ для содействия развитию ремесленной промышленности»[12].

В результате длительных дискуссий судьба коммерческого образования в России была решена в пользу его средней ступени, без необходимости организовывать высшие учебные заведения подобного профиля. Коммерческий институт в Москве появится позднее. Иначе складывалась ситуация в Финляндии, где уживались разные типы коммерческого образования, не столь разнообразные на средней ступени, как это имело место в империи.

В 1893–1894 уч. г. в Финляндии функционировало 8 образовательных учреждений коммерческого профиля — 4 института и 4 школы. Коммерческие институты находились в Гельсингфорсе (Хельсинки), Або (Турку), Таммерфорсе (Тампере) и Бьернеборге (Пори). Коммерческие школы работали в Выборге, Улеаборге (Оулу), Куопио и Брахестаде (Раахе)[13]. В этих учебных заведениях различалось очень многое — количество учащихся, условия приема, правовые и финансовые аспекты. В целом совпадал срок обучения и соотношение частного и государственного капитала.

Двухлетний срок обучения предполагался во всех коммерческих институтах и двух коммерческих школах (Улеаборг и Куопио). При этом курс подготовки в Выборгской коммерческой школе занимал 1 год, а в Брахестадской мещанской и коммерческой школе — 4 года.

По данным на 1893–1894 уч. г., число учащихся варьировалось от 9 чел. (Выборг) до 108 чел. (Гельсингфорс). В остальных учебных заведениях количество воспитанников распределялось следующим образом: Бьернеборг — 30, Таммерфорс — 42, Куопио — 47, Або — 50, Улеаборг — 61, Брахестад — 85. Примечательно, что в коммерческие школы принимались ученики от 13 лет, окончившие курс народной школы или 3 класса лицея либо женской школы. В институты допускались кандидаты от 15 лет (Або) и от 16 лет (остальные).

По вопросу о правах выпускников этих профессиональных учебных заведений также присутствовало единообразие с некоторыми особенностями. Так, например, по окончании коммерческого института полагалось 1,5 года действительной службы (Гельсингфорс, Або и Бьернеборг) либо 2 года (Таммерфорс). При этом столичный институт давал право поступать на службу

в качестве практиканта в Отдел движения Правительственных железных дорог. Такое же право давало окончание коммерческой школы в Улеаборге, а коммерческая школа в Выборге предоставляла право занимать должности в почтовом ведомстве.

Все финансовые вопросы решались посредством финских марок. Годовая стоимость обучения в институтах различалась существенно: в Гельсингфорсе, где к тому же существовали параллельные отделения на финском и шведском языках и женское «шведское» отделение, плата составляла 225 марок; в Або и Таммерфорсе — 60 марок; в Бьернеборге — 80 марок. Две коммерческие школы (Улеаборг и Куопио) обучали за 60 и 80 марок соответственно, а в Выборге и Брахестаде обучение было бесплатным.

Сама стоимость годового содержания учащегося, а также размер казенного пособия и иные источники финансирования тоже различались. Так, в частности, в Гельсингфорсском институте год пребывания учащегося в стенах учебного заведения (по данным на тот же 1893–1894 уч. г.) обходился в 38 750 марок. При этом пособие от казны составляло 19 000 марок, а от Гельсингфорсской общины — 4000 марок. Остальная сумма компенсировалась платой за обучение. Справедливости ради отметим, что это был самый дорогостоящий вариант получения коммерческого образования в Финляндии в изучаемый период. К сравнению, годовое содержание в институтах Або, Таммерфорса и Бьернеборга в конце XIX в. было примерно одинаковым — 13 743 ф. м., 14 800 ф. м. и 14 989 ф. м. соответственно. Однако городские общины не во всех случаях участвовали в поддержке этих учебных заведений. В институтах Або и Таммерфорса казенное пособие составляло по 11 000 ф. м., а в Бьернеборге 8000 ф. м. Прочие же доходы различались существенно. Помимо взносов учащихся, в Або институт получал еще проценты с пожертвованных капиталов, а в Таммерфорсе городская община давала треть казенного пособия. В Бьернеборге же недостающую сумму институт получал в размере 5000 «от городского сбора по продаже хлебного вина»[14].

Стоимость содержания и статьи финансовых поступлений в финских коммерческих школах также различались. Самым дешевым было пребывание в Выборгской школе, где необходимые 6753 ф. м. складывались из 5650 ф. м. от казны и 1688 ф. м. от

городских властей. В 14 890 ф. м. и 14 400 ф. м. соответственно обходилось содержание учащегося в школах Улеаборга и Куопио. В первом случае к 8000 ф. м. казенного пособия добавлялись плата за обучение и пособия от города и городского купеческого кружка. Во втором случае 9675 ф. м. давала казна, и треть этой суммы добавлял город. Особняком выглядела Брахестадская мещанская и коммерческая школа, в которой содержание обходилось в 48 099 ф. м. исключительно в счет пожертвований.

Подводя итог, отметим, что на территории Финляндии в конце XIX в. действовали разные типы профессиональных коммерческих учебных заведений, и основы их функционирования во многом включали идеи и постулаты, которые могли бы быть использованы для реформирования всей российской системы коммерческого образования в этот период. Однако российская система подготовки коммерсантов — профессионалов шла иным путем.

Быстрому росту числа коммерческих учебных заведений способствовали некоторые права по организации училищ, отсутствие регламентации, определенная свобода в устройстве учебной части. Бурное развитие в России коммерческих учебных заведений приходится на конец XIX — начало XX в. Если в 1896 г. их насчитывалось 13, то в 1901 г. — 88, в 1906 г. — 238, в 1910–1911 гг. — 394, в т. ч. 202 — коммерческих училища и 100 торговых школ, не считая курсов коммерческих знаний и торговых классов реальных училищ. Популярность коммерческих училищ основывалась на том, что они давали среднее образование по уровню не ниже реальных училищ, имели лучшую, чем средняя школа, материальную базу и отличались хорошо поставленным преподаванием новых языков. Выпускники могли поступать в вузы коммерческого профиля или высшие технические учебные заведения[15].

Народное образование в любой стране испытывает воздействие государственного фактора, направленность которого напрямую зависит от специфики государственного устройства и особенностей исторических условий. При этом в разные эпохи следует учитывать соотношение государственного фактора, государственной кадровой политики с потребностями социально-экономического и культурного развития страны, церковью, общественной деятельностью в области просвещения.

[1] См. например: Краткие статистические сведения о состоянии Санкт-Петербургского коммерческого Училища за 100 лет. СПб., 1872; Сборник материалов для истории Санкт-Петербургского коммерческого училища. Отделы I–VI. СПб., 1889.

[2] См., например: Памятная книжка воспитанников Санкт-Петербургского коммерческого училища, окончивших курс в 1835–1901 гг. СПб., 1901; Памятная книжка воспитанников Императорского Санкт-Петербургского коммерческого училища, окончивших курс в 1850–1913 гг. СПб., 1913.

[3] См., например: *Морозан В. В.* История банковского дела в России. СПб., 2001; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М., 1997; Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга: Очерки истории. СПб., 2002; *Хуциева В. В.* Перспективы и судьба учреждений системы Российского коммерческого образования в 1917–начале 1920-х гг. (на примере Петербургского коммерческого училища Ведомства учреждений императрицы Марии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 37–48.

[4] В Совет Санкт-Петербургского коммерческого училища. СПб., 1895. С. 6.

[5] Положение утверждено 15 апреля 1896 г. и дополнено 10 июня 1900 г.

[6] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 846 (Георгиевские). Оп. 1. Д. 138. О коммерческих училищах. 1893–1895 гг. Л. 19–20.

[7] Там же. Л. 42.

[8] Там же. Л. 43.

[9] Там же.

[10] Там же. Л. 44.

[11] Там же. Ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур). Оп. 6. Д. 149. Представления в Государственный Совет по Департаменту торговли и мануфактур. 1894 г. Л.38.

[12] Там же. Л. 20.

[13] Там же. Ф. 846. Оп. 1. Д. 138. Л. 67–68.

[14] Там же. Л. 68–69.

[15] *Шапкина А. П.* О коммерческих школах дореволюционной России // Герценовские чтения 1997. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 1998. С. 13.

Литература

Бовыкин В. И., Журавлев В. В., Петров Ю. А., Сорокин А. К. Предпринимательство и предприниматели России: От истоков до начала XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 220 с.

Колмаков А. Н. В Совет Санкт-Петербургского Коммерческого училища. Объяснительная записка и проект изменений устава училища. СПб.: б/изд., 1895. 15 с.

Краткие статистические сведения о состоянии Санкт-Петербургского Коммерческого Училища за 100 лет. СПб.: б/изд., 1872. 104 с.

Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: СПбГУ, 2001. 385 с.

Памятная книжка воспитанников Императорского Санкт-Петербургского Коммерческого училища, окончивших курс в 1850–1913 гг. СПб.: Об-во для пособия б. воспитанникам С.-Петерб. коммерч. училища и их семействам, 1913. 31 с.

Памятная книжка воспитанников Санкт-Петербургского Коммерческого училища, окончивших курс в 1835–1901 гг. СПб.: Об-во для пособия б. воспитанникам С.-Петерб. коммерч. училища и их семействам, 1901. 26 с.

Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. СПб.: Нестор, 2002.164 с.

Сборник материалов для истории Санкт-Петербургского Коммерческого училища. Отделы I–VI. СПб.: б/изд., 1889. 443 с.

Хуциева В. В. Перспективы и судьба учреждений системы Российского коммерческого образования в 1917 — начале 1920-х гг. (на примере Петербургского коммерческого училища Ведомства учреждений императрицы Марии) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара: Изд. Самарского научного центра РАН, 2016. Т. 18. № 6. С. 37–48.

Шапкина А. П. О коммерческих школах дореволюционной России. // Герценовские чтения. Актуальные проблемы социальных наук. СПб.: б/изд., 1998. С. 12–13.

Л. Э. Сутягина

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЭЛЕМЕНТЫ ШВЕДСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА В КОЛЛЕКЦИИ МАЭ РАН

Центром традиционных ремесел, родиной национального герба и многих национальных традиций Шведского королевства считается провинция Даларна (или Далекарлия), расположенная в центральной части страны. Эти традиции на протяжении многих веков оказывали влияние на народную культуру не только жителей Швеции, но и шведов, проживавших в регионе Балтийского моря, в том числе островных шведов. Характерный красочный цветочный орнамент типичен для многих предметов фольклорных ремесел, будь то работа с деревом, тканями или декоративное литье.

При этом в каждой местности Швеции крестьянскому костюму был присущ определенный набор отличительных черт[1]. Одежда и обувь изготавливалась по правилам, которые портные и сапожники были обязаны соблюдать, — отсюда и характерные признаки, отличия костюма одной деревни от другой. Костюм прихода (sockendräkt) и костюм уезда (häradsdräkt) мог считаться народным костюмом в том случае, если границы прихода или уезда были четко очерчены.

В сельской местности было распространено домашнее ткачество — изготовление домотканого сукна, *вадмаля*, и холста. К примеру, в средневековой Швеции подавляющая часть тканей выделывалась в деревне; шведский город (по крайней мере, до XVI в.) не знал ткачества как отрасли городского ремесла[2]. По местным законам, при венчании каждый бонд должен был давать священнику три локтя «хорошего холста». Холстом в Се-

верной Швеции взималась часть церковной десятины и других церковных платежей. Вадмаль и холст использовались как средство платежа при торговых сделках[3].

На рубеже XIX–XX вв. на развитие текстильного искусства Скандинавии существенное влияние оказал национальный романтизм. Деревенские узоры в Швеции всегда были популярны. При создании текстильных произведений в этот период часто копировались старинные рисунки. В ткачестве использовались приглушенные зеленый, красный, синий, белый, желтые цвета, характерные для традиционного шведского костюма. Крупные цветы на женских чепцах из коллекции МАЭ РАН напоминают знаменитую роспись шведской деревянной лошадки «*Dala horse*» в стиле курбитс. Для росписи курбитс характерно изображение растений, крупных цветов, виноградных лоз, сплетенных между собой. Подобный вид творчества зарождался в народной среде, где главным источником вдохновения была природа. Текстильное искусство Швеции в XIX–XX в. неразрывно связано с традиционной крестьянской культурой[4]. Быту и искусству крестьян посвящен сборник «Народное искусство в Швеции, Лапландии и Исландии» (1910). М. Штернер систематизировала сведения о существующих обществах ремесел в различных регионах страны в работе «Домашние ремесла в Швеции» (1939)[5].

В конце XIX в. текстильное производство интенсивно развивалось как в Российской империи, так и в Скандинавии. Одним из центров текстильного производства в Швеции становится Норрчёпинг, расположенный к югу от Стокгольма, в 170 км, на берегу реки Мутала. В Хельсинки работала фабрика *Salin.* Ее владельцем был Отто Вильгельм Салин (*Otto Wilhelm Salin*), который в 1891 г. перевел производство из Выборга (Виипури) в Гельсингфорс. В 1836 г. в Тампере строится текстильная фабрика по производству тканей разного сорта. Штофные ткани поступали в Прибалтику, страны Северной Европы из Франции, Великобритании и Италии.

В собрании Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН хранится коллекция предметов № 1290 (59 ед. хр.) традиционного быта островных шведов, собранная в начале XX в. Коллекция была приобретена у председателя Экскурсионного бюро Рижского педагогического общества А. А. Фомина в 1908 г. за 50 рублей. Список коллекционных

предметов составила госпожа Ловова. В мае 1911 г. Б. Петри проверил коллекцию и коллекционную опись. Описал коллекцию младший научный сотрудник отдела Европы Института этнографии А. Нечаев[6].

Предметы традиционного быта характеризуют локальную этнографическую группу островных (прибрежных) шведов с острова Руно (Рухну) Рижского залива Балтийского моря[7]. В. А. Галиопа полагает, что среди исследователей и собирателей исчезнувшей в 1940-е гг. этнической группы островных шведов (все реэмигрировали в Швецию) были председатель экскурсионного бюро Рижского педагогического общества А. А. Фомин, пастор А. Цеттерквиста и учитель Н. Ф. Арепьев[8]. Летом 1908 г. инспектор учебных заведений Рижского округа А. А. Фомин в составе группы учителей Рижского педагогического общества совершил комплексную собирательскую экскурсию на о-в Рухну (Рунё) с целью сбора этнографического материала об островных шведах. Коллекция с острова Рухну была передана им как в отдел этнографии Русского музея, так и в Кунсткамеру. В ряде статей по истории скандинавских коллекций в собрании МАЭ к. и. н. Т. А. Шрадер исследовала и описала большинство предметов этих коллекций, а также выполнила их общую атрибуцию и характеристику для собраний МАЭ РАН и РЭМ[9].

Т. А. Шрадер считает, что шведы — переселенцы, появившиеся на островах Западной Эстонии в XIV в. и проживавшие там вплоть до середины XX в., сохранили особенности хозяйственного и культурно — бытового уклада. «Островные» шведы сберегли самобытную культуру, язык, легенды, предания, а в сфере материальной культуры — мужскую и женскую одежду, особенности форм и декора утвари и орудий труда[10].

Важно обратить внимание на женские головные уборы из коллекции МАЭ РАН (№ 1290), характерные для традиционной шведской культуры. Шведский традиционный головной убор — *huvudbonad* — на протяжении времени видоизменялся, имел разные формы и изготавливался из различных материалов. В коллекции хранятся четыре женских головных убора, имеющих форму чепчика. Эти старинные, красивые чепчики украшают скандинавские коллекции МАЭ уже более ста лет. Всем головным уборам присущ характерный для шведского женского костюма яркий цветочный орнамент. Внутри чепчиков, под под-

кладкой, проложен слой волокон растительного происхождения, которые держат форму головного убора; прошиты холщевой нитью. На тыльной стороне головных уборов — вставки из хлопка. Скроены чепчики из двух половинок неправильного эллипса. Такая форма головного убора была характерна для многих регионов Швеции и Норвегии. Есть небольшие потертости, ткань выцвела, но в целом чепцы не утратили своей привлекательности. Размеры чепцов приблизительно одинаковы — высота: 23–25 см, окружность по нижнему краю: 59–62 см.

Женский чепец, сшитый из двух кусков шелковой ткани розового цвета, украшен цветами, вышитыми черными, голубыми, белыми и зелеными шелковыми нитками. На затылке от нижнего края вставлено по шву два треугольника из шелковой ткани малинового цвета. Подкладка изготовлена из домотканого холста белого цвета. Нижний край чепца по овалу окантован полосой голубой шелковой ткани и обшит каймой из полосы кружев черного цвета. Предмет старый, ношенный[11]. Темно-синий шелковой женский чепец с белыми клетками по всему полю и мелкими белыми, коричневыми, зелеными цветами сшит также из двух кусков ткани. По краю головного выреза идет кайма из темно-синего домотканого холста; край окружности окантован полосой шелковой ткани желтого цвета. Подкладка головного убора выполнена из домотканого холста белого цвета[12].

Еще один головной убор сшит из ткани зеленого цвета с крупными цветами красного, коричневого, черного и ярко-зеленого цветов. По нижнему краю чепец окаймлен полоской зеленого цвета из домотканого холста. Кант по окружности оборван; сохранились лишь нитки, которыми он был сшит. Подкладка из домотканого холста белого цвета. Фактура ткани вытерлась. В некоторых местах утрачены нити шитья[13].

Нарядный женский чепчик из шелковой ткани черного цвета с крупными красными, белыми, синими, зелеными цветами окаймлен и окантован синей шелковой лентой с двумя переплетающимися продольными зигзагами белого и коричневого цвета и полоской кружев черного цвета. Подкладка выполнена из домотканого холста белого цвета. С тыльной стороны чепчика — вставка из черной ткани. Чепчики прошиты тонкой, холщовой нитью[14].

Коллекционные предметы из собрания МАЭ РАН идентичны подобным головным уборам шведских провинций, бытовавшим в XVIII — нач. XX в. В иллюстративном фонде МАЭ хранятся негативы и почтовые открытки с изображением шведских женщин в народном костюме провинций Смоланд, Сконе, Даларна (Далекарлия)[15]. Головной убор либо платок или вязаная шапочка были обязательными элементами народного костюма[16]. В XVIII–XIX вв. чепчиком называли легкий женский головной убор в виде закрывающего волосы капора (иногда с завязками под подбородком). Данные головные уборы были типичны не только для крестьянской культуры, но и широко использовались женщинами других сословий, как в Европе, так и в России. Для изготовления использовали красочные ткани шелк, бархат, лен, хлопок, ситцы[17]. По всей Северной Европе это был наиболее распространенный головной убор замужних женщин. Передний край часто украшали кружевами, которые обрамляли лицо. Волосы были скрыты под «крышкой» при ношении[18].

Ткань, из которой изготовлена лицевая часть шведских чепчиков — штоф жаккардового переплетения; фон репсовый[19]. Немецкое слово stoff буквально означает «ткань». Изначально штоф представлял собой плотную шелковую или шерстяную ткань с различным переплетением, сотканную с использованием скручиваемых из нескольких нитей утка и основы. Основная часть штофов являлась одноцветной, орнаменты создавались при помощи сочетания матовых и блестящих поверхностей репсового, крепового типов переплетений. Тонкий сорт штофа использовался при пошиве юбок и платьев в XVIII в. Мода на одежду из штофа вернулась в 1830-х гг. Плотный штоф всегда был востребован в качестве портьерной и обивочной ткани. Ткань изготавливалась на фабричных станках, а чепчики шили вручную.

По мнению Е. М. Кварнстрём из университета Або, в результате промышленной революции народный костюм перестал использоваться в качестве повседневной одежды не только в разных районах Швеции, но и во многих странах мира. Тем не менее до сих пор в особых случаях, на семейных торжествах, во время национальных праздников шведы надевают традиционные нарядное костюмы, установленные в границах их церковного прихода. Традиционный костюм считается парадной одеждой

и хорошей альтернативой современным костюмам для самых торжественных случаев[20]. Традиционный костюм также подходит для семейных торжеств, таких как свадьбы и крестины. В современной Швеции традиции народного костюма возродились. Во время летнего праздника *Midsommar* (Середина лета) многие шведы в народных костюмах участвуют в фольклорных фестивалях[21].

В каталогах коллекций Северного музея (*Nordiska museet, Stockholm)* женские головные уборы чаще называют «*kvinna mössa*» (женская шапочка) или hätta, huva — капюшон, капор[22]. В экспозиции Северного музея представлены образцы головных уборов, характерные для традиционной культуры шведских провинций XV — нач. XX столетий. Если в стародавние времена шведской народный костюм был историческим платьем, которое носили круглый год, то в XIX в., с индустриальной революцией, всё больше крестьян уезжало в город, где народный костюм был неуместен и неудобен[23].

Огромная заслуга в сохранении народной культуры и ее популяризации принадлежит Артуру Хазелиусу, создавшему Северный музей и музей под открытым небом «Скансен»[24]. Несколько образцов из коллекций Северного музея, собранных в провинции Даларна Артуром Хазелиусом в 1872 г., напоминают те самые женские головные уборы, а точнее, чепчики, хранящиеся в МАЭ. Они выполнены из разнообразных тканей — бархата, шелка, ситцев с набойками; украшены ручной и машинной вышивкой, но главное заключается в том, что технология изготовления самого чепчика идентична тем головным уборам, которые были приобретены Императорским музеем Академии наук у А. А. Фомина. Внутренняя часть чепчиков из фондов Северного музея выполнена из холщовой ткани. Лицевая часть — из нарядной ткани, которая могла быть и просто красивым ситцем с набойками, и вышитым бархатом, и плотной тканью жаккардового плетения типа штоф в форме эллипсовидного капора. Сшивался чепчик по центру, лобная часть украшалась красивой ленточкой или кружевом. Цветовая гамма разнообразна, но преобладают красный, зеленый, синий цвета[25].

Памятники этнографии народов Скандинавии в собрании МАЭ РАН дают не только представление о традиционной культуре Швеции рубежа XIX–XX вв., но и помогают изучать этнос.

Несмотря на усиление процесса глобализации, в большинстве стран мира сохраняется интерес к этнографии. Самобытное искусство народных мастеров притягивает и завораживает. Орнаменты традиционной одежды и утвари, где ощущение простоты, живой формы и цвета сочетается с декоративным контекстом, характеризуют национальную идентичность. Островные шведы региона Прибалтики сохраняли исконно народные традиции, которые являлись частью их в повседневной жизни. Именно об этом свидетельствуют элементы шведского народного костюма в коллекции МАЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН.

---

[1] *Сутягина Л. Э.* Шведские ложки в коллекции МАЭ РАН // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в 2012 г. СПб., 2013. С. 221–225.

[2] См.: *Сванидзе А. А.* Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985.

[3] Там же.

[4] *Qvarnström E. M.* The National Costume — a Development from Folk Costume to Fashion Garment // Novia University of applied sciences. Turku. 2012. 52 с. [Электронный ресурс] URL: Filing: web-library Theseus.fi

[5] *Широковских М. С.* Текстильное искусство Швеции в XV–XX вв.: орнаментальные мотивы и техники // Дизайн. Материалы. Технология. № 2 (27). СПб., 2013. С. 148–151.

[6] Коллекционные описи МАЭ РАН. Опись колл. № 1290.

[7] *Галиопа В. А.* Орудия морского зверобойного промысла и наземной облавной охоты островных шведов Балтики второй половины XIX — начала XX века в собрании Российского этнографического музея // Скандинавские чтения. 2008. СПб., 2010. С. 436–438.

[8] Там же.

[9] *Шрадер Т. А.* Экспонаты из Скандинавии в музеях Санкт-Петербурга // Скандинавские чтения 1998 года. СПб.: Наука, 1999. С. 356–363.

[10] *Шрадер Т. А.* Мир Скандинавии на берегах Невы // Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» / Журнал «Музеи России3// URL: http://isaak.spb.ru/journal/shrader.

[11] Коллекционные описи МАЭ РАН. Опись колл. № 1290.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] Коллекционные описи МАЭ РАН – Опись колл. № 1290.

[15] *Шрадер Т. А.* Скандинавский национальный костюм в иллюстрациях (из фондов МАЭ РАН) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб., 2014. С. 347–377.

[16] Nordiska museet under 125. Stockholm. 1998. С. 191, 218–219.

[17] Ibidem.

[18] *Qvarnström E. M.* The National Costume — a Development from Folk Costume to Fashion Garment.

[19] Штоф — одно — или двухцветная ткань жаккардового переплетения. Фон этих тканей мог быть репсовым или атласным. См.: Справочник. РЭМ. СПб., 2002. С. 328, 334.

[20] *Qvarnström E. M.* The National Costume — a Development from Folk Costume to Fashion Garment.

[21] The Swedish National Costume· [Электронный ресурс] URL: http://www.sverigedrakten.se/story/SWEA-story.html

[22] Nordiska museet under 125. S. 191, 218–219.

[23] *Qvarnström E. M.* The National Costume — a Development from Folk Costume to Fashion Garment.

[24] *Сутягина Л. Э.* Шведские ложки в коллекции МАЭ РАН. С.224.

[25] Nordiska museet under 125. S. 218–219.

Литература

Галиопа В. А. Орудия морского зверобойного промысла и наземной облавной охоты островных шведов Балтики второй половины XIX — начала XX века в собрании Российского этнографического музея // Скандинавские чтения 2008: Сб. статей. СПб.: Лема, 2010. 589 с.

Сванидзе А. А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М.: Высшая школа, 1985. 176 с.

Сутягина Л. Э. Шведские ложки в коллекции МАЭ РАН // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты в 2012 г. СПб.: Лема, 2013. 464 с.

Широковских М. С. Текстильное искусство Швеции в XV–XX вв.: орнаментальные мотивы и техники // Дизайн. Материалы. Технология. № 2 (27) . СПб.: Издательство СПГУТД, 2013. 185 с.

Шрадер Т. А. Мир Скандинавии на берегах Невы // Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор». Журнал «Музеи России» // URL: http://isaak.spb.ru/journal/shrader.

Шрадер Т. А. Скандинавский национальный костюм в иллюстрациях (из фондов МАЭ РАН) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб.: Лема, 2014. 406 с.

Шрадер Т. А. Экспонаты из Скандинавии в музеях Санкт-Петербурга // Скандинавские чтения 1998 года. СПб.: Наука, 1999. 399 с.

Nordiska museet under 125. Stockholm. INBUNDEN. 1998. 503 p.

Qvarnström E. M. The National Costume — a Development from Folk Costume to Fashion Garment// Novia University of applied sciences. Turku. 2012. 52 p.

The Swedish National Costume. [Электронный ресурс] URL: http://www.sverigedrakten.se/story/SWEA-story.html.

А. Н. Шувалова

УЧЕНЫЕ ФИНЛЯНДИИ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX — начале XX в. многие ученые Финляндии отправлялись изучать различные аспекты деятельности жителей Олонецкой губернии, а также природные богатства данной местности. Материалы об отправке таких ученых для проведения научных исследований сохранились сегодня в Национальном архиве Республики Карелия.

Одним из первых отправился в путешествие по Карелии магистр философии Императорского Александровского университета Джон Сальберг. 2 (14 июня) 1869 г. губернатору Олонецкой губернии поступило письмо следующего содержания от генерал-губернатора Великого княжества Финляндского Н. В. Адлерберга: «Для подробнейшего изучения произведений природы Финляндии и к ней прилегающих стран поручается ежегодно Александровским университетом молодым, к ним принадлежащим лицам, предпринимать поездки по означенным областям с целью естествоиспытания. В нынешнем году поручено оказанием университетом магистру философии Джону Сальбергу отправиться в Архангельскую и Олонецкую губернию для исследования специальной части царства животных. Снабдил Сальберга открытым листом и билетом на свободный проезд»[1]. Кроме того, в 1884 г. Сальберг, будучи доктором философии, планировал снова посетить западную часть Олонецкой губернии, чтобы провести в этих местах исследования по зоологии[2].

3 (15) апреля 1871 г. от генерал-губернатора Финляндии поступило очередное письмо: «Финское литературное общество поручило... кандидату Императорского Александровского

Финляндского университета Арвиду Генецу отправиться в российские части Карелии для изучения тамошнего финского наречия»[3]. Заметим, что Арвид Генец был финским лингвистом[4]. Он побывал на Кольском полуострове в 1874–1876 гг., где изучал жизнь лопарей[5]. В 1879 г. издал «Евангелие от Матфея» на кильдинском диалекте саамского языка, в 1891 г. «Словарь кольских диалектов лопарского языка»[6]. С 1881 г. по 1910 г. Арвид Генец преподавал в Сортавальской семинарии ботанику и зоологию[7].

5 (17) февраля 1894 г. поступила просьба об отправлении в Олонецкую губернию «финляндского уроженца, литератора И. К. Инха, который был намерен предпринять поездку для этнографических исследований в Олонецкую губернию»[8]. Писатель И. К. Инха прославился тем, что в поездке по территории северной Карелии он описал игру «кююккя» на основании знаний фольклора беломоро-карельских народов. Эту игру раньше знали только вблизи Суоярви и Салми, но сейчас эту народную игру активно популяризируют во всей Республике. Кроме того, И. К. Инха стал пионером фотографии в Финляндии, осуществив впервые фотоэкспедицию по Беломорской Карелии в 1894 г. Его фотографии растиражированы во многих музеях Карелии и Скандинавии. Он успел отснять еще бытующие традиции северных карелов[9]. Архив фотографий литератора составляет более 200 снимков: игра в «кююккя», праздники, будни, быт, традиции и многое другое из жизни местного населения.

В очередном письме от 20 мая (1 июня) 1895 г. говорилось: «Магистр философии И. Э. Росберг, пользующийся стипендией от Общества любителей географии Финляндии, намерен в течение будущих июня, июля и августа месяцев производить исследования по части естествоведения»[10].

5 (17) апреля 1897 г. сверхштатный профессор ботаники при Александровском университете в Гельсингфорсе доктор философии Г. П. Норлин планировал также осуществить поездку летом 1897 г. в разные места губернии для ботанических изысканий и собирания ботанических коллекций[11].

Более того, 15 (27) февраля 1897 г. студенты Александровского университета Густав Карьялайнен и Уно Картунен намерены были летом того же года предпринять на средства, выдаваемые исправляющим должность канцлера университета, поездку в губернию для изучения наречия и народных песен карельского

населения[12]. Один из этих студентов, Г. Карьялайнен, впоследствии станет известным финским филологом и составит первый большой хантыйско-иноязычный словарь. С 1905 г. он работал на историко-филологической кафедре в качестве адъюнкт-профессора финно-угорских языков. В 1905–1913 гг. был лектором финского языка. Начиная с 1894 г. Г. Карьялайнен совершил несколько лингвистических экспедиций по Беломорской Карелии. В 1895 г. он посетил тверских карело.

Несколько документов относятся к личности И. И. Куйола. 29 мая 1909 г. поступило в Олонецкое губернское правление прошение магистра философии Александровского университета И. И. Куйола о выдаче ему установленного свидетельства на право иметь при себе фотографический аппарат при производстве лингвистических и этнографических исследований в Олонецкой губернии[13]. Известно, что такое свидетельство он получил[14]. Его рапорт поступил и к приставу Петрозаводского уезда Спасопреображенской волости. В нем говорилось, что 25 мая 1909 г. И. И. Куйола производил на территории волости фотографические снимки села Спасской губы и дер. Мунозера, и 26 мая выбыл в г. Петрозаводск»[15].

Интересен и список ученых, проводивших летом 1909 г. научные исследования в губернии (от 10 марта 1910 г.) [16]. В список записывали имя, фамилию и звание, для какой цели командирован учебным заведением. Среди перечисленных ученых были: Куйола, магистр философии Александровского университета, отправлен для лингвистических и этнографических исследований среди карельского населения, жил в Петрозаводске; Войне Саальминен, кандидат философии Александровского университета, для лингвистических и этнографических исследований, имел пребывание в Петрозаводском уезде; Густав Хальстром, шведский ученый, отправлен для собирания народных былин и производства фотографических снимков, имел пребывание в Повенецком уезде; Вильгельм Рамзай, профессор Гельсингфорского университета, действительный член императорского Минерального общества, отправлен для минералогических и геологических исследований, имел пребывание в Повенецком уезде и производил исследования в деревне Святнаволок, Мяндусельской волости и Сяргозеро, Богоявленской волости, был командирован Минеральным обществом. Необходимо заметить,

что В. Рамзай — российский и финляндский геолог, специалист по палеогеографии, иностранный член-корреспондент Академии наук СССР (1925). В период с 1887 по 1914 г. провел 7 экспедиций на Кольский полуостров, в Олонецкую губернию и на полуостров Канин[17]. Изучать Карелию он начал летом 1903 г., посетив за все время эту местность 3 раза. В. Рамзай — автор более 150 научных работ[18]. Кроме того, в списке значатся еще и следующие фамилии: Берндти Эскола, магистр философии. Он имел пребывание в Повенецком уезде, производил исследования в Остречье, Медвежьей горе, Мяндусельгской волости, Шунгской волости. Аляпи-Вильхо Тальвия, студент Гельсингфорского университета, производил минералогические исследования под руководством профессора В. Рамзая.

Таким образом, ученые Великого княжества Финляндского проводили исследования в Карелии на рубеже веков в следующих направлениях: лингвистика, этнография, минералогия, геология, ботаника.

---

[1] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49/69. Л. 1, 1 об.

[2] Ученые исследования // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 27. С. 7.

[3] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60/91. Л. 309–309 об.

[4] Ученые исследования в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1871. № 53. С. 618; Исследования шведских и финляндских ученых натуралистов на севере Олонецкой и Архангельской губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 19. С. 8.

[5] *Чагин Г.* Н. Вклад Арвида Генеца и Василия Лыткина в изучение коми-язьвинского языка // Материалы международной научно-практической конференции «Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики». Пермь: Изд-во Прикамского социального института, 2015. С. 335 — 343; Исследования магистра Генеца в Лапландии // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 5. С. 4.

[6] Коми язык: энциклопедия. М.: ДиК, 1998. 607 с.

[7] Памятные места семьи Рерихов в Северном Приладожье: краткий путеводитель. СПб.: ООО ИПК «Коста», 2009. 56 с.

[8] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 17. Д. 43/3. Л. 120, 120 об.

[9] *Пашков А. М.* Карельские просветители и краеведы середины XIX–XX в. // Российская история. 2009. № 3. С. 227 — 234.

[10] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 17. Д. 45/4. Л. 24, 24 об.; *Saarnisto M.* Finnish-Russian Karelian collaboration in quaternary geological research in Karelia // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2016. № 2. С. 112 — 119.

[11] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 17. Д. 49/3. Л. 190, 190 об.

[12] Там же. Л. 80, 80 об.

[13] *Иванова Л. И.* Фольклор карелов-людиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3 (79). С. 30–33.

[14] Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 89/2310. Л. 2.

[15] Там же. Ф. 620. Оп. 2. Д. 11/214. Л. 232, 232 об.

[16] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106/1. Л. 167, 167 об.

[17] *Дюжилов С. А.* Кольская эпопея В. Рамзая // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2005. № 2. С. 8–9.

[18] *Куплетский Б.* Памяти Вильгельма Рамзая // Карело-Мурманский край. 1928. № 2. С. 18–19.

Литература

Дюжилов С. А. Кольская эпопея В. Рамзая // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2005. № 2. С. 8–9.

Иванова Л. И. Фольклор карелов-людиков: история собирания и современное состояние // Живая старина. 2013. № 3 (79). С. 30–33.

Исследования магистра Генеца в Лапландии // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 5. С. 4.

Исследования шведских и финляндских ученых натуралистов на севере Олонецкой и Архангельской губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1877. № 19. С. 8.

Коми язык: энциклопедия. М.: ДиК, 1998. 607 с.

Куплетский Б. Памяти Вильгельма Рамзая // Карело-Мурманский край. 1928. № 2. С. 18–19.

Памятные места семьи Рерихов в Северном Приладожье: краткий путеводитель. СПб.: ООО ИПК «Коста», 2009. 56 с.

Пашков А. М. Карельские просветители и креведы середины XIX–XX в. // Российская история. 2009. № 3. С. 227–234.

Saarnisto M. Finnish-Russian Karelian collaboration in quaternary geological research in Karelia // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2016. № 2. С. 112–119.

Ученые исследования в Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости. 1871. № 53. С. 618.

Ученые исследования // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 27. С. 7.

Чагин Г. Н. Вклад Арвида Генеца и Василия Лыткина в изучение коми-язьвинского языка // Материалы международной научно-практической конференции «Языковая толерантность как фактор эффективности языковой политики». Пермь: Изд-во Прикамского социального института, 2015. С. 335–343.

Б. С. Жаров

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТУРИСТ В СКАНДИНАВИИ СТО ЛЕТ НАЗАД

Понятие «*турист*» совсем не такое новое, как думают некоторые. Оно употреблялось и сто лет назад, хотя понятно, что количество туристов было другим, чем сейчас. Но люди ездили за рубеж, многие хотели посмотреть интересное и узнать новое.

Начальным этапом в туристической поездке является использование путеводителей, бедекеров, как их до сих пор называют. Карл Бедекер (1801–1859), немецкий издатель, основавший в 1827 г. первое в мире издательство путеводителей, подарил миру также свою фамилию, ставшую нарицательной для изданий такого рода. Создателем российских бедекеров стал Сергей Никитич Филиппов (1863–1910), журналист, автор нескольких книг с весьма квалифицированным описанием маршрутов поездок по России и за рубеж. В 1900 г. он выпустил книгу «Западная Европа. Спутник туриста», выдержавшую несколько изданий.

Интересно посмотреть в наше время на 6-е издание «Спутника туриста», выпущенное в 1912 г., совсем незадолго до начала Первой мировой войны, которая не только резко остановила поток туристов, но и перетряхнула историю Европы и существенно изменила ее карту[1]. В начале книги сформулированы цели: «Мы желали бы, чтобы книга явилась действительно спутником туриста, т. е. образованным сведущим дорожным товарищем, могущим ответить на разнообразные вопросы, возникающие в жизни»[2]. Современного читателя порадует употребление слов «спутник» и «товарищ». В целом следует признать, что поставленная составителем цель была достигнута.

Во вводном разделе говорится об общих правилах, которые надо знать, прежде чем отправиться в заграничное путешествие. «*Заграничные паспорты* (!). Для получения полугодового заграничного паспорта следует предварительно взять свидетельство из полиции о неимении препятствий с ее стороны к выезду данного лица за границу [...] и представить его в канцелярию губернатора, градоначальника и пр. [...] Срок дозволенного пребывания всех вообще русских подданных за границей с узаконенным паспортом назначается пятилетний»[3].

В книге есть разного рода полезные советы, помогающие лучше чувствовать себя во время поездки в любые страны Европы. «В заграничных таможнях не лишнее быть полюбезнее с таможенными досмотрщиками, и везде одинаково хорошо действует „на чай“[4]. [...] Не следует в городах доверяться уличным гидам, или чичероне, предлагающим всюду свои услуги. Не говоря уже о том, что они совершенно бесполезны, эти паразиты (!) в большинстве случаев невежественны и недобросовестны»[5]. Профсоюзы гидов в те далекие времена еще не существовали, поэтому привлечь автора к суду за оскорбление было некому.

Подробно описывается железнодорожное сообщение. «Вагоны на железных дорогах Северной Европы гораздо более благоустроены, чисты и удобны, нежели на железных дорогах юга, где очень часто встречается система отдельных купе на несколько человек, причем всюду отсутствуют „необходимейшие удобства“[6]. Последние два слова взяты в кавычки, значит, они еще не стали термином, известным каждому.

Россиянам, пожелавшим отправиться в страны Европы, в книге предлагается огромный материал с картами, планами, подробными описаниями музеев и природных достопримечательностей по Франции (130 с.) и Италии (96), меньше по Германии (75), Австро-Венгрии (44), Великобритании (34).

Гораздо меньше материала для тех, кто хотел бы выбрать поездку в Норвегию (22), Швецию (18) и Данию (10). Совсем ничего нет по Исландии — туризм туда в те времена не имел смысла. Великое княжество Финляндское тогда входило в состав Российской империи, в книге оно, естественно, отсутствует. Посмотрим, что говорится в «Спутнике туриста» о странах Скандинавии, имея в виду в первую очередь сведения, полезные для туристов, едущих из Петербурга.

Переезд в *Швецию* не составляет проблемы. «Из Петербурга (пароходная пристань на Васильевском острове между 9-й и 10-й линиями) летом 3–4 раза в неделю отходят пароходы «Финляндского пароходного общества» в Стокгольм. Цены: 19 рублей каюта 1 класса, 15 р. — 2 кл. (100 фунтов багажа бесплатно) и 11.50 р. место на палубе 3 кл. (50 ф. багажа бесплатно)»[7]. Ясно, что люди, как правило, ездили с большим багажом. Желающие могли также сначала доехать до Гельсингфорса на поезде и уже затем на пароходе. «Такой путь, хотя и значительно сокращает переезд по морю, зато лишает туриста береговых видов на шхеры, которые довольно живописны»[8].

Общие данные о Швеции. «Железные дороги. Для длинных переездов следует брать скорые поезда, так как другие идут очень медленно. Буфеты только на станциях, немногочисленны, но недурны. Спиртных напитков нет»[9].

«Первоклассные гостиницы лишь в больших городах и посещаемых местах. Второстепенные гостиницы довольно порядочные. „Чаи“ везде умеренные. Во всех существует закусочный стол, уставленный всевозможными холодными блюдами и водками (!). Есть можно по желанию и аппетиту (30–50 эре)»[10]. Названия «шведский стол» не было, а по существу это то самое.

«Монетная система: 100 эре = 1 кроне. Золото: 20, 10 крон. Серебро: 2 и 1 кр. И 50, 25 и 10 эре. Бронза: 5, 2, 1 эре. Кредитные билеты: 10 и 5 кр. Шведские, норвежские и датские деньги в одной цене»[11]. Интересно равенство трех валют.

«В южной Швеции следует осматривать города, особенно Стокгольм, и каналы. Северная Швеция уступает в красотах природе Норвегии, но тем не менее, разнообразие ее берегов, ее озера и реки представляют достаточно характерного и красивого. Так как Швеция еще не сделалась, наподобие Швейцарии, сборищем (!) туристов всего света, то путешествие по ней особенно мило отсутствием шума, суеты, толпы иностранцев и прочими (?) докучными спутниками экскурсий по Швейцарии»[12]. Здесь и в других местах заметны небольшие недоработки с падежами.

«Язык. Для посещения больших городов Швеции нет необходимости в знании шведского языка: во всех хороших отелях понимают и говорят по-французски и главным образом по-немецки. Но для маленьких пунктов не лишнее — знать кое-что об особенностях произношения некоторых шведских букв

и имен числительных. В шведской азбуке существует несколько совершенно оригинальных букв: *å*, *ä* и *ö*"[13].

Довольно подробно описан Стокгольм. «Столица Швеции лежит в глубокой бухте Балтийского моря, называемой Saltsjön — Солёное озеро — у начала озера Мелар (совр. Меларен). Город расположен на островах, в низменности и на возвышенности — ансамбль, придающий ему замечательно живописный характер. Оригинальность Стокгольма заключается в контрасте его как современного вполне европейского города с лежащими непосредственно с ним рядом первобытными местностями, представляющими нетронутое царство утесов и скал»[14].

Приводятся всевозможное бытовые подробности. «Извозчики: конец 1 кр, час 1 кр 25 эре. Трамваи, как особенность: ездок бросает плату за проезд (10 эре) в кружку. Если трудно разменять, то кучер меняет до 1 кроны, которую передают в окошечко».[15] Из описания неясно, конка это или электрический трамвай. В год выпуска 1-го издания книги (1900) в городе была только конка, первые электрические трамваи пошли в 1901 г. К выходу 6-го издания (1912) было уже много маршрутов трамвая, но сохранялась и конка. Не заметил новый редактор этой новинки или знал о ней, но по инерции использовал старые термины (кучер), остается неизвестным.

Достопримечательности. «Центр, куда прежде всего попадают приезжающие из России — остров Staden, или старый город, в котором находится Королевский дворец (...) Большое здание в стиле итальянского ренессанса, которое начато постройкой в 1697 году [...]. Вход во дворец ежедневно в отсутствие королевской семьи. В каждой части свой проводник. На чай 1 крона»[16].

«Большая церковь, или С.-Николай (Storkyrkan), построенная в 1264 г. и впоследствии вполне реставрированная. Вход — на чай 50 эре»[17].

«Большая площадь (Stortorg), центр старого города. Эта площадь была театром многочисленных кровавых событий шведской истории. Множество узких переулков идут к набережной. [...] Отсюда через мост входят на маленький островок с церковью, служащей усыпальницей королей и великих людей Швеции, начиная от эпохи Густава Адольфа. Вид церкви очень оригинален. В ней не бывает служб»[18].

К северу от старого города. «Мост Норрбро от королевского дворца ведет на противоположную сторону к площади Густава-Адольфа с его конной статуей. [...] Одну из сторон занимает грандиозное новое здание Оперы с лежащими сзади нее садами, тянущимися до площади Карла XII»[19].

«Идущая от набережной длинная улица Drottninggata, перерезающая весь Северный квартал, самая блестящая (!), с лучшими магазинами Стокгольма. На этой улице находится Северный музей [...] Музей безусловно интересен. Музейская прислуга (женская) в живописных костюмах жителей Далекарлии, провинции, которая славится красотой своих женщин»[20]. В 1900 г., когда вышло первое издание книги, музей действительно находился на этой улице. Но для него было построено новое ныне существующее здание в стиле ренессанс на острове Юргорден, в которое он благополучно переехал в 1908 г. Таким образом, к выходу издания книги в 1912 г. на улице Дроттнинггата музея уже точно не было. Впрочем, незнание текущих изменений здесь и в некоторых других местах — распространенный дефект путеводителей.

Упоминаются другие музеи, в частности Национальный. Подробно и с восторгом книга описывает Skansen — музей на открытом воздухе. «Единственный в своем роде, в смысле ознакомления со страной и ее этнографией. В нем имеются горы, скалы, озера, леса, обработанные поля и пр., представляющие наглядную картину природы и культуры Швеции. [...] Целый ряд домов и жилищ различных обитателей шведского государства, привезенных из разных областей Швеции, дополнят необыкновенно оригинальное впечатление этого музея»[21].

Из достопримечательностей в окрестностях Стокгольма отмечен замок *Drottningholm* — «летняя резиденция шведского короля — осмотр на чай 1 кр. Сады замка разбиты во французском стиле. За ними обширный парк, театр и лабиринт из кустарника»[22].

Все другие заметные города Швеции с кратким комментарием приводятся по алфавиту. Среди них несколько подробнее описана Упсала. «Главный исторический центр Швеции, основана еще в языческие времена и была сильной противницей введения христианства. Собор, построенный в XIII–XV вв., заключает в себе хорошие картины шведской школы. Очень

хороши фрески Сандберга в капелле Густава Вазы, в которой надгробный памятник этого короля. Новое здание университета, находящееся недалеко от собора, построено в стиле Ренессанс в XIX в. (университет основан в 1477 г.) [...] В библиотеке более 230 000 томов и 12 000 рукописей — Codex Argentius, перевод евангелия, сделанный епископом Ульфилой во второй половине IV в. На одном из холмов замок, который начал строиться при Густаве Ваза, и остался незаконченным. [...] В 4 километрах от Упсалы находится Старая Упсала, бывшая резиденцией шведских королей в языческие времена»[23].

Норвегия. «Климат в фиордах сравнительно мягкий, благодаря их защищенности от ветров и близости Гольфштрема. Частые дожди. Фиорды вообще замечательно красивы и представляют большую притягательную силу для туристов»[24]. «Вообще, в смысле красот природы, совершенно нетронутой и своеобразной, Норвегия представляет громадный интерес для туриста»[25].

Путеводитель отмечает одну важную особенность норвежцев. «Не встречающееся нигде в Европе в той мере равенство классов и социальных положений заставляет туриста быть одинаково вежливым и корректным со всеми норвежцами, к каким бы сословиям и классам общества они ни принадлежали. Это следует твердо помнить»[26].

«Пароходство хорошо организовано, пароходы по фиордам очень удобны. Рекомендуется при остановках пароходов у пристаней наблюдать за своим багажом, так как иногда при выгрузке случается путаница. Еда на пароходах недурна»[27].

«Вполне благоустроенные гостиницы лишь в главных города. [...] *Слуга* называется opvartningspige (В действительности это слово значит «служанка». — *Б. Ж.*). Часто при приезде приходится самому снимать с экипажа свой багаж. Это, впрочем, объясняется не чем другим, чрезвычайно простотой норвежцев»[28].

Столица страны Христиания (встречается вариант Кристиания). «Трамваи конные (!) и электрические по всему городу. [...] Главная достопримечательность Carl-Johans-Gade — улица Карла Иоганна. Идет от вокзала до королевского замка на протяжении 1 километра. Почти в начале большая площадь, или Stortorv, обыкновенно называемая Torvet. На ней статуя Христиана IV. Vor Frelsers Kirke — Церковь Спасителя — самая интересная из

церквей Христиании, находится направо от этой площади. Недалеко от нее Dampkjökken — огромная общественная кухня на 2000 человек, основанная в 1858 году. Обед из этой кухни стоит 25–30 эре. Можно обедать в помещении при кухне и брать обеды на дом»[29].

«Стортинг, или дворец сейма, находится далее по этой улице. В главной зале могут помещаться (!) 114 депутатов. В верхней палате заседают 40 членов. [...] За университетом сад, в котором хранятся два больших судна викингов»[30]. Можно отметить, что позже, в 1926 году, был создан хорошо известный туристам наших дней специальный музей кораблей викингов на острове Бюгдэйа.

Замок — *Slottet*. «В конце улицы Карла-Иоганна на возвышении среди красивого парка высится здание Замка простой архитектуры, осмотр 2–4 ч. 50 эре. В замке приемные залы, столовая в помпеянском (!) стиле, тронная и другие залы. [...] Недалеко от Стортинга церковь Св. Иоганна — St.-Hans Kirke. Идя от этой церкви по направлению к берегу залива, приходят к крепости — Akershus foestning, с валов которой очаровательный вид на фиорд, особенно утром при восходе солнца»[31].

Есть сведения о других городах. «Берген — один из старых и красивейших городов Норвегии. Несмотря на северное положение, он отличается богатством растительности, совершенно средне-европейской. [...] Жители Бергена отличаются от других норвежцев большей общительностью и особенной живостью характера. Они любят веселье, прогулки и прочее, все это соединяя с песнями»[32].

Город Тронхейм. «Дронтгейм — прежняя столица норвежских королей. [...] Хотя это самый северный из больших европейских городов, тем не менее климат его зимой такой же как в Дрездене. Лето такое же, как в южной половине Ирландии. [...] Старый собор — единственная наиболее интересная достопримечательность в городе, самая грандиозная церковь Скандинавии, она построена в XI в.»[33]

Дания. «Гостиницы первоклассные хороши и недороги, второклассные чисты и дешевы. В маленьких городах они также недурны. Рестораны везде порядочные. [...] Как город Копенгаген интересен не только своим благоустройством, но и ценными художественными собраниями, а также научными»[34].

В Копенгагене трамваи 5–30 эре, электрические лодки (катера) 10 эре. О достопримечательностях. «Центр внутренней старой части города — площадь Kongens Nytorv, от которой идут 13 улиц»[35]. Это характерное изменение. Сегодня любой турист скажет, что центром города является площадь Ратуши, но тогда здание новой ратуши еще не было построено. «На площади в сквере памятник Христиану V. [...] С одной стороны Королевский театр. От площади через канал находится замок Христиансборг, который представляет как бы отдельный квартал, замок почти сгорел в 1884 г.»[36] В 1907–1922 гг. уже шло строительство того монументального здания, которое существует сегодня.

Поблизости находится Биржа, говорится, что в зале «статуя Христиана IV работы Торвальдсена, вход 2–3 ч.»[37] Видимо, в здание был доступ, которого сейчас нет. Музей Торвальдсена подробно описан, дается также биография этого крупнейшего датского скульптора. Недалеко от Старого рынка находится «Собор Vor Fruekirke, прекрасное здание, строгое и величавое, со скульптурой Торвальдсена и его учеников. Внутри изящная простота. Единственные украшения работы Торвальдсена, знаменитые статуи Христа, 12 апостолов и коленопреклоненного ангела»[38].

Круглая башня известна «открывающимся с нее удивительным видом вплоть до берегов Швеции. [...] Купол Мраморной церкви, покрытый медью, виден издалека везде в городе. Около нее русская церковь св. Александра Невского, построенная в 1883 г.»[39].

Замок Амалиеборг (здесь неточность, Амалиенборг) — четыре одинаковых дворца «теперешняя резиденция королевской фамилии»[40]. «Променад вдоль берега Langelinie. Этот променад очень оживлен по вечерам, особенно по воскресеньям»[41]. Замок Розенборг. «Следует записаться за день. 1 кр.»[42] Музеи: Новая глиптотека. Старая глиптотека.

«Тиволи недалеко от вокзала, единственное в своем роде огромное учреждение с театром, концертами, русскими горами, цирком, ресторанами, частые иллюминации. Начало в 6 ч., окончание в 10. Посетить очень интересно. Вход 50–75 эре. Приготовить мелкие деньги»[43].

Другие города. Аархус (Орхус): Старый город, собор XIII в. Аальборг (Ольборг). Одензее (Оденсе) «Старый город. Собор XI–XII в. с гробницами древних королей. [...] Дом, в котором родился знаменитый Андерсен, автор чудных датских сказок»[44].

Роскильде. «До 1443 г. был столицей королевства. Когда-то имел до 100 000 жителей, теперь не более 6000. Собор, построенный в 1084 г., очень красив. Для осмотра собора обращаться к сторожу, живущему против главного портала. 2 кр. Внутри гробницы почти всех датских королей и королев, начиная с Гаральда 1 (ум. 985 г.)»[45]. Похоже, не очень много посетителей было в те времена, из Копенгагена надо было ехать на поезде — это далеко.

Хельсингер, или Эльзенор. «За городом находится видный еще издали красивый укрепленный замок Кронборг. [...] Теперь замок служит большей частью для казарм. В прочих его частях картинная галерея и часовня. Вход 30 эре. Показывается комната жены Христина VII Каролины Матильды, заключенной в ней по случаю его сношений с министром Струэнзе. Кронборг интересен как место действия шекспировского «Гамлета». «Терраса Эльзенорского замка» была местом, где являлась тень отца Гамлета»[46].

Хиллерод. «Замок Фредериксборг, грандиознейшее из сооружений датского Ренессанса. Он занимает 3 островка озера. Красив портал среднего здания. В замке Национальный исторический музей»[47].

Характерно, что отобранные составителями достопримечательности Скандинавии полностью сохранили свою привлекательность и по сей день.

---

[1] Западная Европа: Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 6-е изд. М.: Издание товарищества скоропечатни А. А. Левенсона и книжного магазина Гроссман и Кнебель, 1912. XVIV, 634 с. С 46 картами и планами. — 6-е издание вышло после смерти С. Н. Филиппова, новый редактор Е. И. Вашков подверг книгу коренному изменению, «лично на местах проверил и дополнил все необходимые для туриста сведения», хотя полная проверка фактического материала вряд ли была возможна. Все закавыченные цитаты в статье приводятся из этой книги с указанием страницы. Орфография современная, но лексика и курсивные выделения повторяют оригинал. Восклицательный знак в скобках и современные варианты географических названий и учреждений, если в цитатах встречается трудно узнаваемое название из книги, также в скобках, принадлежат автору статьи.

[2] Там же. С. III.

[3] Там же. С. XXV.

[4] Там же. С. XXXIX.

[5] Там же. С. XLIV.

[6] Там же. С. XXXVII.
[7] Там же. С. XX.
[8] Там же.
[9] Там же. С. 575.
[10] Там же. С. 577.
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Там же. С. 579.
[15] Там же. С. 578
[16] Там же. С. 579–580.
[17] Там же. С. 580.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 581.
[21] Там же. С. 582.
[22] Там же. С. 583–584.
[23] Там же. С. 590.
[24] Там же. С. 593.
[25] Там же. С. 596.
[26] Там же.
[27] Там же. С. 594.
[28] Там же. С. 595.
[29] Там же. С. 599.
[30] Там же. С. 601.
[31] Там же.
[32] Там же. С. 603.
[33] Там же. С. 604–605.
[34] Там же. С. 618–619.
[35] Там же. С. 619.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же. С. 620.
[39] Там же.
[40] Там же. С. 621.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же. С. 618.
[44] Там же. С. 624.
[45] Там же.
[46] Там же. С. 625.
[47] Там же.

Литература

Богданович Т. А. Страна, правительство и народ Швеции. СПб.: С.-Петербург тип. Клобукова, 1906. 97 с.

Водовозова Е. Н. Жизнь европейских народов. Т. 2. Жители Севера. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 522 с.

Грот Я. К. Записка о путешествии в Швецию и Норвегию. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1874. 33 с.

Западная Европа. Спутник туриста под редакцией С. Н. Филиппова. 6-е изд. М.: Издание товарищества скоропечатни А. А. Левенсона и книжного магазина Гроссман и Кнебель, 1912. XVIV, 634 с.

История Дании с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 1996. 503 с.

История Норвегии. М.: Наука, 1980. 710 с.

История Швеции. М.: Наука, 1974. 426 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.

Коптев А. Путевые заметки по Швеции и Норвегии в 1892 г. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1893. 241 с.

[Краевский Д.] Беглые заметки туриста о Швеции и Норвегии. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1891. 22 с.

Пуцыкович Ф. Ф. Скандинавы. СПб.: Издантие Книжнаго магазина П. В. Луковников, 1897. 16 с.

А. П. Векшин

ПРИРОДНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ОКРЕСТНОСТЕЙ ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ФОТОГРАФИЯХ С. М. ПРОКУДИНА-ГОРСКОГО

В фотоархиве музея Ботанического института им. В. Л. Комарова Российской академии наук (БИН РАН) сохранились ранее неизвестные фотографии, исполненные в мастерской фотоцинкографии С. М. Прокудина-Горского[1]. Имя Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944) в настоящее время хорошо известно. Он был не только основателем цветной фотографии в России, но и талантливым изобретателем, знатоком изготовления химических фоторастворов, рецептов негативного и позитивного процессов, необходимых в фотографической практике, великим популяризатором фотографии (основал фотографические курсы, выступал с докладами, участвовал в профессиональных и промышленных выставках, основал типографию цветной печати).

С. М. Прокудин-Горский был избран членом многих научных обществ, в том числе Русского технического общества и Русского географического общества, его кандидатуру предложил известный ботаник и этнограф А. В. Григорьев в 1900 г.[2]. С. М. Прокудин-Горский создал огромную коллекцию снимков видов и типов России начала XX в., часть которой хранится сейчас в Библиотеке Конгресса США, их цифровые копии — в Президентской библиотеке в Петербурге[3]. Однако отпечатанные с его негативов фотографии в наше время очень редки.

Показательно, что его первая фотоэкспедиция по территории Российской империи была предпринята в Великое княжество Финляндское осенью 1903 г. Фотографии природных ландшафтов (ботанические снимки) Выборгской губернии и пограничной с ней Санкт-Петербургской губернии были использованы в дальнейшем для издания Общиной святой Евгении цветных «почтовых писем»[4].

Тем не менее до настоящего времени ботанические снимки фотографа классифицировались в пределах либо государственных территориально-административных границ, либо по топографическим названиям, то есть не по совокупности популяций растений, приуроченных к относительно однородному участку земной поверхности. Хотя, как известно, административные и государственные границы на северо-западе России достаточно активно менялись[5]. Но природная растительность оставалась постоянной, поскольку хорошо известно, что ботанические пояса и зоны обладают общностью температурных и влажностных условий, сообразных ритмичности их проявления вне зависимости от территориальных границ государств[6].

Интерес же С. М. Прокудина-Горского именно к ботанической тематике можно проследить по цветным приложениям в виде вклеек в журнале «Фотограф любитель», издаваемым самим фотографом. В первом номере этого журнала в 1906 г. фотограф четко записал, что в каждом его номере «будет приложение в красках, выполненное мною»[7]. При этом в журнале явно присутствует, наряду с архитектурными и красивыми природными пейзажами, сугубо ботаническая тематика[8]. Особенно интересной, как представляется, является большая отдельная цветная цинкография «Образцы лишайников из коллекции Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада. Фотография С. М. Прокудина-Горского»[9]. Причем весьма примечательно, что эта иллюстрация была исполнена для академического издания «Флора лишайников Средней России»[10] и особо поясняется, что она является «снятой непосредственно с гербарных образчиков»[11].

Что же касается фотографических изображений ландшафта территории Великого княжества Финляндского, то хорошо известно 41 видовых снимков, которые ращмещены на сайте Международного научного проекта «Наследие

С. М. Прокудина-Горского»[12]. Однако, просматривая в ноябре 2015 г. фонды фотоархива Ботанического музея, удалось также обнаружить еще не менее уникальный фотографический материал[13]. Причем находки оказались ранее совершенно неизвестными. В частности, в этом фонде находятся 22 фотографии[14], на которых запечатлены природные ландшафты, древесные сообщества, луга, растения — индикаторы почвы, отдельные представители мхов и лишайников, то есть природная среда, сформировавшаяся без участия человека. Очевидно, что Императорский ботанический сад мог заказать найденные теперь фотографии для тематической выставки, а также, возможно, для музейной экспозиции или для наглядных пособий одного из своих научных отделов.

Тем не менее адрес фотосъемок несколько далек от Финляндии и определяется как «Павловск II — Поповка», Царскосельского уезда, берега реки Оредеж, Дудергоф и др. Но год съемки не был указан[15]. Таким образом, большая часть фотосъемки производилась сугубо на территории Санкт-Петербургской губернии, то есть в пригородной лесопарковой зоне современного Санкт-Петербурга[16]. Но по законам науки геоботаники это тот же ареал распространения видов растений, что и представленный на сайте «Наследие С. М. Прокудина-Горского» в разделе Финляндии.

Необходимо отметить, что профессионально фотографировать растительные сообщества можно было, только зная их ботанические закономерности. Фотографии из архива музея БИН РАН являются доказательством того, что у фотографа был неизвестный нам специалист-консультант, который наставлял мастера в выборе объектов фотографирования и был знаком с учением о типах леса[17].

Что же касается самой коллекции, то здесь каждый бумажный фотоотпечаток подборки был наклеен на паспарту из твердого картона, размером 35 × 41 см[18]. Фотографии печатались контактным способом на бумагу со стеклянных пластин стандартного размера 24,0 × 30,0 см. Края фотобумаги подрезали перед наклеиванием на паспарту, поэтому размеры снимков немного меньше, чем размер стандартной пластины[19].

В целом в России подлинных фотоснимков, выполненных в мастерской мастера, почти не сохранилось и данная находка,

имеющая прямое отношение к наследию известного фотографа, является большим событием для продолжения исследования творчества С. М. Прокудина-Горского.

---

[1] *Векшин А.* Природные ландшафты окрестностей Павловска на фотографиях С. М. Прокудина-Горского: Новая находка. Царскосельская газета. 2017. № 11 (23—29 марта). С. 14. То же с изменениями // http://pages-zg.ru/?p=974 (Архивариус).

[2] Архив Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». Ф. 1–1900. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 98 об.

[3] *Векшин А. П., Мозохина Н. А.* Новые аспекты выставочной деятельности мастера цветной художественной фотографии С. М. Прокудина-Горского // Невский библиофил. СПб., 2016. Вып. 21. С. 152—177; *Векшин А.* 1. Выставочная деятельность фотографа С. М. Прокудина-Горского в Царском Селе: Новые сведения. Царскосельская газета. № 14 (14—20 апреля). 2017. С. 12; 2. *Векшин А.* Ботанические опыты Прокудина-Горского // Санкт-Петербургские ведомости. № 18 (12 мая). 2017. С. 5.

[4] Видовые снимки в старых границах Финляндии, известные на сегодняшний день, — это Сайменский канал, парк Монрепо, Юстила, Нейшлот, Райволо на Черной речке (совр. Рощино), Выборг, гора Папула (предместье Выборга), Пункахарью (в окрестностях Нейшлота), Вильманстранд (совр Лаппеэнранта), Лауритсала (восточная часть Лаппеэнранта), Метсякюля (совр. пос Молодежное), озеро Каукьярви (совр. оз. Красавица), Ваммельсу (совр. пос. Серово), Линтула (совр. Линдуловская роща) и др. (см.: *Илле Л.* Территория и природа Ингерманландии // История ингерманландских финнов. СПб., 2012. С. 7).

[5] Так, например, территория площадью 15 000 кв. км, лежащая между Финским заливом и южным берегом Невы, называлась в XVII в. Ингерманландией. С XVIII в. эта провинция, однако, уже вошла в состав Санкт-Петербургской губернии России, а ее границы неоднократно менялись.

[6] См.: *Татхаджан А. Л.* Флористические области Земли. Л., 1978.

[7] Фотограф любитель. 1906. № 1. С. 3–4.

[8] См.: Там же. 1906. № 6. С. 161 («Лиственницы»); Там же. 1907. № 9. С. 257 («Среди мха»); Там же. 1908. № 5. С. 129 («Затишье»); Там же. 1908. № 6. С. 161 («Поле маков»).

[9] Там же. 1907 г. № 6. С. 161 (Приложена к журналу).

[10] Флора лишайников Средней России. Лихенологические сборы. Юрьев, 1907. (Ч. 2. Табл. V. «С натуры клише и печать С. М. Прокудина-Горского. СПБ»).

[11] Там же. С. 351.

[12] В разделе «Географический каталог в границах 1913 г.» в подразделе «Великое княжество Финляндии». См. также: *Тимофеев Л. К.* Путеводитель по Финляндии. Гельсингфорс. 1915.

[13] Хранитель фотоархива А. Гребенюк, фото оцифровала техник А. Романова.

[14] Фотографии исполненны с натуры и отпечатанные в мастерской фотоцинкографии С. М. Прокудина-Горского. (Фотоархив музея БИН РАН. Шкаф 1. Полка 1. Инв. №№ 18580–18599; 18621, 18622).

[15] Фотоархив музея БИН РАН. Шкаф 1. Полка 1. Инв. №№ 18580–18599; 18621, 18622.

[16] Современная пригородная лесопарковая зона находится в границах Всеволожского (108,9 тыс. га), Выборгского (1,1 тыс. га), Ломоносовского (7,2 тыс. га) районов Ленинградской области; Выборгского (3,2 тыс. га), Приморского (1,7 тыс. га), Курортного (17,9 тыс. га), Петродворцового (2,4 тыс. га), Красносельского (0,2 тыс. га) городских административных районов по состоянию на 01.01.2001 г. (*Вихарев Г. В., Мезенко А. Н.* и др. Зеленые насаждения // Охрана окружающей среды, природопользование, и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2000 году. СПб., 2001. С. 247).

[17] В России автором лесной типологии был Г. Ф. Морозов (1867–1920), за рубежом наиболее известна типология финского ученого А. К. Каяндера (1879–1943), предложившего термин «тип леса» и выдвинувшего представление о биологической равноценности местообитаний. См.: Типология леса. Лесная энциклопедия. М., 1986. Т. 2. С. 455.

[18] Размеры самих фотографий следующие: горизонтально расположенные фото на паспарту № 18581 — 21,5 × 28,0 см; 18580, 18582, 18583, 18585, 18586, 18590, 18592, 18593, 18594, 18596, 18597, 18598, 18621, 18622 — 23,0 × 29,0 см; 18584 — 23,0 × 28,0 см; 18587 — 22,5 × 28,0 см; 18591 — 23,5 × 28,5 см. Вертикально расположенные фото на паспарту № 18588 — 22,5 × 28,0 см; 18589 — 23,0 × 28,5 см; 18595 — 23,0 × 29,0 см; 18599 — 23,0 × 27,0 см.

[19] На обороте каждого паспарту стоит штамп синей краской с указанием аббревиатуры фотоателье: «Художественная фотоцинкография С. М. Прокудина-Горского. Большая Подъяческая, 22. Телефон № 1118. С.-Петербург». Наличие штампа было свойственно каждому заведению «Фотографии», как тогда называли фотоателье. «Фотография» С. М. Прокудина-Горского была основана в 1901 г. и функционировала в течение почти 20 лет со штатом до 30 служащих. Здесь принимали заказы на изготовление автотипных и штриховых клише, фототипий, гелиогравюр, художественной иллюстрированной печати, воспроизведение в красках картин и акварелей. В то же время имя С. М. Прокудина-Горского на штампе еще не означало его авторства, то есть личного участия в фотосъемке и изготовлении фотоотпечатка. Документального подтверждения авторства фотографий нет. (См.: РГИА. Ф. 24. Оп. 26. Д. 462. Л. 3 об.)

Литература

Векшин А. Ботанические опыты Прокудина-Горского // Санкт-Петербургские ведомости. № 18 (12 мая). 2017.

Векшин А. Выставочная деятельность фотографа С. М. Прокудина-Горского в Царском Селе: Новые сведения. Царскосельская газета. № 14 (14—20 апреля). 2017.

Векшин А. П., Мозохина Н. А. Новые аспекты выставочной деятельности мастера цветной художественной фотографии С. М. Прокудина-Горского // Невский библиофил. Вып. 21. СПб., 2016. С. 152–177.

Векшин А. Природные ландшафты окрестностей Павловска на фотографиях С. М. Прокудина-Горского: Новая находка. Царскосельская газета. 2017. № 11 (23—29 марта).

Вихарев Г. В., Мезенко А. Н. и др. Зеленые насаждения // Охрана окружающей среды, природопользование и обеспечение экологической безопасности в Санкт-Петербурге в 2000 году. СПб.: Сезам, 2001. 490 с.

Еленин А. А., Петров В. Н. О некоторых редких лишайниках для Петроградской губернии // Известия ГБС РСФСР. Пг.: Издание Главного ботанического сада, 1919. Т. 19. Вып. 1. 80 с.

Илле Л. Территория и природа Ингерманландии // История ингерманландских финнов. СПб.: Гйоль, 2012. 510 с.

Татхаджан А. Л. Флористические области Земли. Л.: Наука, 1978. 247 с.

Тимофеев Л. К. Путеводитель по Финляндии. Гельсингфорс: Издание общества туристов, 1915. 405 с.

Типология леса. Лесная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1986. Т. 2. 631 с.

РЕЗЮМЕ / ABSTRACT

Бажанов Д. А. **Февральская революция в Гельсингфорсе: столица Финляндии *3–5* марта 1917 г.**

В предлагаемой статье реконструируется начало революции в столице Великого княжества Финляндского. Рассматриваются основные факторы, которые привели к кровопролитному бунту в рядах вооруженных сил, выявляется связь с политическими процессами, происходившими в столице. Все это помогает уточнить даты, опровергнуть выводы о полном успокоении ситуации после приезда делегатов из Петрограда.

Bazhanov D. A **The February Revolution in Helsingfors: the capital of Finland March *3–5*. 1917.**

The proposed article reconstructs the beginning of the revolution in the capital of the Grand Duchy of Finland. The main factors that led to a bloody riot in the ranks of the armed forces are considered, and the connection with the political processes taking place in the capital is revealed. All this helps to clarify the dates, to refute the conclusions about the complete tranquility of the situation after the arrival of delegates from Petrograd.

Ключевые слова: Балтийский флот, Финляндия, военные моряки, 1917 год.

Keywords: the Baltic Fleet, Finland, Navy sailors, 1917.

Базарова Т. А., Проскурякова М. Е. **«Топографическое описание Выборгского наместничества» (1786) из собрания Воронцовых**

В Архиве СПбИИ РАН хранятся две копии топографического описания Выборгского наместничества (на русском и немецком языке), сделанные для сенатора А. Р. Воронцова (1741–1805). Топографическое описание создавалось в рамках единой государственной программы правительства Екатерины II. Работа по сбору материала и составлению описания велась под руководством правителя (губернатора) Выборгско-

го наместничества генерал-лейтенанта К. Х. Гинцеля и была в основном закончена в 1786 г. Структура топографического описания в целом соответствует правительственной губернской анкете 1783 г., состоявшей из трех частей: описания губерний, городов и уездов. Формулировка вопросов и ответы на них передают специфику и реалии организации землепользования, налогообложения и ведения хозяйственной деятельности на территориях, которые длительное время находились под властью шведской короны и вошли в состав Российской империи в первой половине XVIII в. «Топографическое описание Выборгского наместничества» содержит ценнейшие сведения по истории, географии, демографии, этнографии и археологии пограничного региона России.

Bazarova T. A., Proskuryakova M. E. The Topographical Description of the Vyborg Vicegerency (1786) from the Collection of Vorontsov

Two copies of the Topographical description of the Vyborg Vicegerency produced for Senator A. R. Vorontsov (1741–1805) are kept now in the Archive of the St Petersburg Institute of History, the Russian Academy of Sciences. The named Description was composed in the frames of the state program of the government of Catherine II. The head (Governor) of the Vyborg Vycegerency the Lieutenant General Carl von Giinzel had led the work on the collecting of material and creating of the Description finished in the main in 1786. The structure of the Topographical description corresponds generally to the governmental questionaries' of 1783 included three parts: the description of Governorates, towns, and provinces (*uezd*). The form of the questions and answers on them provides the observation on specificity and realities of the organization of land use, taxation, and economic activities on the territories had kept for a long time under the rule of the Swedish king and entered into the structures of the Russian Empire over the first half of the 18th century. The Topographical description of the Vyborg Vicegerency contains the most valuable information on the history, geography, demography, ethnography, and archaeology of the border region of Russia.

Ключевые слова: Топографическое описание, Выборгское наместничество, Екатерина II, губернская реформа.

Keywords: Topographical description, the Vyborg Vicegerency, Catherine II, provincial reform.

Барышников В. Н. К вопросу о роли и значении дореволюционной российской историографии в изучении стран Северной Европы и формировании современной скандинавистики

О проблемах изучения истории стран Северной Европы уже написано большое количество научных работ. Тем не менее нет оценки

того вклада российских исследователей, который был сделан в дореволюционный период. Однако в дореволюционной русской историографии четко обозначились основные приоритеты в изучении истории скандинавских стран и Финляндии. Эти приоритеты сохранились и в советский и постсоветский период. Причем петербургский исторический центр скандинавистов заложил первые основы для формирования современной российской школы в изучении истории стран Северной Европы.

Baryshnikov V. N. The role of prerevolutionary Russian historiography of Northern Europe for the formation of modern historical views about the Scandinavian countries and Finland

The problems of studying the history of the Nordic countries have already been written a lot of scientific research. Nevertheless, there is no assessment of the contribution of Russian researchers that was made in the prerevolutionary period. However, prerevolutionary Russian historiography clearly identified the main priorities in the study of the history of the Scandinavian countries and Finland. These priorities were preserved in the Soviet and post-Soviet period. The St. Petersburg Historical Center laid the foundation for the formation of a modern Russian school in the study of the history of the Nordic countries.

Ключевые слова: Российская историография стран Северной Европы, Форстен Г. В., Мышлаевский А. З., Майков Л. Н., Брикнер А., Ордин К. Ф., Бородкин М. М.

Keywords: Russian historiography of the countries of Northern Europe, Forsten G. V., Myshlaevsky A. Z., Maikov L. N., Brikner A., Ordin K. F., Borodkin M. M.

Возгрин В. Е. Закат Датской колониальной империи

Статья посвящена истории созидания, расцвета и упадка датской колониальной империи. При этом по отдельности освещена с политической и экономической точек зрения история всех датских колоний. А именно, Вест-Индских островов, датской Гвинеи, ряда индийских факторий и Гренландии. Особое внимание уделено весьма несхожим отношениям между аборигенами и колонизаторами, установившимся в далёких друг от друга колониях. В этом смысле полярно противоположными являлись рабовладельческий режим в Вест-Индии и гуманные, относительно комфортные условия, созданные датчанами для аборигенов Гренландии. В статье подробно рассмотрены неодинаковые причины, по которым Дании пришлось продать свои колонии в XIX — начале XX в. В статье анализируется значение, которое колонии приобрели для развития экономики, культуры и общественной жизни королевства.

Vozgrin V. E. **Decline of the Danish Colonial Empire**

The article analyzes the history of creation, prosperity and decline of the Danish colonial empire. At the same time, separately from the political and economic point of view, the history of all the Danish colonies is highlighted. Namely, the West Indies, Danish Guinea, a number of Indian trading stations and Greenland. Particular attention is given to the very dissimilar relationship between the aborigines and the colonialists, established in remote colonies. In this sense, the slave regime in the West Indies and the humane, relatively comfortable conditions created by the Danes for the Aborigines of Greenland were polar opposites. The article examines in detail the unequal reasons why Denmark had to sell its colonies in the 19th and early 20th centuries. The article analyzes the importance that colonies have acquired for the development of the economy, culture and social life of the kingdom.

Ключевые слова: Дания, Вест-Индия, Гренландия, Индия, рабство, международная торговля.

Keywords: Denmark, West India, Greenland, India, Slavery, World Trade.

Возгрин В. Е. **Средневековые Litterati и illetterati в скандинавских и иных культурах**

В статье рассмотрена проблема социального и культурного сосуществования двух количественно несоизмеримых групп эпохи Высокого Средневековья. А именно, небольшой прослойки интеллектуалов и массы неграмотного или малограмотного народа. Такое сосуществование обогащало обе группы. Неграмотный плебс, контактируя с образованными современниками в церковных исповедальнях или общаясь с ними в производственном процессе, получали начатки просвещения. А носители высокой культуры получали при этом возможность ознакомиться с «низкой», то есть национальной, культурой. Благодаря такому общению обогащались национальные языки. В конечном счете их развитие привело к безболезненной замене международной латыни разговорными, а затем и литературными и научными отечественными языками.

Vozgrin V. Je. **Medieval Litterati and illetterati in Scandinavian and other cultures**

In the article is considered the problem of social and cultural coexistence of two quantitatively incommensurable groups of the Middle Ages epoch. Namely, a small stratum of intellectuals and a mass of illiterate or semi-literate people. This coexistence enriched both groups. Illiterate plebs, contacting educated contemporaries in church confessions or communicating with them in the production process, received the elementary principles of enlightenment. Moreover, the holders of high culture were given the opportunity to be

acquainted with the “low”, that is, the national culture. Thanks to this communication, national languages were enriched. Eventually, their development led to a painless substitution of international Latin with colloquial, and later, literary and scientific native languages.

Ключевые слова: litterati, illetterati, языки, народная культура, высокая культура, межкультурные контакты, урбанизация.

Keywords: Litterati, Illetterati, Languages, Folk Culture, High Culture, Intercultural Contacts, Urbanization

Векшин А. П. Природные ландшафты окрестностей Выборгской губернии в составе Великого княжества Финляндского и Санкт-Петербургской губернии на фотографиях С. М. Прокудина-Горского

Краткая биография основателя цветной фотографии в России С. М. Прокудина-Горского (1863–1944). Его ботаническая фотоэкспедиция по территории Российской империи в Великое княжество Финляндское. Описываются новые ранее неизвестные 22 фотографии природных ландшафтов и отдельных видов растений, выполненных в фотоателье С. М. Прокудина-Горского, которые хранятся в фотоархиве Ботанического музея Ботанического института им. В. Л. Комарова Российской академии наук.

Vekshin A. P. Natural landscapes of the vicinities of the Viipuri Province in the composition of the Grand Duchy of Finland and Saint-Petersburg Governorate on the photographs of S. M. Prokudin-Gorskii

A brief biography of the founder of color photography in Russia S. Prokudin-Gorskii (1863–1944). His botanical photo expedition through the territory of the Russian Empire to the Grand Duchy of Finland. Describes new previously unknown 22 photographs of natural landscapes and individual plant species made in the photographic studio S. Prokudin-Gorskii, which are stored in the photo archive of the Botanical Museum of the Komarov Botanical Institute RAS.

Ключевые слова: С. М. Прокудин-Горский, фотография, растения, Ботанический институт, ботанический сад, природные ландшафты Финляндии и России, ботаническая коллекция фотографий.

Keywords: S. M. Prokudin-Gorskii, photography, plants, Botanical Institute, botanical garden, natural landscapes of Finland and Russia, botanical collection of photographs.

***Востров А. В.* «Ключ от Стокгольма»: Аландские острова в период русско-шведских войн 1700–1809 годов**

Статья посвящена «участию» Аландского архипелага в четырех русско-шведских войнах на протяжении XVIII — начала XIX века. В рамках заявленной темы подробно рассматриваются события Великой Северной войны 1700–1721 годов, а также Финляндской войны 1808–1809 годов, во время которых архипелаг являлся одним их ключевых стретегических пунктов для угрозы/защиты шведской столицы. В конце статьи анализируются предпосылки возникновения «Аландского вопроса», впервые поднятого на мирных переговорах в Фридрихсгаме в 1809 году.

***Vostrov A. V.* «The key to Stockholm»: Aland Islands during Russo-Swedish Wars from 1700 to 1809**

The paper deals with the "participation" of Aland Islands in four Russo-Swedish wars during the 18th century and at the beginning of the 19th century. It reviews in detail events of the Great Northern War and the Finnish War of 1808–1809 within the given theme. During this period Aland Islands were one of the key strategical points for threat/ defense of the Swedish capital. The paper analyses preconditions for a so-called "Aland question" raised for the first time during the peace talks in Frederikshamn in 1809.

Ключевые слова: Аландские острова, Великая Северная война, Война «шляп», Густавианская война, Финляндская война.

Key words: Aland Islands, Great Northern War, The Hats' War, Gustav III's War, The Finnish War.

***Гехт А. Б.*, *Цверианашвили И. А.* Ханс Кристиан Эрстед: вехи биографии и научной деятельности**

Статья посвящена жизненному и научному пути выдающегося датского физика, педагога и мыслителя Ханса Кристиана Эрстеда (1777–1851), одного из примечательных ученых своего времени. Будучи неблагородного происхождения, своим трудом и знаниями, Эрстед самостоятельно поступил в Копенгагенский университет, где показал себя талантливым и многогранным студентом. Посвятив много лет исследовательской работе и преподаванию, в 1820 г. Эрстед сделал важнейшее открытие в своей жизни, открыв явление электромагнетизма. Помимо этого, датский ученый преуспел в химии, философии и прочих науках, вел активную педагогическую и просветительскую деятельность.

***Gekht A. B., Tsverianashvili I. A.* Hans Christian Oersted: landmarks of biography and scientific research**

The article is devoted to the life and scientific path of the outstanding Danish physicist, pedagogue and mastermind Hans Christian Oersted (1777–1851), one of the brightest scientists of his era. Being of ignoble origin, by his work and knowledge, Ernest himself entered the University of Copenhagen, where he showed himself to be a talented and versatile student. After dedicating many years of research and teaching, in 1820, Oersted made the most important scientific discovery in his life, revealing the phenomenon of electromagnetism. In addition, the Danish scientist succeeded in chemistry, philosophy and other sciences, in active pedagogical and educational activities.

Ключевые слова: Дания, Ханс Эрстед, физика, история науки, история Дании.

Keywords: Denmark, Hans Oersted, physics, history of science, history of Denmark.

***Гребенщикова Г. А.* Военное противостояние России и Швеции под Выборгом в 1790 г.**

В статье проведено аналитическое исследование событий, развернувшихся на Балтике во время войны России со Швецией в 1788–1790 годах, в период правления Екатерины II и Густава III. К уже известным документам привлечены новые материалы из двух архивов — РГАВМФ и АВПРИ ИДД МИД РФ, на основании которых путем сопоставления реляций главнокомандующего сухопутными силами И. П. Салтыкова Екатерине II и ее рескриптов адмиралу В. Я. Чичагову рассмотрены действия В. Я. Чичагова как начальника Балтийского флота.

***Grebenshchikova G. A.* Russia and Sweden military confrontation off Viborg in 1790**

There is an analytical research of main events which had been in Baltic Sea during Russian-Swedish War in 1788–1790, when Russian Empress Catherin the Second had to led the war against her cousin, Swedish King Gustav III. New archives documents from two Archives, Russian State Naval Archives and Historical Department of Foreign Ministry of Russian Federation allowed to give the estimate an admiral V. Chichagov as Commander-in-Chief of Russian Fleet in Baltic.

Ключевые слова: Россия и Швеция, правление Екатерины II, военно-политическая обстановка, планы сторон, Балтика, операции на море, действия адмирала В. Я. Чичагова.

Keywords: Russia and Sweden, Catherin the Second ruling, military and political situation, Russian and Swedish plans, Baltic Sea, naval operations, admiral V. Chichagov's actions.

Жаров Б. С. Петербургский турист в Скандинавии сто лет тому назад

Начальным этапом в туристической поездке является использование путеводителей. Создателем российских бедекеров стал Сергей Никитич Филиппов (1863–1910), журналист, автор книг с описанием маршрутов поездок по России и за рубеж. В 1900 г. он выпустил книгу «Западная Европа. Спутник туриста», выдержавшую несколько изданий. Статья рассматривает 6-е издание, выпущенное в 1912 году, где есть материалы, посвященные поездкам петербургских туристов в Швецию, Норвегию и Данию. Даны подробные сведения о каждой из этих стран, актуальные для того времени, описаны главные достопримечательности, есть полезные советы по поведению в различных ситуациях. Наиболее интересны факты и явления, которые изменились, но также и те, которые дошли до наших дней в неизменном виде.

Zharov B. S. Petersburg tourist in Scandinavia one hundred years ago

The initial stage in a tourist journey is the use of guidebooks. The creator of Russian Baedeker was Sergey Nikitich Filippov (1863–1910), a journalist, author of books with a description of routes over Russia and abroad. In 1900 he wrote a book under the title «Western Europe. Companion of Tourist», being edited not once. The article deals with the 6th edition released in 1912 giving information about Petersburg tourists in Sweden, Norway and Denmark. There is detailed information about each of these countries actual for that period of time, presenting main landmarks, giving pieces of advice how to behave under different circumstances. The most interesting are facts and phenomena which have undergone crucial changes, but there are described those ones which have not been touched by the time.

Ключевые слова: туризм, Скандинавия, Санкт-Петербург, 1912.

Keywords: tourism, Scandinavia, Saint Petersburg, 1912.

Иванников Н. С. Критика партии «Шведские демократы» по социально-политическим пунктам программы на современном этапе

В работе рассматривается критика программы политической партии «Шведские демократы» в отрыве от националистического вопроса. Главная цель — рассмотреть примеры критики по социально-политической повестке. Это является важным и актуальным, так как зачастую информационный шум, вызванный резонансной позицией партии по национальному вопросу, не дает в полной мере и объективно воспринимать программу партии. Необходимо будет изучить материалы,

которые содержат в себе критические замечания по деятельности партии на современном этапе. Таким образом, можно будет сделать вывод касательно основных направлений критики партии.

Ivannikov N. S. Criticism over sociopolitical paragraphs of "Swedish Democrats" party on the program in modern times

This article considers criticism over political party «Swedish Democrats» disregarding national issue. Primary objective is to study criticism over sociopolitical terms of the agenda. This issue is considered to be significant and relevant due to infoglut caused by controversial position of the party towards national issue. Such excessive amount of information hardly allows to conceive party's program objectively and in full measure. Researching materials which contain criticism towards party's activities in modern times should be executed as necessary. Thus conclusion about basic trends of criticism over «Swedish Democrats» may be drawn.

Ключевые слова: Швеция, шведские демократы, критика, СМИ.

Keywords: Sweden, Swedish Democrats, Criticism, Media.

Ивлева С. Е. Гравер-иллюстратор Лаврентий Серяков(1824–1881) и Константин Клодт. Ученик и учитель

В статье рассматривается начальный период деятельности (середина 1840-х — начало 1850-х гг.) гравера на дереве Лаврентия Серякова и влияние на его творческое становление Константина Клодта — первого русского ксилографа. Рассмотрена совместная работа Серякова и Клодта по художественному оформлению энциклопедического журнала «Иллюстрация». Приведены цитаты из воспоминаний Л. Серякова «Моя трудовая жизнь».

Ivleva S. E. Engraver-illustrator Lavrentyi Seryakov and Konstantin Klodt. Pupil and master

The article deals with the first creative period (the middle of 1840- beginning of 1850-ies) of the wood-engraver Lavrentyi Seryakov and the influence on his artistic settling by Konstantin Klodt — the first Russian master of xylography. The author of the article concentrates on the collaborative work of these two prominent artistic figures in the mounting the encyclopedia magazine "Illustration'. The article is illustrated by the quotations from Seryakov's recollections «My labour life».

Ключевые слова: гравюра, иллюстрация, журнал.

Keywords: engraving, illustration, magazine.

***Козлов Н. О.* Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия**

В статье приводится анализ российской исследовательской литературы XIX столетия, посвященной проблематике шлезвиг-гольштейнского вопроса. Автор выводит ряд особенностей, свойственных для российского научного осмысления войн Дании против Пруссии в 1848–1850 гг. и в 1864 г. Произведения, написанные по шлезвиг-гольштейнскому вопросу создавались непрофессиональными историками и, во многом, были вызваны усиливавшимся в конце XIX века соперничеством России и Германии, интересом к немецкой армии. Тем не менее авторам XIX века удалось создать прочную базу для дальнейшего углубленного изучения шлезвиг-гольштейнского вопроса.

***Kozlov N. O.* Analysis of the nineteenth-century Russian research literature devoted to the Schleswig-Holstein problem**

The article contains an analysis of the nineteenth-century Russian research literature devoted to the Schleswig-Holstein problem. The author shows a number of features of the Russian scientific understanding of Denmark's wars against Prussia in 1848–1850 and in 1864. Books about Schleswig-Holstein question were created by non-professional historians and were caused by the contest between Russia and Germany intensified at the end of the 19th century. Russian researchers were widely interested in studying of German army. Nevertheless, the authors of the XIX century were able to create a basis for further thorough studying of the Schleswig-Holstein issue.

Ключевые слова: шлезвиг-гольштейнский вопрос; война 1864 г.; прусско-датская война; Шлезвиг-Гольштейн.

Keywords: Schleswig-Holstein question, the War of 1864, the Second Schleswig War, Schleswig-Holstein.

***Кривдина О. А.* Ученик и учитель. Б. Орловский и Б. Торвальдсен**

В статье представлен период пребывания скульптора Бориса Ивановича Орловского в Риме и освещаются шесть лет его обучения у знаменитого датского скульптора Бертеля Торвальдсена. О расположении учителя к ученику свидетельствует уже тот факт, что Орловский жил в доме Торвальдсена. Влияние учителя сказывается на выборе тем и сюжетов произведений, над которыми его русский ученик работал в эти годы. Обращает на себя внимание и близкое композиционное решение работ этих скульпторов, единство пластических методов и стилевых приемов, предпочтение, отдаваемое мрамору.

Krivdina O. A. **The pupil and the master. Boris Orlovskyi and Bertel Thorvaldsen**

The article deals with the traineeship of Russian sculptor Boris Ivanovich Orlovskyi in Rome in the workshop of the famous Danish sculptor Bertel Thorvaldsen, which lasted six years. The friendly relationship between the teacher and the pupil is confirmed by the way with the fact that Orlovskyi lived in the same building as Thorvaldsen. The influence of the master is obvious in the selection of the subjects and plots of the Orlovskyi's artistic works in that period. It is worth noting that the creations of two sculptors has much in common in composition, plastic methods and stylistic peculiarities , as well as their devotion to marble as a working material.

Ключевые слова: письма художника, скульптура, статуя.

Keywords: painter's letters, sculpture, statue.

Лебедев А. А. **Об одном достижении России в годы Северной войны и его последствиях**

Одним из выдающихся достижений, осуществленных Петром I, было создание в начале XVIII в. Балтийского гребного (галерного) флота, внесшего весомый вклад как в победу России в Северной войне 1700–1721 гг., так и в развитие взглядов на морскую войну на Балтике в целом, а также до смерти напугавшего европейцев от Стокгольма до Лондона. Причинам и последствиям означенного феномена и посвящена предлагаемая вашему вниманию статья.

Lebedev A. A. **About one achievement of Russia in the great Northern war and its consequences**

One of the outstanding achievements undertaken by Peter I, was the creation at the beginning of the XVIII century the Baltic rowing (galley) of the fleet who have made a significant contribution to the Russian victory in the Northern war 1700–1721 and the development of views on the naval war in the Baltic as a whole, as well as highly fearful of Europeans from Stockholm to London. Causes and effects of the said phenomenon and is dedicated to offer to Your attention the article.

Ключевые слова: Балтийский флот, Балтийское море, Северная война 1700–1721 гг., Петр Великий, военно-морское искусство, галеры, гребные суда.

Keywords: The Baltic fleet, the Baltic sea, the Northern war of 1700–1721, Peter the Great, naval art, galleys, rowing boats.

Лобанова Д. Р. **Современные отечественные исследования о проблеме независимости и гражданской войне в Финляндии**

В статье анализируется отношение современных отечественных исследователей к проблеме независимости и гражданской войне в Финляндии. Современные российские исследователи крайне редко затрагивают проблемы независимости и гражданской войны в Финляндии. Все работы, изданные в современной России, в основном лишь косвенно затрагивают события, разразившиеся в январе 1918 г. в Финляндии. В большей степени авторы изучают внешнеполитические проблемы между Россией и Финляндией в XIX–XX вв., «карельский вопрос» в данных отношениях, также миграционные процессы, тогда как собственно гражданской войне в Финляндии особого внимания в современной Росси до сих пор не было уделено.

Lobanova D. R. **Modern domestic research on the issue of independence and the civil war in Finland**

The article analyzes the attitude of modern domestic researchers to the problem of independence and civil war in Finland. Modern Russian researchers rarely touch upon the problems of independence and civil war in Finland. All works published in modern Russia, mostly only indirectly affect the events that broke out in January 1918 in Finland. To a greater extent, the authors are studying the foreign policy problems between Russia and Finland in the 19th-20th centuries, the "Karelian question" in these relations is also the migration processes, whereas the civil war in Finland itself has not received much attention in contemporary Russia.

Ключевые слова: Гражданская война в Финляндии, освободительная война, историография.

Keywords: Finnish Civil War, the liberation war, the periodical press, historiography.

Мельнов А. В. **Лоренц Кристофер Стобеус — начальник Выборгской фортификационной команды 1702–1710 гг.**

В статье впервые в отечественной историографии предпринята попытка взглянуть на биографию начальника шведской фортификационной команды Выборга — Лоренца Кристофера Стобеуса (Стобее). Именно этому человеку мы обязаны комплексом детальных планов чертежей Выборгской крепости, составленных им или инженерами в первые годы Великой Северной войны. Построенные по его проекту фортификационные сооружение послужили и русской армии вплоть до 1860-х гг. Имя и судьба этого человека мало известны российскому читателю.

***Melnov A. V.* Lorentz Kristoffer Stobeus — chief of the Vyborg fortification company 1702–1710.**

This is the first article in Russian historiography that attempts to take a look at the biography of Lorentz Kristoffer Stobeus who was chief of Swedish fortification company in Vyborg. In the beginning of the Great Northern War Stobeus and his engineers created a set of detailed plans of the Vyborg fortress. The Russian army had also been using some parts of the fortifications built by Stobeus until 1860. His name and biography remain unknown for the majority of Russian readers.

Ключевые слова: Великая Северная война, Лоренц Кристофер Стобеус, Стобее, Выборгская крепость, фортификация, осада Выборга 1710 года.

Keywords: The Great Northern War, Lorentz Kristoffer Stobeus, Stobée, Vyborg fortress, fortification, Siege of Vyborg 1710.

***Михайловская А. А.* Шведский «активизм» в начале Первой мировой войны**

В статье рассматриваются основные проблемы шведского «активизма» в период Первой мировой войны. Анализируются предпосылки возникновение движения сторонников вступления Швеции в коалицию, возглавляемую Германской империей. Описывается структура движения, анализируется деятельность основных ее последователей, в частности Свена Хедина, Рудольфа Челлена, Андриана Молина, Отто Ярте, Ингве Ларссона и др. Описываются различные пути развития шведской государственности с точки зрения различных представителей шведского «активизма». В работе описывается место, отведенное Финляндии, в международной системе послевоенного устройства мира по мнению шведских «активистов». Также в данной работе затрагиваются вопросы неоднозначности шведского нейтралитета и антироссийская пропаганда. В данной статье использованы работы современных российских и иностранных исследователей, а также программные работы шведских «активистов».

***Mikhailovskaia A. A.* Swedish «activism» at the beginning of the First World War**

The article deals with the problem of “Swedish activism” during the First World War. It analyzes the background of arising the intervene movement, wishing to involve Sweden in a coalition, leading by German Empire. It describes the structure of the movement and analyzes the activity of the key followers of the movement like Sven Hedin, Rudolph Chellen, Adrian Mollin, Otto Yarve, Ingve Larsson etc. It also gives a description of developing Swedish statehood from the different Swedish activists point of view. It is considered the place for Finland in the post-war international system of the world

according to the opinion of “Swedish activists”. It is also mentioned a question of ambiguity of Swedish neutrality and anti-Russian propaganda. In this article are used the works of Russian and foreign researchers and theoretical works of Swedish activists.

Ключевые слова: Швеция, Первая мировая война, шведский "активизм", антироссийская пропаганда.

Keywords: Sweden, the First World War, Swedish "activism", anti-Russian propaganda.

Мусаев В. И. Политическая активность русской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг.

Статья посвящена политической деятельности русских эмигрантских организаций в Финляндии в межвоенный период. Условия для политической активности русской эмиграции в этой стране были не слишком благоприятными, прежде всего в силу недоверия финских властей по отношению к эмигрантам и тех правовых ограничений, которые их касались. Тем не менее, известная политическая активность среди русской диаспоры в Финляндии на протяжении всего рассматриваемого периода постоянно имела место. Для политических лидеров русской эмиграции большое значение имело географическое положение Финляндии как страны, граничившей с Россией и имевшей к тому же наиболее протяженную границу с СССР из всех его европейских соседей. Финские спецслужбы, со своей стороны, были заинтересованы в использовании эмигрантов из России для ведения разведывательной деятельности против СССР. В целом, однако, политическая деятельность русской эмиграции в Финляндии оказалась малоэффективной и не оправдала надежд, которые на нее возлагались. К середине 1930-х гг. эта деятельность почти сошла на нет.

Musaev V. I. Political Activities of the Russian Emigration in Finland in the 1920s and 1930s.

The article deals with political activities of the Russian emigrant organizations in Finland in the interwar period. Conditions for political actions of the Russian emigration in that country were hardly favorable, first of all in virtue of distrust of the Finnish authorities towards the emigrants, as well as of legal restrictions, which concerned them. Certain political activity was, nevertheless, shown by the members of the Russian diaspora in Finland during the entire interwar period. For the political leaders of the Russian emigration of great importance was geographic position of Finland as of the country, which bordered on Russia and had the longest frontier with the Soviet Union among all its European neighbors. The Finnish special services, for their part, were interested in using the emigrants from Russia for conducting intelligence activity against the USSR. In general, however, political activities of the Russian

emigration in Finland turned out to be ineffective and did not justify the hopes placed on them. By the middle 1930s these activities almost came to naught.

Ключевые слова: Русская эмиграция, советско-финляндские отношения, разведывательная деятельность, политическая пропаганда.

Keywords: Russian emigration, Soviet-Finnish relations, intelligence activities, political propaganda.

Партала М. А. Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): новые материалы к биографиям офицеров

Статья посвящена истории радиоразведки Русского флота в период Первой мировой войны. Представлены новые материалы к биографиям офицеров, которые дополняют существующую базу персоналий.

Partala M. A. Radio intelligence of the Russian fleet on the Baltic Sea (1914–1917): new data for the biographies of officers

The article is devoted to the history of Russian Navy radio intelligence during WW1. Presents new data for the biographies of naval officers that complement the existing database of personalities.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский флот, Балтийское море, радиоразведка, персоналии, И. М. Ямченко, Е. И. Максимов, О. О. Проффен.

Keywords: World War I, Russian Navy, Baltic Sea, radio intelligence, personalities, I. M. Yamchenko, E. I. Maksimov, O. O. Proffen.

Петров П. В. Боевые действия советских войск в Петергофе и Стрельне в сентябре–октябре 1941 года

В сентябре 1941 года немецкие войска прорвались к Ленинграду и окружили часть советских войск фронта в районе Ораниенбаума, где образовался отдельный плацдарм. Все побережье от Петергофа до Ленинграда оказалось занято немецкими войсками. Командование Ленинградским фронтом решило прорвать линию немецкой обороны в Петергофе и Стрельне и с этой целью предприняло ряд наступательных операций. В городе Петергофе был проведен ряд атак сухопутных войск на немецкую оборону и высажен морской десантный отряд. В районе поселка Стрельна были высажены десанты из состава войск НКВД и морской десант, с целью соединения с сухопутными войсками. Все эти операции имели своей целью соединение войск 8-й и 42-й армий и прорыв блокады под Ленинградом. Однако в силу плохой подготовки и превосходства противника в силах все эти боевые операции закончились провалом. Поэтому прорвать кольцо немецкой блокады к западу от Ленинграда в 1941 году не удалось.

***Petrov P. V.* Combat actions of the Soviet troops in Peterhof and Strelna in September-October 1941.**

In September 1941, German troops broke through to Leningrad and surrounded part of the Soviet front in the area of Oranienbaum, where a separate springboard was formed. The entire coast from Peterhof to Leningrad was occupied by German troops. The command of the soviet Leningrad front decided to break through the line of German defense in Peterhof and Strelna, and for this purpose undertook a number of offensive operations. In the city of Peterhof, a number of ground attacks on German defense were carried out and a naval landing force was planted. In the vicinity of the village of Strelna landing forces from the NKVD troops and Red Banner Baltic fleet were landed on shore, in order to join the ground forces. All these operations were aimed at uniting the armies of 8 and 42 armies and breaking through the blockade near Leningrad. However, due to the poor preparation and superiority of the enemy in the forces, all these military operations ended in failure. Therefore, it was not possible to break through the German blockade to the west of Leningrad in 1941.

Ключевые слова: Ленинградский фронт, армия, наступление, дивизия, Краснознаменный Балтийский флот, десант, побережье.

Keywords: Leningrad front, army, offensive, division, Red Banner Baltic fleet, landing force, coast.

***Петрова А. А.* Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в восприятии испанских дипломатов второй половины XIX века**

В статье анализируется взгляд испанских дипломатов, представлявших интересы Испании в России после восстановления дипломатических отношений между двумя странами в 1856 г., на ситуацию в Великом княжестве Финляндском во второй половине XIX в. Он несколько отличался от сложившихся в Европе негативных стереотипов восприятия и трактовки политики России в Польше, Балтии и Финляндии. В статье также рассматриваются факторы, которые повлияли на особенности восприятия представителями Испании в России проблемы положения Великого княжества Финляндского в составе Российской империи.

***Petrova A. A.* The Grand Duchy of Finland as a Part of the Russian Empire in the Perception of Spanish Diplomats in the Second Half of the 19th Century**

The paper analyzes the view of Spanish diplomats representing the interests of Spain in Russia after the restoration of diplomatic relations between

the two countries in 1856 of the situation in the Grand Duchy of Finland in the second half of the 19th century. It was some different from negative stereotypes existing in Europe as to the perception and interpretation of Russia`s policy in Poland, Baltic states and Finland. The paper also considers the factors that influenced the specifics (peculiarity) of how Spanish representatives in Russia perceived the situation problems of the Grand Duchy of Finland after its annexation to Russia.

Ключевые слова: Великое княжество Финляндское, Россия, Испания, испанские дипломаты, вторая половина XIX века.

Keywords: Grand Duchy of Finland, Russia, Spain, Spanish diplomats, second half of the 19 th century.

Садомцева А. Р. Шведско-американские отношения сквозь призму «финляндского вопроса» во время Второй мировой войны (22.06.1941 г. — 19.09.1944 г.)

Статья посвящена рассмотрению роли «финского вопроса» в шведско-американских отношениях в период с 22 июня 1941 г. до 19 сентября 1944 г. Вступление Финляндии в войну против Советского Союза в июне 1941 г. повлекло новые отступления Швеции от провозглашенной в начале Второй мировой войны политики нейтралитета. Положение Швеции усложнялось не только давлением со стороны агрессоров, но и возможными ответными действиями Великобритании и США на уступки, сделанные шведской стороной, что могло быть достаточно опасным для Швеции. Вместе с тем, развитие финского вопроса в шведско-американских отношениях получило лишь после вступления США в войну в декабре 1941 г. 16 декабря 1941 г. шведы, заключив очередное торговое соглашение с Великобританией, пошли на уступку союзникам. Они признали Финляндию воюющей страной, из чего следовало, что Швеция официально отказывалась продавать финнам военные материалы. До лета 1942 г. в шведско-американских отношениях возникали некоторые недопонимания в рамках развития «финского вопроса». США волновал транзит людей и снабжения через шведские железные дороги для германских вооруженных сил в Финляндии. Соединенные Штаты внимательно следили за шведско-финляндскими отношениями, главным образом за транзитом германских материалов в Финляндию через Швецию. Для регулирования данного вопроса американская сторона использовала экономические рычаги давления и показывала недовольство относительно предоставления помощи Швецией блоку агрессоров.

В ходе коренного перелома во Второй мировой войне финское правительство стремилось найти возможные пути выхода из войны. Одним из возможных посредников между Финляндией и Советским Союзом могли стать Соединенные Штаты, которые уделяли доста-

точно внимания участию Финляндии в войне. Вместе с тем, обнаружив в тот момент, что стороны не смогут прийти к согласию, США более не принимали на себя посреднические функции. Напротив, Соединенные Штаты подталкивали правительство Швеции к посреднической миссии в советско-финляндском конфликте, усиливая нажим на Швецию.

Когда Швеция встала на путь активного посредничества между Советским Союзом и Финляндией зимой 1943–1944 гг., нажим правительства Соединенных Штатов на шведскую сторону значительно уменьшился. Главным камнем преткновения для шведско-американских отношений оставалось пособничество Швеции нацистской Германии, «финский вопрос» в их взаимоотношениях постепенно изживал себя на исходе участия Финляндии во Второй мировой войне.

Sadomceva A. R. Swedish-American relations through the prism of the «Finnish question» during the Second World War (22.06.1941–19.09.1944)

The article deals with the role of the «Finnish question» in the Swedish-American relations during 22.06.1941- 19.09.1944. The entry of Finland into the war against the USSR in 1941 entailed other Swedish digressions from its neutrality because of the important strategic position of Sweden in German plans. The position of Sweden was complicated also because of possible American or British pressure. However, the «Finnish question» in the Swedish-American relations was developed after the entry of the USA in the Second World War. 16.12.1941 Sweden gave in to American demand and admitted Finland as the belligerent. The Swedish-American relations were complicated, because the USA was upset on account of the transportation of German troops to Finland through Sweden. The USA used economic instruments to regulate this question.

During 1942–1943 the government of Finland tried to find possible ways to withdrawal from the war. One of the mediators between the USSR and Finland could be the USA. However, the government of the USA found out that the belligerents could not come to the settlements in the soviet-finish conflict. Sweden began to mediate actively between the USSR and Finland in the end of 1943. As a result, the pressure of the USA on Sweden had reduced. Consequently, the «finish question» in the American-Swedish relation had been outdating during 1944.

Ключевые слова: Швеция, США, Финляндия, Вторая мировая война, шведско-американские отношения.

Kewwords: Sweden, the USA, Finland, the Second World War, Swedish-American relations.

Славнитский Н. Р. **Обеспечение обороны Санкт-Петербурга во время операции в Финляндии в 1712 г.**

В работе рассматривается вопрос об обеспечении тыла и безопасности Санкт-Петербурга в период наступательной операции в Финляндии. В Финляндию были направлены все боеспособные части, имевшиеся в Ингрии, и защита берегов Невы была возложена на полки, которые должны были подойти из Новгорода. Те части не успели своевременно подойти, и находившиеся в столице члены царской семьи оказались в какой-то момент практически без охраны.

В результате все обошлось благополучно, однако ситуация наглядно продемонстрировала проблему, с которой в то время столкнулся Петр I и его окружение. Сил на наступательную операцию и надежное обеспечение тыла явно не хватало, и приходилось подтягивать подкрепления из других местностей, что тоже оказалось не так просто сделать. Причиной недостатка сил стало, с одной стороны, увеличение территории (после блестящей кампании 1710 года), которую было необходимо охранять, а с другой стороны, существенная убыль в полках, которая произошла в ходе эпидемии чумы в том же 1710 году. На это наложилась реорганизация полков, производившаяся в 1711–1712 гг., и к началу боевых действий в Финляндии навести порядок, по всей видимости, не успели.

Slavnitsky N. R. **Provision of defense of St. Petersburg during the operation in Finland in 1712**

The paper considers the issue of providing rear and security of St. Petersburg during the offensive operation in Finland. All the combat units in Ingria were sent to Finland, and the protection of the banks of the Neva was entrusted to regiments that were to come from Novgorod. Those parts did not have time to come in time, and the members of the royal family, who were in the capital, were practically unguarded at some point.

As a result, everything went smoothly, but the situation clearly demonstrated the problem that Peter I and his entourage encountered at the time. Forces for the offensive operation and reliable support for the rear clearly did not suffice, and it was necessary to pull up reinforcements from other areas, which was not so easy to do either. The reason for the lack of forces was, on the one hand, the increase in territory (after the brilliant campaign of 1710), which needed to be guarded, and, on the other hand, a significant decrease in the regiments that occurred during the epidemic of the plague in the same 1710. This was the result of the reorganization of the regiments, which was being carried out in 1711–1712, and, apparently, did not manage to restore order to the beginning of hostilities in Finland.

Ключевые слова: Северная война, Санкт-Петербург, Выборг, Ф. М. Апраксин, И. И. Бутурлин, М. О. Чемесов.

Keywords: Great Northern war, St. Petersburg, Vyborg, F. M. Apraksin, I. I. Buturlin, M. O. Chemesov.

Сутягина Л. Э. К вопросу сохранения национальной идентичности. Элементы шведского народного костюма в коллекции МАЭ РАН

Статья посвящена актуальным проблемам сохранения и аннотирования музейных коллекций. Музейные предметы по этнографии народов Скандинавии в собрании МАЭ РАН дают не только представление о традиционной культуре Швеции рубежа XIX–XX вв., но и помогают изучать этнос. Островные шведы региона Прибалтики сохраняли исконно народные традиции, которые являлись частью их в повседневной жизни. Именно об этом свидетельствуют элементы шведского народного костюма в коллекции МАЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН.

Sutyagina L. E. To the question of preserving national identity. Elements of the Swedish folk costume in the collection of the MAE RAS

The article is devoted to actual problems of preservation and annotation of museum collections. Museum subjects in ethnography of the peoples of Scandinavia in the collection of the MAE RAS give not only an idea of the traditional culture of Sweden at the turn of the XIX–XX centuries, but also help to study the ethnos. The island Swedes of the Baltic region preserved the traditional folk traditions that were part of them in everyday life. This is evidenced by the elements of the Swedish folk costume in the collection of the MAE (Kunstkamera) them. Peter the Great Institute of the Russian Academy of Sciences.

Ключевые слова: народный костюм, женский головной убор, традиционная культура, шведская идентичность, европейские этнографические коллекции, собиратели, домашнее ткачество.

Keywords: folk costume, huvudbonad, traditional culture, Swedish identity, European ethnographic collections, home weaving

Фруменкова Т. Г. П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы (1892–1916)

Статья посвящена деятельности П. Г. Ганзена, датчанина по происхождению, который в 1887–1917 гг. был российским подданным, по изучению и публикации в России сведений об основных принципах и организации системы призрения детей, оставшихся без попечения родителей, и помощи бедным в Скандинавских государствах и других

странах Западной Европы. В основу статьи положены труды П. Г. Ганзена, изданные в Санкт-Петербурге и отчасти в Москве, которые он подготовил по итогам командировок в страны Европы и в результате изучения трудов, выпущенных европейскими филантропами. Главной целью автора книг и брошюр являлось ознакомление русских властей и общества с европейскими принципами и практикой заботы о брошенных детях, которая казалась ему совершенной, даже их пропаганда в России.

Frumenkova T. G. **P. G. Hansen and his publications on the problems of care of orphans and helping the poor in Western Europe (1892–1916)**

The article is devoted to the activities of P. G. Hansen, a Dane by descent, who in 1887–1917 was a Russian citizen, for study and publication in Russia of information on the basic principles and organizations of care of children left without parental care, and assistance to the poor in Scandinavian countries and other Western European countries. The following material is based on works of P. G. Hansen, published in Saint-Petersburg and partly in Moscow, which he had prepared on the results of business trips in European countries and on a study of the works issued by European philanthropists. The main purpose of the author of books and brochures was to familiarize the Russian authorities and society with European principles and practice of caring for abandoned children, which seemed to him perfect, even its propaganda in Russia.

Ключевые слова: датчанин, Россия, Скандинавия, Западная Европа, публикации, принципы и система призрения детей, лишившихся попечения родителей, филантроп, помощь бедным.

Keywords: Danish, Russia, Scandinavia, Western Europe, the publication, the principles and system of care for children deprived of parental care, philanthropist, helping the poor.

Хуциева В. В. **Система коммерческих учебных заведений в Санкт-Петербурге и Финляндии в конце XIX в.: общее и различное в перспективах развития**

В данной статье анализируется малоизученный сюжет, связанный с функционированием профессиональной школы для подготовки коммерсантов в России и Финляндии в последние десятилетия XIX в. Показано влияние как политических и экономических кругов России, выразившихся в активном вмешательстве в круг вопросов организации коммерческого образования, так и противоречий, сложившихся внутри системы профессионального образования. Также предпринята попытка показать специфику Финляндии, где частные интересы не проигрывали борьбу государственным.

***Khutsieva V. V.* The System of Commercial Education in St. Petersburg and Finland at the end of the XIX century:the same and different aspects in development prospects.**

This article analyzes a little-studied plot connected with the functioning of a vocational school for the training of merchants in Russia and Finland in the last decades of the 19th century. The influence of both political and economic circles of Russia, expressed in the active intervention in the sphere of issues of the organization of commercial education, and the contradictions that have developed within the vocational education system is shown. Also an attempt was made to show the specifics of Finland, where private interests did not lose the fight to the state interests.

Ключевые слова: XIX век, коммерческое образование, Санкт-Петербург, Финляндия.

Keywords: XIX century, commercial education, Finland, St. Petersburg.

***Шувалова А. Н.* Ученые Финляндии в Олонецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в.**

Статья посвящена деятельности ученых Финляндии в Олонецкой губернии на рубеже XIX — XX веков. В Карелию отправлялись для своих научных изысканий профессора, магистры и студенты Александровского университета (проф. Г. П. Норлин, проф. В. Рамзай, И. И. Куйола, Д. Сальберг, А. Генец, И. Э. Росберг, Г. Карьялайнен, У. Картунен), литераторы (И. К. Инха). В Карелии они производили исследования в следующих направлениях: этнография, лингвистика, минералогия, геология, ботаника. Статья основана на документах Национального архива Республики Карелия.

***Shuvalova A. N.* Scientists of Finland in the Olonets province in the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries.**

The article is devoted to the activity of scientists of Finland in the Olonets province at a turn of the 19th and 20th centuries. Professors, master's and students of the Aleksandrovsky University (prof. G. P. Norlin, prof. V. Ramsay, I. I. Kujola, D. Salberg, A. Genz, I. E. Rosberg, G. Karjalainen, U. Cartunen), writers (I. K Incha) went to Karelia for the scientific research. They made researchers in the following areas: ethnography, linguistics, mineralogy, geology, botany. The article is based on the documents of the National Archives of the Republic of Karelia.

Ключевые слова: ученые, Финляндия, Олонецкая губерния, Александровский университет.

Keywords: scientists, Finland, Olonets province, Aleksandrovskiy university.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Базарова Татьяна Анатольевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН tbazarova@yandex.ru

Барышников Владимир Николаевич, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета. vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Векшин Алексей Павлович, a468@yandex.ru

Возгрин Валерий Евгеньевич, д. и. н., профессор Института истории СПбГУ, valerijvozgrin@mail.ru, v.vozgrin@spbu.ru

Вострое Алексей Владимирович, Санкт-Петербургский политехнический университет, alex.sinkriver@gmail.com

Гехт Антон Борисович, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, a.geht@yandex.ru

Гребенщикова Галина Александровна, д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, inversiya@bk.ru

Жаров Борис Сергеевич, к. филол. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета. bzharov@gmail.com

Иванников Никита Сергеевич, Санкт-Петербургский Политехнический университет, ivannikov.n78@gmail.com

Ивлева Светлана Евгеньевна, Государственный Русский музей, ivlevasv@yandex.ru

Козлов Никита Олегович, Санкт-Петербургский государственный университет, koylov1725@gmail.com

Кривдина Ольга Алексеевна, к. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при РАХ, olgakrivdina@yandex.ru

Лебедев Алексей Анатольевич, к. и. н., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения. aalebedew@ya.ru

Лобанова Дарья Ростиславовна, Санкт-Петербургский государственный университет, d.lobanova@spbu.ru

Мельнов Алексей Витальевич, Выборгский объединенный музей-заповедник, alexmelnov@yandex.ru

Михайловская Анастасия Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет anmikh191196@yandex.ru

Мусаев Вадим Ибргимович, д. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, vmusaev62@mail.ru

Партала Михаил Анатольевич, к. т. н., доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, par_ma@mail.ru.

Петров Павел Владимирович, д. и. н., Государственный музей-заповедник «Петергоф», kbf1939@rambler.ru

Петрова Ариадна Александровна, к. и. н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, ariadnapetrova@yandex.ru; a.petrova@spbu.ru

Проскурякова Мария Евгеньевна, к. и. н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, m-proskuryakova@mail.ru

Садомцева Анна Романовна, Санкт-Петербургский государственный университет, sadomtzeva-ann@mail.ru

Славнитский Николай Равильевич, к. и. н., Государственный музей истории Санкт-Петербурга, slavnitski@bk.ru

Фруменкова Татьяна Георгиевна, frumentat@yandex.ru

Хуциева Виктория Валерьевна, к. и. н., доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, russ-kafedra@yandex.ru

Цверианашвили И. А. Санкт-Петербургский университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

Шувалова Анастасия Николаевна, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, nastia_220295@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Baryshnikov Vladimir N., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

Bazarova Tatiana A., PhD (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, tbazarova@yandex.ru.

Frumenkova Tanjana G., PhD (History), associated professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, frumentat@yandex.ru

Gekht Anton B., PhD (History), associate Professor of The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, a.geht@yandex.ru

Grebenshchikova Galina A. PhD (History), professor of Saint-Petersburg State Marine University, inversiya@bk.ru

Ivannikov Nikita S., St. Petersburg Polytechnic University, ivannikov.n78@gmail.com

Ivleva Svetlana E., The State Russian museum, ivlevasv@yandex.ru

Khutsieva Victoria V. PhD (History), associate Professor of Saint-Petersburg State Marine Technical University, russ-kafedra@yandex.ru

Kozlov Nikita O. Saint Petersburg State University, koylov1725@gmail.com

Krivdina Olga A., PhD (art critic), professor at the Russian Art Department of the Repin State Academic Institute of Painting, olgakrivdina@yandex.ru

Lebedev Aleksey A., PhD (History), St. Petersburg State University of Film and Television, aalebedew@ya.ru

Lobanova Darja R., Saint Petersburg State University, d.lobanova@spbu.ru

Melnov Alexey V., Vyborg museum alexmelnov@yandex.ru

Mikhailovskaia Anastasija A., Saint Petersburg State University, anmikh191196@yandex.ru

Musaev Vadim I., PhD (History), the St.-Petersburg institute of a history of the Russian Academy of sciences. vmusaev62@mail.ru

Partala Mikhail A., Ph.D., associated professor of St. Petersburg State Electrotechnical University, par_ma@mail.ru

Petrov Pavel V., PhD (History), The State museum-reserve «Peterhof», kbf1939@rambler.ru

Petrova Ariadna A., Phd (History), Associated Professor of Saint-Petersburg State University, ariadnapetrova@yandex.ru; a.petrova@spbu.ru

Proskuryakova Maria E., PhD (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, m-proskuryakova@mail.ru

Sadomceva Anna R., Saint Petersburg State University, sadomtzeva-ann@mail.ru

Shuvalova Anastasiia N., Herzen State Pedagogical University of Russia, nastia_220295@mail.ru

Slavnitsky Nikolai R., PhD (History), State Museum of History of St. Petersburg, slavnitski@bk.ru

Sutyagina L. E., PhD (Philosophy), Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)

Tsverianashvili I. A., The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications,

Vekshin Alexey P., a468@yandex.ru

Vostrov Alexey E., St. Petersburg Polytechnic University, alex.sinkriver@gmail.com

Vozgrin Valeriy Je., PhD (History), professor of Saint Petersburg State University. vozgrin60@mail.ru

Zharov Boris S., PhD (Philology), associated professor of Saint Petersburg State University. bzharov@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6
Preface 8

ЛЮДИ И СОБЫТИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

А. В. Мельнов
Лоренц Кристофер Стобеус — начальник Выборгской фортификационной команды 1702–1710 гг. 10

О. А. Кривдина
Ученик и учитель: Бертель Торвальдсен и Борис Орловский. 18

А. Б. Гехт, И. А. Цверианашвили
Ханс Кристиан Эрстед: вехи биографии и научной деятельности . . . 25

С. Е. Ивлева
Гравер-иллюстратор Лаврентий Серяков (1824–1881) и Константин Клодт. Ученик и учитель 31

В. И. Мусаев
Политическая активность русской эмиграции в Финляндии в 1920–1930-е гг. 36

ЭКОНОМИКА, ВОЙНА И ПОЛИТИКА

Н. Р. Славнитский
Обеспечение обороны Санкт-Петербурга во время операции в Финляндии в 1713 г. 53

А. В. Востров
«Ключ от Стокгольма»: Аландские острова в период русско-шведских войн 1700–1809 гг. 60

В. Е. Возгрин
Закат Датской колониальной империи 72

А. А. Михайловская
Шведский «активизм» в начале Первой мировой войны 82
Садомцева А. Р.
Шведско-американские отношения сквозь призму «финского вопроса» (22.06.1941 г. — лето 1943 г.) 87
Иванников Н. С.
Критика партии «Шведские демократы» по социально-политическим пунктам программы на современном этапе 99

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ: СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

А. А. Лебедев
Об одном достижении России в годы Северной войны и его последствиях 105
Г. А. Гребенщикова
Военное противостояние России и Швеции под Выборгом в 1790 г. 114
М. А. Партала
Радиоразведка Русского флота на Балтийском море (1914–1917): новые материалы к биографиям офицеров 134
Д. А.Бажанов
Февральская революция в Гельсингфорсе: столица Финляндии 3–5 марта 1917 г. 153
П. В. Петров
Боевые действия в Петергофе и Стрельне в сентябре — октябре 1941 года. 177

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗГЛЯДЫ И ОЦЕНКИ

В. Е. Возгрин
Средневековые *litterati* и *illitterati* в скандинавской и иных культурах 196
В. Н. Барышников
К вопросу о роли и значении дореволюционной российской историографии в изучении стран Северной Европы и формировании современной скандинавистики 215
Т. А. Базарова, М. Е. Проскурякова
«Топографическое описание Выборгского наместничества» (1786) из собрания Воронцовых. 232
А. А. Петрова
Великое княжество Финляндское в составе Российской империи в восприятии испанских дипломатов второй половины XIX в. 245

Н. О. Козлов
Шлезвиг-Гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия 256
Д. Р. Лобанова
Современные отечественные исследования о проблеме независимости и гражданской войне в Финляндии 264

НАУКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Т. Г. Фруменкова
П. Г. Ганзен и его публикации по проблемам призрения детей-сирот и помощи бедным в странах Западной Европы и России (1892–1916) 276
В. В. Хуциева
Система коммерческих учебных заведений в Санкт-Петербурге и Финляндии в конце XIX в.: общее и различное в перспективах развития 288
Л. Э. Сутягина
К вопросу сохранения национальной идентичности. Элементы шведского народного костюма в коллекции МАЭ РАН 298
А. Н. Шувалова
Ученые Финляндии в Олонецкой губернии во второй половине XIX — начале XX в. 306
Б. С. Жаров
Петербургский турист в Скандинавии сто лет назад 311
А. П. Векшин
Природные ландшафты окрестностей Выборгской губернии Великого княжества Финляндского и Санкт-Петербургской губернии на фотографиях С. М. Прокудина-Горского 322

Резюме/Abstract 328
Краткие сведения об авторах 350
Information about authors 352

Санкт-Петербург
и
страны Северной Европы
19 (1), 2018
ISSN 2411-8796

Материалы Девятнадцатой ежегодной
международной научной конференции

Директор издательства Р. В. Светлов

Выпускающий редактор А. А. Галат
Корректор А. А. Борисенкова
Художник О. Д. Курта
Верстка Е. В. Владимировой

Подписано в печать 03.12.2017.
Формат 60× 84 $^{1}/_{16}$. Бум. офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Тираж 200 экз.
Заказ № 653

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии.
Факс: (812) 311-30-75; тел.: (812) 310-79-29
email: editor@rhga.ru. URL: http://irhga.ru

Отпечатано в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199